

Н О В Ъ Й Ш І Й, СА М Ы Й П О Л Н Ы Й И П О Д Р О Б Н Ы Й П И С Ь М О В Н И К Ъ,

или ВСЕОБЩІЙ СЕКРЕТАРЬ,
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

СОДЕРЖАЩІЙ ВЪ СЕБѢ

П И С Ь М А

всякаго рода, въ общежитіи употребляемыя и приспособленныя ко всѣмъ случаямъ и обстоятельствамъ, съ предварительными правилами и наставленіями сочиняшь и пишашъ всякія письма къ разнымъ особамъ и о разныхъ предметахъ; съ приобзвоченіемъ примѣрныхъ писемъ Великихъ Особъ, какъ то: Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, Императора ПАВЛА I, — Иосифа II, Франца II, Людовика XV, Фридриха II, Елизаветы Англійской, Христины Шведской, Наполеона Бонапарте, — Графа Румянцова - Зюндгайского, Суворова-Рымникскаго, Князя Меншикова, Пашкуля, — Принца Кобургскаго, Принца де Линя, Принцессы Гонзагъ, Лорда Нельсона, Барона Штакельберга; — Ученыхъ: Фенелона, Боало, Расина, дю Папи, Ганганелли, Честерфильда, Вольтера, Руссо, Веля, Шафтсбури, Юнга, Фоншенеля, Г-жи Франквиль, Помпадуръ, Фукешъ, дю Моншье, Попе, Гервея, Карамзина, Сумарокова, Богдановича, Муравьева, Хованскаго, Майкова и прочихъ.

Съ описаніемъ торговли и ярмарокъ, и съ образцами коммерческихъ писемъ.

Сб наставленіемъ и формами

писать всякія записи, контракты, вѣрющія письма, свидѣтельства, формы векселей, таблицы о процентахъ, росписки, паспорта, доношенія, объявленія, указы-духовныя и просьбы, до Присудственныхъ Мѣстъ принадлежащія, и проч. и проч.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ Типографіи Императорскихъ Театровъ,

1822.

Вновь напечатать позволено:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Апрѣля 22 дня, 1821 года.

*Цензоръ Статскій ~~Совѣтникъ~~ и Кавалеръ
Ив. Тимковской.*

П Р А В И Л А

О СОЧИНЕНІИ ПИСЕМЪ.

(Изъ Галлерта и Баттё).

Научившись пріятно и правильно чипашь, должно обратишь вниманіе къ искусству писать письма: ибо оно есть способъ, которымъ почти всѣ связи въ общежитіи содержатся.

Римляне причисляли сіе искусство къ изящнымъ и свободнымъ искусствамъ, какъ то одинъ изъ переводчиковъ Плиніевыхъ писемъ замѣсилъ. Цицеронъ, знаменитый Орапоръ Римскій, въ письмѣ своемъ къ Аппику, съ удовольствіемъ упоминаетъ о полученномъ отъ сына своего опытѣ способности его къ сочиненію писемъ. Кажется, у Римлянъ сославляло оно часть воспитанія; а по мнѣнію Локкову, заслуживаетъ мѣсто и въ нынѣшнемъ воспитаніи. „Искусство писать письма,—говоритъ сей остроумный Писатель,—имѣетъ поль, „великое вліяніе на всѣ случаи жизни, что „всякой необходимо долженъ употреблять „сей родъ сочиненія. Въ письмахъ подвер, „гаемъ мы свое воспитаніе, разумъ и спо, „собности спрочайшимъ замѣчаніямъ, не, „жели въ разговорѣ.“

За нѣсколько времени предъ симъ Англичане жаловались, что на ихъ языкѣ мало писателей, копорыхъ бы можно брать за образецъ въ писаніи писемъ. Кромѣ Темпеля не имѣли они никого другаго. Однакожь и въ сей часпи лишперашуры, равно какъ и въ другихъ, если Англичане не превзошли сосѣдей своихъ Французовъ, то по крайней мѣрѣ сравнялись съ ними. Они по справедливости могутъ пославить своего Ричардсона, Свифта, Попа и Грея въ сравненіе съ Кревильономъ, Вольперомъ и Маркизою Севинье.

Если (въ какомъ нибудь слогѣ правила не только безпрелзны, но и вредны бытъ могутъ, то сіе особливо можно сказать о письмахъ. *Письма суть разговоры между отсутствующими*: почему и выраженія въ нихъ должны бытъ почти такія же, какія употребляются въ разговорахъ; а въ простомъ разговорѣ можно безъ принужденія говорить по правиламъ искусства.

Сіе общее понятіе о письмахъ даетъ имъ излишнюю свободу. Безъ сомнѣнн должно писать ихъ такъ, какъ обыкновенно говоришь, если только хорошо говоришь. Языкъ простаго разговора имѣетъ свои погрѣшности, которыя легко извиняемы бывающъ; но въ письмѣ такія погрѣшности неизвинительны. На сочиненіе письма употребляется болѣе времени: можно съ большею точностію наблюдать

по, что пишешь; въ письмѣ мы какъ бы высказываемъ собственный свой порпретъ, и одной ложной черпы, можешь бытъ, довольно къ тому, чтобы подашь о себѣ невыгодное мнѣніе. И такъ письма надобно писать съ большею осомпришельностію, нежели говорить. Не опасаясь принужденности, можно употреблять въ нихъ болѣе раченія въ выборѣ мыслей и словъ, въ оборотахъ и связи оныхъ.

Письмо есть свободное подражаніе хорошему разговору. Замѣтивъ сіе, получишь нѣкоторую способность избѣгать, какъ излишняго искусства и принужденности, такъ и слишкомъ обыкновенныхъ и скучныхъ оборотовъ. Въ письмѣ хотя употребляются простые слова, но въ такомъ расположеніи и связи, что вмѣсто обыкновеннаго тона опличаются нѣкоторою напуральною спройностію. Слишкомъ глубокія мысли и весьма тонкіе вымыслы безобразяють письмо; но украшаютъ его такія мысли, которыя сами встрѣчаются и нравятся нѣкоторымъ видомъ простосердечія, пріятной хитрости, живости или небрежности.

Естественный слогъ писемъ состоить не только въ легкости и ясности, но въ выборѣ мыслей, сообразныхъ содержанию и могущихъ выражать предметъ съ точностію, краткостію и живостію. Мысли, въ которыхъ нѣтъ ничего болѣе, кромѣ понятности, дѣлають слогъ слабымъ;

а` такія мысли, которыя читающій письмо и ошь себя могъ бы прибавить, либо такія, которыя не служатъ къ скорѣйшему и сильнѣйшему развитію понятія, въ самомъ дѣлѣ дѣлающъ слогъ скучнымъ и распянутымъ.

Искусственный методическій порядокъ и слишкомъ щцательное расположеніе споль же неприличны въ письмѣ, какъ и въ простомъ разговорѣ. Въ письмѣ главный предметъ обыкновенно ставится прежде всего; потомъ выражаются понятія, какъ онѣ въ умѣ раждаются; а оканчивается письмо тогда, какъ разсудится, что все нужное уже сказано. Слишкомъ долгія письма по большой части бывающъ неприяпны. Непринужденный приспупъ къ главному предмету въ самомъ началѣ во многихъ случаяхъ бываетъ лучше всего; на пр. *отъ васъ зависитъ теперь счастье моей жизни; или: никто не можетъ болѣе меня радоваться счастливой перемѣнѣ вашихъ обстоятельствъ.* Слишкомъ обыкновенное вспупленіе часто бываетъ причиною, что письма почти совсѣмъ не читающъ. Хотя съ добрымъ намѣреніемъ, но не кспати совѣщуютъ молодымъ людямъ, употребляющъ въ письмахъ силлогизмы, хриі порядочныя и превращенныя. Это въ самомъ началѣ можетъ спнннть всю живость и свободу, которая въ письмахъ споль пріяпна.

Не трудно увѣришься въ томъ, что лучшія письма какъ древнія, такъ и новыя писаны не по строгой мѣродѣ. Сіи образцы могутъ быть весьма полезны начинающимъ упражняться въ письмахъ, если они будутъ обращать вниманіе на мѣста, писанныя естественнымъ слогомъ и часто одною простотою своею нравящаяся; если станутъ извлекать содержаніе такихъ писемъ, и разсматривать, какъ Сочинитель предлагалъ и оживилъ оное; если сами будутъ писать о той же матеріи для упражненія, и научатся знать красоты и недосапки письма.

Принимаясь писать письма, должно позабыть сіи примѣры, чтобы не подражать имъ принужденно, а слѣдовать только натуральной своей способности, своему образу мыслей и выраженія. Не надобно далеко искапать мыслей и словъ: онѣ находятся въ самомъ существѣ дѣла и въ свойствахъ пишущаго. Не наблюдая сего, выступишь изъ предѣловъ естественнаго слога. Мысли въ письмахъ по большей части бывають производимы шѣми самыми случаями, при которыхъ пишемъ. И такъ, для обогащенія себя мыслями, должно внимательно замѣчать мѣлкія обстоятельствоваго случая, о которыхъ хотимъ писать. Нѣжное и живое ощущеніе самыхъ легкихъ, тонкихъ и нужнѣйшихъ понятій, въ какомъ либо дѣлѣ, сообщаетъ письму легкость, живость и пріятность.

Письма столько же многообразны, сколько различны предметы для разговоровъ. Но шѣ изъ нихъ, въ копорыхъ дѣйствуюеть какая-либо *страсть*, естественнѣе всякихъ другихъ. Въ сихъ письмахъ надлежитъ давать сердцу говорить болѣе, нежели разуму, оспрошы же совсѣмъ не упошреблять, или упошреблять съ крайнею оспорожностію. Въ нихъ не должно привязываться къ искусству и спрогому порядку. Кто въ самомъ дѣлѣ чѣмъ нибудь пронуть, шопъ не можетъ думать о вымыслахъ и методическомъ порядкѣ, а занимается шолько своимъ предметомъ. Мысли его суть скорыя и невольныя впечатлѣнія чувствованій; пошому и выраженія, подобно чувствованіямъ, будучи сильны и перерывчивы, оплщаются красошами, не заимствованными опъ искусства.

Когда надобно хвалить, одобрять, поздравлять, или изъяслять должную благодарность, шогда можно дать свободу перу своему безъ дальняго сомнѣнія; шогда не подвергнешься опасности оскорбить шого человека, къ копорому пишешь. Хотя люди, имѣющіе тонкой и разборчивой вкусъ, не будутъ совершенно шѣмъ довольны; но много ли такихъ людей? Да и они легко извиняють не слишкомъ тонкія выраженія за доброе намѣреніе. Вообще надобно, сколько можно, знать образъ мыслей шого, къ кому пишешь. Имѣя дѣло съ человекомъ великаго ума и тонкихъ чувствова-

ній, должно осперегаться, чтобъ не на-
скучишь ему излишними привѣтствіями и
льстивыми похвалами. Всѣ выраженія дол-
жны бытъ избираемы со всевозможною
точностію. Надобно наблюдать уваженіе
не только къ особѣ, къ копорой пишемъ,
но и къ самимъ себѣ. Но кто не имѣетъ
высокаго образа мыслей и пребуетъ въ
письмахъ обыкновенныхъ учтивостей, тому
можно дѣлать желаемое имъ удовольствіе,
если хошимъ доспигнуть своего намѣре-
нія.

Въ письмахъ, заключающихъ въ себѣ
повѣствованіе, главные достоинства суть
краткость и ясность. Для пріобрѣтенія
сихъ оплчій попребень вкусъ и способ-
ности. Надобно умѣть разбирать обстоя-
тельствва, принадлежащія къ дѣлу. Не
должно нарушать порядка, въ какомъ онѣ
одно за другимъ слѣдовали; нѣкоторыя
изъ нихъ надлежитъ выпускать, а другія
соединять, особливо же описывать живо.
Есть еще и другіе способы къ сообщенію
пріятности такимъ письмамъ, какъ по-
вмѣшивать въ повѣствованіе небольшія раз-
сужденія и замѣчанія. Но сему учатся болѣе
изъ примѣровъ, нежели изъ правилъ.

Нѣкоторыя письма пишущся только
для забавы. Тогда позволено употреблять
острые вымыслы съ начала до конца письма,
если матерія, о копорой пишемъ, шер-
питъ оныя, и если выдумки сами по
себѣ хороши. Такое письмо въ самомъ

дѣль есть замысловатое сочиненіе въ видѣ письма. Если сіи замысловатыя письма бывають многоразличнаго содержанія, то пишущія съ непримѣтнымъ почти искусвомъ; въ прошивномъ же случаѣ и онѣ скоро могуць наскучить. Если хочешь шупить, или предметы свои представлять въ забавномъ видѣ, или сказать смѣшное на чей нибудь счетъ: то потребна вся возможная оспорожность, чпобы шупки не казались принужденными, или чпобъ не замѣшили склонноспію къ злорѣчию и насмѣшкамъ.

Наконецъ оспаеся еще упомянуть, чпо въ письмахъ не должно забываць выраженій, сообразныхъ съ правилами опечесивеннаго языка. Хопя и позволено иногда, съ крайнею однакожь бережливоспію и благоразуміемъ, упошребляць нѣкопорые иносшраннѣе обороты въ словахъ; но можно изьявляць благодарность свою и не пылая сердетною признательностію; не опъ всего приходитъ въ восторгъ; не все называць безлодобнымъ и отаровательнымъ; не именоваць женщинъ существами обожанія достойными; не обливацься слезами при всякомъ огорченіи; не поспавляць себѣ за стастіе и геть быць покорнѣйшимъ слугою всякаго; упошребляць имя Божіе прямо, гдѣ только совѣсть позволяеть, а не испрашиваць чего нибудь у небесъ.

НАСТАВЛЕНІЕ

какѣ должно образовать себя въ
письменномѣ слогѣ,

I.

О письмахъ вообще.

Письма изобрѣнены для сообщенія мыслей своихъ другимъ. Онѣ служатъ вмѣсто успешнаго разговора, и какъ бы передъ глаза представляють людей, удаленныхъ другъ отъ друга, даже на великое распояніе. — Изобрѣненіе писемъ должно опнести къ опдаленной древности; сначала онѣ вѣрно были самыя простыя. Другъ писалъ письмо къ своему искреннему, желая увѣдомить его о происшествіяхъ какъ общихъ, такъ и частныхъ, любопытныхъ для него, или чшобъ дашь знать ему о намѣреніи, въ копоромъ пошь принимаетъ участіе. Сей новый способъ изъясняшься понравился всѣмъ; наконецъ дошло до того, чшо нѣль ничего обыкновеннѣе, какъ писать письма. Не смотря на то, писать *письма хорошія*, есть дѣло весьма необыкновенное. Чшобъ научиться хорошо писать ихъ, нужно имѣть

основательныя правила и имъ слѣдовать; нужно имѣть хорошіе примѣры и подражать имъ. Для сего-то, предлагая сію книгу, подъ названіемъ: *Новый Всеобщій Секретарь, или Полный Письмовникъ*, приобщимъ наставленіе, содержащее главныя правила письменнаго слога.

Желающій порядочно писать письма, долженъ замѣчать двѣ главныя вещи: *матерію*, или содержаніе писемъ, и *форму*, или расположение матеріи.

Матерія писемъ есть все то, что случается въ разговорахъ; все то, что можно сказать лично пріятелю, можно и написать къ нему во время разлуки, съ тою только оспорожностію, что не всегда должно вѣрять шайну свою бумагъ: она можетъ заперяться, или понасъя въ постороннія руки.

Сія матерія перемѣняется по различію писемъ, п. е. онѣ содержатъ или дѣла важныя, или однѣ учтивости. Онѣ бывають разныхъ родовъ, на примѣръ: иныя содержатъ увѣдомленіе, другія совѣтъ, повелѣніе, просьбу, рекомендацію; однѣ представляютъ услугу, другія жалобу, упрекъ, извиненіе и проч. и проч.

II.

О слоgѣ писемъ.

Письменный слогъ долженъ быть не слишкомъ высокъ, не принужденъ и не шуповской. Онъ долженъ быть проспъ, и похожъ на обы-

кновенный разговоръ, изображенный на бумагѣ. Чѣмъ простѣе, шѣмъ онъ пріятнѣе, шѣмъ ближе къ сердцу. Для него не нужны Риторическія фигуры: множество восклицаній, прозопопей, обращеній, равно какъ и длинные періоды, необходимые иногда въ другомъ родѣ сочиненій. Однакожъ, чтобъ писать просто и свободно, должно основательно знать свой языкъ, дабы не потерять равновѣсія, и поднавшись слишкомъ высоко, не подвернуться паденію.

Въ письмахъ, одну учтивость заключающихъ, сухость и бесплодность матеріи позволяется наградить выборомъ гладкихъ, занимательныхъ, не слишкомъ обширныхъ привѣтствій. Краткость придаетъ ясности, а потому и пріятности. Вездѣ должна быть примѣтна Грація, заманивающая къ чтенію. Ничто шакъ не противно слуху, какъ слова и обороты грубые и нескладные. Въ письмѣ не стараются наблюдать великой связи между частями онаго. Письмо есть картина словеснаго разговора, или нашего обращенія: слѣдовательно и небольшой беспорядокъ ему свойственъ, а особливо въ письмахъ, не одну матерію содержащихъ. Самой порядокъ описываемаго дѣла употребляется произвольно. Не смотря на шо, должно замѣшпшь:

1) Что не должно раздѣлять шого, что относится къ одному дѣлу, или къ одной особѣ.

2) Чшо не должно непосредственно связывать какого радостнаго извѣстія съ печальными обстоятельствоми. Начиная говорить о другой матеріи, должно сдѣлать примѣсное раздѣленіе.

Н. В. Вообще сказать можно, что если кто природою произведенъ для преобразованія слога, или для очищенія какого нибудь языка, то письма подадутъ ему лучшей къ тому случай. Тутъ болѣе мѣста, времени и свободы, чтобы показать свои дарованія.

III.

О благоприспособности, ясности и густотѣ писемъ.

Въ письмѣ должна быть благоприспособность, нужнѣйшее свойство онаго. Для сего надобно разбираться, кто мы, о чемъ пишемъ, гдѣ, куда и къ кому? Что приспосойно написать къ равному себѣ, то будетъ оскорбительно въ письмѣ къ Вельможѣ. Что прекрасно въ письмѣ старика и человѣка важнаго, то самое смѣшно въ письмѣ человѣка молодаго и нискаго рода и чина. О воинѣ говорить нельзя такъ, какъ говорятъ о женскомъ полѣ. Выходя изъ предѣловъ своего соспоянія, или не сохраняя должнаго почтенія къ достоинствамъ, можно навлечь на себя презрѣніе.

Письма должно писать слогомъ легкимъ и внятнымъ; но и ясность должно соображать съ умомъ пѣхъ, къ кому пишемъ; потому что одни понимаютъ легко все то, что для другихъ кажется труднымъ и запутаннымъ. — Ясности много помогаетъ краткость.

Надобно писать письма опрятно, безъ помарокъ и на хорошей бумагѣ. — Почеркъ въ письмѣ есть то, что пѣлдвиженіе и мины въ разговорѣ. Онъ не долженъ упомлять глазъ чинашеля: одинъ чистой почеркъ можетъ заманишь къ чпенію. — Можетъ случиться, что кто нибудь, разбирая нечоткое письмо, легко пропустишь очень нужное слово, или мысль.

IV.

О ф о р м ѣ п и с е м ѣ.

Черезъ слово *форма* разумѣется все то, что принадлежитъ къ порядочному сочиненію писемъ, выключая меперію.

Мы начнемъ съ частей письма, кои суть особенныя, или общія.

Особенныя части письма суть: вступленіе, разсужденіе и заключеніе.

Вступленіе обыкновенно содержишь какое нибудь небольшое привѣтствіе, чтобы снискать благосклонность той особы, къ ко-

порой пишемъ, также и главное предложеніе, о чемъ намѣрены писать. Но такое вступленіе употребляется не часто, и по развѣ въ письмахъ большихъ и о важныхъ вещахъ; въ другихъ же прямо приступаютъ къ матеріи.

Разсужденіе бываетъ различно; надобно соображаться съ матеріею, о которой пишемъ. Въ немъ не нужно много ломать голову для чрезвычайной связи; перо изображаетъ мысль, какъ она приходитъ въ голову. Только въ отвѣсахъ должно слѣдовать порядку того письма, на которое отвѣчаемъ; иногда употребляють переходъ, окончивъ одну матерію и начиная другую.

Въ обычай вошло вездѣ, чтобы въ заключеніи свидѣтельствовать свою признательность и усердіе, прибавляя нѣкоторое прошеніе къ Богу о благополучіи того, къ кому пишемъ. Тутъ должно стараться, чтобы наши выраженія не были старинныя и очень обыкновенныя, или нискія.

Общія же части письма суть: надпись, подпись, годъ, мѣсяць, число и адресъ.

V.

Должно ли трудиться надъ письмомъ?

Обыкновенно говорятъ, что письма должно писать свободно, не дѣлая себѣ принужденія. Это справедливо и ложно, смотря по тому, кто пишетъ. Справедливо для людей, довольно

обращавшихся въ свѣтъ, или знающихъ свѣтъ: они, взявшись за перо, пишутъ все сряду, и однакожь въ письмѣ ихъ болѣе порядку, нежели въ обыкновенныхъ разговорахъ; ложно для тѣхъ, кои мало обращались въ свѣтъ, и коихъ понятія представляются не съ такою ясностію, какая потребна для письма. Эпи должны болѣе шрудишься при сочиненіи письма; однакожь не должно забывать того, что чѣмъ болѣе шрудимся надъ письмомъ, тѣмъ неприемънѣе должно быть, что мы трудились. Мастерства состоишь въ томъ, чтобы скрыть искусство и подойти сколько можно ближе къ Природѣ: чтобы все казалось натуральнымъ, свободно излившимся; чтобы всякой могъ сказать, что эшаго иначе лучше выразить нельзя. Должно испытать себя, т. е. написать *вдрузѣ* и *скоро*, потомъ показывать написанное людямъ съ очищеннымъ вкусомъ. Если письмо назовушь хорошимъ, то должно продолжать писать точно такимъ же образомъ.

Есть люди, кои все стараются поправлять до тѣхъ поръ, пока все перепорпятся. Черезъ слово *вдрузѣ* и *скоро* не хочу сказать, что всякой безъ исключенія, взявшись за перо, пошчасъ можешъ писать, не размышляя о матеріи. Нѣкоторые могутъ; но для большей части людей должно сдѣлать прежде планъ въ головѣ, по крайней мѣрѣ тогда, когда позволяюшь обспоятельство. Прежде подумай, хорошо ли это выраженіе, нѣтъ ли лучшаго, почнѣйшаго; подумай, истинна ли мысль твоя,

благоприспойна ли, сообразна ли съ характеромъ и соспояніемъ того, къ кому пишешь, идешь ли къ своему дѣлу? подумай — и тогда клади на бумагу. Однакожь какъ шѣ, такъ и другіе должны употреблять слова въ собственномъ значеніи, избѣгать ненужнаго повторенія словъ, фразовъ и мыслей, должны оставлять излишніе, скучные приступы и обвѣшалаыя заключенія. Иные учителя столь строго соблюдаютъ сіе замѣчаніе, что не позволяютъ одного и того же слова употреблять въ письмѣ болѣе двухъ разъ, и то въ крайней нуждѣ. Знаки препинанія должно наблюдать строго: ошъ сего сохраняешь краскосшь, умножаешь ясность и пріятность.

VI.

Письма убедительныя

Служашъ для того, чтобы нашимъ знакомымъ дать знать, что происходитъ какъ по нашимъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ того, къ кому пишешь, или по дѣламъ постороннимъ.

Сей родъ писемъ болѣе всѣхъ употребителенъ, а потому онъ и простѣе всѣхъ. Матерія для нихъ уже готова; не нужно ломать головы надъ изобрѣшеніемъ; надобно только рассказать о происшествіи такъ, какъ оно случилось, какъ будто изустно, остерегаясь при томъ, чтобы не написать о такихъ вещахъ, кои намъ, или нашимъ друзьямъ и

всѣмъ невиннымъ людямъ, могутъ причинить вредъ; особливо наблюдать должно сію предосторожность, когда принуждены бываемъ упоминать о знашныхъ людяхъ, или о дѣлахъ Государственныхъ.

VII.

Письма, совѣтъ подающія.

Сіи письма бывають двухъ родовъ: однѣ пишутся по требованію у насъ совѣта, а другія безъ требованія.

Для первыхъ не нужно много искусства. Можно начать извиненіемъ въ недостаткѣ своихъ знаній для столь важной цѣли, и сказать, что другіе способнѣйшіе люди подали бы гораздо лучшей совѣтъ; но какъ при всемъ помъ перебуяють нашего мнѣнія, то мы не отказываемся сказать то, что великъ наше сердце. Тутъ можно объявить все, что почтемъ приличнымъ.

Тщательно надобно смотрѣть, чтобъ совѣтъ нашъ былъ приличенъ соспояннію и свойству того, къ кому оный посылаемъ. Заключение можно желаніемъ, чтобы принимаемое намѣреніе послужило въ его пользу.

Во второмъ случаѣ можно сказать, что мы не сомнѣваемся въ благоразуміи нашего друга; но зная, сколь важно для него предлежащее дѣло, мы надѣялись сдѣлать ему угожденіе, сообщивъ свои мысли, чего мы не сдѣ-

дали бы для другаго, котораго не столько любимъ. Мы надѣемся, что онъ хорошо приметъ искренность сердца, ему преданнаго. Потомъ можно приступить къ матеріи, и, предложивъ свое замѣчаніе, утверждать убедительными доводами, также показавъ, что нашъ совѣтъ не только честенъ, но и полезенъ. Приводя доводы, надобно смотрѣть, съ кѣмъ имѣемъ дѣло: люди добродѣтельные и знатные болѣе прогаются разсужденіемъ о чести; напротивъ того люди низкаго состоянія болѣе плѣняются выгодами; молодые люди стремятся къ пріятному, а старые къ полезному. Можно пріобщить, а особливо въ письмѣ къ почтенной особѣ, что мы отдаемъ на его благоразсужденіе слѣдовать совѣту, какому изволишь, и что сообщаемъ свои мысли не для предписанія, но чтобы онъ, сравнивъ ихъ съ шѣмъ, что внушитъ ему собственное его благоразуміе, или съ мыслями другихъ его пріятелей, могъ выбрать лучшее. А когда пишемъ къ тому, кто насъ ниже, или съ кѣмъ мы въ шѣсной связи, тогда можемъ напоминать, или даже и понуждать, чтобы онъ послѣдовалъ нашему плану, представляя, что безъ того со временемъ, можешь быть, спанешь раскаяваться.

VIII.

Письма увѣщательныя.

Онѣ пишутся къ такимъ, кои впади въ погрѣшеніе, чшобы показать ему оное, или принудишь къ исправленію. Не нужно много прудиться надъ вымысломъ ихъ, когда имѣемъ преимущественно передъ нѣмъ, кому дѣлаемъ выговоръ, и если не забошимся, въ какую бы спорону ни было принято наше увѣщаніе. Въ семъ случаѣ можно говорить откровенно; а описавъ и даже увеличивъ его проступокъ, представивъ, какое пятно наносится его добруму имени; попомъ увѣщать его, чшобы, перемѣнивъ поступки, удовлетворилъ другому за причиненную обиду.

Но такія письма требуютъ болѣе тщанія, когда желаемъ обличить порокъ нашего пріятели, не подавая повода къ огорченію, не льстя ему и вмѣстѣ щадя его щекопливость, или чувствительность.

Вошъ порядокъ, коего держаться можно: выхваливъ хорошія природныя свойства, можно сказать, что постыдно помрачать оныя поступками, недостойными его рода, воспитанія и чину. Если мы не смѣемъ говорить съ нимъ такъ откровенно, то можно сказать, что такъ думаютъ о немъ его лучшіе пріятели. Послѣ сего прибавляемъ, что для насъ было бы гораздо легче молчать, если бы не сполько его любили; но долгъ дружбы насъ обязываетъ не шашъ опъ него худой молвы о немъ; чшо

мы желали бы слышать о немъ однѣ похвалы. Также можно написать, что мы надѣемся, что и онъ видя насъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не лишитъ равномерной искренности: ибо извѣстно уже, что пошъ болѣе всѣхъ насъ любитъ, кто менѣе всѣхъ льститъ намъ. Сверхъ сего пороки, замѣченные нами въ его поступкахъ, можно приписать или его молодости, или вліянію характера шѣхъ, съ коими онъ находился вмѣстѣ.

Заключаемъ письмо представлениемъ, какъ славно и какъ выгодно для него убѣгать пороковъ, что онъ чрезъ шо пріобрѣшетъ почтеніе всѣхъ добрыхъ людей; или можемъ сказать наконецъ, что мы льстимъ себя надеждою, что онъ приметъ въ хорошую сторону наше увѣщаніе, и надѣемся скоро услышать о немъ лучшія вѣсти, о чемъ усердно просимъ Бога.

IX.

Письма повелительныя.

Такія письма пишутся только къ подчиненнымъ, къ дѣшямъ, слугамъ и проч.

Чѣмъ онъ проситъ, шѣмъ лучше. Довольно уже дать знать, что намъ надобно. Не нужно приводить шуть убѣдительныхъ доводовъ; важность пишущей особы занимаетъ мѣсто причинъ. Но если когда почтемъ оныя необходимыми, шо можно представить удобность

и справедливость своего приказанія, присовокупивъ обѣщаніе награды за исполненіе, а угрозу за ослушаніе. Въ заключеніи можно сказать: мы надѣемся, что они исполняютъ свою должность, и постараются доспавить намъ удовольствіе, и проч.

Х.

Письма просительныя

Содержать просьбу къ другу о милости для себя, или для другаго. Онъ свойственны всѣмъ соспояніямъ: ибо нѣтъ такого человѣка (ни изъ сильныхъ, ни изъ богачей), который бы не имѣлъ иногда нужды въ помощи другаго, равно какъ и такого, который бы не имѣлъ случая услужить своимъ друзьямъ.

Сии письма до безконечности бываютъ различны. Къ другу пишутъ свободно, желая получить отъ него наставленія; прося совѣта у особы, съ которою мы менѣе въ связи, можно прибавить, что извѣстно уже въ свѣтѣ, сколь легко для него рѣшить сомнѣніе, уничтожить неизвѣстность, подобную нашей. Можно прибавить, если нужно, что, зная его благодѣянія, многимъ оказанныя, надѣемся, что онъ не откажетъ и теперь человѣку, почитающему его душевно; обѣщаемъ свое почтеніе, признательность и проч.

Вообще о помѣдѣль, о коморомъ просимъ, должно говорить, какъ о чемъ нибудь важномъ,

хотя въ самомъ дѣлѣ оно часто бываетъ очень маловажно; если же просимъ о чемънибудь трудномъ, то не только не должно скрывать подлежащей трудности, но напротивъ надобно ее какъ можно показывать. Симвъ возвышается цѣна одолженія; симъ показываемъ, что исполненіе нашей просьбы будетъ тѣмъ важнѣе и чувствительнѣе для насъ. — Желая просить о дѣлѣ важномъ, надобно съ самаго начала письма по немногу приготовлять ту особу, не пропуская иногда и лестныхъ учтивостей. При обѣщаніи возблагодарить, лучше говорить о своемъ спараніи и усердіи, нежели о силахъ по исполнить.

ХІ.

Письма рекомендательныя.

Такія письма употребляются, когда нужно рекомендовать нашимъ знакомымъ когонибудь, или чьинибудь дѣла.

Рекомендуя особу какуюнибудь, тотчасъ объяснить должно то, что насъ къ тому побуждаетъ; на примѣръ: онъ нашъ родственникъ, другъ, или мы ему очень много обязаны. Можно прибавить, что онъ достоинъ такой рекомендаціи по своей добротѣ и честности, довольно намъ извѣстной; что въ противномъ случаѣ мы не спали бы говорить столько въ его пользу; потомъ объявить, что если рекомендуемому будетъ сдѣлано удовольствіе,

то мы примемъ почто такъ, какъ бы оное мы сами получили. Въ заключеніи можно просить друга, чпобъ онъ показалъ рекомендуемому, чпо наше письмо не осталось безъ дѣйствія; или можно сказать, чпо мы сколько уже увѣрены въ его дружбѣ, чпо не можемъ опасаться отказа. Когда рекомендуемъ дѣло, какъ на пр. процессъ Судьѣ или Прокурору, тогда довольно представить справедливость, или удобность онаго, честь или пользу, которую они получаютъ, принявъ на себя попеченіе.

Когда случатся сіи два обстоятельствова вмѣстѣ, т. е. когда должно будетъ рекомендовать человека и его дѣла (чпо случается не рѣдко), то надобно употребить доводы сильные и приличные какъ тому, такъ и другому.

Иногда случается рекомендовать людей изъ одного учтивства, въ такомъ случаѣ не столько нужно жару и доводовъ. Иногда даже показываемъ, чпо просимъ только для того, чпо насъ просили, и чпо для насъ все равно, будетъ ли просьба исполнена, или нѣтъ.

ХІІ.

Письма, предлагающія услугу,

Пишемъ къ друзьямъ, предлагая имъ нужное вспоможеніе. Не дожидаться просьбы, но

предупреждать ее предложеніемъ своихъ услугъ, есть знакъ добраго сердца.

Можно начать письмо изъявленіемъ, что намъ горестно видѣшь друга въ опасности, или въ несчастныхъ обстоятельствахъ, и что мы желали бы доказатьъ ему свое усердіе при лучшемъ случаѣ. Но какъ онъ теперь находится въ такомъ положеніи, какъ мы изъ числа его истинныхъ друзей, какъ теперь случай сдѣлалъ насъ въ состояніи заплашишь за то, чѣмъ мы ему обязаны: то ему должно только объяснить, чѣмъ и какъ можемъ бышь ему полезными; что онъ найдетъ насъ всегда въ готовности употребить всѣ силы и средства къ облегченію его печали, и проч.

ХІІІ.

Письма, содержащія жалобу.

Такія письма пишущся къ тому, отъ кого мы получили оскорбленіе. Цѣль ихъ та, чтобы показашъ ему нехорошій его поступокъ, или его неблагодарность. Употребленіе ихъ различно. Должно смотрѣшь на *состояніе особы* и на *важность обиды*.

Если нужно принести небольшую жалобу на друга, съ копорымъ не намѣрены ссориться, тогда жалоба смѣшивается съ похвалою. Можно изобразить, сколь неприятно нашему сердцу, что его поступки не соотвѣтствуютъ нашей дружбѣ; но что однакожь мы совершенно

увѣрены въ его честности и совѣмъ не можемъ думать, чѣмъ онъ обидѣлъ насъ съ злымъ намѣреніемъ; что по видимому онъ сдѣлалъ это по неосторожности, или будучи обманутъ людьми, недоброжелательными къ намъ; что мы гоповы забыть все, если онъ забудетъ прежніе свои поступки, и тогда найдешь въ насъ новое расположеніе дѣлать ему всякое удовольствіе.

Когда мы чувствуемъ опѣ когонибудь великое оскорбленіе, тогда позволяется жалоба гораздо сильнѣе; однакожь все безъ обиды. Можно начать шѣмъ, что мы очень долго и съ великимъ усиленіемъ старались скрыть такія обстоятельство, на которыя по справедливости можемъ жаловаться; что лучше для насъ пропустишь ихъ съ молчаніемъ, нежели выискивать случай къ жалобамъ; что мы лучше захошѣли объясниться съ нимъ же, нежели жаловаться на него комунибудь постороннему; что его вину оставляемъ на судъ ему же самому; а мы съ своей стороны никогда не подавали ему повода огорчать насъ, и всегда поступали въ разсужденіи его, какъ добрые друзья; что онъ долженъ представить причину, по чему такъ насъ обидѣлъ; въ противномъ случаѣ будемъ жаловаться на него предъ цѣлымъ свѣтомъ; и что готовы все забыть, и будемъ друзьями по прежнему, если онъ удовлетворитъ нашей оскорбленной дружбѣ.

XIV.

Письма, выговоръ или упрекъ содержащія.

Письма, упрекъ заключающія, пишутся къ неблагодарному, который за полученное отъ насъ добро плашитъ зломъ. Для сего должно во первыхъ напомнать ему о шѣхъ услугахъ, кои мы старались оказать ему при всякомъ случаѣ; можно иногда объяснитьсь и довольно горячо, если дѣло шого стоить, прибавивъ, что мы это дѣлаемъ съ прискорбіемъ; однако же прошивъ воли принуждаетъ насъ къ тому его неблагодарность и худые поступки.

Не скажемъ ничего о сильнѣйшихъ выраженіяхъ и доводахъ прошивъ явнаго недоброжелателя: кому нужно будетъ, тотъ можетъ просить совѣтъ у Рипоровъ. Впрочемъ между симъ родомъ писемъ и предъидущимъ очень мало различія.

XV.

Письма сапиривескія.

Многіе пишутъ, или лучше сказать, хотятъ писать сапиры, но не умѣютъ составить оныхъ. Не уже ли брань и жестокія укорины составляютъ красоту сапиривескаго письма? Непростительно такъ думать человеку образованному. Хулить должно одни по-

роки, достойные порицанія; но и путь надобно поступать искусно, тонко, благоразумно. Ма-шерія, обороты, примѣры, все должно быть натурально. п. е. для сапиры требуется особ-ливая способность, или дарованіе. Неискусная сапира обращается на сочинителя, и тогда она гораздо дѣйствительнѣе обыкновенной. Кто захочетъ отвѣчать на дурную сапиру? Авторъ поноситъ самъ себя.

XVI.

Письма извинительныя.

Онѣ по большей части составляютъ оп-вѣщъ на письмо, содержащее жалобу, или упрекъ. Ихъ должно писать, соображаясь съ принятымъ намѣреніемъ, п. е. или призна-ваясь, или опвращая опъ себя шопъ проспу-покъ, о кошоромъ идетъ дѣло.

Если мы намѣрены отвергнуть припи-сываемую вину, то прежде должны жаловаться другу своему на злорѣчивыхъ недоброжелате-лей; можемъ увѣрить его, что сказанное ему о насъ есть одна клевета; что ему легко увидѣшь истину, если сообразить *такія и такія* обстоятельство; что намъ очень дра-гоцѣнна его дружба; можемъ просить, чтобъ онъ испребилъ изъ мыслей своихъ подозрѣніе, и былъ увѣренъ, что мы его истинные друзья.

Если обвиненіе справедливо и основатель-но, то можно извиняться такъ: что нѣтъ

на свѣпѣ чловѣка, копорый бы не подверженъ былъ иногда слабостямъ; что мы также люди, и не захопимъ опрекашья опъ того, что свойственно всѣмъ людямъ; что мы виноваты, находимся въ печали и раскаяніи; но что, надѣясь на доброе сердце нашего друга, просимъ забыть такое оскорбленіе; что мы никогда не имѣли злаго намѣренія огорчать его; что впредь будемъ благоразумнѣе и постараемся заглядить свое преступленіе всѣми способами, какіе только въ нашихъ силахъ.

Если имѣемъ дѣло съ важнымъ чловѣкомъ, коего гнѣвъ мы навлекли на себя, то надобно просить о возвращеніи его милости, привести въ примѣръ самаго Бога, готоваго прощать кающагося чловѣка, и убѣждать его, что сія добродѣтель болѣе всего ушвердитъ его славу.

Не сдѣлавъ никакого проступка, пишушь извинительныя письма тѣ, кои хотяшъ отказать опъ исполненія чьей нибудь просьбы. Тушь доводами служить могутъ прудность, или маловажность дѣла, не досуги, непозволяющіе думать ни о чемъ, кромѣ своего дѣла, и проч.

XVII.

Письма, въ коихъ содержится исканіе дружбы или пріязни.

Начать такое письмо должно съ причины, побудившей искать знакомства; потомъ упо-

мянуть о хорошихъ свойствахъ, извѣстныхъ намъ, какъ то: его пріятное обхожденіе, веселость, знанія и подобное тому, употребляя припомъ благоразумное различіе, смотря по человѣку, къ которому пишемъ, и хваля такъ, чтобы въ письмѣ не примѣтно было лести. Послѣ того можно сказать, что если онъ приметъ насъ въ число своихъ друзей, то увидишь со временемъ, что мы не недостойны его дружбы; при семъ случаѣ можно нѣсколько похвалить себя, только поскромнѣе, повоздержнѣе. Заключение можетъ состоять изъ увѣренія, что мы постараемся споль вождельное для насъ счастье поддержать исполненіемъ всѣхъ обязанностей и услугъ, такъ что онъ вѣрно не будетъ раскаяваться, сдѣлавъ намъ такую честь.

XVIII.

Письма, содержащія простую цѣтливость,

Служатъ къ поддержанію дружбы между расставшимися пріятелями. Въ нихъ можно сказать, что нѣтъ для насъ большаго удовольствія, какъ вести съ ними переписку: ибо дальность мѣста не позволяетъ изъяснить чувствъ своихъ изустно; что мы желаемъ знать, какъ онъ живетъ, какъ идушь его дѣла; и зная, что онъ не менѣе любопытенъ знать о насъ, сообщаемъ ему о своихъ обстоятельствахъ; что для насъ оправдо-

было бы увидѣться съ нимъ; но наше состояніе, или дѣла въ шомъ пренятсшвуютъ.

Сии письма заключаются желаніемъ сохранять свято дружбу свою; увѣреніемъ, что ни величайшее разстояніе, ни время не могутъ погасить ее въ нашемъ сердцѣ; что мы надѣемся лучше доказать ее на дѣлѣ, нежели на словахъ; что опъ него ожидаемъ того же, и желаемъ ему всякаго благополучія.

XIX.

Письма поздравительныя

Пишутся къ знакомымъ или друзьямъ, чтобы изъявить то участіе, которое мы принимаемъ въ ихъ радости, какъ шо: въ полученіи чина, новаго достоинства, въ одержаніи побѣды, освобожденіи опъ болѣзни, въ рѣшеніи дѣла въ его пользу, въ выигрышѣ какойнибудь выгоды, и проч.

При такомъ различіи предметовъ, требующихъ вездѣ особенныхъ правилъ, трудно сказать чтонибудь одно для всѣхъ. Однакожь должно помнить вообще, что въ такихъ письмахъ болѣе всего должна примѣтна быть радость, которую мы чувствуемъ, видя его благополучіе, что чувство дружбы и связь наша заставляють насъ брать участіе; что мы не могли не радоваться, видя, какъ самая Публика довольна, что одинъ изъ членовъ ея возвышается болѣе и болѣе въ новыя достоинства.

Когда нужно поздравить пріятеля съ тѣмъ, что онъ избавился отъ опасности: то въ письмѣ можно помѣспилъ и ту мысль, что Богъ видѣлъ, сколько такой человекъ нуженъ для своей фамилии, для опечества, видѣлъ и сохранилъ его на пользу другимъ.

Въ заключеніе можно поставитъ желаніе еще лучшаго. Вообще сей родъ писемъ пишется слогомъ нѣсколько важнымъ; сія важность должна быть болѣе или менѣе, смотря къ кому и о чемъ пишемъ.

Письма утѣшительныя.

Письма утѣшительныя употребляются для облегченія несчастія и горести друзей нашихъ. Но какъ сіи бываютъ различнаго рода, то и нельзя ихъ уменьшать одними и тѣми же средствами. Для различныхъ болѣзней нужны различныя лѣкарства, сообразныя съ тѣлосложеніемъ больнаго.

Вообще, когда несчастіе не велико, должно написать, что самое дѣло не стоило того, чтобы сполко о немъ печалились; что надобно имѣть духъ пошверже; что симъ наносится пятно славы. Хорошо иногда представитъ, что его огорченіе не можетъ быть продолжительно, и изображать, сколь пріятно тогда будешь видѣть себя свободнымъ отъ онаго, и сколь сладостно поржесествовать надъ несчастіемъ.

Если же съ другомъ нашимъ случилось великое несчастіе, то нужно сказать, что оное поразило насъ, и что, принимая въ эпомъ участіе, мы не сполько можемъ утѣшашъ его, сколько принимаемъ участія въ его горести. Но не смотря на то, долгъ нашего родства, дружбы, или другія обязанности заставляющъ насъ податъ всевозможное утѣшеніе въ его несчастіи, и вопъ для чего мы пишемъ къ нему. Мы испинно признаемъся, что не вѣзя не чувствовашъ горести, поперявъ супруга, супругу, опца, мать, имѣніе и проч. Что по испинѣ такой случай много разстроилъ бы еще болѣе, нежели его; но мы увѣрены, что сердце его укрѣпится противъ бесполезной печали; что несправедливо требовашъ, чтобы порядокъ природы или цѣлаго общества нарушился для него; несправедливо не повиновашъся шѣмъ законамъ, коимъ подвластенъ весь свѣшъ; что Религія обязывашъ насъ покоряшъся волѣ Божіей безъ роптанія; что сія печаль очень чувствительна, однакожъ можешъ бышъ для него полезна, если онъ будешъ сносишъ ее перпѣливо; что Богъ, могущій находить опраду шамъ, гдѣ по видимому ее и нѣшъ совсѣмъ, испытавъ его швердосшъ, скоро можешъ превращишъ печаль въ радосшъ; что споль многіе, даже изъ его знакомыхъ, въ подобномъ несчастіи были споль постоянны, а особливо *тѣ* и *тѣ*; и что мы молимъ Бога, чшобъ Онъ послалъ ему утѣшеніе.

Письма благодарительныя

Пишущся къ пѣмъ, кому мы чѣмъ нибудь обязаны. Обыкновенно начинающъ напоми-
 ніемъ полученнаго благодаренія, или какой ни-
 будь услуги. Помощь можно распроспраниться,
 сказавъ, что мы довольно то чувствуемъ, что
 мы того не достойны, и къ сожалѣнію не имѣли
 счастливаго случая заслужить у друга своего
 такое благодареніе; или, что онъ вдвое запла-
 шиль намъ за нашу услугу (если то дѣйстви-
 тельно такъ); что его услужливость доставила
 намъ великую отраду, или удовольствіе, а ми-
 лость столь велика, что болѣе даже пребо-
 вать нельзя; что онъ вспомоществовалъ намъ
 въ самое то время, когда мы увидѣли себя
 оставленными всѣмъ свѣтомъ; удержалъ насъ
 отъ паденія въ ровъ величайшаго несчастія,
 и для нашего благосостоянія подвергся опас-
 ности и презрѣлъ вражду другихъ. Если бла-
 годареніе столь велико, что мы не можемъ
 довольно изъяснить своей благодарности,
 тогда можемъ сказать, что молимся лишь
 Богу о воздаяніи ему; обѣщаемся вѣчно сохра-
 нять память его въ сердцѣ своемъ, и вездѣ
 свидѣтельствовать чувствительнѣйшую при-
 знательность. Такое привѣствіе можемъ
 употребить, если мы получили услугу отъ
 человека столь знашнаго, что не смѣемъ ему
 предложить другихъ доказательствъ нашей
 признательности, кромѣ одной благодарности.

XXII.

Письма шутивыя.

Онѣ пишущся только къ самымъ короткимъ пріятелямъ. Тутъ нельзя предписать правилъ; ихъ свойство основывается на природной способности; иногда, желая выдумать что нибудь замысловатое, часто должно опасаться, чтобъ не написать непристойныхъ грубостей. Шутки должны быть тонкія и пріятныя, чтобъ онѣ не могли огорчить того, къ кому пишемъ, равно какъ и постороннихъ важныхъ людей. Есть много неразсудительныхъ, которые согласны болѣе потерять пріятеля, нежели замысловатое слово (*bon mot*); такимъ подражать не должно. Обстоятельствва и люди, на счетъ коихъ можно шутить сами по себѣ покажутъ средство къ тому. Замѣтимъ еще, что шутки употребляются въ письмахъ только для умноженія ихъ живости и пріятности.

XXIII.

Письма похвальные.

Въ похвальныхъ письмахъ болѣе всего должно стараться, чтобъ насъ не назвали льстецами. Похвала пріятна, когда думаютъ, что ее достойны. Не надобно также хвалить того, чего не желаемъ, чтобъ въ насъ похвалили. Такого рода письма можетъ писать отецъ

къ сыну, спаршій къ младшему, начальникъ къ подчиненному, Господинъ къ слугѣ. Они должны бытъ очень просты. Нужно только показатъ, что мы къмъ нибудь довольны, поощрятъ къ продолженію своего старанія, обѣщатъ знаки милости, щедрости и тому подобное.

XXIV.

Письма о дѣлахъ.

Что касается до писемъ о дѣлахъ, то мы скажемъ только, что главное ихъ свойство есть особенная краткость, ясность и строгій порядокъ.

Принимаясь писатъ, нужно обдуматъ все дѣло, расположитъ всѣ обстоятельство, какъ онѣ одно за другимъ слѣдуютъ, и стараться, чтобы дѣло не было предложено очень сухо. Болѣе искусства не нужно.

XXV.

Письма ходатайственныя.

Если нужно будетъ писать въ пользу какого нибудь человѣка, впадшаго въ слабость известную уже, или которой нельзя упатъ, въ такомъ случаѣ всего лучше открытъ его слабость свободно; потомъ стараться, сколько можно, представитъ ее маловажною. Можно

ошибку приписать молодости и неопытности того человека, или можно замѣтить, что это еще первая ошибка. Не излишне будетъ описать, какъ самъ виноватый печалился и стыдился; хвалишь хорошія свойства его, напомнишь о томъ, что онъ похвальнаго дѣлалъ прежде, и сказать, что онъ готовъ исправиться. Если нужно, то для убѣжденія можно представить и свою важность.

Случается иногда писать письма для примиренія двухъ друзей въ подобныхъ обстоятельствахъ; иногда должно показать, что вина того, въ чью пользу пишемъ, есть только мнимая. Тутъ одного друга передъ другимъ болѣе должно извинять, нежели защищать; должно доказать, что онъ не могъ поступить иначе, принявъ на себя то, что можетъ быть оскорбительно для того, къ кому пишемъ. Если наше состояніе позволитъ, то можно сказать, что мы по этому будемъ цѣнить его привязанность къ намъ, если онъ исполнитъ нашу просьбу. Должно вездѣ смотрѣть на тонъ, состояніе, лѣта; иногда можно просить, а иногда можно употребить болѣе или менѣе строгихъ доводовъ и даже понужденія.

XXVI.

Письма любовныя.

Сія письма совершенно отступаютъ отъ слогу писемъ. Одна спрасть должна вездѣ упра-

влять перомъ. Въ нихъ не должно быть примѣрно ни малѣйшей натяжки; ихъ пишушь въ самомъ движеніи спраспи. Жаръ, съ копорымъ начато письмо, долженъ быть чувспвишпелень до самага конца, не уменьшаясь ни мало; излишнія замысловатыя выраженія были бы не кспати. Рѣдко вырывающся осприя выраженія, когда сердце испинно пронупо и наплено нѣжноспію; впрочеиъ надобно испинно чувспвовашь спраспъ, чпобъ умѣшь хорошо изобразить ее на бумагѣ.

XXVII.

Письма остроудныя.

Такія письма должны быть составлены частію изъ обыкновеннаго слога писемъ, а частію изъ слога писемъ любовныхъ. Въ нихъ сноснѣе уже большая принужденность мыслей. Чиспона слога необходима. Оспроуміе и чувспвишпельность должны быть вмѣстѣ. Въ нихъ можно помѣщашь новости, анекдоты, осприя слова и небольшія происшешствія; словомъ, все то, что встрѣчается въ другихъ письмахъ. Только должно стараться, чпобы испинное чувспво составляло главную часть его, или по крайней мѣрѣ, чпобы все поспороннее помѣщено было въ повѣспвованіи.

XXVIII.

Письма къ незнакомымъ.

Извиненіе необходимо въ письмѣ къ такому человѣку, которому мы или неизвѣстны, или который почитаетъ насъ своими непріятелями. Всякой, развернувъ письмо, писанное незнакомою рукою, потчасъ бросаешь взоръ на подпись имени; и часто должно опасаться, что получившій письмо, видя имя незнакомое, или шакое, прошивъ котораго онъ предубѣжденъ, совсѣмъ не спанешъ чинашъ письма. Есть люди надменные своимъ родомъ, чиномъ, богатствомъ, иногда даже своими дарованіями: они очень скучающъ, не зная, кто къ нимъ пишетъ. Каково же имъ покажется письмо наше? Другіе (коимъ злоба какъ будто природою вложена въ характеръ) ожесточающся при одномъ взглядѣ на имя человѣка, котораго почитающъ своимъ обидчикомъ. Невозможно убѣдишь шакого никакимъ представлениемъ; болѣе всего должно стараться обмануть ихъ, и — съ эшаго должно начинашь свое письмо.

Если же кто хочеть писать къ человѣку почти равному, съ копорымъ еще незнакомъ, потчасъ должно сказать ему (но какъ можно короче, соображаясь съ обстоятельствомъ), что мы надѣмся, что онъ не почтетъ себѣ за обиду того, что мы осмѣлились писать къ нему, не имѣя чести быть ему знакомы; что извѣстное намъ его доброе сердце, душевная склон-

ность обязывать другихъ, и благоразуміе, нужное въ нашемъ дѣлѣ, принудили насъ безпокоить его. Тутъ можно будетъ дать знать о нашей связи съ кѣмъ нибудь изъ его родственниковъ, друзей или приближенныхъ. Сходство характеровъ, одинакія должности, науки, все можно употребить въ свою пользу; не должно забывать ничего, что только въ состояніи доставить искренность и доброжелательство того, къ кому пишемъ.

Безъ сомнѣнія сіи правила не годятся для того, кто намѣренъ просить какой нибудь милости у такой особы, для которой онъ совсѣмъ неизвѣстенъ, и на милость которой не имѣетъ другаго права, кромѣ своей нужды. Какъ такой не имѣетъ явнаго права писать, то и не можно предписать ему никакихъ правилъ.

Нѣкопорыя изъ упомянутыхъ уже правилъ для своей пользы можно съ успѣхомъ употреблять въ письмахъ къ большимъ людямъ, коимъ мы неизвѣстны, но только съ оспороженностію. Позволишьельно, на примѣръ, сказать, что мы имѣемъ честь быть знакомы съ нѣми изъ ихъ родственниковъ, которые извѣстны въ свѣтѣ *погги* столько же, какъ и они сами. Весьма было бы неблаго разумно превозноситься, что мы доставили, или можемъ доставить имъ пользу. Если необходимо должно упомянуть о своей услугѣ, какъ то иногда случается, то должно съ возможною скромностію, и при томъ чтобы выраженія

показывали благородную ревность, старание заслужить их благосклонность и покровительство. Въ противномъ случаѣ покажется, что мы требуемъ уже признательности за то, что сдѣлали для ихъ родственниковъ, или за то, что для нихъ самихъ еще сдѣлаемъ. Напрошивъ того гораздо лучше хвалишься тѣмъ, что мы опъ нихъ получили посредственно, или непосредственно; можно даже увеличить, только не нарушая истины. Показывая, что чувствуемъ цѣну благодѣянія, легко можемъ получить еще болѣе.

Есть другія причины, очень приличныя для начала такихъ писемъ, на примѣръ, со стороны фамиліи. Вы происходите опъ фамиліи, которая столь давно уже хранитъ почтеніе и преданность къ фамиліи того, къ кому пишете; она получала столь много выгодъ опъ покровительства сей послѣдней; вы почитаете сіе покровительство лучшею частію наслѣдства, полученнаго вами опъ своихъ родителей, и тому подобное. Можно также упомянуть о частной привязанности, если она извѣстна.

Для иныхъ незнакомыхъ не нужна такая точность. Желая вступить въ связь, или получить какую услугу, должно съ благоразуміемъ употреблять учтивства и стараться вкрадываться въ любовь; но не должно забывать, что это служитъ для одного, такъ сказать, приготоуленія, для одного начала; что при семъ должно сохранить возможную

крашкость ; что бесполезное многословіе можешь упоминуть чашаателя прежде, нежели онъ дойдетъ до самаго дѣла. Послѣ того можно помѣщать приличныя разсужденія, извѣстія, свое нужное дѣло и подобное тому.

Случаешься иногда писать къ такимъ людямъ, коимъ мы неизвѣстны, равно какъ и сами ихъ не знаемъ. Вы женишься въ опсущствіи родителей, или родственниковъ вашей супруги. Благоприсойность, или можешь быть и польза обязываетъ васъ сказать, что почитаете за великое удовольствіе, честь, счастье, или пользу, имѣть съ ними связь. Вы по должности можете быть подчиненны кому нибудь ; вамъ нужно дать ему опчетъ въ своихъ дѣлахъ, увѣдомить его о случившемся. Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ лишнія извиненія, пустые комплименты были бы смѣшны, а нерадѣніе непростительно : шутъ лучше всего топчасъ приступить къ дѣлу, изображая себя просто и въ собственномъ видѣ.

XXIX.

Когда нужно писать къ кому нибудь въ первый разъ.

Когда нужно писать къ кому нибудь въ первый разъ, то, смотря по связи, должно напомнить ему о прежней старинной связи своей съ нимъ, или объявить о почномъ ис-

полненіи своего обѣщанія писать къ нему, которое мы дали при разлукѣ или по иному случаю. Можно также начать иногда извиненіемъ, что мы по неоспорожности, или по обстоятельствушвамъ не могли сохранить его дружбы, или писать къ нему.

XXX.

Письма слѣшанныя.

Они не новы; содержатъ разныя матеріи, извѣстія о дѣлахъ, учивствва и подобное тому. Они всѣхъ употребительнѣе. Рѣдко случается писать письмо объ одной матеріи: и такъ письма о какихъ нибудь дѣлахъ начинаются и заключаются комплименстами. Не нужно показывать особенныхъ правилъ. Кто можетъ хорошо написать простое письмо, тому не трудно написать смѣшенное, или лучше сказать: чѣмъ болѣе матеріи, тѣмъ легче составишь изъ нее письмо.

XXXI.

Письма отвѣтныя.

Хошя предъидущія правила предлагаются болѣе тѣмъ, кои пишутъ сперва, не упоминая объ отвѣтахъ на оныя; однако всѣ оныя замѣчанія легко примѣнишь можно къ сочиненію отвѣта на всякое письмо. И такъ не нужно

наполняять книги множествомъ особенныхъ правилъ. Полученное письмо предлагаетъ намъ пошребное содержаніе. Замѣтимъ полько, что при отвѣстѣ должно обращать вниманіе на двѣ вещи: на то, что къ намъ пишуть, и съ какимы намыреніемъ пишуть.

Въ письмахъ о дѣлахъ не нужно пропускаеть ни одного важнаго обстоятельствова безъ отвѣста; а въ письмахъ, одну учпивость показывающихъ, можно быеть не сполько обстоятельнымъ. Въ отвѣстахъ на оныя довольно и того, чтообъ не погрѣшиеть прошивъ благоприспосойности и не нарушиеть законовъ дружества.

Немедленный отвѣстъ доказываетъ наше уваженіе, а медленность почитають нерадѣніемъ. — Если дѣла, о которыхъ къ нимъ пишуть, пребують опсрочки, то должно топчасъ написать къ пріятелю нѣсколько словъ, съ обѣщаніемъ скоро прислать подробное извѣстіе, дабы онъ между тѣмъ не безпокоился о своемъ дѣлѣ. Когда нужно отвѣчать на письмо оскорбительное, то должно нѣсколько помедлить, какъ для того, чтообы въ запальчивости не написать слишкомъ много, такъ и для того, чтообъ пріятелю дать время одуматься. Сильный порывъ гнѣва, или подобное движеніе духа, можетъ разорвать дружбу, или произвесци другія споль же непріятныя слѣдствія.

Недовольно однакожь читають сїи замѣчанія и образцовыя письма; кромѣ эшаго нужно

часто посѣщать хорошія общества, умѣть различать людей съ отличными дарованіями и хорошими познаніями, слушать ихъ внимательно, заимствовать ихъ слова, искусственные обороты и выраженія. Надобно умѣть счастливо соединять свои мысли съ чужими, подобно хорошему живописцу, который, заимствуя расположеніе и краски съ картинъ другихъ мастеровъ, составляетъ свои краски, свою картину. Такая картина, будучи составлена изъ множества оригиналовъ, ни съ однимъ не сходна, а драгоценна не менѣе. Только чрезъ подражаніе дѣлаются наконецъ прекрасными оригиналами; а лучшее средство подражать другимъ есть то, чѣмъ чаще бывать между ними, или, если можно, и жить съ ними. Обращаясь въ свѣтъ, привыкаемъ безъ труда находить тѣ услужливыя выраженія, тѣ вкрадчивыя обороты, чрезъ которые можемъ съ пріятностію свидѣтельствовать почтеніе, дружбу и нѣжность тѣмъ, къ кому пишемъ. Безъ такого обращенія, безъ довольнаго чтенія и упражненія, также и безъ особеннаго дарованія (коего мѣсто занимаетъ тонкое искусство), часто комплименты и хорошія чувствованія выражаются очень непріятно для людей, образовавшихъ свой вкусъ.

XXXII.

Общія часті писемъ.

О нагалѣ, оконганіи писемъ и адресѣ.

Къ Государю.

Вѣ нагалѣ письма :

**ВСЕАВГУСТѢЙШІЙ МОНАРХЪ !
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ !**

Вѣ концѣ письма :

**ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданнѣйшій.**

Адресѣ :

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.**

Къ Свѣплѣйшему Князю.

Вѣ нагалѣ :

Свѣплѣйшій Князь !

Милоспивый Государь !

Вѣ концѣ :

**Вашей Свѣплости,
Милоспиваго Государя,
всенижайшій и всепреданнѣйшій слуга.**

Адресѣ :

**Его Свѣплости,
Милоспивому Государю,
Князю : *имя, отчество, фамилія.*
Въ Санктпетербургѣ.**

Къ Графу, Генераль-Фельдмаршалу
и Генераль-Аншефу.

Въ началѣ:

Сіяшельнѣйшій Графъ!

Милостивый Государь!

Въ концѣ:

Вашего Сіяшества,

Милостиваго Государя,

нижайшій и преданнѣйшій слуга.

Адресъ:

Его Сіяшеству,

Милостивому Государю,

Графу и прог.

Въ Санктпетербургѣ.

Къ Князю, Генераль-Фельдмаршалу
и Генераль-Аншефу.

Въ началѣ:

Сіяшельнѣйшій Князь!

Милостивый Государь!

Въ концѣ:

Вашего Сіяшества,

Милостиваго Государя,

нижайшій и преданнѣйшій слуга.

Адресъ:

Его Сіяшеству,

Милостивому Государю,

Князю Н. Н.

Къ Графу или Князю, Генераль-Лейтенанту и Генераль - Маіору (также и въ Спапскихъ Чинахъ).

Вѣ нагалѣ:

Сіятельный Графъ!

или Сіятельный Князь!

или Ваше Сіятельство!

Милоспивый Государь!

Вѣ концѣ:

Вашего Сіятельства,

Милоспиваго Государя,

всепокорнѣйшій слуга.

Адресъ :

См. оба предъидущіе.

Кѣ Графамъ и Князьямъ прогихъ Чиновъ.

Люди низкаго соспоянія пишуть также, а прочіе, смотря по соспоянію, родспву, пишуть въ заглавіи только: *Милоспивый Государь!* а въ машеріи и въ концѣ письма употребляютъ: *Ваше Сіятельство!*

Къ Генераль-Фельдмаршалу и Генераль-Аншефу.

Вѣ нагалѣ :

Ваше Высокопревосходительство!

Милоспивый Государь!

Въ концѣ :

Вашего Высокопревосходительства ,
Милосливаго Государя,
всепокорнѣйшій и преданный слуга.

Адресъ :

Его Высокопревосходительству,
Милосливому Государю,
Н. Н.

Въ С. П. бургъ.

Къ Генераль - Лейпенанпу и Генераль-
Маіору.

Въ нагалѣ :

Ваше Превосходительство!
Милосливый Государь!

Въ концѣ :

Вашего Превосходительства,
Милосливаго Государя,
всепокорнѣйшій слуга.

Адресъ :

Его Превосходительству,
Милосливому Государю,
Н. Н.

Къ Бригадиру (также и въ Шапскомъ
чинѣ)!

Въ нагалѣ :

Подчиненные пишушъ :

Ваше Высокородіе!

Милосливый Государь !

Въ концѣ :

Вашего Высокородія,
Милоспиваго Государя,
покорнѣйшій слуга.

А прочіе пишутъ только:

Милоспивый Государь!
(имя и опечество).

Въ концѣ:

Вашъ,
Милоспиваго Государя,
покорнѣйшій слуга.

Адресъ ото всѣхъ:

Его Высокородію,
Милоспивому Государю,
N. N.

Къ Полковнику, Подполковнику и Маіору
(также и въ Спашскихъ Чинахъ).

Подчиненные пишутъ:

Въ началѣ :

Ваше Высокоблагородіе!
Милоспивый Государь!

Въ концѣ:

Вашего Высокоблагородія
покорнѣйшій слуга.

Прочіе же пишутъ только:

Милоспивый Государь!

N. N.

Въ концѣ:

Вашъ,
Милостиваго Государя,
покорнѣйшій слуга.

Адресъ опо всѣхъ:

Его Высокоблагородію,
Милостивому Государю,
N. N.

Къ Капитану, Поручику и прочимъ
Чинамъ.

Въ началѣ:

Милостивый Государь!
или Милостивый Государь мой!
N. N.

Въ концѣ:

Смотря по состоянію, иные пишутъ:
Вашъ,
Милостиваго Государя,
покорный слуга.

А иные только:

Вашъ
покорный слуга.

Адресъ:

Его Благородію,
Милостивому Государю,
N. N.

Въ С. П. бургъ.

Н. В. Къ супругамъ всѣхъ вышеозначенныхъ Чиновъ пишутъ въ письмѣ и надписываютъ почно также.

Къ опцу или мапери опъ сына.

Вѣ нагалѣ:

Милоспивый Государь батюшка!
или Милоспивая Государыня мапушка!

Вѣ концѣ:

Милоспивый Государь батюшка!
или Милоспивая Государыня мапушка!
вашъ послушнѣйшій (преданнѣйшій, покорнѣйшій и прот.) сынъ.

Къ сыну опъ опца, или опъ мапери.

Вѣ нагалѣ:

Сынъ мой любезный!

Вѣ концѣ:

Усердный отецъ швой,
или Доброжелательная мапъ швоя.

Адресы къ роднымъ выбирать должно изъ выше предложенныхъ, смотря поному, къ которому классу относятся оные.

Въ письмахъ къ особамъ почтеннымъ, годъ, мѣсяць и число пишутся при концѣ

письма прошивъ своего имени, а въ письмахъ дружескихъ они становящяся часпо въ самомъ началѣ письма надъ пишупомъ.

П И С Ь М А,

ВЪ ОБЩЕЖИТІИ УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ.

1.

*Письмо, извѣвляющее утѣвность при
наталѣ Новаго года.*

Милоспивый Государь!

Новый годъ не показался бы для меня новымъ, если бы я не могъ представить вамъ новыхъ увѣреній въ моемъ почтеніи и преданности. Спрахъ, чшобы не наскучить вамъ, препяпшвовалъ мнѣ часшо повшорять сіи увѣренія. Не находя случая бышь для васъ испинно полезнымъ, я доволенъ и пѣмъ, чшо пишаю въ сердцѣ усердное расположеіе служить вамъ, и могу по крайней мѣрѣ душевно желать всѣхъ возможныхъ благъ вамъ и вашей фамилии. При шакомъ желаніи могу васъ еще увѣришь, чшо никшо въ свѣшѣ не можетъ бышь вамъ сполько преданъ, какъ

Вашъ,

Милоспиваго Государя,
покорнѣйшій слуга, и прог.

2.

Поздравленіе въ первый день Новаго года.

Милоспивый Государь!

Возможно ли не исполнить мнѣ передъ вами своей обязанности? Я не могъ бы хорошо

начашь сего года, если бы не показалъ вамъ новыхъ знаковъ моей дружбы, и не испросилъ продолженія вашей; поспараюсь заслужить оную почнымъ исполненіемъ вашихъ повелѣній. Если бы претовалось только искреннее желаніе, то я смѣло поспорилъ бы въ этомъ со всякимъ. Пусть исполнится мѣра вашего счастья, но съ тѣмъ я не переспяну желать вамъ болѣе. Остаюсь

Вашъ,
Милоспиваго Государя, и прог.

3

О т в ѣ т ѣ.

Я ничего лестнѣе не находилъ для себя, Милоспивый Государь, — какъ доказательства той дружбы, коей вы меня удостоиваете. Я упошреблю — повѣрше мнѣ — все стараніе, чшобъ не лишиться столь выгодныхъ для меня чувствованій. Для сего Новаго года и для всѣхъ, имѣющихъ слѣдовать за онымъ, желаю вамъ всевозможнаго благополучія. Между тѣмъ смѣю васъ увѣрить, что я во всякое время пребуду съ истиннымъ почтваніемъ,

Милоспивый Государь!

Вашимъ, и прог.

Признательность къ благодѣтелю въ первый день Новаго года.

Милоспивый Государь!

Сердце мое не вмѣщаетъ въ себѣ всей признательности, которую оно чувствуетъ къ вашей Особѣ. Пусть сіи первыя микушы Новаго года будутъ посвящены изліянію моихъ искреннихъ чувствованій. Я желалъ бы доказатьъ по не одними словами; но ваши благодѣянія простираются столь далеко, что мое желаніе въ разсужденіи сего предмета едва ли можетъ исполниться. Однакожь, Милоспивый Государь! я почту за особенное снисхожденіе ко мнѣ, если вы благоволите чаще присылать ко мнѣ свои повелѣнія, дабы я почнымъ исполненіемъ вашей воли могъ быть истинно достойнымъ вашей благосклонности. Лишь себя надеждою, и между шѣмъ возсылаю безпреспаннныя моленія ко Всевышнему, да ниспошлетъ вамъ благословеніе, равное вашимъ заслугамъ. Повѣрьте, что человѣческое сердце не можетъ чувствоваться признательности и почтенія, равнаго тому, съ которымъ имѣю честь быть,

Вашъ,

Милоспиваго Государя!

и прог.

5.

Отъ вѣтъ.

Если я могу способствовать вашему благополучію, Милосливый Государь, то это не менѣе пріятно и мнѣ самому. Повѣрьте, что я всѣми способами постараюсь доказать вамъ свое благорасположеніе и особенное участіе, принимаемое во всемъ, что только до васъ касается.

Остаюсь вашъ, и прог.

6.

Отъ сына къ отцу въ Новый годъ.

Милосливый Государь батюшка!

Слова мои не могутъ выразить, сколь сильно чувствую ваши непрерывныя благодѣянія. Это извѣстно только моему сердцу. Смѣю сказать вамъ, почтеннѣйшій родитель! что вы никогда не увидите меня недостойнымъ вашей любви. Желая увѣрить васъ въ этомъ, постараюсь, удвоивъ свое вниманіе, исполнить все, что можеть доставить вамъ радость. Не одинъ Новый годъ заставляеть меня свидѣтельствовать вамъ сію признательность. Она въ душѣ моей всегда будетъ непремѣнна. Пользуюсь симъ случаемъ только для увѣренія васъ, что ничто въ свѣтѣ не можеть погасить во мнѣ сего чувствованія. Возсылаю молитвы къ Богу о продолженіи вашего спокойствія и благополучія, и

и надѣюсь, что будетъ услышано усердное моленіе сына почтительнаго и искренно вамъ преданнаго.

Милоспивый Государь батюшка,
вашъ, и проч.

7.

О т в ѣ т ѣ.

Твоя признапельность, сынъ мой, награждаетъ меня за все приложенное о тебѣ попеченіе. Надѣюсь, что ты заславишь меня забышь стѣгость, сопряженную съ моею старостию. Твои желанія лучше и пріятнѣе для меня всѣхъ полученныхъ мною, потому что онѣ происходятъ отъ сердца, а не отъ одного обыкновенія. Желаю, чтобъ исполнилась твоя молитва единственно для твоей же выгоды, дабы я могъ показать тебѣ болѣе знаковъ любви моей. Остаюсь твоей истинный другъ и добрый отецъ.

8.

Поздравленіе Князю.

Ваше Сіятельство,
Милоспивый Государь!

Почти послѣ всѣхъ я имѣю честь поздравить съ новымъ начальствомъ, возложеннымъ на васъ отъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; не смотря на то, смѣю увѣрить васъ, что по искренности моего поздравленія и истинной

радости, могу быть между первыми. Если бы только я имелъ въ виду важность вашего благополучія, то вѣрно упредилъ бы всѣхъ; но размышляя о вашихъ достоинствахъ, слѣдовалъ болѣе моему чувствуванію, нежели обыкновенію. Мое единственное и всегдашнее стараніе есть то, чтобы доказать вамъ, что я есмь,

Вашего Сіятельства,
Милостиваго Государя,
покорнѣйшій слуга.

9.

Подобное содержаніе.

Милостивый Государь!

Могу ли я одинъ молчать при радостномъ отзывѣ всего общества? Соединю мои восклицанія съ восклицаніями другихъ, чтобы изъяснить удовольствіе, чувствуемое всѣми, знающими ваши отличныя заслуги и достоинства. Ваше возвышеніе столько подѣйствовало даже на непріятелей вашихъ, что они осудили себя на вѣчное молчаніе. Они видятъ, что не могутъ произнести ни одного слова безъ замѣшательства. Пусть жизнь ваша течетъ спокойно, неразлучно съ тѣмъ счастьемъ, на которое даю вамъ право одни ваши достоинства. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію есмь вашъ,

Милостиваго Государя!
покорнѣйшій, и прот.

Благодарность за оказанную услугу.

Милосливый Государь!

Чѣмъ я вамъ не обязанъ? и какъ могу изъяснить безпредѣльную признательность за всѣ ваши, до нынѣ мнѣ оказанныя благодѣянія? Не довольствуясь исполненіемъ моей просьбы, вы сколько разъ старались предъупреждать мои нужды и желанія. Какое счастье для меня, имѣть такого друга, какъ вы! И какъ рѣдки на свѣтѣ люди, подобные вамъ! — Однакожь, среди благополучія моего не могу назваться довольнымъ: ибо я не въ состояннн заплашить ни за малѣйшую часть вашихъ милостей. Надѣюсь, что нѣкогда счастье позволитъ мнѣ доказать лучше, нежели теперь, что я истинно вашъ,

Милосливаго Государя, и прот.

II.

Такое же содержаніе.

Милосливый Государь!

Не знаю, какъ благодарить васъ за тѣ милости, коими вы осыпаете меня. Я столь мало знакомъ съ краснорѣчіемъ, что даже и отважиться на то не могу. По врожденному вамъ добродушію, вы стараетесь даже предъупреждать все, что можете доставить удовольствіе вашимъ друзьямъ; и если бы ваша скромность не повелѣвала мнѣ молчать, то я

безпрестанно говорилъ бы о своей признапельности. Довольно, если она вамъ извѣсна; довольно, когда вы болѣе уважаете мою ревность и усердіе, нежели выразительность и витійство словъ; довольно, если снова могу увѣришь васъ, что я совершенно вашъ

Милоспиваго Государя, *и прог.*

12.

Поздравленіе новобрачному.

Милоспивый Государь!

Не ожидайте отъ меня поздравленія со счастливымъ бракомъ. Вамъ должно быть извѣстно участіе, мною принимаемое. Видя васъ въ радости, я самъ не менѣе весель. Довольно для меня только увѣришь васъ въ моемъ искренномъ къ вамъ расположеніи и усердномъ желаніи вамъ всякаго возможнаго благополучія; довольно увѣришь васъ, что я истинный другъ вашъ.

и прог.

13.

О т в ѣ т ѣ.

Милоспивый Государь!

Я всегда вѣрилъ, что вы меня любите, и принимаете участіе во всемъ, что до меня касается. Чрезмѣрно я обязанъ вашей доброй душѣ; но теперь за долгъ почишаю увѣришь

вась, что въ супругъ моей вы пріобрѣтаете новаго друга. Она раздѣляетъ со мною желаніе всегда изъяслять вамъ искреннюю преданность, съ какою пребуду на всегда,

Милостивый Государь!

Вашъ и прог.

14.

Утѣшеніе и благодарность.

Я никогда не думалъ, чтобы письмо ваше, Милостивая Государыня, могло опечалить меня. Одинъ почеркъ руки вашей казался мнѣ лекарствомъ отъ всякой горести; но признаюсь, что съ величайшею печалью слышу о наспоющей нашей поперѣ. Наша пріятельница была любезна: ея нѣжность, разумъ, тонкой вкусъ, все дѣлало ее любезнѣйшею женщиною въ свѣтѣ. Даже при самой смерти она показала добродѣтель, которой не доставало ей при жизни, т. е. мужественно встрѣшила ту послѣднюю минушу, коей одно воспоминаніе приводитъ всѣхъ въ ужасъ. Сія швердость души ея соединена была съ Христіанскимъ благоговѣніемъ, не сожалѣнія, но подражанія достойнымъ. Докажемъ ли любовь свою, когда рыдаемъ о томъ, кто оставилъ насъ для того, чтобы перейти въ лучшее состояніе, чтобы насладиться въ другомъ мірѣ спокойствіемъ, которое не существуетъ между нами? Постараюсь исполнить ваше наставленіе, слѣ-

довать столь хорошему примѣру; не въ первый уже разъ вы стараешься сдѣлать меня добродушною. Огорченія, которыя до сихъ поръ я чувствовала, не будутъ вредны наставленіямъ вашимъ. Ничто лучше не можетъ научить насъ умереть спокойно, какъ всегдашнія горести сей жизни. Это не значитъ однакожъ, чтобы мнѣ хотѣлось поскорѣе умереть. Судите легко ли откажеться отъ удовольствія васъ видѣть, и свидѣтельствовать, съ какимъ усердіемъ я есмь ваша

покорнѣйшая, и прот.

15.

*О средствахъ какъ приобрести погтеніе
и похвалу.*

Милоспивый Государь!

Вѣрнѣйшее средство войти въ любовь къ другимъ, есть то, чтобы оставить свои собственные склонности, и соображаться со нравами и обычаями тѣхъ, съ коими живемъ и обращаемся. Сей родъ философіи приобретаетъ великимъ прудомъ. Но не всякому ли сей прудъ долженъ быть пріятенъ? не всякой ли долженъ питать такое желаніе? Человѣкъ не можетъ прожить одинъ: его назначеніе — жить въ обществѣ. Не надѣйтесь найти гдѣ нибудь человека со всѣми совершенствами; шершнѣе и стараніе уменьшаютъ

число недостатковъ. Если нельзя сдѣлаться совершеннымъ, по крайней мѣрѣ должно умѣть, сколько возможно, скрыть свои слабости, чтобы никто не перпѣлъ отъ насъ вреда. Надобно просить совѣта у людей просвѣщенныхъ, и слушать ихъ съ шѣмъ, чтобы образовать свой характеръ: ихъ замѣчания не останутся тщетными. Человѣкъ, знающій свою должность, старается быть остороженъ, и опасается, чтобы не замѣтили въ немъ худыхъ склонностей. Не упускайте ничего, чѣмъ можете поддержать хорошее о васъ мнѣніе другихъ. Но ежели злоба и клевета преслѣдуютъ васъ, то старайтесь сколько можно казаться спокойнымъ: люди разсудительные всегда отдадутъ вамъ справедливость.

Остаюсь вашъ, и проч.

16.

*Изъявленіе чувствости Гжѣ***

Милоспивая Государыня!

Возможно ли, что вы не въ состояніи перпѣть приписываемой вамъ похвалы, и что до сихъ поръ не привыкнете къ лестнымъ объ васъ опзывамъ, не смотря на то, что онѣ лешатъ къ намъ со всѣхъ сторонъ? Жалокъ въ васъ такой характеръ! Если вы не переменитесь, то со временемъ принуждены будете перпѣть большія непріятности. Что касается до меня, Милоспивая Государыня, я

удивляюсь вамъ болѣе всѣхъ; можете бытъ эшимъ самымъ я и досаждаю вамъ также болѣе всѣхъ. Извините меня, если моимъ признаніемъ умножу ваше неудовольствіе. По чести, я не въ состояніи погасить въ сердцѣ своемъ того чувствованія и почипанія, съ коими на вѣкъ пребуду,

Вашъ, и прог.

17.

Жалоба на долговременное молчаніе.

Милоспивый Государь!

Та самая дружба, въ коей мы нѣкогда клялись другъ другу, теперь заспавляетъ меня пребовавъ у васъ причины толь долговременнаго молчанія. Безъ сомнѣнія вы можете оправдаться; но повѣрьте, какъ бы справедливы ни были ваши извиненія, я не могу не жаловаться на васъ. Не извиняйтесь недоспашкомъ случая, или какою мнимою болѣзнію: не повѣрю вамъ; такія причины не удовлетворятъ моему сердцу. Признайтесь, что вы виноваты: это лучшее средство удержавъ меня въ такомъ расположеніи, въ какомъ я былъ и есмь — вашъ,

Милоспиваго Государя, и прог.

О т в ѣ т ѝ.

Милоспивый Государь!

Не нужно для меня много извиняться предъ вами въ молчаніи; я мучился за то довольно въ продолженіи моей болѣзни, коей слѣды и теперь еще чувствую. Я вижу, что вашъ выговоръ основанъ на искренности и усердіи; однакожь повѣрьте мнѣ, что я не въ состояніи забыть тѣхъ, коихъ почишаю, подобно вамъ. Зная припомъ, что вы принимаете участіе во всемъ, ко мнѣ относящемся, я не хотѣлъ встревожить васъ извѣстіемъ о моемъ положеніи. Между тѣмъ вѣрьте, что я испинно вашъ,

Милоспиваго Государя, *и проч.*

И з в и н е н і е.

Милоспивый Государь!

Если одно признаніе въ проступкѣ можетъ заслужить милость, то чего нельзя надѣяться отъ вашего добраго сердца? Правда, что я при прошедшемъ происшествіи не сохранилъ должнаго почтенія; но какъ я сдѣлалъ это въ испуленіи гнѣва, и не имѣлъ времени подумать, по вы, по великодушію своему, предадите забвенію мою слабость.

Вамъ извѣстно, сколь спремительно бываетъ первое движеніе. Законъ и разумокъ не въ состояніи удержашъ его. Не послужилъ къ извиненію моему и то, что въ учиненномъ мною проступкѣ болѣе дѣйствовала природа, нежели мое намѣреніе; и что если я не умѣлъ избѣжашъ слабости, то по крайней мѣрѣ умѣю раскаяшся въ ней и загладишъ ее. И такъ искреннѣйше прошу у васъ прощенія, и увѣряю, что я съ непремѣннымъ къ вамъ почтеніемъ есмь и пребуду вашъ,

Милоспиваго Государя, и проч.

20.

Такого жѣ содержанія.

Государь мой!

Будучи увѣренъ въ нѣжности вашего сердца, осмѣливаюсь просить прощенія у васъ въ моемъ проступкѣ. Позвольте надѣяться, что раскаяніе мое приобрѣшетъ вашу благосклонность. Пусть мое исправленіе послужитъ вамъ удовольствореніемъ, какъ оно служилъ мнѣ самому наказаніемъ. Вы знаете, сколько я прежде и всегда расположенъ былъ къ вашимъ услугамъ; увѣряю васъ, что сердце мое во всю жизнь будетъ вамъ предано. Остаюсь

Вашъ,

Государя моего, и проч.

Изъясненіе цѣрка.

Милостивый Государь!

Четыре мѣсяца съ половиною спрадаю я болѣзнію. Навѣспивъ меня полько разъ, вы увѣряли, что чрезъ недѣлю я получу опъ васъ извѣстіе; но давно уже не слышу ни слова. Подлинно, если вы, приказавъ спроишь большіе дома по своимъ планамъ, сполько же основашельны, какъ въ обѣщаніяхъ, то вы худой архипекторъ. Таковы-то на семь свѣпъ наши друзья и поварищи! шаковъ между прочими и попъ, которому сполько я оказывалъ усердія и почпенія! Видя васъ въ подобныхъ обспоятельстввахъ, я бы не послунилъ по вашему. Если это когда нибудь случится, то вы увидите, каковъ я. — Уже ли это чувствование не пронешъ васъ? Послѣ шакого поступка пропивъ меня, думаю, вамъ прудно будетъ повѣришь, что я съ признашельностію оспаюсь вашъ,

N. N.

Утѣшеніе къ Н. о смерти его покровителя.

Милостивый Государь!

Искренній другъ вашъ увѣдомилъ меня, въ какомъ печальномъ соспояніи вы находишесь, лишась своего покровителя. Ваши достоинства чрезвычайно спронули меня; онъ-то при-

чиною, что я во всякой горести вашей принимаю сердечное участіе. Когда уже смерть похишила лучшаго вашего благотворителя, то теперь могу увѣрить васъ, что никто въ свѣтѣ не расположенъ столько дѣлать вамъ добро, какъ я. Давно желаю имѣть, давно ищу истиннаго друга, и думаю, что наконецъ въ васъ нахожу его. Постараюсь замѣнить то, что отнимаешь у васъ жестокая судьба, отказавшаяся оказывать вамъ свою благосклонность. Примите сіе мое предложеніе съ такою же искренностію, съ какою вамъ дѣлаю оное, и будьте увѣрены, что я вашъ,
Милостивый Государь!

и проч.

23.

О п е в ѣ п ѣ ъ.

Милостивый Государь!

Всѣ мои слова не могутъ выразить сердечной признательности за вашу благосклонность. Правда, что судьба мало ко мнѣ благосклонна, но шѣмъ болѣе печется о мнѣ Провидѣніе. Я лишился покровителя; но да пошлешь небо мнѣ другаго, не менѣе достойнаго любви моей. Сему мудрому Провидѣнію болѣе, нежели своимъ достоинствомъ, приписываю то, что я имѣлъ честь заслужить вашу любовь. Ваше великодушіе приводитъ меня въ замѣшательство. Въ знакъ отличной

моей признашельности, съ покорностію принимаю предлагаемую мнѣ честь, и осмѣлюсь увѣришь, что я вашъ,

Милостиваго Государя!
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
N. N.

24.

Поздравленіе съ выигрышемъ дѣла.

Милостивый Государь!

Позвольте мнѣ поздравить васъ со счастливымъ рѣшеніемъ дѣла. Повѣрьте, что я не менѣе васъ радъ этому. Я знаю, что счастье не заставитъ васъ забыть своихъ друзей. Что до меня касается, то вы найдете меня всегда готовымъ принимать ваши повелѣнія. Это, думаю, можете увѣришь васъ въ моей искренности, съ копорою на всю жизнь останусь вашимъ,

Милостиваго Государя!

покорнѣйшимъ, и прог.

25.

О т в ѣ т ѣ.

Благодарю васъ, Милостивый Государь, за принимаемое участіе въ моихъ дѣлахъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ избавишься опасности потерять все свое имѣніе. Дай Богъ, чтобъ вы никогда не

имѣли случая испытать это мучительное безпокойство! дай Богъ, чтобы ничто не возмущало вашей жизни!

Вашъ, и прог.

26.

По да ваніе совѣта.

Милоспивый Государь!

Я прихожу въ восхищеніе, слыша, что вы всякой день болѣе и болѣе спараешесь дѣлать людямъ добро. Продолжайте такіе поступки, прошу васъ объ этомъ; только не подражайте тѣмъ, копорые изъ одной суешности спараются опличаться отъ прочихъ. Убѣгайте хвасповства и щеславія, и не забывайте, что гордая наружность для всѣхъ отвратительна. Не наружностію, но внутренностію должно опличаться отъ людей обыкновенныхъ. Человѣку свойственно убѣгать всего того, что желаетъ онъ исправить въ другихъ.

Остаюсь вашъ, и прог.

27.

Письмо просительное.

Милоспивый Государь!

Когда бы вы не столько были снисходительны, то и я былъ бы менѣ дерзокъ. Но зная на опытъ, сколь далеко проспирается

ваше великодушіе, надѣюсь, что моя просьба не останется тщетною. Надѣюсь и прошу, чтобъ вы силою своего убѣдительнаго краснорѣчія попрудились умягчить сердце чловѣка, пишущаго ко мнѣ злобу и ненависть. Эшимъ вы одолжите насъ обоихъ вмѣстѣ: ибо я увѣренъ, что когда онъ почувствуешь свою несправедливоспъ, то разсудокъ велипъ ему сдѣлать мнѣ удовлетвореніе. Я надѣюсь отъ васъ получить сіе снисхожденіе. Все обязываетъ меня на вѣкъ быть вашимъ,

Милостиваго Государя, и прог.

28.

О т в ѣ т ъ.

Милостивый Государь!

Извините, что не скоро исполнено ваше препорученіе: я употребилъ все стараніе; но какъ успѣхъ зависѣлъ отъ посторонней власти, то и нельзя было скоро успѣть въ эпомъ. Пусть медленность моя въ семь случаевъ не удерживаетъ васъ доставить мнѣ новой случай доказать готовность мою къ услугамъ вашимъ; усерднѣйше прошу васъ объ эпомъ. Вы знаете, что я всегда за удовольствіе поставляю быть вашимъ,

Милостивый Государь, и прог.

Къ больному другу.

Любезный другъ!

Не могу описатьъ, сколь сильно пронуло меня печальное извѣстіе о вашей болѣзни. Довольно напомнишь вамъ, что я имѣю честь бытъ въ числѣ вашихъ друзей; слѣдовательно и вѣсть о вашемъ несчастіи поразила меня до глубины сердца. Я желалъ бы теперь приложити о васъ всевозможное дружеское попеченіе; но, къ несчастію, не могу вырваться изъ сего города, по причинѣ кирпичческаго состоянія дѣлъ моихъ. Какъ бы то ни было, никакое препяшствіе не помѣшаетъ мнѣ усердно исполнить того, что для васъ будетъ нужно. Вы знаете, что я во всю мою жизнь былъ и буду вашъ

покорнѣйшій, и прот.

30.

О п в ъ н ъ.

Любезный другъ!

Если бы моя болѣзнь не столь была продолжительна, то я давно бы уже принесъ вамъ сердечную благодарность за вашу соспрадательность. Но какъ бытъ? До самаго сего дня я не въ состояніи былъ писать порядочно. Повѣрьте, что я давно уже чувствую, какое участіе вы принимаете во всемъ, отно-

сящемся до друзей вашихъ. Хотя многіе почитаютъ за счастье быть въ числѣ пріятелей, вамъ преданныхъ, однако ни одинъ столько, вамъ не желаетъ добра, какъ я,

Вашъ, и прог.

31.

Объявленіе любви двѣицѣ.

Милоспивая Государыня!

Должность обязываетъ меня открыть вамъ то, что я скрывалъ очень долго: я люблю васъ сердечно. Если это вамъ противно, то я принужденъ буду впасть въ опчаяніе. Но по чести, что можетъ быть несправедливѣе, какъ видѣть вашу красоту и — не влюбиться? Любовь есть всегдашняя дань красоты; а кто смотритъ на нее хладнокровно, тотъ опцимаетъ у ней должное уваженіе. Законъ справедливости пребуетъ, чтобы и вы были признательны: эта признательность должна увѣнчать тотъ пламень и ту искренность любви, съ какими я имѣю счастье опспаться — вашъ,

Милоспивая Государыня!

и прог.

Извѣщенія пріятеля о намѣреніи жениться.

Милоспивый Государь!

Я приступаю къ важному дѣлу, и надѣюсь, что получу одобреніе ваше. Я намѣренъ жениться на дѣвицѣ N. . . — Чшобъ не возбудишь подозрѣнія, не хочу хвалишь ея прелестей; скажу только, что характеръ ея любезенъ и душа добрая. — Думаю, что мой примѣръ и на васъ подѣйствуетъ; вамъ не достаешь только доброй воли: ибо съ вашими достоинствами можно надѣяться многого; ваше счастье должно быть наградою за добродушіе и благоразуміе, коими вы отличаетесь. И такъ рѣшишь слѣдовать моему примѣру.

Вашъ, и прог.

О ложномъ учтивствѣ.

Милоспивый Государь!

Спарайтесь, сколько можно, узнавать людей, разбирашь ихъ поступки и вникашь въ ихъ дѣйствія. Не проходишь дня, чшобы люди не ошибались. Они почипають истинно учпивыми и снисходительными шѣхъ, кои носятъ одну маску учпивости; но споишь только обратишь вниманіе и испыташь ихъ, — и пошчасъ обнаружись ихъ лицемѣріе. Они благосклонны и ласковы, пока имъ

льсвятъ и поступають по ихъ желанію; но лишь только начнешь имъ противорѣчитьъ, или по неосторожности не отдашь должнаго почтенія, то вдругъ начнется роптаніе и неудовольствіе; вдругъ они выходятъ изъ перлвнїа: на мѣсто прїязни является ссора, знакомство исчезаетъ, дружба гаснетъ. Не знаю, для чего многіе обременяють всякаго своими объятїями и показываютъ усердіе, когда сердце ни мало не согласно съ словами. Иные, находясь съ людьми, всегда имъ угождающими, думаютъ, что сдѣлались истинными полипиками. Но чтобы узнать истинная или ложная сія полипика, надобно сыскаеть случай провести нѣсколько времени съ людьми грубыми и спранными. Если вы можете хорошо поступать съ ними, если не станете говорить грубо, не будете плашить равнымъ за равное, если можете молчать, слыша неучтивыя выраженїя: тогда ваша полипика истинна. Но если поступите съ ними неучтиво и гордо, то имѣете только одну поверхность полипика. Между шѣмъ однакожь будьте увѣрены, что я обращаюсь съ вами, какъ истинный другъ, совершенно вамъ преданный.

N. N.

Совѣтъ читать Исторію.

Милостивая Государыня!

Не знаю, по чему вы не любите Исторіи, имѣя въ своей библіотекѣ прекрасныя историческія сочиненія? Сколько пользы и удовольствія можете найти занимаясь ею въ деревнѣ, удалясь отъ излишнихъ заботъ и разсѣянности, о томъ не нужно много говорить. Приведу вамъ нѣсколько примѣровъ, чѣмъ показать привлекаемость и пользу ея. Исторія есть душа нравственности. Въ ней повѣствуется, что и женщины не менѣе мужчинъ способны къ геройскимъ поступкамъ. Послушайте моихъ историческихъ доказательствъ: Юлій Сабинъ — это было во времена Веспасіановы — будучи предводителемъ шайки бунтовщиковъ, былъ посаженъ въ темницу и осужденъ на смерть; онъ бѣжалъ и скрылся въ пещерѣ. Эпонина, жена его, узнала отъ двухъ опущенныхъ на волю о томъ мѣстѣ, пришла въ пещеру къ своему мужу, жила тамъ съ нимъ около шестипи лѣтъ, и родила нѣсколькихъ дѣтей. Наконецъ ихъ нашли, схватили и отвели въ Римъ. Эпонина была неуспѣшна, предчувствуя несчастіе, угрожающее мужу ея. Взявъ своихъ дѣтей, рожденныхъ въ пещерѣ, бросилась она къ ногамъ Императора. *Государь!* говорила она ему: *вотъ дѣти, которыхъ я сама вскормила, дабы было*

тому просить у тебя помилованія. Хотя Веспасіанъ осмался непреклоннымъ , и велѣлъ казнить Сабина , но шѣмъ не умалилось великодушіе Эпонины. — Мужество женщинъ бываетъ нѣжнѣе и безопаснѣе храбрости мужчинъ. И на это найдете въ Исторіи примѣры: Римляне безъ мѣры хвалили поступокъ *Порціи*, дочери Капона Ушического , и жены Брутовой, которая, услышавъ, что мужъ ея лишился жизни на Филиппинскомъ сраженіи, проглотила нѣсколько раскаленныхъ угольевъ, чшобъ и самой умереть. Не правда ли, что въ семъ поступкѣ есть какая-то сила , несвойственная женщинѣ? Тушъ видно болѣе испупленія и опчаянія , нежели истиннаго величія духа. Какъ ~~со~~ что ни было , Римляне сочинили Панегирикъ великодушію *Порціи*; нѣкоторыя спавили ее даже выше отца ея, который послѣ побѣды, одержанной Цесаремъ, пронзилъ себя кинжаломъ.

Женщины также не всегда могутъ владѣть своими чувспвами: спрасъ часто увлекаетъ ихъ слишкомъ далеко. Графиня *Марія*, дочь Филиппа Августа, услышавъ, что Годуэнъ, мужъ ея, взялъ Конспаншинополь, предалась такой радости, что умерла на томъ же мѣспѣ. — Нѣкто чловѣкъ посредспвенныхъ дарованій, получилъ начальство надъ армією, и былъ предпочтенъ одному изъ лучшихъ Греческихъ Полководцевъ; сей не оскорбляясь симъ униженіемъ, служилъ проспымъ солдатомъ подъ начальствомъ соперника, а шолъ

какъ человекъ неопытный и слабый, управлялъ арміею неудачно. Неблагоразуміе начальника привело всѣхъ почти къ совершенной гибели. Крайность заставила прибѣгнуть къ другому храброму и достойному предводителю. Сей, не жалуясь на несправедливость своихъ согражданъ, спасъ армію и Генерала.

Я ужъ сказалъ вамъ, Милостивая Государыня, что всякой, читая Исторію, можетъ дѣлать замѣчанія, сообразныя со вкусомъ своимъ. Полиптики, любители нравственности, искатели чрезвычайныхъ происшествій, собирающъ въ ней все, могущее доставить имъ удовольствіе.

Не извиняюсь предъ вами, что письмо мое такъ велико. При досугѣ и при сельскомъ спокойствіи, колпорыми теперь наслаждаетесь, вы не безъ удовольствія прочли бы письмо мое, хотя бы оно было еще пространнѣе. Въ заключеніе скажу, что я во всю мою жизнь съ сердечною покорностію и почтеніемъ есмь и буду — вашъ,

Милостивая Государыня! и проч.

35.

*Письмо шутливое о средствѣ сдѣлаться
извѣстными въ ценомѣ свѣтѣ.*

Любезный другъ!

Ты всегда надѣешься на мою любовь, на мое благорасположеніе къ тебѣ; вѣрь, что не

обманешь себя сія надежда, и для меня самага очень пріятная. Ты пребовадь, чшобъ я показаль тебѣ пущь къ ученой славѣ и чеспи, и былъ твоимъ пушеводипелемъ на сей спезѣ, тебѣ неизвѣстной. Во первыхъ знай, что я собспвеннымъ опытомъ дозналь истину тѣхъ правилъ, кои намѣрень предложить тебѣ; симъ пушемъ дошелъ я во храмъ славы. Для доспженія своей цѣли повинуйся моему мнѣнію.

Сначала не пропускай никакого объявленія о Журналахъ, ученыхъ запискахъ и разныхъ рецензіяхъ о книгахъ. Все это будетъ для тебѣ источникъ, изъ котораго можешь почерпнуть ученость; особливо совѣщую пвердо замѣчать годъ, мѣсто, гдѣ книга печатана, и ея содержаніе. Собравши довольный магазинъ такихъ познаній, рассказывай не только своей братьѣ, но и ученымъ мужамъ, что тебѣ покажешся полезнымъ. Выучи также нѣсколько отборныхъ мѣспъ изъ Греческихъ Спихотворцевъ; замѣть вышедшія на нихъ крипическія замѣчанія; при случаѣ читай скоро и съ важнымъ видомъ. Услышавъ, что кто нибудь сочиняетъ книгу, спѣши къ нему, и общай, что сдѣлаешь на нее замѣчанія и объясненія. Вошь первая степень къ чеспи! — Сочиняющій въ концѣ предисловія упомянетъ о тебѣ съ великимъ почченіемъ, и тѣмъ будетъ рекомендовать тебѣ. ученымъ Общеспвамъ. Какъ пріятно будетъ читать тебѣ самому: *Объясненія дѣлалъ молодой цѣгеньый геловѣкъ, который будетъ великимъ цукрашеніемъ въ цте-*

номъ свѣтѣ. Такая слава пріобрѣтается малымъ трудомъ, или безъ всякаго труда.

Не худо написать что нибудь и самому. Пиши и старайся, чпобъ ученые люди заговорили о твоёмъ сочиненіи. Трудъ твой легко удастся, ежели матерію возьмешь изъ Римскихъ или Греческихъ древностей. О нихъ писано уже много, и тебѣ спойти будетъ только выбирать готовое; онѣ могутъ быть для тебя полезны: отъ нихъ мы всё зависимъ; изъ нихъ почерпаютъ умничанье всё школьные учителя; изъ нихъ бери и ты, сколько хочешь. Старайся не пропускай мѣстъ изъ древнихъ, копорыя болѣе похваляются. Чѣмъ больше наберешь такихъ мѣстъ, тѣмъ ученіе будетъ казаться твое сочиненіе, тѣмъ больше славы для тебя. Упоминаемыхъ мѣстъ въ древнихъ самому приискивать не за чемъ: такая работа можетъ наскучить и самому тонкому Филологу. Кто спанетъ повѣрять, справедливо ли ты приводилъ и хвалилъ мѣста? только бы ихъ было по болѣе. Бумагу употребляй хорошую и украшенную. Въ предисловіи напиши, что ты занялъ множествомъ важныхъ дѣлъ, и это написалъ въ досужное время, или въ часы отдохновенія. Старайся увѣрить, что сію книгу твои друзья безъ твоего согласія напечатали. Разными хитростями заставь о своемъ сочиненіи говорить въ Журналахъ и другихъ изданіяхъ. На послѣдокъ, богато переплещя, разошли творенія свои къ мужамъ ученымъ. Если получишь отъ

нихъ письменную благодарность, по читай ее во всѣхъ обществахъ и всѣмъ извѣстнымъ людямъ. — Тогда вездѣ заговоряшъ о тебѣ. Всякой скажетъ: его приняли во многія цѣльныя Общества; не повѣришь, какъ часто пишутъ къ нему изъ Италіи, какъ многіе ищутъ его знакомства! Ахъ! ты не знаешь, въ какой онъ славѣ, даже въ туземныхъ Собраніяхъ и Обществахъ!

Пиши письма по большой части къ тѣмъ, кои имѣютъ великую силу въ ученыхъ Обществахъ. А чѣмъ скорѣе приняли тебя, можно завернуть въ письмо — понимаешь ли что? эгошъ родъ людей всегда голоденъ; тебя пощасъ примутъ членомъ. Послѣ эшаго, сохрани Богъ! если не прибавишь къ заглавію своей книги: *Членъ Общества. . . .* и проч.

Есть и другой способъ прославить себя; но онъ довольно пруденъ: когда услышишь, что умеръ славный ученый Мужъ, по обрати свое перо прошивъ него. Всѣ удивятся твоей премудрости, а отвѣчать будетъ нѣкому. Ежели въ сочиненіяхъ похудишь нечего, по вооружись прошивъ самаго сочинителя, поноси его всѣми способами. Не ходи самъ въ публичныя собранія, но спарайся узнать о происшедшихъ спорахъ и произноси рѣшительнымъ тономъ свое мнѣніе, какъ будто бы онъ него зависѣло счастье цѣлаго собранія.

Этого, кажешся, довольно тебѣ на первый разъ. Разбери и подумай; изъ эшого выведешь

много, очень много. Если еще что нужно, спрашивай.

Прощай, любезный друг!

36.

Поздравленіе съ Новымъ годомъ.

Милоспивый Государь!

Начиная Новой годъ, прежде всего я спѣшилъ пожелать вамъ благополучія, и представилъ новое увѣреніе въ моемъ почтеніи. Это почитаю первою и священнѣйшею обязанностію, и если исполненіе оной приметъ благосклонно, то мѣра моего счастья исполнена. Сколько уже времени я имѣю честь пользоваться вашими благодѣянїями, а за оныя не могъ заплашить ни чѣмъ. По крайней мѣрѣ осмѣливаюсь увѣрить васъ, что я всякую минушу гонѣвъ быль вашимъ,

Милоспивый Государь!

покорнѣйшій слугою....

37.

Поздравленіе духовной Особы съ полученіемъ новаго достоинства.

Преосвященнѣйшій Владыко!

Съ чувствительнѣйшею радостію услышалъ я, что Вы возведены на Епископство. Важная степень достоинства! Я увѣренъ, что Вы сами сею вѣснѣю пронупы менѣ нежели

поспороніе. Вы имѣете цѣлью нѣчто выше всѣхъ мірскихъ вещей, и для того ко всему мірскому хладнокровны. Но какъ въ семь случаѣ благо общественное соединено съ Вашимъ собственнымъ; какъ словесная Ваша паства радуется о Вашемъ Преосвященствѣ: по для чего не вкушаетъ и Вамъ поль чистаго удовольствія? — Я поступаю далѣе: добродѣтельные люди должны желать высокихъ достоинствъ. Въ противномъ случаѣ Богъ воспребуетъ у нихъ опчесть въ своихъ милостяхъ; а свѣтъ будетъ жаловаться, что они оставляютъ его въ добычу зла. Сердце мое наполняется радостію, чувствуя, что Вы скоро будете на той степени, откуда многихъ озарите свѣтомъ своимъ, и падшихъ возставите. Ничто не воспротивится Вашему влчійству. Оно будетъ поржесствовать не менѣе того, коему удивлялся нѣкогда великій Римъ, когда Орапоры его обвиняли пирановъ и защищали угнешаемыхъ. Однакожь, сколь ни знаменито Ваше достоинство, оно безъ сомнѣнія будетъ заимствовать блескъ отъ величія, обладающаго вселенною и управляющаго душами. И такъ судите, могу ли при поль великой радости не засвидѣтельствовать Вамъ моего усердія? Имѣю честь быть съ почтеніемъ и преданностію,

Вашего Преосвященства,

покорнѣйшій.....

Къ Графу... въ день его рожденія.

Ваше Сіятельство!

Ваши друзья столько любящъ васъ, что день вашего рожденія не можетъ не произвести въ нихъ всеобщей радости, а особливо когда вы наслаждаетесь здоровьемъ. Позвольте же, Ваше Сіятельство, и мнѣ въ сей драгоценный для меня день увѣришь васъ, что едва ли кто нибудь расположенъ къ вамъ болѣе меня. Совѣсть моя увѣряетъ меня въ эпомъ. Я искренно молю Бога о сохраненіи вашего спокойствія и благоденствія, нужнаго для всего общества, а еще болѣе для меня. Сердце мое льстился надеждою, что вы долго, долго еще будете получать подобныя поздравленія отъ того, который за особливую честь для себя поспавляетъ, съ истиннымъ почтеніемъ и усердною признашельностію бытъ,

Вашего Сіятельства!

и прог.

О п в ъ п ъ.

Милосивый Государь!

Я думаю, что вы ни мало не сомнѣваетесь въ моей признашельности за пріятное увѣреніе въ вашей дружбѣ. Для меня крайне пріятно исполненіе вашего искренняго желанія,

доказывающее вашу пріязнь и благорасположеніе. Повѣрьте, что я не пропущу ни одного случая доказать, что всегда готовъ къ услугамъ вашимъ,

и проч.

40.

О пособіи пріятелю.

Милоспивый Государь!

Полагаясь на вашу искренность и любовь ко мнѣ, покорнѣйше прошу сообщить слѣдующее при семъ письмо и сто рублей Г-ну., съ увѣреніемъ въ истинномъ моемъ къ нему доброжелательствѣ и почтеніи. Тѣсныя обстоятельство не дозволяютъ мнѣ теперь служить ему болѣе; но надѣюсь на будущее. Между тѣмъ спану промышлять о приспойномъ для него мѣстѣ. Объявите ему объ этомъ спорочно. Я дѣлю время съ пріятелями, доволенъ и здоровъ. Желая вамъ душевнаго спокойствія, есмь вашъ усерднѣйшій.

41.

Оправданіе.

Милоспивый Государь!

Меня почишаютъ человѣкомъ честнымъ и нелишеннымъ здраваго разсудка; но подлинно я не имѣлъ бы ни смысла, ни честности, если бы могъ сдѣлать то, что вамъ обо мнѣ

наказано. Слухъ дошелъ до васъ ложной: слѣд-
ствія докажутъ это. Тогда вы конечно рас-
каетесь, что повѣрили клеветѣ, и могли по-
дозрѣвать, чтобы человекъ, уважающій че-
стныя правила, могъ забыть себя и хопя на
минушу переспалъ быть честнымъ. Мои друзья
имѣютъ обо мнѣ выгодныя мысли; одни не-
доброжелатели, опзываются обо мнѣ съ язви-
пельною злобою, дышущіе мщеніемъ, выду-
мали шакою клевету; они-то приписали мнѣ
цоль низкой поступокъ. Будьте увѣрены, что
я еще достоинъ быть вашимъ,

Милосниваго Государя, и прог.

42.

*Письмо отъ двѣицы, просящей пріятеля окре-
стить вмѣстѣ съ нею младенца.*

Государь мой!

Вы нѣсколько разъ говорили, что желаете
быть со мною въ какой нибудь связи; если
это справедливо, то я доставляю вамъ къ
этому случай. Г. Н. усердно молился Богу,
чтобъ имѣть наслѣдника; теперь родился у
него сынъ, и меня просили быть крестною
маптерью. Выборъ кума предоставленъ мнѣ;
если вы хотите сдѣлать мнѣ честь и удо-
вольствіе, то въ 9 часовъ утра приѣзжайте
ко мнѣ.

Остаюсь, и прог.

*Угтнвостъ къ особѣ не коротко знакомой,
по слушаю дѣла.*

Милоспнвый Государь!

Если бы ваши достоинства и уваженіе, какимъ вы пользуетесь въ обществѣ, не въ соспояніи были доставить мнѣ вашего знанія, по отношеніе по нашему дѣлу должно сдѣлать мнѣ оное вожделѣннымъ. Радуюсь, что это дѣло могло послужить мнѣ предлогомъ къ перепискѣ съ вами и со временемъ къ личному знакомству. Почитаю себя счастливымъ, воспользовавшись случаемъ, доказать вамъ, что я поставляю за особливую для себя честь быть вашимъ,

Милоспнвый Государь!
покорнѣйшимъ, и прот.

Милоспнвый Государь!

Я очень недоволенъ, что вы предупредили меня; мнѣ хопѣлось, чпобъ я началъ искашь вашей дружбы, а не вы моей. Я уже готовился писать, какъ вдругъ получаю отъ васъ письмо. Такъ и бытъ! Однакожь тѣмъ не менѣе чувствую цѣну вашей пріязни. Повѣрьте, что я употреблю всѣ силы поддержать наше знакомство и заслужить вашу любовь. Основаніемъ и поводомъ къ сему будетъ не

связь наша по дѣлу, но ваши достоинства и моя привязанность, съ копорою имѣю честь быть вашъ,

Милоспиваго Государя!

и проч.

45.

Къ молодому геловѣку, которому доказывается, что блескъ пышности приличенъ только знатнымъ.

Государь мой!

Вы увѣряете меня, что безпрестанно спраешесь жить хорошо и сдѣлаться честнымъ человекѣмъ. Кто рѣшилъ такъ твердо, любезный мой, пошъ уже сдѣлался честнымъ. Но вы думаете иначе, и вамъ прудно себя удовольствовать. Эта наука безконечная, слѣдовашельно и успѣхамъ нѣшъ предѣловъ. Я васъ люблю, и для шого не скрою ничего; справедливъ ли будешъ мой совѣшъ, разберите сами. Вы спрашиваете, прилично ли занимаетесь блескомъ и роскошью? спрашиваете, могу ли вамъ совѣшовать любить ее? Она прилична Государямъ, Полководцамъ и правителямъ разныхъ спранъ: они даже не могутъ обойтись безъ пышности. Чшо касается до людей частныхъ, шо роскошь и пышность могутъ шолько умножить домашнiя ихъ заботы. Спокойный и порядочный родъ жизни, съ умѣреннымъ расходомъ, дѣлають ихъ почтенными и любезными. Я всегда думалъ, чшо для

шого, чтобъ быть совершенно добрымъ и честнымъ человекомъ, ни мало не нужна суешность. Самое лучшее дѣло въ свѣтѣ, произведенное суешностію, не можетъ быть похвально. Самые добродѣшельные не могутъ быть совершенно счастливыми, коль скоро можно подозрѣвать ихъ хотя мало въ суешности. Но возвратимся къ частнымъ людямъ. Нигдѣ и никогда не находилъ я ни одного изъ нихъ, которъ бы удачно могъ жить со славою и великолѣпіемъ. Иной собираетъ богатство, чтобъ обратить на себя глаза и блеснуть своимъ мнимымъ щедролубіемъ. Но я скажу сему щедролубцу, что имѣть щеславный и величавый видъ значить обращать на дурака глаза глупыхъ, и что умѣренные расходы и благоразумная бережливость могутъ сдѣлать счастливую жизнь того, кто имѣетъ столько ума, чтобы имъ пользоваться. Вотъ, что я объ этомъ думаю.

Вашъ, и проч.

46.

Признательность дружбы.

Любезный другъ!

Хотя теперь я долженъ отвѣчать на письма многихъ знаемыхъ людей; но всему прочему предпочитаю долгъ дружбы, и спремлюсь шуда, куда влечетъ мое сердце: къ вамъ, любезнѣйшій другъ, къ вамъ, коего образъ незабвенъ для меня, и которъй чрезъ благодѣ-

янія свои привязалъ меня къ себѣ неразрывными узами. Въ сей дружбѣ ищу утѣшенія среди горестней; къ ней прибѣгаю въ крайнихъ обстоятельстввахъ, — прибѣгаю, надѣясь на нѣжность вашего сердца, на доброту вашей души. Ваше сердце всегда сострадаетъ несчастнымъ; ваша душа не можетъ не помогать имъ, чѣмъ только можетъ. — Могу ли не любить человека съ такимъ сердцемъ, съ такою душою? могу ли быть непризнателемъ къ такой дружбѣ? О! еслибъ я былъ въ состояніи заплатить вамъ хотя за малую часть того, что я получилъ отъ васъ! если бы могъ доказать хотя нѣсколько по чувствованію, съ копорымъ остаюсь вашъ,

и прог.

47.

Благодарность къ другу.

Любезный другъ!

Чувствительнѣйше благодарю васъ за присланное лѣкарство отъ моей печали, т. е. за ваше письмо. Чувствую, что каждая строчка его происпекла отъ вашего сердца. Какое удовольствіе, какое счастье имѣть друга, подобнаго вамъ! Больно мнѣ только то, что я далеко отъ васъ, что симъ удовольствіемъ и счастьемъ пользуюсь посредствомъ воображенія. Попрудись доставлять мнѣ по временамъ оправданное удовольствіе своими пріятными

записочками: онъ помогущъ мнѣ въ грусти и подкрѣпящъ слабость, которую уже чувствую съ мѣсяць. Будьте оспорожны, чѣмъ не потеряшь человѣка самаго преданнаго и усерднаго, каковъ есть

и проч.

48.

Дружеская откровенность.

Любезный другъ!

Вы не можете вообразить, какъ пріятно мнѣ жить теперь въ деревнѣ, которой владѣніемъ я испинно вамъ обязанъ. Вы мнѣ одобрили ее; вы ссудили меня деньгами въ крайнихъ моихъ обстоятельстввахъ. Сколь рѣдки такія благородныя души, ищущія обязывашъ своихъ друзей, одолжашъ человѣчество! Вамъ справедливо сказывали, что помѣстье это доставляетъ ежегоднаго доходу около 6000 рублей, а иногда и болѣе. Надѣюсь, что вы всякое лѣто захотите провести у меня двѣ или три недѣли: эшимъ вы одолжите меня. Что касается до меня, то я рѣшилъ все свободное время жить здѣсь; скоро перевезу сюда и свою библіотеку. Наконецъ скажу вамъ, что пріятели мои не будутъ скучать мнѣ богатыми ужинами, кои часно я дѣлалъ въ М... Я хочу жить съ ними посвободнѣе, хочу имѣть удовольствія не столь шумныя: откровенность и любовь для друзей, учтивые разговоры для знакомыхъ. Здоровье мое попра-

вляется, бодрость возвратилась въ душу; я снова шопъ, котораго характеръ вамъ нравился.

Остаюсь вашъ, и прог.

49.

Жалобы на худыя обстоятельства.

Любезный другъ!

Пропало мое счастье, исчезло имѣніе. Сохрани Богъ, если бы я поперялъ и того, къ кому сердце мое болѣе всѣхъ чувствуетъ привязанности и почтенія. Тебѣ извѣстно, что я не сказалъ бы сего, если бы истинно не чувствовалъ. Я не изъ шѣхъ, кои у всякихъ воровъ ошанпываютъ пороги, и всѣмъ свидѣтельствуютъ почтеніе, не чувствуя онаго ни къ кому. Правда, если бы я попалъ въ число ихъ, то можешь быть мое состояніе было бы лучше настоящаго. Но тогда я поступилъ бы противъ душевной склонности; а лишиться спокойствія душевнаго, а можешь быть и себя, моего сердечнаго пріятеля, было бы слишкомъ горько. Таково на свѣтѣ, мой любезный! Вѣрь мнѣ, что я вѣчно тебя люблю, и буду любить.

Твой, и прог.

Выговоръ пріятелю, что ѹбхалъ не простяся.

Государь мой!

Я всегда думалъ, что ваша дружба нена-
рушима, и что я малѣйшимъ сомнѣніемъ могъ
бы васъ огорчить безмѣрно; но опытъ, и
очень непріятный, доказалъ, что нѣтъ уже
для меня сей дружбы, хотя я васъ люблю болѣе
всѣхъ на свѣтѣ. Правда, что я жалуясь безъ
всякаго права: ибо я не былъ достоинъ вашей
дружбы. Вы споль же легко могли лишить
меня сей благосклонности, какъ и почтили
оною. Однакожь, если позволите мнѣ изъяснить
свои чувствованія, не нарушая моего къ вамъ
уваженія: то смѣло скажу, что дружба моя
обижена; — вамъ не должно было ѹзжать изъ
М. . . , не простяся со мною. Вы опняли у
меня то, что я почиталъ очень продолжитель-
нымъ: опраду въ сукѣ, копорую долженъ
перпѣть безъ васъ. Но хотя бы то было и
прошивъ вашей воли, однакожь мысль моя
будетъ слѣдовать за вами вездѣ, и я никогда
не перестану бытъ вашимъ,

и прот.

Извиненіе.

Милоспивый Государь!

Ничто и никогда меня сполько не прогало,
какъ подарокъ вашей Музы; но вы должны про-

стишь мое долговременное молчаніе. Истинно причиною сего мои неблагопріятныя обстоятельствова. Недѣль шесть почишаюсь уже почпи бѣглецомъ на Парнасѣ. Безпрестанно занимаюсь по стряпчими, по банкирами. Вообразите же, сколько удовольствія доставилъ мнѣ Аполлонъ, приславъ ко мнѣ ваши стихи. Теперь, кончивъ скучныя письма судебныя, принимаюсь за гармоническое произведеніе вашего пера, и хочу имъ насладиться. Ваша похвала учишь меня, каковъ я бышь долженъ; сердце мое съ признашельноспію принимаетъ ее, какъ пріятное наставленіе. Повѣрьте, что вы ни на Парнасѣ, ни въ Магистратѣ не найдете челоуѣка, споль вамъ преданнаго, какъ вашъ,

и прог.

52.

Извиненіе о неистолненіи препоругенія.

Милоспивый Государь!

Извините меня, что я долго не отвѣчалъ на ваше письмо, коего вы меня удостоили. Не приищите сего забвенію, или невнимательности. Мнѣ весьма чувспвишельно было, что я не могъ исполнить своей должности. Хошя старался исправить препоругеніе ваше со всею почноспію, но обстоятельствова задержали. Наконецъ все исполнено, все приведено къ окончанію, и я отвѣчаю на ваше письмо. Будьте увѣрены, что и важнѣйшія препоругенія постараюсь исполнять со вся-

кимъ спараніемъ. Для меня первое удовольствіе быль вашимъ,

и прог.

53.

О выздоровленіи друга.

Любезный другъ!

Чѣмъ болѣе ваша болѣзнь извлекла у меня слезъ, чѣмъ болѣе тревожила меня, тѣмъ выздоровленіе ваше мнѣ пріятнѣе. Что чувствуетъ человекъ, обнимая своего искренняго, спасагося послѣ кораблекрушенія, обнимая того, котораго почиталъ уже погибшимъ? Не справедливо ли, что сія минута можетъ назваться блаженствомъ? Признаюсь, что въ сію минуту узелъ дружбы нашей связанъ еще крѣпче. Ваше здоровье возвращаетъ мнѣ мое собственное. Почитаю его первымъ благодеяніемъ, какое только Небо могло мнѣ оказать. Теперь оспается мнѣ желанье, чтобъ оно сохранило васъ какъ для себя самихъ, такъ и для меня, вашего друга.

54.

Увѣдомленіе о приѣздѣ въ городъ.

Милостивый Государь!

Я почелъ бы себя недостойнымъ вашихъ милостей, если бы, приѣхавъ въ городъ, не спѣшилъ увѣришь васъ въ безпредѣльномъ по-

чпеніи за всѣ знаки вашей сердечной дружбы. Мнѣ извѣстно, что вы принимаете участіе во всемъ, что до меня касается; знаю, что вамъ пріятно будетъ, если представлю краткое извѣстіе о моемъ приѣздѣ. Дождь шелъ цѣлые три дни почти не переставая; я принужденъ былъ терпѣть скуку, мучиться досадою. Къ счастью, съ нами былъ Н. . . , самый забавный человекъ: онъ рассказывалъ свои похождения, множество анекдотовъ, и шѣмъ заставилъ насъ забыть все мученіе. Такимъ образомъ прибыли мы въ городъ, гдѣ я и пошелъ за удовольствіемъ объявить все, между прочимъ и то, что я

Вашъ, и прог.

55.

*Письмо просительное къ Свѣтлѣйшему Князю
отъ молодаго Графа.*

Свѣтлѣйшій Князь!

Милоспивый Государь!

Какъ бы я ни былъ увѣренъ въ вашемъ великодушіи и снисхожденіи, однако не могъ бы сдѣлаться нескромнымъ на счетъ вашего спокойствія. Но бываетъ время, въ которое, кажется, имѣю право по своему дѣлу просить Вашу Свѣплость. Теперь настало такое время. Всѣ говорятъ о войнѣ, всѣ знаютъ, какъ пламень ея усиливается. Возможно ли мнѣ безпрепятственно слышать о ней, и самому сидѣть въ бездѣйствіи? Возможно ли, чшобъ жизнь моя

пропекала въ уединеніи безъ всякой пользы, безъ всякой службы Государю и Опечеству? Между тѣмъ не одна пысяча молодыхъ людей, — а увѣренъ, не споль ревностныхъ сыновъ Опечества, какъ я, — идушь съ честію служить ему. — Примите прудъ представить Монарху мое усердное желаніе. Доставляя пользу обществу, удовлетворяя моему сердечному влеченію, вы обяжете всю нашу фамилію, изъ которой всякой готовъ бытъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою, а всѣхъ болѣе

Вашей Свѣшлости,

Милоспиваго Государя, и прот.

56.

Письмо рекомендательное для одного благороднаго теловѣка.

Милоспивый Государь!

Вручитель сего письма, Дворянинъ Н., не имѣешь другихъ пороковъ, кромѣ бѣдности. Вы потчасъ изумишесь, и скажете сами въ себѣ: да вѣдь бѣдность не порокъ! Знаю, что вы это скажете; я и самъ по же думаю; и пакъ этошь Дворянинъ безъ всякихъ пороковъ. Онъ съ добрымъ сердцемъ, основательнымъ умомъ, честень, и довольно пріятень въ обращеніи. Онъ ѣдишь хорошо верхомъ, и, кромѣ опечественнаго языка, знаетъ еще другіе очень порядочно. Вы можете доставить ему выгодное мѣсто, а чрезъ то и одол-

жишь одного изъ честнѣйшихъ людей въ нашемъ опечесствѣ. Увидите, что онъ умѣетъ бытъ также благодаренъ, какъ и вашъ,
и прот.

Благодарность за благодареніе.

Ваше Превосходительство!

Милоспивый Государь!

Признаюсь вамъ, что мое сердце было спѣснено, глаза омочены слезами; я не зналъ, что дѣлать, куда обратиться. Вдругъ получаю отъ васъ письмо; не Ангелъ ли послалъ его ко мнѣ съ неба? Возможно ли, что вы среди безмѣрныхъ заботъ и дѣлъ государственныхъ находите время и удовольствіе обратиться вниманіе и на меня? Я думалъ, что мое самолюбіе играетъ надо мною; но нѣтъ: беру письмо, распечатываю, вижу вашу руку. Читаю, что Ваше Пр., удостоивая меня своихъ милостей, намѣрены и впредь оказывать оныя. Повѣрьте мнѣ, что я говорю это не по скромности, не по излишней Философіи, презирающей богатства. Нѣтъ! искренность управляетъ перомъ моимъ. Могу ли, смѣю ли обманывать моихъ начальниковъ и благодарителей? Мнѣ чрезвычайно чувствительно, что я не въ состояніи благодарить соразмѣрно вашему благодаренію; по крайней мѣрѣ сердце мое на всю жизнь

будеть чувствовашъ это, сколько умѣешь.
Имѣю счастье быть,

Вашего Превосходительства,

Милостиваго Государя

покорнѣйшій слуга.

58.

Утѣшеніе Г-жѣ. Н, лишившейся супруга.

Милостивая Государыня!

Я не намѣренъ въ семъ письмѣ выговаривать вамъ за ваши слезы: отдаю имъ справедливость. Вы лишились супруга: онъ споймъ слезъ, ибо сердечно любилъ васъ. Но не должно свои выгоды предпочитать счастью того, кто намъ любезенъ. Онъ много спрадалъ на землѣ, и теперь на небесахъ наслаждается блаженствомъ. Нужно ли сожалѣть о немъ? И такъ утѣшайтесь тѣмъ, что ваша потеря была неизбежна, что Небо, взявъ его опъ васъ, хотѣло наградить добродѣтель. Онъ оставилъ вамъ дѣшей; они вѣрно пойдутъ по слѣдамъ его. Долгъ предписываетъ вамъ употребить все стараніе, образовать и воспитать сіи юныя растѣнія. Чрезъ сіе наиболѣе вы можете доказать свою признательность къ супругу, который васъ любилъ, сколько смертному любить можно. Теперь остается мнѣ сказать, что я соединяю свои слезы съ вашими, и остаюсь вашъ,

и проч.

О т в ѣ т ѣ.

Милоспивый Государь!

Какъ ни велика моя потеря, но участіе, принимаемое въ оной людьми, подобными вамъ, можетъ подашь ульшеніе страждущей. Почитаю себя чрезвычайно обязанною вашей дружбѣ. Уже начинаю чувствовать, что я не всего лишилась съ любезнымъ своимъ мужемъ: ибо онъ оставилъ мнѣ друзей благородныхъ и великодушныхъ, какъ вы. Безпомощная вдова, подобная мнѣ, не въ состояніи отказать отъ вашего предложенія. Постараюсь быть достойною такого усердія. Между тѣмъ имѣю честь быть,

и прог.

60.

О препоругеніи себя Провидѣнію.

Милоспивый Государь!

Нельзя болѣе пронуться, какъ я, вашею участію. Какъ бытъ! должно нести крестъ свой, почитая его сокровищемъ: чрезъ него дѣлаемся достойными благости Божіей; чрезъ него уподобляемся Сыну Его. Крестъ составляетъ какъ бы часть нашего хлѣба насущнаго. Богъ да положитъ только мѣру, сообразную нашимъ силамъ и нуждамъ, Ему, а не намъ извѣстнымъ. Пусть Онъ дѣйствуетъ; предадимся волю Его. Будьте сыномъ Провидѣнія,

и не заботьтесь много о будущемъ. Манна пор-
 ѣдилась, когда люди, желая быть слишкомъ
 прозорливыми, старались запасись ею на
 нѣсколько дней впередъ. Всеблагій Богъ по-
 шлеть вамъ нужную помощь. Провидѣніе дѣлало
 бы чудеса для насъ, но мы сами препятству-
 емъ Ему, стараясь упредить Его. Безпрестанно
 беспокоясь, мы желаемъ провидѣть, и всегда
 ошибаемся. Всевѣдущій Богъ лучше насъ знаетъ,
 сколько талантовъ дано человѣку, и сколько
 ошъ Него попотребовать. Надѣйтесь и положи-
 тесь на Сердцевѣдца: Онъ вѣренъ Своему обѣщу.
 Вашъ, и проч.

 б1.

*Письмо, коимъ просятъ денегъ у геловѣка,
 предлагавшаго услуги.*

Милоспивый Государь!

Вы съ такимъ жаромъ предлагали свои
 услуги, и столь настоятельно желали найши
 къ тому случай, что я теперь надѣюсь до-
 ставить вамъ удовольствіе слѣдующимъ пред-
 ложеніемъ: мнѣ для одного, очень полезнаго
 дѣла, нужно 600 рублей. Болѣе не скажу вамъ
 ничего. Не хочу объясненіями моими васъ
 беспокоить; довольствуюсь однимъ предложе-
 ніемъ, и оставляю все въ полную власть ва-
 шимъ чувствованіямъ. Вашъ отвѣтъ дока-
 жетъ мнѣ, не щещпною ли я льспился наде-

ждуо , и послужишьъ правиломъ , долженъ ли я
оспахься на всю мою жизньъ вашъ

и проч.

62.

*Сынъ увѣдомляетъ о смерти престарѣлаго
своего отца.*

Государь мой !

Гореспно мнѣ лишился родителя; но я
лишился его; я печалюсь, можешь бышь, болѣе
нежели должно о такой потерѣ. Онъ прожилъ
около спа лѣтъ; жизнь ему была въ пыгосшь; онъ
болѣе спенадъ и мучился, нежели жилъ; но я чувспвишельно жалѣю о немъ. Истинно
это былъ почщенный спарикъ: онъ много
принесъ чести своему семейству; однакожь
желашъ ему продолженія жизни, значило бы
желашъ пропивъ его желанія. Съ нѣкопорого
полько времени чувспва его переспали дѣй-
спвовашъ, оставляли его мало по малу, и
разспались съ удовольспвіями жизни такъ,
что не могли брать никакого участія въ вещахъ
міра сего. Онъ испаялъ и удалился въ другой
міръ, чтобъ бышь шамъ счаспливѣе. Я увѣренъ,
что и вы, Государь мой, также попужите,
какъ и я, объ эшой потерѣ, угнешающей меня:
ибо вы мой другъ, какъ и я, вамъ совершенно
преданный ,

и проч.

Приглашеніе въ деревню.

Государь мой!

Возможно ли это? Неужели васъ совершенно нельзя вызвать изъ Москвы? неужели вы никогда не захотите подышать сельскимъ воздухомъ, между шѣмъ какъ весна все воскрешаетъ, все краситъ; между шѣмъ, какъ самые привязанные къ городу спѣшатъ въ деревню? Если слово *пустыня* устрашаетъ васъ, то — всего на свѣшъ легче переувѣришь себя въ этомъ. Знайте, что у насъ есть луга, рощи, жашвы, прекрасныя аллеи и палисадники. Недалеко капится рѣка. Она пробирается тихо и медленно чрезъ прелестную долину, какъ бы желая налюбоваться ею; потомъ является величественно въ паркъ, и раздѣляетъ его на двѣ части. Тутъ дѣлится она еще на каналы, и образуетъ нѣсколько острововъ; сіи острова въ сосояніи плѣнишь самага нечувствительнаго зеленю распутихъ на нихъ деревьевъ. На иной островъ можно перейти чрезъ мостикъ, а на другой переѣхать въ лодкѣ. Разнообразіе, прелестныя окрестности, близъ лежащій домъ, выстроенный на подобіе древняго готическаго замка какого нибудь рыцаря: сколько картинъ, сколько занимательныхъ предметовъ! Не говорю уже ничего ни о знатныхъ ужинахъ, ни о пріятныхъ обществахъ, кои у насъ часто бывають. Подумайте еще, что юношеская веселость и сельская рѣзвость умѣряются

и ученостію. Знаете ли вы, что въ сосѣдствѣ съ нами живешъ N., сколько извѣстный произведеніями своего пера? Онъ часто привозитъ къ намъ O., котораго стихи вамъ нравятся. Какъ бы не забыть напомнить вамъ, что у насъ есть изрядная библіотека. — Послѣ этого, можете ли вы еще опговариваться, когда спану приглашать васъ? Приѣзжайте хотя не надолго, но не опговаривайтесь; приѣзжайте, посмотрите на все. Повѣрьте мнѣ, что жалѣть не будете; время не пропадетъ. Ожидаю васъ непременно. Вы не въ состояніи огорчить того, который съ сердечною привязанностію есть и будетъ,

и проч.

64.

Письмо къ теловѣку, ищущему должности.

Государь мой!

Признаюсь, я сердечно радъ, что вы намѣрены опредѣлившись къ какой нибудь должности. Мнѣ очень извѣстно, что побудительною причиною сего намѣренія есть болѣе общественная польза, нежели ваше честолюбіе. — Да и кто можетъ жить для одного себя? Ищедружіе, или склонность быть полезнымъ для другихъ есть отличительная добродѣтель великихъ людей. Умножать богатство свое позволено, только бы чрезъ то другой не перенѣлъ вреда. Если мы имѣемъ болѣе обыкновеннаго, то шѣмъ чаще можемъ помогать

другимъ. Для сего-шо желаю вамъ хорошаго успѣха въ вашемъ предпріятіи, пребывая между тѣмъ,

и прог.

65.

О т в ѣ т ъ.

Милосшивый Государь!

Примите сердечную мою благодарность за вашу дружбу и за доброе желаніе. Я достигъ бы самой высшей степени той славы, къ которой спремлюсь, и былъ бы чрезвычайно доволенъ, если бы могъ дѣйствишельно возблагодарить за ваше усердіе: ибо вы сами говорите, что мы рождены не для самихъ себя, но особенно для нашихъ друзей, кои, принимая участіе въ нашемъ благополучіи, умножаютъ наши сердечныя радости. Располагайте мною; для васъ сдѣлаю все, что я въ состояніи сдѣлать; все, мнѣ принадлежащее, къ вашимъ услугамъ. Вѣрьте мнѣ, что я истинно вашъ

и прог.

66.

Письмо дружеское отъ Офицера.

Любезный другъ!

Ты не знаешь нашей армейской жизни. Она имѣетъ свои прелести; вкусивъ оныя, право не легко разстаться съ ними. Можешь быть,

намъ болѣе труда, но за то болѣе и удовольствія, нежели у васъ. Ты говоришь объ опасности, объ огнѣ, о свистѣ пуль и проч. На это отвѣчаю, что взоръ на смерть врага улыбку мнѣ родитъ. Этого спешока замѣнилъ я, когда нашъ полкъ по случаю проходилъ мимо Олимпа. Ты вѣдь спихотворецъ и припомъ воспитанникъ Музы, а не Аполлона. Правда, если бы ваши волшебные острова были бессмертны, гдѣ нѣжишься съ шѣми, кто воспиталъ тебя, то я бы пошелъ къ нимъ волонтеромъ. Но безъ того не могу отказаться отъ славы. Я спѣшу къ ней; прощай!

О вредѣ, происходящемъ отъ многолюдныхъ обществъ и зрѣлищъ.

Любезный другъ!

Ты спрашиваешь меня, чего должно избѣгать, желая достигнуть предположенной побой цѣди. Повѣрь мнѣ, любезный мой! что большихъ компаній надобно бы тебѣ удаляться всего болѣе: въ нихъ всегда случаются люди, преданные порокамъ, копорые нечувствительно вкореняются въ нашемъ сердцѣ. И чѣмъ болѣе такихъ людей, шѣмъ опаснѣе для сердца. По дружески признаюся тебѣ въ слабости: оставляя такія общества, чувствую себя не таковымъ, какимъ прихожу въ оныя: что 'я попустилъ въ себѣ, то снова возгарается. Мысли, почти уже изсребленные, опять воз-

вращаются. Ничто такъ не опасно для нравовъ, какъ долго находишься при зрѣлищахъ. Удовольствіе, ощущаемое при нихъ, удачно прокладываетъ дорогу для порока.

Остаюсь швой, и прог.

68.

Мысли о новомъ Авторѣ.

Государь мой!

Я отъ роду не видалъ ничего надутѣе сочиненій вашего Автора. Въ нихъ нѣтъ никакой легкости; вездѣ видна напязка. Неужели онъ въ эпомъ пославляетъ высокость? не вздумалъ ли онъ удивлять насъ? Неужели намѣренъ употребляетъ ходули, для того, чшобъ имѣть ростъ болѣе обыкновеннаго? Неужели позволяешъ себѣ употребляетъ въ прозѣ пѣ слова и обороты, на которыя и Поэзія не всегда отважится? — Для Бога откройте ему глаза; пусть онъ сдѣлается обходительнѣе; пусть не сполько забываетъ, что онъ человекъ, если хочетъ имѣть какую нибудь связь съ бѣдными смертными. Я думаю, что вы поспудитесь сдѣлать человѣчеству такую пользу. Между шѣмъ, имѣю честь оспаться,

и прог.

69.

Поздравленіе съ полученіемъ нагальства.

Милосливый Государь!

Я не могу быть безгласнымъ свидѣтелемъ той радости, которую изъясляетъ вся здѣш-

няя Публика, получивъ извѣстіе, что вы пожалованы начальникомъ въ городъ н... Всѣ ожидаютъ справедливостъ вашимъ достоинствомъ; всѣ ожидаютъ васъ съ удовольствіемъ, надѣясь въ доброй душѣ вашей найти свое спокойствіе и благополучіе. Примите, Милосливый Государь, и меня въ число тѣхъ кои сердечно къ вамъ расположены, и будьте увѣрены, что я вашъ

и прог.

70.

Поздравленіе съ полугеніемъ тина.

Милый другъ мой!

Сердце мое наполнилось радостію, когда я услышалъ, что вы произведены въ чинъ. Усерднѣйше поздравляя васъ, желаю, чтобъ ваши достоинства и ревностная служба возводили васъ выше и выше. Дружба моя къ вамъ непрѣмѣнна; дай Богъ, чтобъ и ваша ко мнѣ была такава же. Остаюсь вашъ,

Любезный другъ, *и прог.*

71.

Поздравленіе съ праздникоми.

Милосливый Государь!

Поздравлять съ праздникомъ друзей своихъ почти и не прилично. Это дѣло обыкно-

венныхъ знакомыхъ. — Такъ говорятъ многіе, такъ скажете, можете быть, и вы. Но когда другу моему желаю всего хорошаго, и спараюсь увѣрить его въ моей искренности, по для чего же не исполнить сей должности тогда, когда всѣ радуясь, когда и самые недоброжелатели спараются мириться другъ съ другомъ? И такъ желаю вамъ благополучія и успѣха въ вашихъ предпріятіяхъ; да продолжися благоденствіе ваше до тѣхъ поръ, пока продолжися жизнь ваша. Небо да наградитъ васъ за благодѣянія, оказываемыя людямъ, имѣющимъ нужду въ вашей помощи; да услышитъ Оно молитву того, которъ и съ душевнымъ почтеніемъ къ вамъ естъ и будетъ,

и проч.

72.

Письмо къ Бригадиру объ оказаніи милости вдовѣ съ семействомъ.

Ваше Высокородіе!

Милоспивый Государь!

Къ кому обратитесь мнѣ теперь, какъ не къ вамъ? Вы были благодѣшелемъ мужу моему; вы знали ревностную его службу, его преданность къ вамъ. Ваше сердце сполько принимаетъ участія въ судьбѣ человѣчества; — неужели же можетъ быть не услышана бѣдная вдова съ тремя младенцами, дѣшми вѣр-

наго слуги Отчества? Прошу васъ, Милоспивый Государь, представьте здѣсь приложенное мое прошеніе Его Сіятельству. Н. Н. Пощудитесь изобразить ему мои обстоятельства. Мужъ мой умеръ на сраженіи, оставилъ мнѣ въ наслѣдство много долговъ, и васъ покровилемъ. Умоляю васъ объ исполненіи послѣдней воли его. Не оставьте безъ прощанія пѣхъ, кои за честь и за долгъ себѣ поставляютъ бытъ,

Вашего Высокородія,

Милоспиваго Государя,

и прог.

73.

Похвала за искусство писать письма.

Милоспивый Государь!

Я не въ состояніи спорить съ вами въ учивствѣ, въ знаніи обходитесь съ людьми. Чтобы показашъ, какое дѣйствіе имѣютъ ваши привѣтствія, я въ противность собственному своему чувству, долженъ принять ваши похвалы. Когда человекъ съ такими достоинствами говоритъ споль убѣдительно о моемъ умѣ, то я уже начинаю мечтатъ, что въ самомъ дѣлѣ я чего нибудь спою: вы не можете смѣяться надъ пѣмъ, который за честь себѣ поставляетъ бытъ вашимъ

и прог.

Отъ отца къ сыну о употребленіи времени.
Сынъ мой!

Разстался ты со мною, можешь быть, и надолго. Живучи въ такомъ мѣстѣ, гдѣ много встрѣчается людей всякаго разбора, ты имѣешь нужду въ опеческомъ совѣтѣ. Вотъ первый урокъ тебѣ; прими его охотно. Болѣе всего старайся не быть безъ дѣла: еще въ старину было извѣстно, что праздность мать пороковъ. Когда должность своя позволитъ тебѣ имѣть нѣсколько свободныхъ часовъ, то проводи оныя съ хорошими знакомыми. За недостаткомъ ихъ можешь найти постороннее упражненіе. Играй на какомънибудь инструментахъ, читай, пиши. Отъ праздности только шагъ къ роскоши; а роскошь неразлучна съ карточной игрою, пьянствомъ и мошенствомъ. Карточная игра есть мать досады, ссоры, а часто и самой бѣдности. Неумѣренность въ напискахъ приводитъ мысли въ разсѣянность, припупляетъ душевныя способности и служитъ поводомъ къ самымъ пагубнымъ поступкамъ. Если необходимость заставитъ играть изъ угожденія комунибудь изъ важныхъ людей, то помни всегда это правило:

*Для денегъ не играй, а разеѣ для забавы;
Люби и выиграть, люби и проиграть;
Но лучше деньги намѣ на доброе терять.*

Не заводи тѣсной связи съ людьми вътреными. Чтобы не вооружить противъ себя

Часть II, 8

никого, будь учтивъ и ласковъ; извиняйся, что за обшояпельспвами не могъ исполнить даннаго слова, не могъ быть вмѣстѣ съ ними; но въ самой вещи бѣгай многолюдныхъ компаній, какъ яду. — Я полагаюсь на твой разумокъ; узнавъ, что для шебя вредно и безчестно, убѣгай онаго. — Ты самъ будешь доволенъ, если въ почности исполнишь совѣтъ швоего доброжелательнаго опца.

75.

Рекомендаціа о дворянинѣ, желающемъ опредѣлиться къ мѣсту.

Милоспивый Государь!

Ваше доброе сердце и склонность дѣлать другимъ добро, даюшъ мнѣ право бесноконить васъ симъ письмомъ. Податель его имѣетъ нужду въ вашемъ покровительствѣ. Онъ Дворянинъ, человекъ честный и способный; ищетъ себѣ мѣста. Не оставыте его; испинно вы не будете раскаяваться, одолживъ его и меня также.

Препоручая его въ вашу милость, съ моимъ почпеніемъ имѣю честь быть вашъ,

Милоспиваго Государя,

и проч.

76.

*Благодарность за участіе, приеаемое въ
опредѣленіи сына къ мѣсту.*

Милоспивый Государь!

Вчера получилъ я отъ васъ письмо, исполненное убѣдительныхъ доказательствъ вашего ко мнѣ благорасположенія. Сердце ваше, не дожидаясь моей просьбы, приняло участіе въ соспоянніи моего сына. Я увѣренъ, что безъ вашего заступленія онъ не былъ бы еще опредѣленъ къ столь выгодному мѣсту. Снискавъ ваше покровительствво и слѣдуя вашимъ совѣтамъ, онъ вѣрно будетъ счастливъ во всю жизнь. Съ искреннею благодарностію имѣю честь быть
вашь,

Милоспиваго Государя!

покорнѣйшій, и прот.

77.

*Благодарность Ученому Обществу за приня-
тіе въ Члены.*

Милоспивые Государи!

Съ великимъ удовольствіемъ и сердечною признательностію я принимаю ваше предложеніе, быть Членомъ вашего почтеннаго Общества, спарающагося о истинной пользѣ Отечества. При семъ смѣю увѣрить васъ, Милоспивые Государи, что я всѣ силы и всѣ, хотя очень ограниченныя, познанія употреблю,

чтобъ оправдать вашъ выборъ и содѣйствовать исполненію вашего намѣренія, сколько мои способности позволяющъ. Имѣю честь быть
вашь,

Милоспивые Государи!

и прог.

78.

Требованіе платежа отъ незнакомаго по векселю.

Милоспивый Государь!

Странно покажется вамъ, что получаете письмо отъ челоуѣка незнакомаго, а еще страннѣе покажется содержаніе моего письма. Я думалъ долго, но не могъ поступить иначе: когда нибудь должно же было объясниться съ вами. Прилагаю при семъ списокъ съ письма отъ моего пріятеля Н. — Изъ содержанія онаго увидите, что онъ желаетъ получить пеперь отъ васъ платежъ по поручительству вашему за М. на его вексель, и что въ противномъ случаѣ уполномочиваетъ меня прибѣгнуть къ законной власти. Въ вашей волѣ поступить, какъ вамъ угодно. Я съ своей стороны за долгъ почишаю узнать ваше намѣреніе, чтобы сообразовать съ нимъ мои поступки. Имѣю честь быть,

и прог.

Утѣшеніе въ печали.

Милоспивый Государь!

Мнѣ дакъ чувствительна печаль ваша что я даже не въ состояніи утѣшать васъ. Я самъ ищу утѣшенія въ горести своей отъ другихъ. Оспается ожидать полько помощи Божіей; умоляю Его, чтобъ Онъ избавилъ васъ и меня отъ такого тягостнаго испытанія, или послалъ намъ силы перенести такую участь. Что касается до моей дружбы, то всегда могу васъ увѣришь въ ея неизмѣнноспи. Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ есмь вашъ,

и прот.

Просьба къ Князю объ исходатайствованіи милости у Государя.

Ваше Сіятельство,

Милоспивый Государь!

Извѣсно, въ какой милости у нашего мудраго Монарха находятся ваши достоинства. Полагаясь на прежніе опыты вашего ко мнѣ благорасположенія, осмѣливаюсь упруждать васъ просьбою, представить ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВѢЛИЧЕСТВУ о моемъ дѣлѣ. Вы изволише видѣть, сколь оно справедливо. Не оспавъше одолжитъ цѣлое семейство, и въ

особенности того, который за честь поставляетъ бытъ,

Вашего Сіятельства ,

Милоспиваго Государя!

и прог.

81.

Извиненіе въ скоромѣ отбѣздѣ и въ неизбывленіи благодарности.

Милоспивый Государь!

Проспите мнѣ, что я, уѣзжая изъ С. Петербурга, не могъ принести вамъ чувспви-
полнѣйшей благодарности за ваши опече-
скія милоспи. Повѣрьте мнѣ, что это про-
изошло не отъ нерадѣнія. До самаго отъѣзда
я не могъ оплучиться ни на одинъ часъ отъ
Его Высокопревосходительства. Каждое ваше
слово напечатлѣно въ моемъ сердцѣ. Чувспвую
и буду чувспвовашъ, сколько я вамъ обязанъ,
Имѣю честь пребыть вашъ,

и прог.

82.

Похвала пріятелю за письмо.

Государь мой!

Я получилъ вашъ панегирикъ; боюсь ска-
зашъ, что онъ мнѣ чрезвычайно понравился;

иначе вы назовете меня щеславнѣе женщины. Вы могли бы уловить и самого спрогаго Споика. Признаюсь, что я плѣнился вашимъ письмомъ. О! если бы въ нашемъ Отечествѣ многіе могли писать такъ хорошо! Остаюсь вашъ искренній,

и проч.

83.

Сынъ испрашиваетъ прощенья у отца.

Милосивый Государь батюшка!

Болѣе прехъ лѣтъ я чувствую несчастіе, навлекши на себя родительскій вашъ гнѣвъ. Сердце мое наполнено горестію, душа не можетъ быть спокойна, чувствуя свое преступленіе. Я знаю, что вы не могли бы такъ огорчиться, если бы я не подалъ къ тому причины. Но какой сынъ не можетъ быть виноватъ предъ оцемъ, синопъ снисходительнымъ? По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ, Милосивый Государь батюшка, пасть къ ногамъ вашимъ, и съ сердечнымъ раскаяніемъ испросить вашего милосердія. Позвольте мнѣ сказать, позвольте увѣрить васъ всѣмъ, что ни есть свято, что въ моемъ преступленіи не участвовало сердце.

Вы даровали мнѣ жизнь; вашему попеченію обязанъ я нравственнымъ моимъ бытіемъ; неужели же сердце ваше пожелаетъ истребить навсегда такое существо, которое во всемъ отъ него зависитъ и существуетъ единъ-

спвенно чрезъ него? Что значитъ жизнь, когда я навлекъ на себя негодование такого родителя? — Вторично припадаю къ вашему великодушю. Позвольте мнѣ явиться къ вамъ. Умилосердитесь надъ несчастнымъ, который свящѣйшею должностію почитаетъ, сохраняя къ вамъ сыновнее почтеніе, всегда быть вашимъ,

Милоспивый Государь бапюшка!
покорнѣйшимъ и почпительнѣйшимъ
сыномъ

и прот.

84.

*Жалоба на долговременное неполученіе
извстія.*

Государь мой!

Ваше молчаніе беспокоитъ меня. Неужели дѣла преняпствуютъ вамъ написать нѣсколько строчекъ? Можете быть вы больны; можете быть обстоятельствова ваши въ худомъ состояніи; а вы не уведомили, не дадите знать о помѣ друзьямъ вашимъ. Сдѣлайте милость, выведите меня изъ недоумѣнія. Остаюсь вашъ,

Государя моего,

и прот.

Выговоръ молодому человѣку за его меланхолическій характеръ.

Государь мой!

Упрекайте меня за мою веселость, сколько вамъ угодно; называйте меня даже въпренымъ человѣкомъ, пошому что я не печалюсь о томъ, что прошлаго году мои недоброжелатели оклеветали меня, и называйте глупцомъ, пошому что я весель, не смотря на то, что уже при мѣсяца мучусь разными припадками. А вы не оставяете своей помноспи и задумчивости, называя ее благоразуміемъ. Вы пренещаете; безпрестанно воображая, что прошлаго года кучерь чуть было не опрокинулъ насъ съ самой крупной горы, и не садитесь никогда въ карету, опасаясь такихъ страшныхъ приключеній. Право, это дѣло похвальное! Что касается до меня, — о! я человѣкъ самой въпреной, — всѣ прошедшія несчастія почитаю настоящимъ благополучіемъ; воспоминаю о прошедшихъ огорченіяхъ только для того, чтобъ веселиться шѣмъ, что онѣ уже кончились, или превратились въ удовольствіе. — Скажите, что я весель не по лѣшамъ; говорите все, а я вамъ въ отвѣтъ скажу, что вы печальны не по лѣшамъ же; что меланхолія къ вамъ не приспала; что и вамъ гораздо лучше бытъ рѣзвымъ, нежели задумчивымъ. — Изъ этого что слѣдуетъ? То, что вамъ должно бытъ обходительнѣе, болѣе привязываться къ

людямъ, нежели убѣгать ихъ; должно — разогнать навсегда меланхолю. Ахъ! не повѣрите, какъ это будетъ хорошо. Всѣ удивятся, всѣ будутъ любить васъ почти столько же, какъ вашъ. . . .

и проч.

86.

Сожалѣніе о невозможности проводить убѣждающаго пріятеля.

Государь мой!

Вы не повѣрите, какъ мнѣ чувствительно, что не могу теперь исполнить обыкновенной обязанности дружбы. Проклятая болѣзнь! Третій день я совсѣмъ не вспаю съ постели. — Какъ бытъ! Сердечно желаю вамъ благополучнаго, спокойнаго нуши. Прощайте! Вашъ истинный другъ,

и проч.

87.

Объявленіе любви.

Милоспивая Государыня!

Для сердечнаго моего спокойствія долженъ я объявить вамъ, что мое сердце любитъ васъ, что я готовъ посвящать всю жизнь свою къ вашимъ услугамъ. Ваша красота, какъ душевная, такъ не меньше и тѣлесная, принуждаютъ меня сказать вамъ, что я чрезвычайно почишаю и люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Ваши рѣдкія свойства, налагая на меня

золотыя цѣпи, могушъ вмѣстѣ послужить и извиненіемъ съ моей стороны. Кто можетъ пропивинься имъ? — Мое счастье зависишь ошъ того, могу ли я на всю жизнь назвашься вашимъ покорнѣйшимъ,

и проч.

88.

Дружеское письмо.

Государь мой!

Ваше письмо обрадовало меня чрезвычайно. Я съ неперѣнїемъ ожидаю окончанія сего мѣсяца. Эти спроки не могушъ еще довольно изобразить чувствованій моего сердца. Бога ради оканчивайте свои дѣла поскорѣ; спѣшите раздѣлиться съ нами всѣ наши удовольствія; дайте поскорѣ обнять себя тому, который, обнимая васъ уже мысленно, есть и будеть вашъ,

и проч.

89.

Предложеніе услугъ.

Милоспивый Государь!

Хотя всякому кажешь смѣшно, что я за шоль великія ваши благодѣанія прошу васъ принять ошъ меня шолько мои услуги; однакожь я испинно не въ соспоянїи плашить вамъ чѣмъ нибудь важнѣйшимъ. И пакъ прошу покорно уважить болѣе мое усердіе, нежели

силы. Впрочемъ будьте благонадежны, что всякое ваше препорученіе исполню съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ я есмь вашъ,

Милоспивый Государь!

и прог.

90.

Утѣшеніе пріятелю, потерявшему дѣло.

Милоспивый Государь!

Кто васъ обижаютъ, тотъ обижаетъ не меньше и меня самого. Ваша горестъ чувствительна мнѣ сполько же, какъ и вамъ. Изъ этого можете судить, что я чувствовалъ, услышавъ о вашей потерѣ! Уныніемъ пособить нельзя. Подумайте, не теряя времени; прикажите мнѣ, если что нужно. Что могу, исполню съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ есмь — вамъ совершенно преданный. . . .

91.

Выговоръ за неисправность.

Государь мой!

Увѣряю васъ, что я, къ крайнему сожалѣнію моему, обманулся. Я думалъ, что посылаю къ Его Сіятельству человека самого рачительнаго и осторожнаго; но онъ жалуется на ваше нерадѣніе. Препрежнее ваше состояніе должно бы, кажется, научить васъ порядочной жизни. Дерзость менѣ всего вамъ приспала.

Подумайте объ этомъ хорошенько, и постарайтесь, чтобъ ни Князь, ни я, ни вы сами не принуждены были сносить неприятностей. Вашъ доброжелательный. . . .

92.

Жалоба къ другу.

Любезный другъ!

Кто вамъ насаждалъ, что я проливаю слезы? Развѣ можешь плакать тогда, у котораго давно уже всѣ слезы высохли? Сердце, бѣдное сердце! оно подобно засохшему дереву. Никто теперь не оживляетъ его; всѣ согласились забыть меня, всѣ замолчали! — Ваши увѣщанія прекрасны; уважаю оныя, и кажешься, становлюсь равнодушнѣе. Предоставляю всю судьбу, препоручаю всю жизнь мою Промыслу, управляющему нами, и перестая льститься обманчивою надеждою на плѣнные блага. Пусть все идетъ своимъ порядкомъ. Если благое Существо предназначило намъ дасть на землѣ доброе сердце — вѣрнаго друга для нашей отрады: то наше не уйдетъ отъ насъ. Я уже не сѣкую о праведникѣ, а болѣе утѣшаюсь, что чистая душа, свободясь отъ пягоспныхъ оковъ, предстала предъ вѣчнаго Утѣшителя, какъ непорочный Ангелъ, который будетъ ходатайствовать о насъ. — Ахъ! прописывай мнѣ чаще такіе цѣлительныя рецепты. Письма такого пріятели, какъ ты, почитаю теперь даромъ Неба! Прощай! Твой истинный другъ....

Письмо просительное къ ГОСУДАРЮ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Разныя несчастныя приключенія привели меня въ поль великіе долги, чю я безъ крайняго раззоренія собспвенными своими доходами, будучи въ опспавкѣ, и не пользуясь ни жалованьемъ, ни пансіономъ, уплашпшь оныхъ не въ соспсянїи, и прихожу съ семейспвомъ моимъ въ крайнее изнеможеніе.

Припадая къ спонамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, прїемлю дерзновеніе всенижайше проспшь, дабы, для поправленія моихъ разспроенныхъ обспояшельспвъ, изъ одного шокмо Высочайшаго ошеческаго милосердія, Всемилоспвївїше, изволили указашь пожаловашь мнѣ выдашь изъ казны ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, на уплашу долговъ моихъ, 5000 рублей заимообразно на 10 лѣтъ безъ проценовъ; а по прошествїи сего времени повелѣшь на мнѣ взыкашь оную сумму безъ упущенія; если жъ во время сего десятилѣшняго срока буду взноспшь, сколько могу, въ уплашу, то Всемилоспвївїше да благоволено будетъ указашь сіи деньги въ зачешь шой суммы прїнимашь.

Природное ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА великодушїе и непрерывно изливаемыя на всѣхъ вѣрноподданныхъ Высокомонаршія щедросты подаюшъ мнѣ надежду, что сіе всенижайшее мое прошеніе не будетъ

отпринуто отъ милосердаго ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА престола, къ которому съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принада, до скончанія моея жизни пребуду,

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданнѣйшій.

94.

КЪ ГОСУДАРЮ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Съ вѣрою въ душѣ моея и со шпагою въ рукѣ служилъ я Отечеству и ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ 32 года въ полѣ. Слабое здоровье болѣе не позволило продолжатъ службу: рана, полученная мною въ правое колено, сдѣлала меня неспособнымъ защищать Отечество прошиву враговъ, но вмѣстѣ лишила меня средствъ доставатъ насущный хлѣбъ себѣ и моему семейству. Обращаюсь съ униженнѣйшею просьбою къ престолу ГОСУДАРЯ мудраго, Ошца милосердаго. Благоволише, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! повелѣть назначить мнѣ въ пансіонъ мое годовое жалованье, дабы я спокойно могъ заняться воспитаніемъ дѣтей своихъ, и научить ихъ не щадить послѣдней капли крови при защищеніи ГОСУДАРЯ и Отечества.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданнѣйшій.

КЪ ГОСУДАРЮ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Извѣстно всѣмъ и каждому, что главное желаніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА есть, видѣть вѣрноподданныхъ ВАШИХЪ споль счастливыми и довольными, сколь далеко человѣческое счастье на землѣ проспираться можеть. Сію истину ясно доказываютъ неисчетныя ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милости, по копорымъ всѣ мы вѣрноподданные ВАШИ, при глубочайшей благодарности, наслаждаемся благоденствіемъ и пишиною. Принимая участіе въ общемъ благополучіи, и я съ благоговѣніемъ осмѣливаюсь утрудять ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО о ниспосланіи мнѣ особенной милости на нижеслѣдующее мое прошеніе:

Какъ немолодыя мои лѣта и болѣзненные припадки понуждаютъ меня заблаговременно привести въ порядокъ все, касающееся до моего имущества и дома, то я намѣренъ раздѣлить дославшееся мнѣ послѣ предковъ моихъ имѣніе слѣдующимъ образомъ: женѣ моей Н., въ награжденіе за истинную и нелицемѣрную ея ко мнѣ любовь, дать нынѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе состоящія (въ такой-то Губерніи и округѣ) деревни, въ коихъ по нынѣшней 4-й ревизіи 1000 душъ, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями; а сыновьямъ моимъ, рожденнымъ отъ первой жены моей

К. . . ., да ошъ вшорой малолѣпному А. . . . все ошальное за шѣмъ имѣніе въ означенной же Губерніи (2000 душъ) раздѣлитъ по равной части, и владѣть по смерти моей.

Хотя же и нѣшъ шаковаго Государственнаго законоположенія, чшобъ женамъ при жизни мужей и больше указныхъ часшей давать изъ родовыхъ имѣній; но какъ со стороны Высочайшаго ИМПЕРАТОРСКАГО Престола Отечественое ВАШЕ милосердіе поставляется въ основаніе законовъ, по я всеподданнѣйше и прошу означенное мое расположеніе удостойшь Всемилоштивѣйшей конфирмаціи.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданнѣйшій.

96.

КЪ ГОСУДАРЮ.

ВСЕМИЛОШТИВѢЙШІИ ГОСУДАРЬ!

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, по неизреченному къ подданнымъ Своимъ милосердію, имѣя неусыпное облагоденствіи оныхъ отеческое попеченіе, Всемилоштивѣйше соизволили, подражая примѣру Вселюбезнѣйшаго ВАШЕГО Родителя, вѣчныя памяти Государя ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, учредить между прочимъ (шакое-то) Присудственное Мѣсто, для приведенія какъ Дворянства, шако и Купечества въ цвѣтущее состояніе. Сіе въ пользу всего Общества учрежденное мѣсто не малое уже

время не имѣетъ главнаго Командира; и мы, будучи безъ Начальника, въ великихъ находимся затрудненіяхъ, которыя рачительнымъ его надзоромъ легко могли бы бышь отвращены.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ! припадая къ Священнѣйшему **ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** Престолу, всенижайше просимъ, дабы по Высочайшему **ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** благоволенію, мы вѣрноподданные осчастливлены были пожалованіемъ главнаго Начальника. Хопя въ сію Государству полезную должность мы приняли бы дерзновеніе всенижайше предспавить Графа **Н. Н.**, по многимъ его качествамъ, доказывающимъ благоразуміе, опытность и доброту души его; однако всеподданнѣйше предаемъ сіе Высочайшей **ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** власти, Всемилоствивѣйшему изволенію и премудрому Монаршему разсмотрѣнію.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданные.

97.

КЪ ГОСУДАРЮ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Указъ **ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** сего года, 17 числа, коимъ всенижайшее Свое удовольствіе объявивъ соизволили о исполненіи того, что усердіе и

ревность моя по долгу вѣрноподданнаго сына Опечеснѣва требовали, я получить удостоился, и за сію Высочайшую ИМПЕРАТОРСКУЮ милость приношу предъ стопами ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА всенижайшую мою благодарность. Съ какимъ восхищеніемъ и съ какою неизреченною радостію я усмотрѣлъ въ помѣ Всемилоспивѣйшемъ Указѣ приписаніе дражайшею десницею ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, что свѣше заслугъ моихъ, единственно по природному Своему великодушію, Всемилоспивѣйше изволили мнѣ пожаловать Кавалерію Св. Александра Невскаго, того изобразить словъ и силъ моихъ не достанетъ, и всенижайшей и чувствительнѣйшей моей благодарности я довольно изъяснить не въ состояніи.

Всемогуцій Богъ, Который ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО, какъ Своего Помазанника, никогда не оставляетъ, да сохранитъ вседражайшее здравіе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на должайшія лѣта для благоденствія и счастія всѣхъ вѣрныхъ ВАШИХЪ подданныхъ. Все Государство ВАШЕ о томъ Бога всевернѣйше молитъ и молитъ не престанетъ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
вѣрноподданный.

*Поздравленіе великому Полководцу на взятіе
города.*

Государь мой!

Увѣдомившись, что взятъ городъ N ... войсками, подъ вашимъ предводительствомъ сражавшимися, заключаю, что вамъ нѣтъ ничего невозможнаго, и что величайшія препятствія не могутъ остановить васъ: ибо вамъ все едино, что биться, что побѣждать. Сей городъ, который величался удобностію своего мѣстоположенія, великимъ числомъ жителей и крѣпостію стѣнъ своихъ, и почитался совершенно безопаснымъ отъ нападенія непріятель, не могъ сопротивляться вашему безпримѣрному мужеству, и щещно отражалъ нападеніе. Рука ваша была сильнѣе всѣхъ силъ, вмѣстѣ соединенныхъ, потому что вы сильнымъ присупомъ, при которомъ начальствовали и сами собою подавали примѣръ, вдругъ опрокинули все: стѣны, войско и всю надежду непріятелей. Сія необыкновенная скоростъ, которая погашаетъ пламя войны въ самомъ началѣ, и возстановляетъ всеобщее спокойствіе, приводитъ въ удивленіе всю Европу. Но величайшую славу приносятъ вамъ то, что вы заслугою своею пріобрѣли похвалу отъ величайшаго въ свѣтѣ Государя. Вы знаете, чего она стоить; а для соблюденія оной надлежитъ поступать точно такъ, какъ вы поступали.

Разсудитежь, сколь мнѣ лестно и пріятно
что я могу назвашься,

Государь мой!

вашь — и прог.

99.

*Увѣщаніе молодому геловѣку, чтобы шелъ слу-
жить въ армію.*

Государь мой!

Удивляюсь, какъ вы можете опккладывать
такое дѣло, къ которому вы неопмѣнно при-
ступить должны. Проживете ли вы спокойно
дома, когда всѣ усердные сыны Опечества
поспѣшно идуць на войну для пораженія не-
пріятеля? Неужели думаете, что для при-
обрѣтенія вамъ чести довольно, когда брашь
вашъ находитсь въ службѣ? Всѣ сосѣди ваши
идуць искаць славы на ратномъ полѣ, а вы
думаете найши ее, ходя по скотному двору,
или гоняясь за зайцами? Вы здоровы, имѣете
двадцать лѣтъ опъ роду, и сверхъ того дво-
рянинъ, — что же мѣшаетъ вамъ иди въ
службу? Я ссужу васъ деньгами, если имѣете
въ нихъ нужду. Приѣзжайте только ко мнѣ,
какъ скоро получите письмо мое. Стыдно вамъ
пропустишь нынѣшній походъ. Я часто слы-
халъ опъ васъ, что похвально слѣдовать обы-
чаямъ спраны своей; какъ же вы не хотите
исполнить одну изъ священнѣйшихъ обязан-

ностей. свято чтимыхъ нашими соотечественниками? Наше любезное Отечество требуетъ, чтобъ оружіе было украшеніемъ и принадлежносію Дворянства; а мнѣ кажется, что вы только во псовой охотѣ поспавляете благородство. Повѣрьте мнѣ, Государь мой, что двадцать или тридцать зайцовъ, которыхъ вы въ продолженіе года заправите, не произведутъ васъ въ чинъ, не украсятъ знакомъ отличія. Возьмитесь лучше за дѣло, вамъ приличнѣйшее, — и вѣрьте, что одно доброжелательство и любовь къ вамъ заставили меня пробудить васъ отъ поспыдной безопасности.

Остаюсь

доброжелательный вамъ.

100.

Поздравленіе пріятеля съ награжденіемъ за его заслуги.

Государь мой!

Должно признаться, что славно и весело служить такому Великому Государю, каковъ нашъ; ничто не скроется отъ Его дальновидности; и заслуги, рано ли, поздно ли, не остаются безъ награды. Вы опытно сего видѣли надъ собой: ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволило почтить васъ достоинствомъ. Но то наипаче почестъ должно за преимущество, что общество одобряетъ сей выборъ. Общее удо-

вольствіе усугубляетъ и мое: изобразить не могу, сколько радуюсь благополучію вашему. Зная доброту вашего сердца и всегдашнее ко мнѣ благорасположеніе, надѣюсь, что благосклонность ваша съ переменною вашего чина не переменится. Усердно желаю, чшобы вы дальнѣйшими заслугами Опечеснву обратили на себя вѣщшее вниманіе Государя, умѣющаго награждать отличные подвиги.

Имѣю честь оспашься,

и прог.

101.

Поздравленіе пріятельницы съ бракосочетаніемъ.

Государыня моя!

Никакой новости не слыхалъ я съ большимъ удовольствіемъ, какъ о вашемъ бракосочетаніи: ибо увѣренъ, что оно послужитъ къ благополучію вашей жизни. Счастливыи выборъ, вами сдѣланныи, не пребуешъ похвалы. Молю только Бога, чшобы Онъ благоволилъ ниспослать вамъ небесное благословеніе, и желаемымъ плодомъ увѣнчалъ взаимную любовь вашу. Прошу не лишитъ меня шѣхъ милоспей, коихъ доселѣ меня удостаивали, и за которыя пошщусь доказать вамъ чувствительнѣйшую

мою благодарность искреннею любовію, съ которою есмь и пребуду,

Государыня моя!

вашъ, и прог.

102.

О п в ѣ п ъ.

Государь мой!

Отъ искренняго сердца благодарю за приемлемое вами участіе въ моемъ благополучіи и за оказанные мнѣ знаки вашего дружества. Я доказала бы вамъ, сколь это для меня чувствительно, если бы умѣла изъясниться споль же удобно, какъ вы. За истинное почту удовольствіе пользоваться люль преимущественнымъ знакомствомъ, каково естъ ваше по общему признанію. Здѣсь вы видите одно простое, но искреннѣйшее увѣреніе, какимъ уваженіемъ преисполнена къ вамъ,

Государь мой!

Ваша — и прог.

103.

Поздравленіе пріятеля съ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени супруги его.

Государь мой!

Съ особливою радостію услышалъ я, что любезная супруга ваша благополучно разрѣ-

шилаь опъ бремени своего. Поздравляю васъ съ симъ опъ всего моего сердца. Вы не можете представить, какое чувствую веселіе, воображая удовольствіе, которымъ вы наслаждаетесь. Вы пожинаете плоды своего брака: вы теперь отецъ по прекрасной особѣ, которую сердечно любите, и рожденное опъ васъ дитя услаждаетъ васъ надеждою, что знаменитый вашъ родъ распространится. Желая, чптобъ вы непрерывно переходили опъ одного удовольствія къ другому, и чптобы счастье вскорѣ увѣнчало ваше любочестіе, какъ оно досель благопріятствовало любви вашей. Вы не усомнишесь, какое буду принимать участіе во всемъ, до васъ касающемся, если разсудите, съ какою неліцемерною горячностію и преданностію имѣю честь бытъ,

и прог.

104.

То же содержаніе.

Государь мой!

По счастливомъ бракосочетаніи вашемъ ничто сполько не могло умножить радости нашей и всѣхъ, имѣющихъ честь пользоваться вашею дружбою и знакомствомъ, какъ рожденіе сына, съ шolikoю неперпѣливостію ожидааннаго. Сей даръ, опъ щедрыхъ Небесъ ниспосланый, есть истинный залогъ Божія благословенія. Ваши добродѣтели и супруги вашей

внутреннія достоинствѣ получаютъ должное воздаяніе. Я несомнѣнно надѣюсь, что сія юная звѣзда, восходящая и начинающая сіянь, привлечетъ взоры и удивленіе всѣхъ. Добродѣтели отца украсятъ и вашего сына: на челѣ его будутъ изображены то величіе души, та глубокая прозорливость, то неподражаемое благоразуміе, коими вы отличаетесь во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Воспитавъ сына своего съ неусыпностію, попечительному родителю свойственною, увидите въ немъ ушѣщеніе и подпору вашей славы. Сего усердно желаетъ

вамъ преданный, — и прог.

105.

Примирение поссорившихся пріятелей.

Государь мой!

Признаюсь, что письмо ваше удивило меня; однакожь не скрою и того, что я весьма обрадовался, увидя ваше дружеское ко мнѣ обращеніе. Позволяю вамъ припворяться, будто вы не увѣрены, что я дѣлалъ все зависѣвшее отъ меня снисхожденіе въ началѣ распри, и долго искалъ причинъ извинять несправедливость вашу. Не забудьте, что я для исполненія слова, мною даннаго, соглашался на средства, избранныя вами. Чшожь мѣшало вамъ воспользоваться моимъ согласіемъ? Не вините меня въ томъ, въ чемъ вы сами виноваты. — Впрочемъ

предадимъ все забвенію, и будемъ впредь оспорожнѣе. — Обнимаю васъ, цѣлую опъ всего сердца. Искренность моего примиренія поощусь доказатьъ опытами чистосердечнаго моего къ вамъ расположенія.

Вашъ покорнѣйшій и прог.

106.

Извѣщеніе въ началѣ знакомства.

Милоспивый Государь!

Благодарю васъ опъ чистаго сердца за ваше пріятное письмо. Я очень радъ, что вы меня помните и любите; пишете ко мнѣ чаще; увѣдомляете подробно о себѣ и обо всемъ, что за благо разсудите. Ошвѣчаю вамъ всегда буду.

Теперь я стараюсь перемѣнить родъ службы. Хлопотъ очень много; но надѣюсь съ помощію Божіею скоро успокоиться. Впрочемъ я здоровъ и крѣпокъ. Желаю вамъ опъ души всякаго добра, пребывая вашимъ,

Милоспивый Государь!

и прог.

107.

Увѣдомленіе.

Любезный другъ мой!

Писалъ я къ себѣ изъ Новгорода. Получилъ ли вы мое письмо? Дорога моя кончи-

лась благополучно. Она стоила великихъ издержекъ. Мнѣ не удалось видѣться съ N. . . . , кошорый живеть въ одномъ Новгородскомъ монастырѣ; впрочемъ скажи M. . . . , что его препорученіе исполнено. Мы въ Спб. съ 3 Марша, и живемъ въ домѣ O. . болѣе недѣли. Пріемъ имѣли мы прекрасной. Тушъ въ глазахъ нашихъ исчезалъ ласковый начальникъ, и являлся благодѣтельный Геній. Онъ позволилъ мнѣ пользоваться библіотекою, и осматривать огромное собраніе рѣдкихъ картинъ. На сихъ дняхъ вспую въ свою должность и буду писать къ тебѣ.

Твой, и прог.

108.

Извѣщеніе о жителяхъ города.

Милоспивый Государь мой!

Осправивъ къ вамъ свое послѣднее письмо, я имѣлъ удовольствіе видѣть всѣ мѣста и рѣдкости здѣшняго города. Вообразите, въ какое пришелъ я восхищеніе, нашедъ здѣсь людей образованныхъ, съ хорошимъ воспитаніемъ и со всѣми способностями, нужными для пріятнаго обращенія! Я постараюсь, сколько можно болѣе времени, быть съ ними, чпобы, воспользовавшись ихъ понкоспію и оборотливостію, смѣло могъ показаться человѣку,

споль образованному, какъ вы. Имѣю честь
бышь

Вашъ, и прог.

109.

Такое же содержаніе.

Милоспивый Государь!

Отправляясь по должности въ К., я при-
готовлялся уже въ сукъ, и думалъ, что не
найду ни одного человѣка, съ которымъ бы
могъ пріятно провести часа два или три.
Посудите же о моемъ удивленіи, когда я на-
шелъ здѣсь людей вѣжливыхъ, веселыхъ, даже
умныхъ. Какія пріятныя обществва! Истинно,
если бы въ М. не оставилъ я сердечныхъ
друзей своихъ, то мнѣ почти не о чемъ было
бы пужиться. Не знаю, по своему ли характеру,
или изъ угожденія мнѣ, такъ поступаешь
здѣшняя Публика; только мнѣ очень не скучно.
Въ знакъ благодарности приглашаю къ себѣ
многихъ. Такимъ образомъ живу весело и въ
добромъ здоровьѣ, чего пожелавъ и вамъ опъ
всей души, остаюсь вашъ....

110.

*О новомъ знакомствѣ съ прекрасною
дѣвицею.*

Милоспивая Государыня!

Видѣшь всегда много Дамъ, и часто нахо-
дишься въ кругу ихъ, не значишь еще влюб-

ляпья въ нихъ. Вообще такія общества полезны для молодаго человѣка, когда сердце его остаётся свободнымъ и не приходитъ въ волненіе отъ прелестей. Почитаю себя весьма счастливымъ съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ одною дѣвицею, коюрой какъ внутренняя, такъ и наружная красота могла бы пронуть и самое грубое, нечувствительное сердце. Но я чувствую къ ней одно почтеніе, между тѣмъ, какъ и вы, будучи съ нею такъ откровенны, какъ я, не могли бы остаться столько же равнодушными. Однакожь, чѣмъ вы не почли меня ревнивымъ, и не подумали, что я боюсь соперниковъ, прошу васъ ко мнѣ, когда вамъ угодно. Мы вмѣстѣ поѣдемъ къ N.— Она тамъ бываетъ всякой день; вы увидите ее; и потомъ скажете мнѣ, что чувствуетъ ваше сердце? Остаюсь

Вашъ, и прог.

III.

Признательность.

Милостивый Государь!

Я былъ бы чрезвычайно неблагодаренъ, если бы помедлилъ еще принести мою чувствительную благодарность за ваше пособіе въ окончаніи моего дѣла. Къ сердечному моему удовольствію я раздѣлся съ N.— Но могли бы я въ помъ успѣть безъ вашего участія? Поверьте мнѣ, что въ полной мѣрѣ чувствую это одолженіе. — Недавно услышалъ я, что

вы чрезъ мѣсяцъ намѣрены бытъ въ М.— Такое извѣстіе обрадовало меня чрезмѣрно. Довершите же мою радость; приѣзжайте прямо въ мой домъ: онъ готовъ къ вашему въ немъ пребыванію; вы будете спокойны и довольны. Согласись въ принятъ отъ меня сіе малое доказательство моей признательности, съ коею пребуду вѣчно вашъ,

Милоспивый Государь!

и прот.

112.

О п в ѣ п ѓ.

Милоспивый Государь!

Чѣмъ болѣе можно было обрадовать меня, какъ не извѣстіемъ, что ваши дѣла кончаны, и что вы довольны? Принимаю въ эпомъ столько участія, сколько можешъ принимашъ истинный другъ. При свиданіи вы мнѣ расскажете подробно обо всемъ.— Съ благодарностію принимаю предложеніе жить въ вашемъ домѣ, чшобъ показать, что хочу жить съ вами вольно, какъ другъ. Желая пользоваться отъ васъ такимъ же расположеніемъ, оспяюсь вашъ,

Милоспивый Государь!

и прот.

Благодарность за благосклонный приемъ.

Милоспивый Государь!

Удалясь отъ шѣхъ мѣстъ , гдѣ вы обитаете, починаю за долгъ изъявить чувствительнѣйшую благодарность за вашъ ласковый приемъ и за всѣ оказанные мнѣ знаки вашего усердія. Буду воспоминашь ихъ съ удовольствіемъ и поспараюсь соотвѣтствовать вамъ взаимною искренностію, съ копорю и остаюсь вашъ,

и прог.

Благодарность отцу за присланныя отъ него деньги.

Милоспивый Государь батюшка!

Посланныя вами деньги я получилъ. Признаюсь , что ждалъ ихъ нетерпѣливо , какъ лучшаго лѣкарства отъ меланхоліи. Онѣ , разогнавъ мою угрюмую печаль , поощряють къ исполненію мѣей должности и моихъ обязанностей. Въ эпомъ вы сполько же можете быть увѣрены, какъ и въ томъ почшеніи, съ копорымъ имѣю честь быть вашъ

послушнѣйшій сынъ, и прог.

Благодарность освободившему изъ заключенія.

Милоспивый Государь!

Первыя минушы свободы моей съ радостію посвящаю на принесеніе вамъ душевной благодарности за полученіе оной. Способъ благодаренія умножаетъ цѣну его. Кто захочетъ принять участіе въ горести несчастнаго незнакомца? Это самая высшая степень великодушія! Благодарю теперь судьбу даже за неправедное гоненіе, опъ нее на меня посланное: ибо чрезъ оное я могъ узнать споль рѣдкое великодушіе. Съ сихъ поръ за первый долгъ поставлю спараться о сохраненіи вашего ко мнѣ благорасположенія. Мнѣ остається только желать счастливаго продолженія вашей драгоценной жизни и быть вашимъ. . . .

О п в ъ т ъ б.

Милоспивый Государь!

Сердечно радуюсь, что мои старанія не были тщетны. Прошу васъ только не благодарить меня за споль малую услугу. Я хотѣлъ приобрести вашу дружбу, и для того вступился въ ваши дѣла. Это сдѣлалъ бы всякой, кому вы извѣсны, и кому любезна добродѣтель. Но не всякой можетъ поступать шакъ чистосердечно, какъ я. Ваше письмо почитаю

первымъ знакомъ вашей дружбы. Не лишайте меня оной, и вѣрьте, что я за счастье поставлю во всю жизнь быть вашимъ.....

117.

Благодарность къ Г-жѣ Н.

Милоспивая Государыня!

Скажу по чести, что вы некорыстлюбивы. Какое великодушіе пребывать за столь богатый подарокъ, за столь прекрасную картину лишь нѣсколько пѣсень моего сочиненія! Вы очень хорошихъ мыслей о моей Музѣ. Но увѣрены ли вы, что ея творенія достойны твореній вашей Музы? Нѣтъ, сударыня! трудъ вашихъ рукъ несравненно дороже моего труда. Мнѣ очень совѣстно, что вы при шаккой мнѣ теряете очень много. Но вы желаете, и — я не могу пропивиться. Правда, что нѣсколько моихъ пѣсень извѣстны въ городѣ; но не знаю, спюютъ ли онѣ того, чтобы ихъ послать вамъ. — Я желалъ бы, чтобы всѣ, коимъ я обязанъ, были вамъ подобны. Будучи въ состояніи плашить имъ только своими пѣснями, я могъ бы думать, что я въ величайшей милоспи у форшуну. Имѣю честь быть вашъ,

Милоспивая Государыня!

и прог.

Избясненіе любви къ дѣвицѣ N...

Милостивая Государыня!

Если бы вы знали, какъ мучительно жить здѣсь, когда душа въ другомъ мѣстѣ? Для чего я не завищу опъ одного себя? Я бы давно уже былъ тамъ, гдѣ вы. — Мысли мои безпрестанно погружены въ меланхолію, и все въ вашу пользу; думаю ли, хожу ли, смопрю ли, — вездѣ представляется мнѣ вашъ образъ. По этому сираведливоспъ пребуешъ, чшобъ и вы заплашили мнѣ шѣмъ же, — хошя въ половину. О! такой плашежъ составилъ бы благополучіе того, который за счастье поставляетъ бытъ вашимъ,

и прот.

Письмо отъ Г. Б. къ Г. Д. шобб онб сыскало партію для его догери.

Милостивый Государь мой!

Теперь мнѣ наиболѣе нужна вся ваша дружба. Пора основать соспояніе моей дочери. Вамъ извѣсна она сполько же, какъ и мнѣ; и шакъ о ней ни слова. Я хочу и долженъ въ семъ случаѣ положитьсь на васъ. Вы знаете, съ какимъ характеромъ, какого происхожденія и съ какимъ досташкомъ нужна для нее партія. Сердце мое чувспвуетъ, что ея счастье бу- дешъ совершенно, когда вы шолько вспунитесь

въ это дѣло. Если посредствомъ васъ совер-
 шится мое желаніе, къ благополучію моей до-
 чери клонящееся, то я никогда не буду въ
 состояніи отплатить вамъ за столь значи-
 тельную услугу. Полагаясь на вашу дружбу,
 остаюсь вашъ.

120.

О п в б п з.

Милостивый Государь!

Увѣряю васъ честію, что я чрезвычайно
 доволенъ вашимъ препорученіемъ. Я старался
 исполнить его, не опуская ни одного обстоя-
 тельства. Признаюсь, я пришелъ было въ за-
 мѣшательство, не могли долго найти такого
 человѣка, который бы во всемъ споилъ вашей
 дочери.—Вы знаете Г. N. . . . Кажется, лучше
 его едва ли можно найти. Его родъ вамъ
 извѣстенъ; душевная доброта изображается
 ясно на лицѣ его, въ каждомъ взорѣ, въ ка-
 ждомъ поступкѣ. Оцъ роду моего я не видалъ
 столь счастливой фізіономіи. Его характеръ
 истинно можетъ сдѣлать счастливою столь
 любезную дѣвицу, какова дочь ваша. При-
 томъ же наслѣдство, полученное имъ послѣ
 онца, можетъ доставить имъ спокойную
 жизнь. Увѣряю васъ, что для меня чрезвы-
 чайно будетъ пріятно видѣть сочетавшихся
 молодыхъ людей, коихъ взаимная любовь со-
 спавитъ и взаимное ихъ счастье. Будьте въ
 томъ увѣрены столько, сколько въ дружбѣ
 вашего.

У к о р и з н а.

Государь мой!

Я слышу, что вы возвратились изъ Ц. . въ совершенномъ здоровьѣ. Неужели минеральныя воды подѣйствовали на васъ такъ, какъ струи рѣки *Леты*? Вамъ всегда было извѣстно, что я принимаю гораздо больше участія въ вашихъ обстоятельствеяхъ, нежели ктонибудь другой. И вы не хотѣли мнѣ сообщить о нихъ прежде другихъ! — По чести, сударь, вамъ непрощительно забываетъ вашихъ друзей. Если хотите получить отъ меня прощенье, то приѣзжайте къ намъ сего дня въ четвере часа—непремѣнно. Ожидаю васъ

Вашъ, и прот.

Ж а л о б а.

Милоспивая Государыня!

Вы сто разъ увѣряли, что любите меня и что вамъ горестно разлучиться со мною. Я съ своей стороны споль нѣжно расположенъ къ вамъ, и сполько уважаю честь вашу, что не могъ сомнѣваться въ истинѣ вашихъ словъ. Но, ахъ! разлука наша открыла мнѣ глаза, и ваше молчаніе представило мнѣ истину. Таковъ свѣпъ, сударыня! Дружба у васъ состоипъ въ однихъ учпивыхъ словахъ и спонкомъ обращеніи. Лишь другъ съ глазъ,

по и изъ сердца! — Правда, что я не заслужилъ вашей довѣренности, но по крайней мѣрѣ знайте, что до послѣдней минутой жизни моей останусь съ непремѣнною къ вамъ искренностію и преданностію,

Вашъ, и прог.

123.

О т в ѣ т ъ.

Государь мой!

Напрасно беспокоите меня и себя своими упреками. Я помню васъ, и никогда не забуду тѣхъ истинныхъ знаковъ вашей дружбы, которые вы показали при нашей разлукѣ. Молчаніе мое происходило отъ того, что я не хотѣла раздражать вашей чувствительности: ибо мнѣ должно было упомянуть въ письмѣ и то, что мое здоровье не поправлялось, и минеральныя воды ничего не помогали. — Теперь же я почти совсѣмъ здорова, и надѣюсь скоро отправиться къ вамъ. Между тѣмъ остаюсь ваша покорнѣйшая,

и прог.

124.

Подозрѣніе въ невѣрности.

Милосливый Государь!

Я примѣшилъ изъ вашихъ поступковъ, что вы готовы къ предательству. Если подлинно такая злобная мысль вкралась въ вашу душу,

по не ждите никакого примиренія со мною. Будучи лучшимъ изъ моихъ пріятелей, вы можете довольно знать мой характеръ и образъ моихъ мыслей. Надо мною нельзя издѣваться. Совѣшую вамъ держаться лучше вѣрности; лучше спарайтесь удержаться по почтеніе, которое я всегда имѣлъ къ вамъ, и не доводите меня до крайности: она можетъ меня прошивъ воли лишить удовольствія быть

Вашимъ, и прот.

125.

Жалоба на молчаніе друга.

Государь мой!

Чѣмъ больше я имѣю доказательствъ вашей дружбы, тѣмъ болѣе беспокоитъ меня ваше молчаніе. Не знаю, чему приписать оное. Иногда сердце мое спѣсняется отъ грусти, когда всображаю, что, можетъ быть, вы больны; иногда представляю себѣ другое несчастіе и грущу не меньше съ своей стороны. Кажется, я не подалъ причины къ такому молчанію. И такъ прошу васъ, избавьте меня отъ безпокойства; не дѣлайте зла тому, кто ежеминутно желаетъ вамъ безчисленныхъ благъ. Вы знаете, что всею душою приверженъ къ вамъ

Вашъ, и прот.

О п в ѣ т ъ.

Государь мой!

Какая радость была для меня, когда я, находясь въ столь горестномъ и мучительномъ состояніи, что даже не могъ и писать, вдругъ получилъ письмо отъ васъ, моего друга! Читаю и вижу, что ваша дружба ни мало не перемѣнилась. Ахъ! какъ я счастливъ! Пожалуйста не безпокойтесь о моемъ здоровьѣ. Множество дѣлъ, данныхъ мнѣ для рѣшенія, задержали меня. Теперь я нѣсколько свободнѣе, и за первый долгъ поставляю увѣрить васъ, что я есмь и буду,

Вашъ, и прог.

У т п и в о с т ь.

Милоспивый Государь!

Если вы ожидаете отъ меня письма, одними учтивостями наполненнаго, то никогда не дождетесь его. Неужели вы до сихъ поръ не знаете, что я присяжный врагъ всякихъ комплиментовъ въ обращеніи съ моими друзьями? Я довольствуюсь исполненіемъ только своей должности. Будьте увѣрены, что я не опущу ни одного, для увѣренія васъ, что я за честь себѣ поставляю бытъ вашимъ,

Милоспивый Государь!

и прог.

Изъявленіе погтенія знатной Особѣ.

Ваше **Высокопревосходительство!**

Милостивый Государь,

Простите меня, что я осмѣливаюсь беспокоить Васъ среди многотрудныхъ дѣлъ и заботъ Вашихъ. Мое душевное почтеніе къ Особѣ Вашего **Высокопревосходительства** внушило мнѣ такую смѣлость. Видя, какъ щедро изливаются вездѣ Ваши милости, я льщусь надеждою, что Ваше **Высокопревосходительство** удостоитъ меня быть хопя малымъ участникомъ оныхъ. — Нѣтъ для меня большаго удовольствія, какъ изыскивать безпрестанно способы изъявлять Вашему **Высокопревосходительству** свое усердіе, и доказать, что я живу Вами, и всю жизнь мою посвяпилъ на угожденіе Вамъ. За славу пославляю себѣ и то, что Вы позволяете мнѣ быть,

Вашего **Высокопревосходительства,**

Милостиваго Государя!

Всенижайшимъ и покорнѣйшимъ,

и прог.

У т т и в о с т ь .

Милостивый Государь!

Тысячу разъ увѣрялъ я, что готовъ исполнять ваши повелѣнія, и неусынно старался найти способъ доказать вамъ то болѣе дѣ-

ломъ, нежели словами; но мои старанія оспались пщетны. Теперь пусть и перо мое увѣритъ васъ въ помъ же. Ожидаю съ неперпвнїемъ вашихъ приказанїй. Заклинаю васъ: доставъте мнѣ случай доказатъ вамъ, что я истинно вамъ преданъ,

и прог.

130.

О т в ѣ т ъ.

Милоспивый Государь!

Никогда я не могъ сомнѣваться ни въ расположенїи вашемъ, ни въ учпивспвѣ; но шѣмъ болѣе сомнѣваюсь въ своемъ счастїи найши случай для изъявленїя вамъ своей признательности. Будьте увѣрены, что я болѣе всего стараюсь быть вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ. . . .

131.

Оправданїе противъ клеветы.

Милоспивый Государь!

Меня оклеветали предъ вами. Надобно мнѣ оправдатъ не одними словами, но и дѣломъ. Постараюсь представитъ вамъ, что моя невинность такъ ясна, какъ черно и зловредно коварство моихъ недоброжелателей. Еслибъ они были мнѣ извѣстны, то я умѣлъ бы найши доказательство пропїивъ нихъ, желая избавитъ какъ себя опъ безпокойства, такъ и

васъ опть подозрѣнія. Неужели я могъ забыть себя до того, чшобъ даже пошерять къ вамъ должное почтеніе? Если кто нибудь былъ столь дерзокъ, что вздумалъ обнести меня, то я пошчасъ изобличу его во лжи. Прошу покорно вѣришь мнѣ, что я все шаковъ же, каковъ былъ и прежде, то естъ, вамъ душею и сердцемъ преданный.

132.

О т в ѣ т ъ.

Милоспивый Государь!

Признаюсь, что мнѣ насаказано, будто вы поступаеша и говорите на счетъ моего добраго имени. Но какъ я не подалъ вамъ къ тому причины, и ваша скромность довольно мнѣ извѣстна, то я не могъ пошчасъ всему повѣришь. Вамъ не нужно было оправдывашься въ помъ, въ чемъ вы совсѣмъ не виноваты. Всѣ и вездѣ васъ почитаютъ. Вопъ дока-зательство пропивъ вашихъ обвинителей! Будьте спокойны, такъ какъ я спокоенъ, и увѣрьте себя, что я вашъ.

133.

И з в и н е н і е.

Милоспивый Государь!

Не знаю, что мнѣ дѣлать. Я озабоченъ чрезвычайно; убѣгаю свѣта, но свѣтъ ищетъ

меня, и спаряется привязать къ себѣ. Съ одной стороны письма, на которыя непременно и немѣдленно я долженъ отвѣчать, съ другой посѣщенія; шупъ должность, а шамъ различныя препорученія — вообразите мое состояніе! — Я привязанъ къ вамъ болѣе всѣхъ, и очень счастливъ, пользуясь взаимною вашею дружбою. Сія самая дружба можетъ послужить мнѣ извиненіемъ передъ вами, если не могу удовлетворять ей частыми письмами. Вы извините меня, а другіе не будутъ столько снисходительны; вы смотрите на мою душу и сердце, а другіе на одну наружность. — И такъ, надѣясь на ваше благорасположеніе, спану пишу къ вамъ, когда могу, пребывая всегда

Вашимъ, и прог.

134.

Поздравленіе съ полученіемъ гина.

Милосивый Государь!

Извѣстіе о полученіи давно желаннаго вами чина столько наполнило радости мое сердце, что я не въ состояніи выразить и половины оной. Я не спаряюсь доказывать вамъ по пространною рѣчью. Ваши достоинства и наша взаимная дружба замѣняютъ недоспатоки моего краснорѣчія. Довольно, когда вы знаете, что я съ сердечнымъ расположеніемъ емъ и буду

Вашъ, и прог.

О п в ъ п њ.

Милоспивый Государь!

Какъ вы принимаете искренное участіе въ моемъ благополучіи, то должно также принять вамъ оное и въ новой довѣренности, приобрѣщенной мною. Вы должны меня увѣдомишь, чѣмъ я могу теперь служить вамъ. Въ знакъ благодарности за вашу дружбу, постараюсь въ точности исполнить всѣ ваши препорученія. Остаюсь вашъ,

и прог.

Такое же содержаніе.

Милоспивый Государь!

Когда вы не сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, то легко можете вообразить, что извѣстіе о вашемъ благополучіи меня обрадовало. Я давно уже предвидѣлъ это. Мнѣ остается желать, чѣмъ ваши достоинства возвышались болѣе и болѣе, и чѣмъ ваше расположеніе ко мнѣ было такое, съ какимъ имѣю честь быть,

Вашъ, *и прог.*

*Поздравленіе съ тиномѣ пріятеля, находяща-
гося въ арміи.*

Молоспивый Государь!

За долгъ и удовольствіе почитаю поздра-
вить васъ съ полученіемъ чина. Говорятъ, что
случай слѣпъ и не видишь, гдѣ и какъ дѣйствво-
вать. Вы награждены шеперь за вашу храб-
рость. И пакъ новымъ благополучіемъ одолжены
вы не слѣпому случаю, но собспвеннымъ своимъ
заслугамъ. Желая вамъ болѣе и болѣе успѣховъ
и опличій, и оспяюсь вашъ,

и прог.

Поздравленіе съ Новымѣ годомѣ.

Милоспивый Государь!

Какъ шеперь прошло еще не болѣе двухъ
дней сего Нового года, шо я поспавляю себѣ
за долгъ поздравить васъ съ наступленіемъ
онаго. Не спану наполнять письма своего из-
лишними учшивоспями. Душа моя вамъ извѣ-
спна; и пакъ довольно для меня сказать во-
обще, что я желаю вамъ всего новаго хоро-
шаго, желаю исполненія всѣхъ вашихъ желаній,
и что я емь вашъ.

Поздравленіе съ тиномѣ.

Милостивый Государь!

Я недавно услышалъ, что вы избраны въ должность, соотвѣтственную вашимъ достоинствамъ, за долгъ почишаю поздравить васъ съ новымъ счастьемъ. Достоинства иногда закрыты бывають отъ высшаго Начальства; но всупивъ однажды въ свѣтъ, болѣе и болѣе пріобрѣтають блеска и уваженія. Сердечно желаю вамъ еще болѣе Монаршаго благоволенія. Между тѣмъ препоручая себя продолженію вашей любви, имѣю честь быть вашъ,

и прог.

Такое же содержаніе.

Милостивый Государь!

Извѣстіе о вашемъ благополучіи несказанно меня обрадовало. Я пишу единственно для того, чтобъ показать вамъ, сколько мое сердце принимаетъ участія въ вашихъ обстоятельствахъ. Я думаю, что такое увѣреніе не будетъ вамъ непріятно отъ человѣка, который душевно вамъ преданъ и съ истиннымъ почтеніемъ есть вашъ,

и прог.

О п е ѵ п ѵ.

Милоспивый Государь!

Очень много обязанъ вамъ за ваше участіе въ моемъ благополучіи; принимаю оное за лучшее доказательство вашей ко мнѣ дружбы. Мнѣ очень прискорбно, что я за вашу любовь до сихъ поръ ни чѣмъ не могъ отплатить вамъ. При первомъ благопріятномъ случаѣ вы увидите, сколько чувствую цѣну вашей дружбы, и что я истинно есмь и буду

Вашъ, и прог.

Къ Г. Н. . . о смерти догери его, на которой хотѣлъ жениться писавшій.

Милоспивый Государь!

Можно ли мнѣ выразить принимаемое мною участіе въ вашей горести? можно ли утѣшать васъ, когда мнѣ самому нужно утѣшеніе другихъ? — Вы лишились любезной дочери, но у васъ остались другія дѣти; а я — ахъ! я лишился лучшей надежды быть когда либо благополучнымъ! — Нѣжное ваше сердце не отказало намъ въ своемъ согласіи; я мыслить, восхищался, и въ ту самую минушу, какъ думалъ, что совершенно владѣю счастіемъ, въ ту самую минушу судьба похитила у меня оное невозвратно. — Ахъ! куда увлекають меня мои чувства? Мудрое Провидѣніе! повинуюсь Тебѣ; преодолею и собственное свое

сердце. Укрѣпитесь и вы, Милоспивый Государь! Какъ бышь! слезы намъ не помогутъ. Отдадимъ долгъ добродѣтели, и будемъ упѣшаться шѣмъ, что она молишся шеперь за насъ у престола Всевышняго, окруженнаго немерцающимъ свѣпомъ. — Между шѣмъ будьте увѣрены, что я сполько же къ вамъ привязанъ, какъ и прежде; наша потеря не должна перемѣнить нашихъ сердець. Я вѣчно буду вашъ,
Милоспивый Государь!

и проч.

143.

О т в ѣ т ъ.

Милоспивый Государь!

Не могу довольно изобразить вамъ признательности моей за вашу чувствительность при моемъ несчастіи. На сей милой дочери я основывалъ лестную надежду счастливой спаросности; думалъ, что эта надежда утвердится моею связью съ вами. Но Господь не благоволилъ дать мнѣ сей сладостной опрады. Однакожь уповаю, что Онъ не оставитъ меня: ибо вижу, что для моего упѣшенія внушаетъ вамъ пакія чувства, кои одни могутъ облегчить мою горестъ. Не отнимайте ихъ у спарика, заклинаю васъ; сохраните ихъ для моей спаросности, и будьте увѣрены, что до конца моей жизни съ истинною привязанностію къ вамъ пребуду,

и проч.

Къ Г-жѣ Н. утѣшеніе о смерти ея матери.

Милоспивая Государыня!

Какъ бы вы ни были чувствительны, право вамъ не простительно предаваться излишней горести о такой потерѣ. Откройте глаза, сударыня, спросите совѣта у своего собственного разсудка; вспомните увѣщанія, которыя вы писали ко мнѣ за два года предъ симъ, и я увѣренъ, что не станете столько крушиться о такой особѣ, которая угнетена была спаросію, трудомъ и болѣзнію. — Не должно ли вамъ даже радоваться, когда ваша матушка освободилась отъ всѣхъ болѣзней, оставила жизнь бѣдственную, съ тѣмъ чтобы преселиться въ лучшую, наслаждаться счастіемъ и радостію безконечною? — Будьте увѣрены, что для меня также чувствительна была ваша потеря; но природа не отступаетъ отъ своихъ законовъ. Прошу васъ, сударыня, умѣрьте свою печаль, чтобъ не заставитъ и меня печалиться безъ всякой причины. Вы знаете, сколько принимаю участія во всемъ, что до васъ касается. — Я нѣсколько смѣло пишу это письмо; но неужели вы не простите меня? Мнѣ кажется, что такая искренность позволена тому, который съ сердечною привязанностію есть вашъ;

Милоспивая Государыня!

и проч.

Приглашеніе пріятеля на вегеринку.

Любезный другъ!

Мнѣ кажется, что всего пріятелиѣ проводишь время съ друзьями, и всего скучнѣе находишься въ разлукѣ съ ними. Что была бы наша жизнь безъ друзей искреннихъ? Я думаю, что вы въ этомъ согласитесь со мною, и не откажетесь проводить нынѣшній вечеръ у насъ. Мы не станемъ слѣдовать Гиппократу, Греческому Медику, который велишь всякой мѣсяцъ хотя разъ имѣть съ виномъ короткое обращеніе. Для меня первое удовольствіе видѣть васъ у себя, и увѣришь, что я вашъ,

и прог.

*Напомянаніе отсутствующему сыну
о благонаравіи.*

Любезный сынъ мой!

Судя по времени, я надѣюсь, что ты уже въ П. Очень радъ, если ты прибылъ туда здоровъ. Добрый нравъ свой, замѣченный мною съ самаго дѣтства твоего, увѣряешь меня, что ты, проѣзжая вездѣ, и сдѣлалъ честь своему имени. Это утѣшительно для отца нѣжнаго. Получивъ сіе письмо, увѣдомъ меня съ первою почтою, какъ ты примешь шѣми, къ коимъ имѣлъ рекомендабельныя письма.

Напиши мнѣ , что ты видѣлъ въ пути особенно замѣчательнаго. Впрочемъ поручая тебя Богу и доброму своему сердцу, остаюсь усердный отецъ твой,

и проч.

147.

Отецъ поощряетъ сына къ ученію.

Радуюсь , любезный сынъ мой ! сердечно радуюсь , что ты занимаешься природою , и внемлешь ея гласу. Учись понимать ее , учись изъ этой великой книги. Удаляйся школьнаго педантизма. Науки тогда только полезны , когда споспѣшествуютъ благополучной жизни. Цѣль наша—нравственное просвѣщеніе. Науки суть средства къ тому хотя прекрасныя , но все же средства. Нужно узнать сіи средства , и выбрать приличнѣйшія изъ нихъ ; однако ни коимъ образомъ не должно упускать изъ виду главной цѣли. По сему располагай свои упражненія , сколько нужно для жизни. Будь добръ и помни своего усерднаго отца

148.

Совѣтъ отъ отца къ сыну о прилѣжаніи.

Любезный сынъ мой !

Хотя ты живешь теперь въ деревнѣ , далеко отъ глазъ моихъ ; однакожь , не смощря на то , ты долженъ поступать точно такъ ,

какъ въ моемъ присущствіи.—Молодость безпреспанно влечешъ къ удовольствіямъ, которыя мало по малу плѣняютъ юное сердце. Горе уму и сердцу, которыя по неоспорожности предаются романическимъ мыслямъ и чувствованіямъ! Удовольствія нужны, но не болѣе, сколько потребно для укрѣпленія силъ, чтобы послѣ того опять съ новою бодростію принятыся за ученіе и труды. Время дороже всѣхъ вещей; должно весьма скупю удѣлять его во всѣхъ случаяхъ.—Вошь мое замѣчаніе, спарайся исполнить его въ точности; спарайся, чтобы оно превратилось въ твое собственное чувствованіе. Симъ доставишь не сказанное удовольствіе твоему усердному отцу.

и прог.

149.

Отъ отца къ сыну о излишнемъ употребленіи вина.

Сынъ мой!

Вино есть даръ, полученный смертными отъ природы для подкрѣпленія силъ послѣ великихъ трудовъ и для услажденія житейскихъ горестей; но люди не поняли природы, и даръ ея употребили во зло. — Горе молодому человѣку, который доходитъ до такого заблужденія!—Вино можетъ унижить достоинства его и довести даже до безумія. Свѣспильникъ разсудка тогда мало по малу померкаетъ, здоровье совершенно разспраивается,

доброе имя помрачается, путь къ чести и достоинствамъ заграждается прежде времени. Горе молодому человѣку, который пр-дается излишнему употребленію вина! Замѣшь это, любезный сынъ! Ты готовишься скоро быть въ такихъ обществахъ, гдѣ подобныя правила для тебя необходимы; а швое счастье дороже мнѣ моего собственнаго. Помни, что это говоришь доброжелательный швой отецъ. . . .

150.

Наставленіе отъ отца.

Любезный сынъ мой!

Ты живешь въ большомъ свѣтѣ, гдѣ необходимо познаніе людей и искусство различать ихъ. Старайся быть учтивымъ, услужливымъ и ласковымъ. Иногда способъ одолженія, или сдѣланный при этомъ видъ, отнимаютъ всю цѣну добраго дѣла. Я самъ былъ молодъ, находился въ своихъ обстоятеляхъ, и теперь совѣтую тебѣ, что внушаетъ мнѣ опытность. Съ тихимъ и добрымъ характеромъ ты можешь быть, и вѣрно будешь, счастливъ. Обдумай этотъ урокъ, и узнаешь его истину.—Послѣ напишу къ тебѣ объ этомъ обстоятельнѣе. Остаюсь швой отецъ и другъ. . . .

Къ брату о записаніи дѣтей въ училище.

Любезный братецъ!

Письмо ваше получено мною вчера. Вы прибыли съ дѣльми моими благополучно. Сердечно радуюсь. — Я не въ силахъ изобразить душевной благодарности за ваши труды и попеченія о нихъ; въ разсужденіи ученія препоручаю ихъ въ вашу волю. Только прошу васъ соблюсти всю оспорожность въ семъ важномъ для меня случаѣ. Ошъ надлежащаго выбора мѣста и наставниковъ зависить ихъ польза и мое спокойствіе. — Денегъ пеперь посылаю 400 руб., кои прошу употребить частію на покупку нужныхъ для нихъ вещей и книгъ, а частію на раздачу шѣмъ, кои будутъ имѣть присмотръ за ними. Хочу, чтобъ они были содержаны въ порядкѣ, чтобъ образованіе ума и сердца возвышалось равномѣрно. Все, что вы въ пользу ихъ ни расположите, приму за великое одолженіе, и пребуду благодарнымъ на всю жизнь

Братомъ и слугою, и прог.

Къ сестрѣ о храненіи ввѣренной тайны.

Любезная моя сестрица!

Полагаясь на ваше дружеское ко мнѣ расположеніе, признаюсь откровенно, что мнѣ непріятно, когда вы не могли сохранить тайны,

порученной вамъ отъ вашего супруга. Если бы вы были нѣсколько скромнѣе, то и поступки ваши были бы лучше, и дѣла вашего мужа шли бы удачнѣе. Онъ не имѣлъ бы теперь непріятнаго соперника, не былъ бы принужденъ такъ дорого плащись за всякую бездѣлицу. Но вы, еще не достигши цѣли, предались чрезмѣрной радости и не могли удержать въ тайнѣ дѣлъ вашего мужа. Такимъ образомъ всегда почти награждается неоспорожность. Я надѣялся на васъ болѣе всѣхъ моихъ родственниковъ, и думалъ, что вамъ можно поручить все. — Помнишься, мы часто разсуждали о томъ, что сама природа учить насъ не бытъ болтливыми: она дала намъ два уха и одинъ языкъ, чпобъ мы слушали больше, а говорили менѣе. Повѣрьте мнѣ, сестрица, что должно употреблять слова съ великою оспорожностію. — Пожалуйте размыслите объ этомъ лучше, посоветуйте сами съ собою. Мнѣ очень не хочется получить отъ зятя другой выговоръ, подобный первому. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ соперникахъ, и признался, съ великимъ прискорбіемъ. — И такъ я надѣюсь, что вы, не смотря на склонность своего пола, впредь будете оспорожнѣе и молчаливѣе. Эпаго сердечно желаетъ вашъ усерднѣйшій братъ,

и прог.

О красотѣ Гречанокъ и Римлянокъ.

Милоспивый Государь!

Мнѣ кажется, что почти не возможно рѣшить вашего вопроса о красотѣ древнихъ Гречанокъ и Римлянокъ; нельзя рѣшительно сказать, лучше ли онѣ были нашихъ красавицъ, или нѣтъ. Чтобъ правильно судить объ этомъ, должно бы сравнить однѣхъ съ другими. Древнія спатуи, сохраненныя до сихъ поръ, не смотря на дальность времени, представляють намъ образцы совершенной красоты. Но почему знаемъ, что искусство не придало имъ пріятности, которой въ подлинникахъ никогда не бывало? или почему извѣстно, что это не произведеніе только пылкаго воображенія рѣщика, или живописца? Можеть быть ни Елена, ни Клеопатра не были совершенными красавицами своего времени. Въ тѣ времена нашлось бы множество такихъ женщинъ, которыя могли бы совершенно помрачить славу оныхъ, если бы уважали одну красоту, забывая ниское соспаніе. Удивительныя приключенія могли прославить чтонибудь и посредственное. Гомерова Поэма, созженіе Трои, разрушеніе немалаго Государства въ Азіи сохранили намъ имя Елены и умножили ея прелести. Любовь, которою Клеопатра воспалила Кесаря и Марка Антонія; участіе, которое она имѣла въ приключеніяхъ сего послѣдняго; мужество, съ какимъ умерш-

вила сама себя, желая избѣгнуть стыда, уготовавшаго ей Цесаремъ (который былъ намѣренъ увезть ее въ Римъ, чтобы публично предсказать Римлянамъ, и чтобы она умножила пышность его триумфа), — все это легко могло увеличить наше понятие о красотѣ сей Египетской Царицы. — Красота плесная подобна душевной. Прощекіе вѣки могли приписать славу и не совсѣмъ заслуженную. Мнѣ кажется, для чего бы и въ наше время не родиться женщинамъ, которыя были бы даже прелестнѣе прекрасной Елены и знаменишой Клеопатры? — Но о нихъ не столько говорятъ; онѣ не столько извѣстны, потому что ихъ роля не столь важна. — Вотъ мои мысли; справедливы ли онѣ, о томъ могутъ судить ученые. Между тѣмъ имѣю честь быть

Вашимъ, и прог.

154.

О пользѣ уединенія.

Милоспивая Государыня!

Я съ удовольствіемъ слышу, что вы здоровы и все еще въ короткой связи съ Г-жею N. любезною и почтенною. Судьба нарочно васъ познакомила. Вы обѣ имѣли въ жизни равную мѣру горести, и теперь среди пріятнаго уединенія будете находить утѣшеніе въ вѣрѣ, и сообщать оное другъ другу. Сердечно одобряю ваше намѣреніе ославить волненіе и суешу міра.

Превращность такъ называемаго *большаго свѣта* довольно уже показала вамъ суешность онаго. Вы избрали цѣлю Бога; а мирное уединеніе есть лучшее средство къ достиженію оной. Ахъ! сколь благополучно такое состояніе! Для чего я шеперь не съ вами, чпобъ утвердишь васъ въ такомъ намѣреніи? Идите не сомнѣваясь предположенною вами дорогою, и вѣрно достигнете своего благополучія. Сего опъ чистаго сердца желаетъ вамъ вашъ,

Милостивая Государыня!

и прог.

155.

Сынъ проситъ отца позволить ему жениться.

Милосивый Государь батюшка!

Вамъ извѣстно; сколько сердце мое предано вашей волѣ. Неужели вы захопите сдѣлать его несчастнымъ? — Я сердечно привязанъ къ дѣвицѣ N. — Она вамъ извѣсна. Упадая къ ногамъ вашимъ, прошу утвердишь мое счастье. Съ величайшею неперпѣливостію ожидаю вашего благословенія. До тѣхъ поръ сердце мое не можетъ быть спокойно. Съ сыновнею преданностію есмь вашъ,

и прог.

Отзывъ несчастнаго къ другу по долговременному молчанію.

Любезный другъ!

Благодарю васъ опъ всей души за изъясненіе вашей искренности ко мнѣ. Я никогда не сомнѣвался въ вашей дружбѣ; она мнѣ всегда казалось даромъ Неба, а особливо въ настоящихъ горестныхъ моихъ обстоятельствахъ. Ахъ! я думалъ, что низвергаюсь въ ужаснѣйшую бездну, и не видалъ вокругъ себя никого, кто бы съ улыбкою дружбы простеръ ко мнѣ руку помощи. Такъ спранникъ, пораженный громомъ, собираетъ остатки силъ своихъ, борется самъ съ собою, и не имѣетъ времени, ни способа обратить надлежащее вниманіе на окрестные предметы. — Это полумертвое сердце, посвящая вамъ остатки силъ своихъ, проситъ васъ доставить ему опраду своими цѣлительными письмами. Скоро ли? — ахъ! скоро ли судьба позволитъ мнѣ увидѣть лично того, къ которому душа моя полетѣла бы сію минушу? — Оспажусь вамъ истинно преданный,

и прсг.

Просьба о деньгахъ для уплаты проигрыша.

Милоспивый Государь мой!

Вы сполько снисходительны, сполько любите дѣлать добро, а особливо вашимъ

друзьямъ, что я осмѣлился теперь просить у васъ помощи. — Фортуна слишкомъ свое- нравна и неразсудительна. Вчера она была очень благосклонна ко мнѣ, а сего дня вдругъ оставила меня, и отняла всѣ знаки своей милости, т. е. я игралъ вчера, и счастливо, съѣлъ играть и сего дня—и проигралъ все. Но я рѣшился опомститься фортуны. Для этого мнѣ нужно 50 или 40 червонцевъ; въ этомъ-то и состоить моя просьба къ вамъ. Вы знаете меня, и можете быть увѣрены, что никою не можете быть чувствительнѣе къ вашей дружбѣ, какъ вашъ.

158.

О выздоровленіи пріятеля.

Любезный другъ!

Можетъ ли чувствительный человекъ не радоваться, когда выздоравливаетъ искренній другъ его, лежащій на смертномъ одрѣ? — И можетъ ли кто болѣе меня расположенъ быть къ другу своему? Я радовался, былъ въ восхищеніи, когда получилъ пріятную вѣсть о возстановленіи вашего здоровья. Берегите его для себя и для друзей вашихъ; всѣ просятъ васъ объ этомъ. Если искренняя, сердечная молитва можетъ получить удовлетвореніе, то вы на долго избавились отъ болѣзни. Усерднѣйше умоляю о семъ Всевышняго. Остаюсь преданный вамъ на всю жизнь.

О т в ѣ т ъ.

Любезный другъ мой!

Дороги для меня ваши желанія, безцѣнна ваша дружба; и для того приношу благодарность за пріятное ваше письмо. Да услышитъ Богъ вашу молитву, чшобъ я могъ долѣе пользоваться вашею дружбою и доказать на самомъ дѣлѣ, сколько я вамъ преданъ,

и прот.

Рекомендація.

Милоспивый Государь!

Вы безпрестанно въ заботахъ. Я знаю это, и однакожъ осмѣливаюсь еще беспокоить васъ. Одинъ умный и достойный почтенія человекъ, который за честь себѣ поставляетъ быть вамъ извѣстнымъ, желаетъ опредѣлиться къ мѣсту, но не имѣетъ случая. Двенадцать лѣтъ исправно служилъ онъ Государю отчасти со шпагою, а отчасти съ перомъ. Этого человекъ имѣетъ много дѣшей, и очень честенъ; это можете убѣдить ваше сердце, которое всегда радуется, находя случаи помогать другимъ. — Вы можете одолжить его, а съ нимъ не меньше и меня испинно къ вамъ приверженнаго,

и прот.

Наставленіе желающему путешествовать.

Милоспивый Государь!

Любоньшество видѣшь свѣпъ — очень похвально. Симъ способомъ мы узнаемъ духъ народовъ, исторію временъ прошедшихъ. Однакожь должно признаться, что польза весьма часно не бываетъ равна со встрѣчающимися неудовольспвіями, прудноспями и издержками. Кто хочетъ путешествовать, тому совѣспую прежде думашъ о пользѣ, а потомъ и объ удовольспвіяхъ; узнашъ сперва то, что можешъ послужитъ къ просвѣщенію, а потомъ уже и то, что въ состояніи доставитъ увеселеніе. — Сами узнаете, сколь справедливо это замѣчаніе. Желаю вамъ благополучнаго пути и хорошаго успѣха въ вашемъ предпріятіи; не забывайте и меня. Оспашюсь

и прог.

Отъ отца къ другу о смерти сына, который много огоргалъ его.

Любезный другъ!

За два дни я лишился сына, коего дурное поведеніе часто причиняло печаль моему сердцу. Получивъ извѣспіе, что онъ убитъ, я не разъ уже плакалъ. Сколь горька моя участь! Я ждалъ, что сынъ будетъ мнѣ успѣшеніемъ; но онъ въ

жизни безпрестанно огорчалъ меня, да и по смерти не менѣе. Тебѣ одному остаётся шеперь меня упѣшишь.

Твой, и прог.

163.

О т в ѣ т ъ.

Милоспивый Государь!

Опець всегда опець. Онъ не можетъ избавишься опъ чувспвованій, данныхъ ему природою. Когда мы лишаемся дѣпей, коихъ по видимому не любили, то смерть ихъ показываетъ, что дѣйствительно они намъ любезны. — Подлинно, вы были бы жалки, если бы всего лишились. Но у васъ есть дѣпи, гораздо разумнѣйшіе перваго, и они должны быть вамъ упѣшеніемъ. Что касается до упѣшеній дружбы, то я всегда былъ и буду готовый къ услугамъ

Вашъ и прог.

164.

Утѣшеніе плѣнненному непріятели на войнѣ.

Милоспивый Государь!

Вы не могли бы столько печалиться о своемъ плѣнѣ, если бы знали, сколько печалятся и тоскуютъ о васъ другіе; а сожалѣніе столь многихъ добрыхъ и знатныхъ людей испинно стоишь болѣе самой блистательной свободы. Если вы шеперь въ эшомъ со мною несогласны:

по я послѣ объясню вамъ и докажу, что вы не должны называть несчастіемъ такого случая, которъй доставляетъ вамъ любовь и почтеніе лучшихъ Особъ въ Россіи. Если же всѣ сполько къ вамъ привязаны, по что уже могу сказать о своихъ чувствованіяхъ? Сердце мое вамъ извѣстно. — Не грустите и надѣйтесь. Судьба позволитъ еще намъ видѣть васъ въ своемъ опечествѣ, и можете быть скоро. Помните вашего

и прог.

Къ Г-жѣ Н. о смерти ея супруга.

Милоспивая Государыня!

Кто можете сказать, что ваша горестъ неосновательна? — Вы лишились супруга, которъй у всѣхъ былъ въ почтеніи, осыпалъ бѣдныхъ благодѣяніями; онъ былъ помощникомъ самому Государю. О такомъ человѣкѣ нельзя не плакать. — Но вы согласитесь, что чрезвычайное уныніе не можетъ быть пріятно Богу. Предаваться неумѣренной горести, значитъ обвинять Его дѣла, пропивитесь волю Его и не полагаться на Провидѣніе. Неутѣшное сѣшование есть уже возмущеніе противъ Неба, а Христіанство велитъ покоряться его правленію. Оно вездѣ видитъ нашу пользу, во всемъ спарается доставить намъ выгоду, хотя мы часто, или почти никогда не видимъ изби-

раемыхъ имъ способовъ. Повѣрьте мнѣ въ эпомъ; жертвуйте ему своею потерей, и вы будете имѣть довольно силъ къ перенесенію вашей печали. Вы теперь имѣете дѣло съ Богомъ. Хотя бывающъ случаи, что инымъ людямъ должно ждаться себѣ отплады въ другомъ мірѣ; однако смѣло скажу, что вы не лишитесь Божіаго утѣшенія, если только у Него испросите помощи. Отъ всего сердца желаю вамъ эшаго, пребывая между тѣмъ

Вашъ, и прог.

166.

У т ѣ ш е н і е.

Милоспивый Государь!

Можешъ ли пошъ назваться Христіаниномъ, кто не исполняетъ правилъ благочестія? — Нѣшъ, скажете вы; и я скажу поже. Но знаете ли, о комъ говорю? Знаете ли, что вы не любите ближняго и не бережете своей жизни? — Вы не принимаете утѣшенія отъ друзей, хотите причинить имъ горестъ, печалитесь о потерѣ, о которой не должно грустить; гнушаетесь міромъ, поскушаете, и прежде времени можете разстроить свое здорье. *Богъ далъ*, и вы Его даромъ пользовались. *Онъ взялъ*, и отдаешъ другому, чтобы и другой воспользовался. При томъ же вы не все потеряли. Вамъ оставлены средства къ приобрѣшенію: употребите силы и разумъ, и

получите все нужное. Друзья, въ чемъ могутъ, вѣрно вамъ пособятъ; а вѣрнѣйшій изъ друзей вашихъ есть вашъ.

167.

Б л а г о д а р н о с т ь

Милоспивый Государь!

Я очень обрадовался, получивъ опть васъ подарокъ. Въ небольшомъ твореніи вашемъ снова вижу красоты древней Поэзіи *Виргиліевъ, Гораціевъ* и другихъ знаменитыхъ *Спихотворцевъ*. Мнѣ чрезвычайно пріятно, что вы у сихъ *Поэтовъ* заимствуете лиру для прославленія Героевъ нашего вѣка, при томъ не удаляясь опть истины и нашей Вѣры. Вы знаете, что я не люблю басень; въ продолженіи многихъ лѣтъ напишалъ я душу *Св. Писаніемъ*, симъ сокровищемъ истины, и потому слабыя произведенія *человѣческаго ума* и его суешности кажутся мнѣ чрезвычайно пустыми. Но какъ вошло въ обычай употреблять такія фигуры, дабы придать живость своей матеріи, а особливо предлагая свою книгу людямъ, привыкшимъ къ сему роду сочиненій: то кажется можно позволить и *Христіанскимъ Спихотворцамъ* въ случаѣ нужды пользоваться ими. — Однакожь вы не опасайтесь, чтобъ я вздумалъ объявить вамъ войну за вашу книгу; напрошивъ того я очень благодаренъ вамъ за нее. Знаю, что вы почищаете истину не

меньше, какъ и я, и попому ваши выраженія, заимствованныя отъ древнихъ, суть не иное что, какъ краски, взятшыя съ другой картины. Вы смотрише на цѣль и мысли сочиненія, смотрише, какъ долженъ смотрѣть всякой образованный человѣкъ. Остаюсь вашъ. . . .

168.

Письмо благодарственное къ Митрополиту.

Ваше Высокопреосвященство!

Что можетъ быть на свѣтѣ лучше совѣповъ, кои Вы по милости своей прислали моему племяннику? — Такія наставленія отъ Особы, собственнымъ примѣромъ подтверждающей справедливость предписываемыхъ правилъ, Особы, уважаемой даже Государемъ нашимъ, могутъ пронуть и самаго грубаго, самаго необразованнаго человѣка. — Будьте увѣрены, что какъ мой племянникъ, такъ не меньше и я принимаемъ эшотъ знакъ Вашей благосклонности съ сердечною благодарностію. Да почиетъ благословеніе Ваше на насъ.

Вашего Высокопреосвященства,

и проч.

Отъ сына къ отцу, увѣдомленіе о Пансіонѣ.

Милоспивый Государь батюшка!

Даже до нынѣшняго дня я откладывалъ исполненіе своего намѣренія засвидѣтельствовать вамъ письменно свою преданность, желая вмѣстѣ увѣдомишь васъ о томъ Пансіонѣ, въ которомъ нахожусь. Могу сказать, что такой порядокъ не вездѣ находится. Содержатель Пансіона и его жена люди самые честные, ласковые и попечительные. Пища у насъ очень хороша. Время мы проводимъ съ пользою. Даже въ часы, назначенные для отдыха, намъ раздають Географическія карпинки. Забавляясь, мы замѣчаемъ много хорошаго. Я употребляю все стараніе, чтобъ успѣшь въ томъ, что мнѣ показывають, и чтобъ мои поспунки здѣсь и послѣ принесли вамъ сколько чести, сколько я чувствую къ вамъ почшенія. Имѣю честь быть вашъ. . . .

О в к у с ѣ.

Милоспивая Государыня!

Повѣрьте мнѣ, что вкусъ зависитъ болѣе отъ сердца, нежели отъ ума, хотя многіе стараются увѣришь себя, что онъ есть болѣе разборчивость ума, нежели движеніе сердца. Вкусъ обыкновенно слѣдуетъ нашимъ душевнымъ склонностямъ. Отъ эшаго-шо по боль-

шей части поступаютъ не по правиламъ разсудка, но по влеченію темперамента. Если вамъ угодно, то скажу въ двухъ словахъ, что, по моему мнѣнію, вкусъ бываетъ хорошъ, когда сердечная склонность управляется разумомъ; что тѣ, которые послѣдуютъ одной склонности, обыкновенно остаются съ худымъ вкусомъ: ибо они подобны нѣкошорымъ образомъ животнымъ, дѣйствующимъ по одному внутреннему побужденію. Хорошій вкусъ есть дѣйствіе ума правильнаго и просвѣщеннаго ума, который въ вещахъ сомнительныхъ, или двусмысленныхъ, беретъ сторону справедливую. Послѣ этого не должно удивляться, когда онъ такъ рѣдокъ. Многіе напрасно и очень не къшаши хотятъ себя увѣрить, что имѣютъ его. Они тотчасъ обнаруживаютъ себя Публикъ, какъ скоро вмѣшиваются въ сужденіе или рѣшеніе.

Вообще можно сказать, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы не находилъ въ чемъ нибудь вкуса. Даже люди низкаго состоянія разсуждаютъ справедливо о своихъ дѣлахъ, и кажутся очень разборчивыми, когда дѣло идетъ о ихъ выгодахъ. Болѣе всего должно стараться узнать свои таланты, и образуя ихъ, не выходить изъ своей сферы. Но къ сожалѣнію тотъ, кто лишенъ вкуса, судитъ о вещахъ самыхъ высокихъ и даже превышающихъ его способности. Очень многіе похожи на того башмашника, котораго извѣстный Апеллесъ удостоилъ допустить къ своей кар-

пинѣ. Этопъ ремесленникъ замѣпилъ нѣкоторыя ошибки въ обуви на портретѣ. Апел-лесъ выслушалъ его причины, пошелъ домой и исправилъ недоспашки. Но какъ послѣ того пошъ же самой башмашникъ хотѣлъ дать мнѣ-ніе и о всей ногѣ, шо живописецъ, подошелъ къ нему, и сказалъ: *друзѣ мой! ты забываешься; за гѣмб тебѣ говорить о томб, што превосходитѣ твое понятіе?*

Остаюсь съ почпеніемъ. . . .

171.

Кѣ отсутствующему другу.

Любезный другъ!

Я не въ состояніи изъяснить вамъ, сколь тяжкосна для сердца моего разлука наша. Дружба, въ кошорой вы сами прежде сполько были увѣрены, сія дружба можетъ вамъ изобразить мое настоящее положеніе. И такъ прошу васъ, избавьте меня опъ сердечнаго безпокойства, приѣзжайте къ намъ поскорѣе, не для того, чптобы одолжить меня; нѣпш! я и безъ того уже обязанъ вамъ несказанно; приѣзжайте, чптобъ ушѣшить несчастнаго, кошорый съ душевнымъ почпеніемъ и преданностію еспъ вашъ.

О п в б п б.

Любезный другъ!

Ты не можешь столько желать моего возвращенія, сколько я самъ о томъ стараюсь. Мнѣ нужнѣе быть съ тобою. — Предоставь жалобу мнѣ одному; я далеко, далеко отъ того, копорого люблю и почитаю болѣе всѣхъ, копорому совершенно принадлежить душа моя. Между пѣмъ однакожь отъ всего сердца емь швой усердный. . . .

О неполученіи отвѣта на нѣсколько писемъ.

Государь мой!

Нѣсколько писемъ я опправиль къ вамъ, а отвѣта ни на одно не получилъ. Еще пишу, желая узнать, получены ли мои письма, и здоровы ли вы. Прошу васъ усердно, когда вы удосужитесь, удовлетворить моему неперильливому ожиданію; вмѣсто всѣхъ моихъ писемъ напишите ко мнѣ хотя нѣсколько спрочекъ своею рукою. Вы чувспвительнѣе обяжете того, копорый съ душевнымъ почпеніемъ еспь вашъ. . . .

Къ больному пріятелю.

Государь мой!

Я желалъ бы лучше быть въ тысячу разъ далѣе отъ васъ, нежели находиться въ безпрестанномъ безпокойствѣ о вашемъ здоровьѣ. Меня всегда безпокоитъ мысль о вашихъ пирушкахъ. Мнѣ извѣстно, что вы не нарушаете правилъ прѣзвоспи; однакожь употребить три рюмки сверхъ обыкновеннаго, — о! это значитъ ужъ бражничать; и за это вы обыкновенно плашите гораздо дороже, нежели тѣ несмысленные живописные, коихъ обыкновенно на чепырехъ живописныхъ отвозятъ въ постель. Г. . . испортилъ весь нашъ обѣдъ, привезши о васъ такое извѣстіе. Три строчки руки вашей, или чьей нибудь другой, могутъ дать мнѣ знать, какъ вы находитесь. Это увѣдомленіе для меня важнѣе всякаго другаго, потому что я люблю и почитаю васъ по такимъ причинамъ, кои для другихъ ничего не значатъ.

Теперь укладываю всѣ свои вещи, и готовлюсь въ дорогу. Я стараюсь какъ можно менѣе думать о васъ, даже въ то время, когда пишу къ вамъ. Одна мысль о васъ возмущаетъ мое сердце, и возбуждаетъ во мнѣ сильное желаніе васъ видѣть и поговорить съ вами. Вы очень жестоки. Какъ можно такъ превозмочь лучшаго изъ вашихъ пріятелей! . . .

175.

Письмо дружеское.

Милоспивый Государь!

Желая исполнить свою обязанность въ разсужденіи васъ, я не могъ не писать къ вамъ при споль выгодномъ случаѣ. Также покорно прошу удостоить меня вашего письма. Вы шѣмъ успокоите мое сердечное желаніе знать о вашемъ здоровьѣ, которое мнѣ не меньше дорого, какъ и мое собственное. Живите счастливо и будьте увѣрены, что гдѣ бы я ни находился, вы всегда будете видѣть неліцемерные знаки моей къ вамъ привязанности, съ кошорою и есмь вашъ,

и прот.

176.

Извиненіе.

Милоспивый Государь!

Если испинное раскаяніе можетъ загладитъ мое преступленіе, то я осмѣливаюсь теперь просить у васъ прощенія. Я долго не писалъ къ вамъ, долго не могъ исполнить своей обязанности. Теперь сердечно раскаяваюсь, и даже спыжусь шакого поступка; но зная вашу снисходительность, надѣюсь, что вы не захопите съ презрѣніемъ забыть шакого человѣка, кошорый съ душевною преданностію естъ. . . .

177.

Б л а г о д а р н о с т ь .

Милоспивый Государь!

Я краснѣю отъ стыда, воображая, сколько я вамъ долженъ, а не могу отплатить ни за малѣйшую долю вашихъ благодѣяній: вы такъ часпо и такъ много спарались одолжить меня, что я не могу даже и надѣяться быть когда нибудь въ состояніи служить вамъ равномерно. Мнѣ оспааетса только желать эшаго и быть

Вашъ, и прог.

178.

О т в ѣ т ъ .

Милоспивый Государь!

Не знаю, можно ли споль много благодарить за самую малую вещь. Дѣлая мнѣ честь своею благодарностію, вы заставляете меня оказанную вамъ услугу почитать благодѣяніемъ самому себѣ. Повѣрьте мнѣ, что я не меньше вамъ обязанъ, какъ искренній другъ. . . .

179.

Поздравленіе новображноу.

Милоспивый Государь!

Какъ скоро я услышалъ, что вы сочепались бракомъ, въ шу же минушу рѣшился за-

свидѣтельствовать вамъ свою радость и пожелать новаго благополучія. Вашъ выборъ не можетъ быть неудаченъ. Покорнѣйше прошу увѣрить свою любезную супругу съ моей стороны, что какъ скоро она избрала васъ еще своимъ женихомъ, то и я съ тѣхъ поръ сдѣлался ея покорнѣйшимъ слугою, такъ какъ и вашимъ. . . .

180.

Прощаніе.

Милоспивый Государь!

Мои дѣла принуждаютъ меня теперь проститься съ вами, и какъ можно скорѣе. Когда вы сдѣлаете мнѣ честь препорученіемъ, то я съ сердечною охотою гошовъ все исполнить. Вамъ уже извѣстно, что гдѣ бы я ни былъ, всегда писалъ и буду писать въ сердце своемъ усердіе и почтеніе къ особѣ вашей. Прощайте! Имѣю честь быть,

и прог.

181.

Благодарность.

Государь мой!

Письмо ваше черезъ N. я получилъ; доволенъ онымъ, и благодаренъ вамъ несказанно, что вы не скупы, и удѣляете время для вашихъ родныхъ и искреннихъ друзей. Черезъ это вы усугубляете въ сердцахъ нашихъ усер-

діе и любовь къ вамъ. Не оставляйте насъ: Богъ не оставишь наградишь ваше доброе сердце. Съ преданностію есмь вашъ. . . .

182.

То же содержаніе.

Милоспивый Государь!

Надобно, чтобы сердце ваше было благородно и чувствительно, когда прѣгаешся несчастіемъ такого человѣка, который ни мало не заслужилъ вашего усердія и участія. Можешъ ли не утѣшишь меня одна мысль, что имѣю такого благодѣтеля? — Всею отпradoю я обязанъ единспвенно вамъ. Небо да подаспть мнѣ силы бытъ соразмѣрно вамъ благодарнымъ. Имѣю честь бытъ вашъ,

Милоспивый Государь!

и прог.

183.

О т в ѣ т ѝ.

Милоспивый Государь!

Я не въ состояніи никогда сдѣлать вамъ столько добра, сколько вы заслуживаете. Все, что я могъ исполнить, не можешъ замѣнишь ни самой малой часпи того, чѣмъ я вамъ обязанъ. Признаюсь, что я желалъ бы не бытъ ничѣмъ вамъ долженъ, и придпи въ состояніе оказашъ вамъ гораздо болѣе. . . . Богъ да

ниспошлетъ мнѣ силъ сполько, сколько имѣю
сердечнаго желанія быть вашимъ.

184.

Признательность.

Милостивый Государь!

Извините, что чрезмѣрное разстояніе ли-
шаетъ меня удовольствія принести вамъ и
всей вашей фамиліи изустно сердечную благо-
дарность за ваши милости. Если бы случай
и обстоятельства позволили мнѣ служить
вамъ здѣсь, по вашему препорученію, или безъ
порученія, то я былъ бы пѣмъ несказанно
обрадованъ. Даже мои дѣпи говорятъ всегда
о васъ; ночью безпрестанно вижу васъ въ
самомъ пріятномъ видѣ, а днемъ также думаю
о васъ и о средствахъ сохранить для себя вашу
благосклонность и быть всегда

Вашимъ, и прот.

185.

Благодарность къ другу.

Любезный другъ!

Вы безпрестанно меня одождаете. Мои
письма всегда причиняютъ вамъ безпокойство,
а ваши всегда приносятъ мнѣ какую нибудь
пользу. Во все время нашей переписки я без-
престанно выигрываю, а вы — теряете. Но
какъ положить границы вашей благородной

душѣ? Къ вашимъ обыкновеннымъ одолженіямъ вы присоединяете еще прекрасные, безцѣнные для меня совѣты. И судьба лишила меня силъ быть вамъ соразмѣрно благодарнымъ! За все, что ни получаю отъ васъ, могу только сказать, что никто въ свѣтѣ не чувствовалъ такой признательности къ своему благодѣтелю, сколько я чувствую къ вамъ, моему другу, пребывая.

186.

Письмо при отправленіи покупки.

Государь мой!

Не знаю, удачно ли я исполнилъ ваше препорученіе купить штофной матеріи; по крайней мѣрѣ будьте увѣрены, что я употребилъ сшаранія болѣе, нежели для своей собственной пользы: не полагаясь на себя, я просилъ совѣта у всѣхъ извѣстныхъ мнѣ знатоковъ. Многіе видѣли и всѣ говорили, что лучшей матеріи нельзя найти во всемъ нашемъ городѣ. Надѣюсь, что вы не замедлите увѣдомить меня о полученіи оной. При семъ прилагаю остатокъ вашихъ денегъ, которыя берегъ я, какъ свои собственные.

Если нужно для васъ еще чтонибудь, то приказывайте мнѣ; постараюсь исполнить ваше желаніе съ такимъ усердіемъ, съ какимъ емь

Вашъ, и проч.

Благодарность дочери къ матери за присылку денегъ.

Милоспивая Государыня мапушка!

Я получила посланные вами 350 рублей. Покорнѣйше благодарю васъ за оныя. Повѣрьте, что эшошъ новый знакъ вашего благорасположенія ко мнѣ очень меня обрадовалъ. Я не меньше рада, видя вмѣспѣ и шо, что вы мною довольны. Упошребляю всѣ силы, чтобы впредь вы были еще довольнѣе. Мое первое стараніе всегда вамъ угождать; и съ сердечнымъ попешейемъ вѣчно быть вашею послушною дочерью. . . .

Предложеніе великодушному Вельможѣ о прирѣднїи одного несчастнаго.

Милоспивый Государь мой!

Позвольте вамъ донеспѣ, что извѣспный Н. Н. находится нынѣ въ великой бѣдности, которую часъ опъ часу умножаютъ болѣе внѣшнія обстоятельство и шесперо дѣшей, окружающихъ его съ полумертвою маперью.

Вы часто имѣете случая удовлетворять великодушїю своему. Тупъ представляется оный въ такомъ видѣ, коего нельзя быть прогашельнѣе. Если бы вы имѣли духъ благошворителей, изливающихъ щедроты и милоспи свои на другихъ изъ одного щеславїя,

по я не спалъ бы обременяшь васъ сими спорами: ибо всякое добро, происпекающее не отъ истиннаго челоувколюбія, не есть по добро, которое чту въ душѣ моей, пребывая всегда къ вамъ съ достодолжнымъ почтеніемъ и преданностію — вашимъ,

Милоспивый Государь мой!
покорнѣйшилѣ. . . .

189.

О займѣ денегъ на строеніе.
Государь мой!

Зная, сколько вы расположены къ благошворенію, осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ о помощи, въ коей настоипть мнѣ нужда, по причинѣ оспановки спроенія моего, на которое издержалъ я всю свою наличность, не уповая, чтообы кирпичъ и лѣсъ вздорожалъ чрезъ полгода сполько, какъ нынѣ послѣдовало. Мнѣ не достаешъ по сему для совершенія онаго около 1000 рублей, коими если ссудите меня къ наступающему мѣсяцу, то обяжете чрезмѣрно. Для огражденія же васъ отъ всякаго опасенія со спороны могущихъ случиться со мною несчастныхъ какихъ либо случаевъ, предлагаю вамъ въ залогъ деревню мою, соспоящую въ *такой-то* Губерніи. . . . уѣздѣ, гдѣ хощя не достаешъ почти половины душъ прошивъ примѣрнаго положенія въ сію цѣну, но за то есть выгоды, копорыя недоспапокъ

сей замѣняютъ вдвое, какъ вы сами усмотрѣть изволише изъ прилагаемаго здѣсь подробнаго описанія. — Одолженіе ваше въ семъ случаѣ приму за досповѣрное свидѣтельство вашего къ себѣ благорасположенія. Чтожь принадлежишь до проценновъ, по вы можете условиться съ Н. Н. , къ коему особливо нынѣ опомъ пишу. Впрочемъ, при истинномъ къ вамъ почтеніи и совершенной преданности, честь имѣю быти на всегда вашимъ ,

Государь мой!
покорнѣйшимъ.

190.

Просьба о защищеніи отъ ябедника.

Государь мой!

Вы меня одолжали съ такою благосклонностію въ чужихъ дѣлахъ, что уповаю на милость вашу въ самыхъ нужнѣйшихъ своихъ собственныхъ. Признаюсь, мнѣ спыдно, что всегда въ лицѣ челобитчика являюсь къ вамъ, хотя отъ всего сердца хотѣлъ бы изъяснить вамъ мое почтеніе инымъ образомъ. — Однакъ и по можно назвашь гордоспію, если не хотѣшь быти должникомъ вашимъ: ибо ваше покровительство такъ пріятно, что я радъ одолженъ быти вамъ какими нибудь новыми милостями. Кого намъ призывашь въ нуждахъ нашихъ, кромѣ нашихъ благодѣтелей? Кому и усердствовать болѣе, какъ нашимъ особливымъ покровителямъ? Въ разсуж-

деніи сего всепокорнѣйше васъ, Государя моего, прошу оборонить меня отъ ябедника Н. Онъ нападаетъ на меня съ крайнимъ свирѣпствомъ, и опнявъ у меня то, чего мое законное право соблюсти не могло, можетъ меня лишитъ и того, что угрызение совѣсти судейской мнѣ оставило. Не порочу ихъ добродушія, хопя нельзя мнѣ хвалиться судомъ ихъ; скажу только въ ихъ оправданіе, что часпо и ложь на правду походитъ, и что весьма трудно разбирать крючки ябедниковъ. Если сдѣлаете милость поговорите съ копорымъ нибудь изъ судей о моемъ дѣлѣ, то оно вняннѣ ему будетъ, и ваше разсужденіе произведетъ новое дѣйствіе въ умахъ всего ихъ собранія. Должное почтеніе къ добродѣтели вашей заставитъ ихъ прилѣжнѣ разсмотрѣть мою правость; и вы будете первымъ основателемъ моего ушѣшенія, копораго ожидаю. Всепокорнѣйше прошу не отказать мнѣ въ сей милости, и вѣришь, что я съ истиннымъ моимъ усердіемъ,

Государь мой!

вашъ всепокорнѣйшій слуга.

191.

Выговоръ за поношеніе.

Государь мой!

Мнѣ сказывали, что вы очень не ксапи произносили рѣчь въ мою обиду. Изъ челоуѣколюбія прошу, чтобъ вы раскаялись заблаговременно, если не хошите, чтобъ я поступилъ

съ вами жестоко. Я не люблю шупокъ, копорья благоприсойность преступающъ; поправше свои поступки, если не хопите испыпашъ, до чего можешъ довести досада. Увѣдомляю, что вы меньше имѣли причины жаловаться; и когда васъ увижу въ надлежащемъ смиреніи, копорого неперпѣливо отъ васъ ожидаю, то буду разсуждашъ, должно ли мнѣ бышь еще, какъ я прежде былъ,

Государь мой!

вашимѣ.

192.

О т в ѣ т ѣ .

Государь мой!

Я пишу къ вамъ сіе письмо не для удопсовѣренія вашего въ моей невинности, съ копорую я всегда жилъ, но въ собспвенное свое удовольспвіе. Всѣ сіи лживые пересказчики, о коихъ вы мнѣ объявляете, вопще меня обвиняющъ; вопреки всѣмъ злословіямъ, какъ сущимъ обманамъ, оправдаюсь моею совѣстію, копорая одна разрѣшишъ меня отъ всѣхъ злоумышленій. Однакожь вы думайте, что хопите, если желаете больше сего изъясненія; и ежели не довольны моимъ увѣреніемъ, что я никогда не мыслилъ огорчашъ васъ, то оспавляю въ вашей волѣ гнѣвъ, каковъ бы онъ ни былъ.

Остаюсь вашъ.

О т о м ъ ж е.

Государь мой!

Я слышалъ , что вы часто забавляе­тесь на досугъ поношеніями весьма близкой мнѣ особы. Вы взяли­сь за рукодѣлье самое опасное, какого хуже бытъ не можно. Если вино при­ключаетъ вамъ такія сумазбродства , то со­вѣшную вамъ мѣшайте его съ водою побольше; иначе же наложу на васъ долговременное мол­чаніе , такъ что уже никто злословія вашего не услышитъ. Сей человѣколюбивый совѣтъ, если хошите ему слѣдовать, въ послѣдній разъ даешъ вамъ вашъ ,

Государь мой!

и прог.

О т в ѣ т ѣ .

Государь мой!

Всѣ тѣ , кои вамъ сказывали, будто я по­носилъ вашу родственницу , поносятъ са­мого меня: ибо я никогда того не имѣлъ на мысли. Знаю , какое почтеніе долженъ я воздавать сему полу; и какую причину она ни подала бы мнѣ къ оному , но мой нравъ никогда не до­пустилъ меня того дѣлать. Впрочемъ знайте, что вино меня никогда говорить не за­сша­вишь; а если вы по неразумію своему такъ думаете, то я, хотя, съ сожалѣніемъ, поста-

раюсь изцѣлить безумство ваше. Я вамъ ска-
зываю, что я дѣлаю намѣренъ, дабы вы о
томъ напередъ знали, что я при первомъ слу-
чаѣ докажу вамъ, какъ умѣю учить безраз-
судныхъ. Сіе нишепъ вашъ,

Государя моего!

и прот.

195.

*Увѣдомленіе друга, что разлука переиѣнила
жизнь его, и требованіе совѣта.*

Оставилъ ты, мой другъ, меня благополуч-
нымъ:

Совѣшамъ слѣдуя твоимъ, я счастливъ былъ;
И ежелибъ съ тобой могъ бышь я неразлуч-
нымъ,

Спокойствіе свое навѣкъ бы сохранилъ.

Но, ахъ! лишась тебя, всего теперь лишился!
Я друга потерялъ, спокойство прочь бѣжипъ.
Лишь только ошъ меня, мой другъ, ты уда-
лился,

Узналъ, что безъ тебя нельзя въ покоѣ жишь.
Священной чести пушь побою мнѣ открылся,
Пороки ты умѣлъ изъ сердца выгнать вонъ;
Но только ошъ меня, мой другъ, ты уда-
лился,

Минулось счастье мое, какъ легкой сонъ.

Не мучилсѣбъ твой другъ и шакъ бы онъ не
рвался,

Когда бы сердце онъ порочнее имѣлъ;

Нечувствующимъ я дѣлъ нѣжныхъ бы на-
звался,

И въ дерзости своей бышь счастливымъ умѣль.
 Вину всю на тебя шеперь я полагаю. —
 Ахъ! что я дѣлаю? — Нѣшь, правъ ты предо
 мной.

Знай, другъ мой, я люблю, и въ спраспи
 уповаю;
 Къ несчастію, плѣненъ свирѣпой красошой.
 И лъзя ли описашь, какъ мучусь я и спражду?
 Какъ духъ встревоженъ мой, какъ спраспно
 я люблю?

Несчастливъ прямо я, въ любви горю и жажду;
 Я чувспвую, что всѣ ушѣхи погублю.

Но нѣшь спасенья мнѣ, ни малой нѣшь оп-
 рады,

Нѣшь помощи нигдѣ, спокойства не найду.

Тоска и горести оспались мнѣ въ награды;

Куда ни скроюсь я, опъ спраспи не уйду;

Повсюду злая спраспъ гоняешся за мною;

Всечаспно рвуся я, перзаюсь и грущу.

Мученья моего и скорби по виною,

Въ чемъ я ушѣхъ моихъ и радостей ищу.

Съ побою бѣ раздѣлялъ я всѣ свои напаспи

Одинъ бы ты мнѣ могъ въ поскѣ моей помочи

И вопрошивилса свирѣпспву люшой спраспи;

Со мною вмѣстѣ ты дѣлилъ бы день и ночь;

Иль, сжалася надо мной, о томъ бы ты спа-
 рался,

Чтобъ въ жалоспъ привести, которую люблю;

Въ опасноспъ за меня и въ крайноспъ повер-
 гался,

И по бы сохранилъ, что я шеперь гублю.

Но щещно все шеперь , и лъзя ли мнѣ поль-
спитсья ,
Чшобъ могъ я прешнее спокшйство возврашшь?
Когда я не могу съ любешной съешншься ,
Такъ лъзя ли , чшобъ я могъ когда спокшёнъ
бышь ?

Вопшь , другъ мой , какъ шеперь я мучушь и
спрадаю !

Подай совѣшь шы мнѣ , о шомъ тебя прошу .
Крушущь , и въ спрасши сей жестокшй упоаю ,
И можешъ бышь , къ тебѣ въ послѣдншй разъ
пшшу .

Я кончу жизнь мою плачевну и несчасшну ,
Чшобы не мучшсья и больше не спрадашь .
Нельзя мнѣ бышь моеш любви не подвла-
спну ,

И , ахъ ! нельзя , любя спокшннмъ пребывашь .
Твоеш я помощи еешной ождаю ,
Однш шы можешъ мнѣ опраду принешш ;
Я мучушь опъ любви и жизнь опъ ней перяю :
Ты можешъ погубшшь меня , или спасши !

Другъ швой . . .

196.

*Отвѣтъ прштелю на пршсанную опъ него
похвалу .*

Государъ мой !

Еслибъ могъ я сншскашь тѣ добршя
качешсва , кошхъ не имѣю , и кош вы мнѣ прш-
пшсываеше , шо былъ бы достшннѣ шшй чешш ,
какую вы мнѣ дѣлаеше , и не успыдшлся бы ,

видя себя несходнымъ прошивъ того , какимъ поставленъ въ вашемъ письмѣ ; но я отдаю себѣ справедливость, и не иначе могу почестъ приписываемыя опъ васъ похвалы, какъ милостіями , коихъ не заслуживаю. Окажише мнѣ другія , если угодно вамъ подашь мнѣ случай доказать, что никто не почиаетъ васъ искреннѣе, и не приверженъ къ вамъ съ поликою горячностію, какъ я ,

Государь мой !

вашъ покорнѣйшій.

197.

*Къ знатному Господицу о неоставленіи зай-
молъ денегъ.*

Ваше Высокопревосходительство !

Милостивый Государь !

Человѣколюбіе, милосердіе и великодушіе , прославившія Ваше имя и въ отдаленныхъ краяхъ Россіи, побуждаютъ и исполняютъ меня шюю надеждою, что Ваше Высокопревосходительство удостоише возрѣшь милостивымъ окомъ на мое нижайшее прошеніе.

Крайняя бѣдность обременяетъ меня: имѣю жену и нѣсколько малолѣпныхъ дѣшей, копорыхъ должно воспитать. Въ семъ плачевнѣйшемъ состояніи прибѣгаю къ щедростямъ Вашимъ. Вѣдая , что и одно дерзновеніе мое можетъ вмѣнено бытъ въ преступленіе ; но и то знаю , что гдѣ владычествуетъ человѣколюбіе и милосердіе , тамъ вещи совсѣмъ дру-

гой видъ принимають. Не хитрость, безстыдство и порокъ ввели меня въ плачевное состояніе, но излишнее надѣяніе на честность другаго и неосторожное желаніе подать помощь ближнему: вотъ причины моего паденія. Я не споль бѣднѣ, чтобъ не имѣлъ со временемъ чѣмъ заплашить моего долгу: я стыдился бы самъ себя, если бы, не имѣя средства удовлетворить заимодавцамъ, упряждалъ ихъ одолжить меня. Милость, мною просимая, касается до займа. Не оставьте, Милостивый Государь! явить свое покровительство и щедроты пріемлющему смѣлость съ низайшею просьбою прибѣгнуть къ вамъ изъ отдаленной стороны, гдѣ почиается и прославляется Ваше великодушіе, и не допустите насъ въ пропасть, злымъ рокомъ мнѣ уготованную.

Всевышній Податель всѣхъ благъ, обративъ вниманіе Ваше на сіе мое низайшее и правдивое прошеніе, да обратитъ и великодушное сердце Ваше, щедротами и челоуколюбіемъ наполненное, къ ниспосланію помощи, коея ожидая, съ глубочайшимъ почианіемъ и совершенною преданностію имѣю честь бытъ,

Милостивый Государь,
Вашего Высокопревосходительства
низайшій слуга.

Просьба объ оказаніи милости П. К. въ несчастномъ состояніи.

Милоспивый Государь мой!

Я совершенно увѣренъ, что вы имѣете челоѡколюбивую душу и благопворящее сердце, которое въ нуждѣ челоѡку сострадаетъ, несчастнымъ подаетъ помощь, покровительствуетъ имъ и освобождаетъ ихъ отъ бѣдствій. По сей причинѣ представляю вамъ случай, въ которомъ вы легко можете открыть сію добродѣпель и доказать ее самымъ опытомъ. Вамъ довольно извѣстный челоѡкъ П. К. препровождаетъ гореснѣйшую жизнь въ городъ N. — Я не объясню дѣла: вы сами имѣете о томъ понятіе. Мнѣ только осталось напаятовать вамъ о его бѣдности, которая давно уже достойна быть предметомъ вашего челоѡколюбія. Искренно прошу васъ только о томъ, чпобъ вы сего челоѡка, принесеннаго извѣсною особою въ жертву правосудія и строгости, избавили отъ угрожающаго ему гибельнаго состоянія. Не нахожу нужды употреблять болѣе побудительныхъ выраженій, а желаю въ скорости слышать и видѣть исполненіе того, къ чему моя просьба единственно клонится. Впрочемъ, при засвидѣтельствваніи вамъ моего почшенія, пребуду навсегда,

Милоспиваго Государя моего!
всепокорный.

*Къ человекѣ, котораго только по одному слуху
знаемъ.*

Государь мой!

Почтеніе, которое я имѣю къ достойнымъ особамъ, обнзываетъ меня писать къ вамъ письмо сіе, хопя не имѣю чести знать васъ; ваша слава поль извѣспна, и я всякой день слышу споль много похвалы о васъ, что, къ довершенію удовольствія моего, недовольно одного слуха, если не буду имѣть удовольствія переписывавъсь съ вами. Но пока обстоятельства запрещають обходиться самолично, по не лишите меня сего утѣшенія. Не взирайте на то, что я незнакомъ вамъ, а разсуждайте, что я люблю добродѣшель, гдѣбъ ни нашель оную; и пошому болѣе всѣхъ въ свѣспъ желаю бытъ,

Государь мой!

вашииъ.

О т в ѣ т ѣ.

Государь мой!

Удивляюсь, что человекъ шакого достоинства, каково есть ваше, удивленъ славою. Если бы мнѣ ваша слава не почно была извѣспна, побъ я почель васъ шакимъ незнакомцемъ, подъ видомъ котораго вы кроешесь. Вы даете почтеніе свое и одобреніе только

проспой молвъ, а надлежало бы съ великимъ основаніемъ распочать оное; однакожь ничего не упущу для соблюденія почтенія, которое вы ко мнѣ имѣете. Зная малое свое достоинство, не смѣю удовольствоваться сею благоклонностію вашею, чѣтобъ обходиться съ вами на письмахъ, опасаясь, чѣтобъ несовершенства мои не умалили принятаго вами обо мнѣ мнѣнія. Но если неопшмѣнно въ помѣ соспоишъ ваше угожденіе, по беру на себя сію должность, и не опчаяваюсь дополнить недоспашокъ моимъ усердіемъ къ вашимъ услугамъ, и спараніемъ увѣришъ, что я,

Государь мой!
вашъ.

201.

Совѣтъ о примиреніи поссорившихся пріятелей.

Весьма удивляюсь, что *N. N.* оказалъ вамъ несправедливость и подалъ чрезъ то поводъ къ разрыву дружбы съ вами. Онъ былъ понынѣ, сколько мнѣ извѣстно, честенъ и благороденъ; очень жаль, ежели взаимное неудовольствіе ваше будетъ продолжительно. Помщитѣ лучше съ обѣихъ споронъ способовъ къ примиренію; и уступя нѣчто другъ другу, будьте по прежнему пріятелями къ общему удовольствію и пользѣ. — На будущей почтѣ буду къ вамъ писать болѣе; шеперь же успалъ до безконечности. Между тѣмъ прощайте!

Вашъ всепокорный слуга.

О бѣдственномъ состояніи и о пособіи.

Милоспивый Государь!

За опзывъ вашъ приношу искреннѣйшую благодарность; о дѣлѣ же своемъ имѣю честь донести, что оно не окончано еще и понынѣ, попому что держашъ руку прошивной спороны, и мнѣ здѣсь нѣшъ никого знакомаго, слѣдовапельно и ходатайствовать за меня некому. — Вы обѣщаешесь испросить выгодное для меня мѣсто; симъ обязывая чувспвителью, возлагаете долгъ быть предъ вами во всемъ опкровеннымъ, и признахся, что я нынѣ въ величайшемъ бѣдспвіи, и не нахожу средствъ приѣхать шуда въ назначенное вами время. Много бы я былъ счастливъ, если бы обшпательства ваши позволили ссудить меня въ шеперешнемъ случаѣ 500 рублей, по полученіи коихъ явился бы я къ вамъ немедленно, и оставя искъ свой до другаго времени, постарался бы воспользоваться изъявляемою мнѣ милостію, и шопчасъ опредѣлихся чрезъ средство ваше въ службу, которую оставя, лишился способовъ къ надежному себя содержанию и къ защитѣ опъ припѣсненій. Впрочемъ надѣюсь, что вы по великодушію своему извините, что я давно къ вамъ не писалъ: чрезмѣрная горестъ сопровождается по необходимости молчаніемъ. — Пребуду съ испин-

нымъ къ вамъ почтеніемъ и душевною предан-
ностію,

Милостивый Государь!
вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою.

203.

Просьба о неоставленіи одного дворянина.

Государь мой!

Ваше достоинство и ваше состояніе дѣ-
лають васъ споль знаменитымъ и споль нуж-
нымъ, что друзья ваши во всякое время мо-
гутъ васъ беспокоить. Я это дѣлаю теперь
для сего дворянина, прося васъ употребить
свою силу въ касающемся до него дѣлѣ, о ко-
торомъ онъ вамъ перескажетъ. Включу въ
число милостей, оказанныхъ собственнo мнѣ,
то благодѣяніе, которое получилъ онъ отъ
васъ, дабы особенно засвидѣтельствовать
вамъ чувствіе благодарности, и умножить,
ежели можно, почтительную привязанность,
съ которою пребываю,

Государь мой!

вашо.

204.

О т в ѣ т ѣ.

Государь мой!

Сей дворянинъ, о которомъ предпріяли
вы трудъ ко мнѣ писать, скажетъ вамъ изу-

стно, какимъ образомъ поступилъ я съ нимъ. Если почтете меня способнымъ оказать вамъ какую нибудь другую услугу, въ кошорой бы нашель я большее удовольствіе, находя въ ней большую трудность, то вамъ надлежитъ только поручить сіе дѣло мнѣ, кошорый во всякое время готовъ свидѣльствовать, что онъ,

Государь мой!

вашб.

205.

Р е к о м е н д а ц і я .

Государь мой!

Рекомендую вамъ одного изъ моихъ друзей, кошорый ѣдетъ въ Вѣну, и не знаетъ шамъ никого: я не могъ лучше поступить, какъ послать его къ вамъ, и думаю, что вы будете довольны оба. Онъ такой человекъ, кошорый одаренъ дарованіями, пріятными въ обществѣ. Вы можете оказать ему пособіе. Я знаю, что вы бываете довольны, когда находите случай сдѣлать удовольствіе достойнымъ особамъ. Сіе-то и заставляешъ меня поступать столь свободно съ вами. Прошу васъ неопшпунно, употребите меня къ чему нибудь, дабы я могъ взаимно доказать вамъ, что со всевозможнымъ дружесшвомъ есмь и буду вашъ.

Отвѣтъ.

Государь мой!

Я чувствительнѣе обязанъ вамъ за то знакомство, которое вы мнѣ доставили. Будьте увѣрены, что стану хранить его со всевозможнымъ раченіемъ. Вы нашли средство приводить меня въ невозможность, пребуя равныхъ удовольствій. Продолжайте, Государь мой, рекомендовать мнѣ толь искусныхъ людей; подавайте мнѣ такіе случаи, въ которыхъ бы я моимъ къ вамъ дружествомъ сдѣлалъ себѣ болѣе чести, и въ которыхъ бы не столько имѣло участіе мое собственное удовольствіе. Не возможно, чтобъ я не исполнилъ того дѣла, чрезъ которое могу вамъ доставить удовольствіе и засвидѣтельствовать живѣйшую радость, съ которою имѣю честь быть,

Государь мой!

вашъ.

Совѣтъ о вступленіи въ бракъ.

Государь мой!

Вижу, что вы хотите опречься брака, единственнѣе потому, что не знаете сладостей его. Еслибъ вы разсудили, что нѣтъ другаго способа населять міръ и возстановлять нѣкоторый родъ безсмертій людей, слѣдующихъ

одинъ за другимъ, можеть быть перемѣнили бы мысли; но не останавливаясь на общихъ разсужденіяхъ, менѣе прогающихъ, нежели частныя, касающіяся до насъ, посмотримъ, не пріятнѣе ли вамъ жить съ женою, нежели въ пустынь, которую намѣрены избрать. Что касается до меня, скажу, что если вы чувствуете себя способнымъ имѣть семейство, жить добропорядочно съ честною особою, дать дѣшамъ доброе воспитаніе: то увидите, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ жить съ женою, исполняющею должности, коихъ сей союзъ можеть пребовать. Если разсудите, что происходитъ въ благоучрежденномъ семействѣ, то увидите, что честная жена раздѣляетъ съ мужемъ своимъ всякое, могущее приключиться, добро, или зло. Она старается умножить его радость, оказывая свое удовольствіе; уменьшаетъ горести, пріемля въ оныхъ участіе. Если первыя восторги любви начнутъ проходить, то жена заступитъ мѣсто лучшаго друга. Они вмѣстѣ берутъ предосторожности и мѣры, способныя къ исполненію своего предпріятія; всегда дѣлають по согласію, другъ другу повѣряють свои мысли и чувства, и хранимое ими согласіе придаетъ союзу ихъ тысячу пріятностей. Мужъ можеть вкушать истинный покой, препоручивъ попеченіе о домѣ искусной и домостроительной женѣ. Сколь сладко для него имѣть дѣшей, кои сущь плоды его любви, и будущь ему подпорою въ старости! — Но радость бываетъ гораздо чувствви-

пельнѣе, когда увидишь, что дѣши употре-
бляюшь себѣ въ пользу воспитаніе. Не говорю,
что въ пустынѣ не можете найти ни успѣше-
нія, ни помощи, какую можемъ получить отъ
жены: вы будете благодарить меня за сіе
наставленіе, и никогда не усомнишься, что я
отъ всего моего сердца пребуду,

и проч.

208.

Совѣтъ, чтобы не вступать въ бракъ.

Милостивый Государь!

Не могу вообразить, чтобъ вы мнѣ писали
правду, и чтобъ человекъ, котораго всегда
почиталъ я столь разумнымъ, готовъ былъ
сдѣлать глупость, о которой не можешь не
раскаяться. Такъ называю принятое вами на-
мѣреніе жениться, не потому, чтобъ я нена-
видѣлъ бракъ, нѣтъ! я совѣтовалъ вступитъ
въ бракъ нѣкоторымъ моимъ друзьямъ, коихъ
здравіе было лучше вашего, и дѣла были въ
лучшемъ порядкѣ. Разсуждали ли вы, что дол-
женъ сносить человекъ, отрешійся свободы
на всю жизнь? Онъ дѣлаетъ страшное по-
жертвованіе; а вся награда, какую можешь
изъ того получить, есть непрестанное переноси-
шеніе своевольства жены своей. Если она кра-
савица, то горда; а для мужа сіе не весьма

пріятно; если знатнаго рожденія, то поминупно говоритъ будешь о предкахъ своихъ, и наведешь несстерпимую скуку повѣствованіемъ о великихъ чинахъ ихъ и знаменитыхъ дѣлахъ; если богатѣ васъ, то будешь презирать и почиташъ васъ бѣднякомъ, имѣющимъ пропитаніе отъ принесеннаго ею имѣнія; если вы спары, то весьма прудно скрываетъ ей опъращеніе, какое почувствуетъ къ вашимъ лѣпамъ. При томъ представьте, что надобно переносить недостатки жены, когда и самыя преимущества ея подають печальныя приключенія. — Нѣкто изъ древнихъ разумно сказалъ, что человекъ долженъ придти въ замѣшательство, когда будешь управлять кораблемъ, или своенравною женою; неужели думаете, что меньшій потребень прудъ для воспитанія дѣшей, нежели для управленія неудачною женою? Доколь они малы, имѣють прихоти, на которыя отецъ не можетъ безъ скуки взиращать; а когда придуть въ возрастъ, то каждое утро будешь являться на подобіе скучныхъ заимодавцевъ, коимъ надобно давать деньги на нужные расходы, а часпо и на пакіе, въ коихъ не осмѣляются они дать опчета. Наконецъ, если потребуете моего совѣта, даю вамъ опвѣтъ съ мудрымъ Грекомъ, который сказалъ: *не время еще жениться, когда ты молодъ; а когда уже старъ такъ поздно.* Мнѣ будетъ непріятно, если мой совѣтъ не понравится вамъ, и мое неудовольствіе еще будетъ чувствительнѣе, когда вы оному не послѣдуете.

Разсудите, что сіе происходитъ отъ челоука, совершенно спарающагося о вашей пользѣ, и отъ покорнѣйшаго вашего. . . .

209.

Благодарность за избавленіе отъ несчастія.

Государь мой!

Я не могу лучше употребить первую минушу свободы, моей, какъ на возблагодареніе вамъ за доставленіе оной. Благородный способъ, каковымъ вы учинили сіе, усугубляетъ цѣну благодѣянія. Принимаешь участіе въ жребіи несчастнаго незнакомца, единственно по тому, что онъ пришѣсненъ, есть высшая степень благошворенія. Благословляю теперь прошедшее мое гоненіе, поелику чрезъ него я приобрѣлъ нѣчто драгоцѣннѣйшее, т. е. ваше покровительство и любовь. Будьте увѣрены, что я ничего не забуду для сохраненія сихъ пріятныхъ преимуществъ. Если осмѣется мнѣ еще чего желать, то по истинѣ того, чтобы имѣть честь самому увѣрить васъ въ глубочайшемъ почтеніи, съ копорымъ есмь и буду....

210.

О т в ѣ т ѣ.

Государь мой!

Чувствительно радуюсь, что малыя мои спаранія возымѣли успѣхъ. Пожалуйте не бла-

годарите меня; я довольно награжденъ, если получу то, о чемъ старался, то есть, чтобъ имѣть васъ другомъ. Вы могли ожидать сей услуги отъ всѣхъ знающихъ и любящихъ добродѣпель; но въ семъ числѣ конечно не нашли бы никого, кто искреннѣе меня удивлялся бы вашему достоинству. Приятное ваше письмо почитаю первымъ плодомъ вашего дружества; да и не могушъ не происходить отъ столь прекраснаго древа прекрасные плоды. Вѣрьте, что я приму его съ таковымъ же удовольствіемъ, съ каковымъ отъ всего моего сердца имѣю честь называться,

Государь мой!

Вашѣ.

211.

Объявленіе любви.

Государыня моя!

Откуда то происходитъ, что, когда васъ не вижу, предприемлю говорить съ вами много; когда же я съ вами, то уже ничего не помню, а только робѣю и прихожу въ замѣшательство? Безъ сомнѣнія сему смятенію причиною красота ваша, которая возмутила покой моего духа. Ежели мученіе мое щещно, чувствую, что я весь не потъ спалъ; нигдѣ не сыщу ни малой отрады поскѣ своей. Если васъ не вижу, повсюду мысленно за вами слѣдую, и всякая

та минута мнѣ мучительна, когда я не съ вами; когдажъ при васъ, то не могу безъ огорченія разстаться съ вами: взоръ вашъ, рѣчи и все въ васъ меня плѣняетъ; я васъ предпочитаю всему на свѣтѣ. Но что я говорю! я горю къ вамъ непобѣдимую страстию; однакожъ не стыжусь своей слабости, потому что мнѣ славно жертвовашъ вамъ свободою моею и бытъ подвласнну красотѣ совершенной, ежели только позволите, чтобъ я смѣлъ называшься,

Государыня моя!

вашъ.

О томъ же.

Государыня моя!

Будьте столь же справедливы, сколько вы прекрасны. Вы никогда не видали недостатка въ моемъ къ вамъ почтеніи, и потому, вмѣсто гнѣва вашего, я больше достоинъ жалосии: ибо не могу имѣть удовольствія видѣть васъ такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось. Я бы желалъ, чтобъ вы удостоили приняшь даръ сердца моего; и еслибъ я узналъ, что приношеніе сіе вамъ не противно, то бы почелъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Повѣрьте, Государыня моя! что не пройдетъ ни одной минуты, когдабъ я объ васъ не думалъ; что бы ни представлялось глазамъ моимъ, я кромѣ васъ, ничего не вижу, и вмѣсто всѣхъ нужнѣйшихъ упражненій, мысль моя занята однѣми вами. —

Я самъ себя ищу и нигдѣ не нахожу, какъ только съ вами; для васъ живу, вами дышу. Но все то, что вамъ говорю, есть только слабое изображеніе того, что чувствую, и мнѣ досадно, что слова мои весьма безсильны, и не могушъ изобразить, какъ далеко моя мысль спремится, и представитъ вамъ всю силу чистой любви, которая непрестанно къ вамъ горитъ огнь вашего.

213.

О томъ же.

Государыня моя!

Тщешно старался я скрыть пламя, которое меня сѣдаетъ; все мое о томъ попеченіе болѣе разжигаетъ оное. Вижу, что ежели молчаливостъ моя навсегда продолжится, то болѣзнь моя будетъ неизцѣльна. Дошло до того, что я принужденъ открыться, и вамъ на васъ жаловаться, что вы спали невинною причиною моего мученія. Еслибъ вы не столько красоты имѣли, не столь бы и мученіе мое было жестоко; но въ тожь время, какъ жалуясь на жестокостъ моей муки, признаюсь, что нельзя знать совершенствъ вашихъ, не прельсаяся ими. И такъ, Государыня моя! вѣрьте, что я васъ люблю по неволѣ, и почиаю по должности безпримѣрныхъ доброты ваши. Не гнѣвайтесь за такое простосердечное признаніе,

и знайте, что изъ всѣхъ сердецъ, побѣжденныхъ вами, мое будетъ всѣхъ вѣрнѣе, а слѣдовательно и я паче всѣхъ буду,

Государыня моя!

вашъ.

Отъ отверженнаго любовника.

Государыня моя!

Возможно ли, чтобы вы были столь несправедливы, что запретили мнѣ себя видѣть, и сказали съ шокимъ жестокосердіемъ, что вы не будете принимать моихъ писемъ? Нѣтъ! мое опдаленіе васъ не пронетъ. Моя суровая участь не возбудишь въ васъ великодушія и жалости; и я вижу, что вся моя надежда исчезла въ самую ту минуту, какъ вы мнѣ объявили, что намъ на вѣкъ разстаться должно. Какое повелѣніе! Увѣривъ меня, что я участникъ вашихъ милостей, и что вы въ пользу мои входите, могли вы мнѣ сказать безъ сожалѣнія, что не надлежитъ намъ видѣться, и что ваше мнѣніе преодолѣло вашу склонность! Та ли въ васъ искренняя дружба, которую никакая жестокость времени, оплучки, премъны, ниже самая смерть превозмочь не могутъ? Такъ ли должно поступать съ людьми, которые къ вамъ усердную любовь и почтеніе имѣютъ? Оставайся, неблагодарная! Ты ни-

когда обо мнѣ не помышляла, и швое сердце, хотя чувствивше ьно казалось, не трогалось, когда я изображалъ спрасшь свою. Какой опвѣтъ дадите на мои жалобы, и чѣмъ оправдаешесь, что особливую склонность ко мнѣ имѣете, объявя мнѣ шоль пагубную новость? Вспомните, что вы мнѣ говорили, чтообъ я въ удовольствіе ваше и для моего спокойствія вѣчно посвятилъ вамъ свое сердце. Соглашаюсь на это. Разсудокъ исцѣлишь меня; буду стараться подражать вамъ, удаляясь такой спрашпи, копорая дѣлаешъ меня несчастливѣйшимъ изъ всѣхъ челоувковъ. Но признаюсь, что покушаюсь на шо шщетно. Ваше достоинство такъ глубоко вкоренилось въ мое сердце, что долгоша разлуки извлечь шого не въ силахъ. Не взирая на плачевное состояніе, въ которое жестокость ваша меня ввергнула, буду всегда имѣть къ вамъ усердное почшеніе. Но если и шо мнѣ въ вину вмѣните, шо буду стараться убѣгать васъ. Знаю, что сіе намѣреніе будетъ мнѣ дорого стоить; однакожь надлежитъ вамъ покоряться, и подвергнуть себя всему шому, что опдаленіе жесточайшаго въ себѣ имѣешъ.

Остаюсь, и прог.

Отъ разлучившагося любовника.

Лишился, милая! я взора своего;
 Ужъ не осталось мнѣ на свѣтѣ ничего!
 Уже меня ничто въ немъ больше не прель-
 щаетъ:

На что ни погляжу, все духъ мой возмущаетъ;
 Всѣ нынѣ радости разсѣяны судьбой;
 Спокойствіе мое сокрылося съ тобой.

Горячностью къ себѣ мою ты грусть изчисли.
 Когда предстану я въ и вои, драгая! мысли,
 Воображай меня, любезная, въ глазахъ,
 Въ мѣстѣ злой горести, въ степеняхъ и слезахъ.
 Я только въ тѣ часы тебя позабываю,
 Когда всѣхъ думъ лишася, въ безпамятствѣ
 бываю;

Какъ вспомню о тебѣ, то пламенно горю,
 И въ самой крайности себя въ мученьи зрю.
 Нельзя изобразить моей напасти ясно,
 И всѣ мои слова перяются напрасно.
 Лишь можетъ сердце по мое изобразить,
 Какъ жестоко возмогъ, твой взоръ его прон-
 зить.

Что я тебѣ теперь, страдая, ни вѣщаю,
 Все менѣ того, что въ сердцѣ ощущаю.
 Неизцѣлима скорбь! неутолима страсть!
 Мучительнѣйшій жаръ! несносная напасть!
 Нашли вы крайніе въ груди моей успѣхи;
 И сей уже себѣ не вижу я успѣхи,
 Чтوبъ горести своей пристойну рѣчь сыскать,
 И тѣмъ ужъ не могу теперь себя ласкать.

Коль равный жаръ ко мнѣ имѣешь ты, любезна,
 Ты знаешь по одна, какъ жизнь моя мнѣ слезна.
 Ты знаешь! только что мнѣ пользы отъ того?
 Ты знаешь! ахъ, не знай ты лучше ничего!
 Лишь множитъся мое мученье тѣмъ сердечно.
 Забудь меня, мой свѣтъ! забудь, драгая, вѣчно!
 Забудь меня; — ахъ, нѣтъ! вспоминай о мнѣ,
 Какъ помню о тебѣ въ печальной споронѣ.
 Я все по чувствую, что быши можешь злобно;
 Мученья моего умножишь не удобно;
 Удобно, ежели, шой кляшвы не храня,
 Котору я слыхалъ, забудешь ты меня.
 Въ какомъ огнѣ, о рокъ! въ какомъ огнѣ пылаю;
 Не знаю самъ, чего въ смященіи желаю.
 Не усумнися ты, что рѣчь сія къ иной:
 Едина въ свѣтъ ты владѣешь только мной.
 Великодушія я больше не имѣю;
 Безъ слезъ тебя, мой свѣтъ, я вспомнишь не
 умѣю.

Какъ имя я свое хощу въ мысли нареку,
 Въ минуты къ сердцу всѣ печали привлеку;
 Всѣ прежни радости тогда вообразяся,
 И слезы изъ очей неволей покашяся.
 Мученья отъ любви оспались мнѣ одни.
 О время грозное! о вы плачевны дни!
 Оспалось ли мнѣ, чѣмъ я здѣсь на свѣтъ льспился?
 Что въ жизни льспило мнѣ, всего того лишился.
 А ты, плачевнѣйшій часъ жизни моя,
 Въ который разлученъ съ моей любезной я,
 Не представляйся мнѣ: довольно знаю муки
 Отъ несперпимаго мнѣ бремени разлуки.
 Какъ опнимался лучъ отъ возмущенныхъ глазъ,

Мой свѣтъ, такъ я тебя въ послѣдній видѣлъ
разъ;

Какъ пресѣкались надежныя желанья,
Ты зрѣла то сама, въ какомъ я бымъ стра-
данья.

Кончались радости, ввергая въ плачь пріязнь;
Я чувствовалъ тогда жесточе смерти казнь.
Какъ я въ послѣдній разъ съ побой поцѣловался,
Казалось мнѣ, въ тошъ часъ съ душою я раз-
спался;

По разлученіи, полдневный свѣтъ спадъ мракъ;
Во мнѣ застыла кровь, не двигался мой зракъ;
Какъ пораженна грудь перзанье ощущала,
Лишь только то, что нѣтъ тебя со мною,
вѣщала.

Прости, любезная! прости, прости, мой свѣтъ!
Я все ужъ потерялъ: тебя со мною нѣтъ!

216.

Такогожѣ содержанія.

Надолго разлучень съ побою, дорогая,
Я плачу день и ночь, тебя воспоминая;
Минушны радостны возлюбленныхъ мнѣ дней
Не выдуть никогда изъ памяти моей;
На что ни погляжу, на все взираю смушно,
Тоскую завсегда, вздыхаю всеминушно.
Спараюсь облегчить грусть духу своему,
И сердце покорить въ правленіе уму;
Но шакъ, какъ жарка кровь, и онъ меня шер-
заетъ!

Что сердце чувствуешь, то мысль изобра-
жаешь.

Какъ въ изумленіи и въ жалости взгляну,
Гдѣ ты оспалася, въ прекрасну ту страну,
Котору горы, лѣсъ ошъ глазъ моихъ скры-
вають,

Куда вздыханія со стономъ оплешають:
Мнѣ мнишся въ горести, что слышу голосъ
твой

Въ плачевный день, когда распался я съ тобой;
И духъ мой чувствуетъ прошедшей равну муку,
Какъ онъ перзаемъ былъ въ дѣйствительну
разлуку.

О день, день люшый! будь хопя на часъ заб-
вень!

Злой рокъ! иль мало я побою пораженъ,
Что воображаешься такъ часто ты, толь
ясно?

Уже и безъ того я мучуся всечасно.

Преспань еще тѣснись уже спѣсненну грудь,
Иль дай хопя на часъ несчастну отдохнушь.

Увы! не зря драгой, не будетъ облегченья;
Не зря тебя, нельзя пребыть мнѣ безъ мученья.
Но ахъ! когда дождусь, чшобъ оной часъ при-
шель,

Въ которой бы опяшь въ рукахъ тебя имѣлъ?
Пройди, пройди скорѣй, о время злополучно,
И дай съ возлюбленной жить вмѣстѣ неразлучно!
Терпѣшь и мучишься не станешь скоро силь.
Почто, любезная, почто тебѣ я милъ?

Прошли минушы тѣ, что толь насъ веселили;
Далекія страны съ тобою разлучили,

И нѣтъ скорбющему, оставшу жизнь губя,
 Надежды никакой зрѣть въ скорости себя.
 Чѣмъ буду прогонять себя, о время злобно?
 Какое мѣсто мнѣ отраду дать способно?
 Куда я ни пойду, на что ни погляжу,
 Я облегченія нигдѣ не нахожу.

Куда ни обращу свои печальны взоры,
 Въ луга или лѣса, на холмы иль на горы,
 На шумные валы, на тихія струи,
 На пышно зданіе, — ахъ! всѣ мѣста сіи,
 Какъ громкой, кажешся, плачевною трубою
 Твердятъ мнѣ и гласятъ, что нѣтъ тебя со
 мною;

Вездѣ спеню, вездѣ опть горести своей;
 Какъ горлица, лишась того, что мило ей,
 Не зная, что начашъ, мѣста перемѣняетъ,
 Лепитъ съ куста на кустъ, на всѣхъ кустахъ
 рыдаетъ.

Когда была въ тебѣ упѣха поль крашка,
 Къ чему, весела жизнь, была ты поль сладка?
 Кто въ разлученіи съ любезной не бывалъ,
 Тотъ скуки и шоски прямыя не вкушалъ.
 Съ тѣмъ, кто съ возлюбленной живетъ своею
 купно,

Забавы всегда бывають неопшступно;
 И нѣтъ ему часа себѣ вообразить,
 Какъ былобъ пягоспно ему съ ней розно жить.
 Лишь вамъ, копорые подвержены сей спрасши,
 И чувспвовали въ ней подобны мнѣ напаси,
 Коль сносно мнѣ мое спраданіе перпѣшь,
 Лишь вамъ однимъ, лишь вамъ то можно
 разумѣть.

Спрадай, душа моя, и мучься несказанно!
 Текише горькихъ слезъ потоки непреспанно!
 И если смерть тогда жизнь горьку прекра-
 шить,
 Она потерянне спокойство возврашть.
 Вѣрь мнѣ, любезная, что шествун къ покою,
 Я мысля о тебѣ глаза свои закрою.
 Не смертью, но побой я душу возмущу,
 И съ именемъ швоимъ духъ томный испущу.

217.

Къ больной любовницѣ.

Въ болѣзни спраждешъ ты. Блуждаю какъ
 средь ночи,
 И не могу безъ слезъ воззрѣти на тебя.
 Восплачьте вы мои, восплачьте смутны очи,
 Пусшине шоки слезъ горчайшихъ изъ себя!
 Свирѣпый, люпый рокъ! ты паче мѣръ ужасенъ;
 Смягчися опъ моихъ опященныхъ думъ,
 И сдѣлай, чтобы спрахъ и прешъ былъ
 напрасенъ!
 Пронзенна грудь моя, разспроенъ весь мой умъ.
 О яростны часы! жестокой время муки!
 Я всѣмъ перзаюся, что въ мысли ни беру.
 Стерплю ли я ударъ должайшя разлуки,
 Когда зла смерть... и я, и я тогда умру.
 Такою же сражусь, шакою же судьбою,
 Въ несносной жалости спрадая и спеня.
 Умру, любезная, умру и я съ побою,
 Когда сокроешься ты вѣчно опъ меня!

Письмо Г. Поле къ Г. Аллену.

Меня чрезвычайно пронуло извѣстіе о вашемъ припадкѣ и мученіи. Я испыталъ на себѣ, сколь неприятно такое положеніе. Но къ счастью, ваша душа всегда постоянна, въ какомъ бы состояніи ни было ваше тѣло. Смѣло скажу, и Богъ мнѣ въ помѣ свидѣтель, что мое тѣло самая худая часть меня. Бѣдная женщина, для которой вы прислали двѣ гинеи, приняла ихъ съ такимъ восхищеніемъ, котораго я не въ состояніи вамъ изобразить. Она въ такой нуждѣ, что я пошчасъ же прибавилъ ей опъ себя еще гинею, и наконецъ рѣшился опредѣлить для нее ежегодное пособіе. Думаю, что вы не меньше будете довольны, нашедши теперь случай оказать человѣчеству свое великодушіе. Остается пожелать вамъ добраго здоровья. Прочія удовольствія, приличныя существу мыслящему, вы можете сами себѣ доставить. Прощайте!

Письмо Г. Гея.

Одинъ взглядъ на ваше письмо обрадовалъ меня несказанно, хотя вѣрно стоило вамъ труда написать его. Мнѣ бы хотѣлось не знать ничего о чрезмѣрной вашей слабости. На прошедшей недѣлѣ всякой день я собирался къ

вамъ. Но моя мапушка теперь чрезвычайно слаба. Почти всякую минушу вижу смерть ея. Не смѣю оплутиться опъ нее ни на одинъ день, чтобъ не разстаться съ нею навѣки не просясь. Богъ да возвратишь ваше здоровье поскорѣе. Кажется, въ ваши лѣта нельзя опасаться важныхъ слѣдствій. Мое письмо не стоить благодарности. Я люблю васъ, и говорю всегда искренно. Привѣтствіе древнихъ Римлянъ очень прилично вамъ въ настоящемъ положеніи: здравствуй и помни меня! (*Vive mentor nostri*).

220.

Письмо отъ Графа Оксфордскаго къ Г. Попе.

Я получилъ вашъ пакетъ, и могъ ли не обрадоваться, видя, что вы меня еще помните? Пріятно, сладостно жить вѣчно въ памяти шѣхъ, коихъ мы любимъ и почитаемъ сердечно. Но какъ я изумился, читая далѣе ваши прекрасные стихи! Самъ себя браню, за чѣмъ я такъ мало спою того портрета, который начерпала ваша дружба и мастерское ваше перо. Вы потребуете у меня позволенія представить его Публикѣ; до какой крайности вы меня доводите! Очень помню тѣ вечера, которые такъ хорошо я провелъ съ Гм. Попе. Мнѣ было бы пріятно, если бы весь свѣтъ зналъ, что вы меня любите. Пусть всѣ видяшъ, какъ искусно можете обрабатывать

самое сухое предложеніе. Посылаю вамъ копію съ вашихъ стиховъ; а оригиналъ останется у меня въ память, что и вы однажды въ жизни своей ошиблись. Скоро надѣюсь обнять васъ въ Лондонѣ, и увѣришь въ помѣ почтеніи и въ той дружбѣ, съ которою есмь вашъ

и прот.

221.

О первобытныхъ людяхъ.

Милоспивая Государыня!

Я до сихъ поръ еще не могъ отвѣчать на одну статью вашего письма. — Вы не хотите согласиться (говорите вы) повѣришь преданію, что первые люди жили до 3 и 9 сотъ лѣтъ. Далѣе вы продолжаете, что, предположивъ истину эшаго преданія, вы хотѣли бы родиться въ оныя времена, чтобы жить такъ долго. Я съ своей стороны былъ бы очень недоволенъ, если бы вы жили до потопа: ибо теперь вы существовали бы только въ Истории; а для умершаго, кажется, мало утѣшенія принесеть то, что онъ жилъ безъ малаго тысячу лѣтъ. Нашъ вѣкъ лишился бы удовольствія видѣть и слышать самую любезную и почтенную особу, которая сполько любитъ разсуждать и спорить. — Но возвратимся къ вашему вопросу. Скажу вамъ, сударыня, что тушь нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Вѣсь

вопросъ рѣшенъ уже въ Св. Писаніи. Прочтите V Главу Бытія. Тамъ вы увидите длинной списокъ Адамовыхъ попомковъ, имена ихъ и дѣшей, въ какія лѣта они раждались, и долго ли жизнь ихъ продолжалась; все описано съ великою точностію. Худое доказательство говоритъ, что тогда мѣсяцы и годы считались не такъ какъ теперь: такой причины нельзя принять. Въ Исторіи о попопѣ видно, что Моисей полагаетъ годъ одинакій, или почти одинакій съ нашимъ. Послѣ попопа люди не жили такъ долго, какъ до него. Вода цѣлая 6 мѣсяцовъ гнила на землѣ; трупы живоныхъ и другія вещи портились: все это заразило воздухъ и перемѣнило температуры людей. Прежде питались они плодами и молокомъ; а послѣ того, чтобъ сохранить себя, должно было имъ употреблять пищу нѣсколько грубѣе и питательнѣе; надобно было вкушать отъ мяса живоныхъ, коихъ сокъ лучше и вкуснѣе финиковъ и оливъ.

Теперь, кажется, я отвѣчалъ на всѣ статьи вашего письма. Если бы вы предложили такіе вопросы человѣку способнѣйшему, то онъ рѣшилъ бы все съ ученою подробностію; но вы знаете, что я за мудрецъ? Не могу равняться съ Философами; да мнѣ стоило бы то великаго труда.... Я рѣшилъ, какъ могъ и успѣлъ. Для меня пріятнѣе не казаться ученымъ, нежели выдти изъ своихъ предѣловъ. Отъ природы люблю спокойствіе, простоту, легкость

внятность, и все то, что не дѣлаешь свѣту
никакихъ затрудненій. Имѣю честь быть

Вашъ, и прог.

222.

Совѣтъ матери къ дочери.

Любезная дочь моя!

Продолжай, милая дочь моя, продолжай
спараться утверждать болѣе и болѣе добрую
о себѣ славу и хорошее мнѣніе. Это такое
сокровище, которое вѣчно будетъ радовать
тебя, и котораго ничѣмъ уже не ворошишь,
если до неосторожности потеряешь хотя
одежды. Наслаждайся тѣмъ счастьемъ, что
находишься среди семейства добродѣтельнаго
и почтеннаго. Засвидѣтельствуй мое почтеніе
всѣмъ знакомымъ. Помни и люби меня такъ,
какъ я люблю тебя. Твоя усердная мать

и прог.

223.

Описаніе города Вероны.

Милоспивый Государь!

По преданію извѣстно, что Верона осно-
вана нѣкогда Тосканцами, бѣжавшими отъ
Галловъ. Она лежитъ при высокой горѣ Аппе-
нинской, на прекрасной равнинѣ. Ея окру-
жность занимаетъ около семи миль, не считая

при томъ предмѣстія. Рѣка *Адигб* протекаетъ по срединѣ города и раздѣляетъ его на двѣ части, имѣющія между собою сообщеніе посредствомъ четырехъ мостовъ. Въ Веронѣ можно еще видѣть нѣсколько остатковъ зданій древнихъ Римлянъ, и недалеко отъ замка Св. Петра развалины амфитеатра. Также существуютъ еще остатки триумфальныхъ воротъ, расширенныхъ въ честь Маріа, когда онъ одержалъ побѣду надъ Кимврами и Тевнонами. Нѣкогда Апшила, Царь Гунновъ, сожегъ Верону; но нѣкопоромъ времени она опять поправлена, и теперь такъ хороша, какъ никогда еще не была. Въ судебныхъ палатахъ находится пять спашуй пяти славныхъ мужей, родившихся въ Веронѣ, а именно: Поэта *Катцлла*, Историка *К. Непона*, древняго Спихотворца *Латинскаго Марка Эмилиа*, Историка *Плиніа* и *Випрувіа*, знашнаго Архитектора во времена Августовы. Пешинъ и Берингеръ, Короли Италіанскіе, обыкновенно жили въ Веронѣ. Албоинъ, Король Ломбардскій, сдѣлалъ ее столицею своего Государства. Пешинъ, сынъ Карла Великаго, расширилъ въ Веронѣ великолѣпную церковь. Сверхъ того достоинъ замѣчанія домъ Графа Юспи. Тамъ въ залѣ и въ кабинетѣ находящіяся прекрасныя картины; и въ домѣ Графа Бевилака можно видѣть множество спашуй, картинъ, медалей и другихъ Италіанскихъ рѣдкостей. Это можетъ дать вамъ хорошее понятіе о городѣ Веронѣ. Гуляя по окрестностямъ, я былъ очень доволенъ; мнѣ не доставало только

вась, чтобъ почестъ себя совершенно счастливымъ. Прощайте!

и прог.

224.

Желаніе счастливаго путешествія.

Милоспивый Государь!

Скоро, скоро уже вы отправитесь отъ насъ, скоро пуститесь въ путь далекій и трудный. Желая, чтобъ онъ кончился благополучно. Милость Божія да пошлетъ вамъ всѣ средства къ перенесенію трудностей, да поможетъ вамъ достигнуть своей цѣли. Надѣясь, что буду еще имѣть удовольствіе видѣть васъ въ сей жизни, покорно прошу вспомнить иногда и того, который мысленно всюду за вами слѣдуетъ, и желаетъ вамъ всего возможнаго благополучія, будучи искреннимъ

Вашимъ, *и прог.*

225.

О т в ѣ т ъ.

Милоспивый Государь!

Чувствительнѣйше благодарю васъ за ваше усердное желаніе мнѣ счастливаго пуши. Равномѣрно желаю, чтобъ ваше здоровье сохранено было невредимо. Прошу не лишитъ меня вашего добраго расположенія, и повѣритъ мнѣ,

что гдѣ бы я ни находился, вѣчно пребуду съ душевнымъ моимъ почтеніемъ.

Вашъ, и прог.

226.

Отъ двѣицы Н. къ брату, по полученіи отъ него подарка.

Любезный братецъ!

Вы прислали мнѣ прекрасный подарокъ. Въ знакъ моей признательности посылаю вамъ свою работу. Носите это изъ любви ко мнѣ. Жаль, что эшошъ подарокъ не такъ хорошъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Однакожъ надѣюсь, что онъ вамъ понравится, а особливо, когда вы подумаете, что онъ шелъ изъ рукъ и отъ сердца той, которая всегда была и будетъ ваша усерднѣйшая

и прог.

227.

Описаніе грота.

Государь мой!

Сколько вы даете мнѣ вдругъ доказательствъ вашей справедливости и привязанности, желая узнать причину моего молчанія! Каждая ваша догадка справедлива. Повѣрьте, что я не могу забыть васъ. Шумныя городскія общества только лишь напоминаютъ мнѣ о другихъ лучшихъ и спокойнѣйшихъ, коими я

радъ былъ бы наслаждаться на краю свѣта съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Пусть недовѣрчивость не вкрадывается въ душу вашу; пусть также всѣ ваши молодыя Дамы будутъ увѣрены, что я занимаюсь опдѣлкою своего сада. Безпрестанно думаю и желаю сердечно, чтобъ слѣды ихъ примѣтны были въ ономъ. Я кончилъ работу, предпринимающую для сего намѣренія: подземный ходъ и гротъ готовы. Работая въ нихъ, я нашелъ чистый источникъ, который падая и разливаясь во всѣ стороны, производитъ весьма пріятный шумъ. Оборотясь къ Темзѣ, ниже моего портика, видно гульбище, простирающееся вдаль къ нѣкоторому роду покрытаго храма; на другой сторонѣ видна длинная аллея изъ деревъ внизъ по скапу горы: видъ точно такой, какой бываетъ, когда смотришь въ перспективное стекло на множество судовъ, которыя быстро капаются по рѣкѣ и исчезаютъ отъ взоровъ. — Какъ скоро зашворятъ дверь въ гротъ, то онъ вдругъ превращается въ темную камеру (*camera obscura*), гдѣ Темза, со всѣми окружностями, судами, пригорками и рощами, изображается очень живо и представляетъ родъ движущейся картины. — Когда освѣшимъ гротъ искусственнымъ образомъ, то онъ представляетъ другое, не меньше удивительное явленіе. Онъ весь выкладенъ раковинами и угловатыми кусками зеркаль, перемѣшанными безъ порядку. Большая кристалльная звѣзда составляетъ пополокъ. Когда повѣщена будетъ большая лампада, то

лучи, ударяясь въ звѣзду и зеркала, отражаются по всему грошу; свѣтъ почти ослѣпляетъ глаза. — Изъ гроша есть пѣсньный выходъ на два крыльца, изъ которыхъ одно, со стороны рѣки закрытое, сдѣлано изъ камней полированныхъ и лоснащихся; а другое, обсаженное деревьями и выкладенное раковинами, необдѣланными камушками и кусками желѣза, ведетъ въ садъ. Поля въ грошѣ усланъ небольшими камушками, также какъ и гульбище, ведущее ко храму; все во вкусъ природы, все согласно съ шихимъ шумомъ упомянутаго ручья и съ картиною всей страны. Этому мѣсту не достаетъ только одного украшенія, — прекрасной шапуи съ хорошею надписью.

Можетъ быть, такое описаніе покажется вамъ слишкомъ спихопворнымъ. Но повѣрьте мнѣ, что шупъ воображеніе не прибавило ничего. Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно, если бы вы сами здѣсь были и видѣли, сколь мало одолжено искусству сіе мѣсто. Между пѣмъ остаюсь

Вашъ, и проч.

228.

О романигескихъ чувствованіяхъ.

Любезный другъ!

Изъ письма швоего видно, что ты считаешь общественною городскою жизнью. Деревенское жишье имѣетъ болѣе невыгодъ. —

Будь честенъ, правдивъ, великодушенъ, и старайся, чшобы шумящія волны бурнаго міра не заглушали голоса совѣсти. Романическій духъ, воспламеняемый и пипаемый воображеніемъ, распрививаетъ человекѧ на всю жизнь. Все проіпвное свободѣ мыслей, естѣ ядъ, шѣмъ болѣе опасный, чшо сладостію своею убиваетъ. Не давай и зараждаешь въ сердцѣ своемъ сему источнику, сначала свѣсплому, а послѣ мушному. Чужіе опыты эшому насъ научають. Поѣзжай въ деревню; тамъ упражняйся въ переводахъ, чпеніи и сочиненіяхъ; а особливо къ послѣд-
 нему деревенская природа сама приглашаетъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ знакомымъ.

229.

Дружескіе совѣты.

Любезный другъ!

Нынѣшній день для меня пріятнѣе вчерашняго. Я получилъ твое письмо опъ 8 числа сего мѣсяца, и немедленно опвѣчаю. — Письмо твое читалъ я нѣсколько разъ, читалъ съ удовольствіемъ: ибо оно пріятно моему сердцу. — Упѣшеніе въ пошерѣ родныхъ почерпалъ ты изъ общей жизни и той книги, чрезъ которую благодать и свѣспъ небесный на насъ изліялись. Если бы исчезло ложное раздѣленіе между свѣспскою философіею и благовѣствованнымъ ученіемъ (ибо чистая истина вездѣ одна); если бы люди приняли оную книгу един-

ственнымъ основаніемъ законовъ нравственныхъ, гражданскихъ и политическихъ: это послужило бы человѣческому роду сильною защитною прошивъ заблужденій и пороковъ. Такъ, другъ мой! приучи сердце и разумъ свой благоговѣшь предъ Евангеліемъ, прошивъ самолюбія и буйства скромно возстающимъ и благопріятствующимъ всегда невинной природѣ, которую ты любишь. Сердце швое съ кротостію отверзается къ принятію благородныхъ чувствованій, природою внушаемыхъ.

Мнѣ очень пріятно, что ты споль хорошо проводишь лѣшніе дни за городомъ, въ чемъ должность моя почти уже опказала мнѣ. Въ это время надобно облегчать заботы свои, между шѣмъ какъ большая часть времени удѣляется на непрерывные пруды. Счастливь, кто всегда почти съ утра до ночи заняшь дѣятельностію, полезною и пріятною. — Я думаю, ты не всегда одинъ, а съ достойными пріятелями иногда по рощамъ и лугамъ гуляешь. Не пускай мыслей своихъ, куда имъ хочешся. Возвышай душу свою въ область совѣсти и вѣры, въ сферу свѣтлую, составляющую предметъ желаній существа мыслящаго, коего жребій блаженствовашь въ небесахъ. — Будь благополучень. Прощай! Остаюсь швой усердный
и прог.

*О характерѣ одного отлѣнно хорошаго чело-
вѣка.*

Государь мой!

Посылаю къ вамъ отъ имени П. . . книжку, о которой вы еще не знаете. — Я нѣкогда показывалъ ему ваше письмо. Онъ почпи плѣнился имъ; а это знакъ, что онъ имѣетъ хорошій вкусъ. Теперь онъ неперпѣливо желаетъ быть съ вами въ связи. Я такого мнѣнія, что вамъ должно принять его подарокъ и сдѣлать ему честь своимъ письмомъ. Позвольте мнѣ изобразить его портретъ. Физиономія показываетъ уже, сколько добра его душа и сколь нѣжно сердце. Въ его обращеніи и въ поступкѣ нѣтъ ничего принужденнаго. Онъ съ удовольствіемъ спараетъ сохранить вездѣ благопристойность и быть сполько умнымъ, сколько нужно для его дѣлъ и состоянія. Онъ добръ, но не меньше и благочестивъ; а набожность доставляетъ ему много существенной пользы. Что касается до расположенія къ ближнему, то набожность не дѣлаетъ его гонимелемъ пѣхъ, кто имѣетъ слабости, и дѣлаетъ великія ошибки. Онъ очень увѣренъ, что зло безпрестанно мѣняется съ добромъ по волѣ Божіей, и болѣе расположенъ молиться за грѣшниковъ, нежели смѣяться и упрекать ихъ: ибо насмѣшки и упреки могутъ только ожесточить ихъ. Однакожь набожность его простирается не далѣе того, сколько нужно для назиданія

другихъ, и доказательствъ, что честной человекъ можетъ быть и благочестивъ. У насъ всѣ, кто только знаетъ его (а знаетъ и ищетъ его большая часть хорошихъ людей), согласно утверждаютъ, что никто не можетъ говорить такъ умно и пріятно. Онъ столько любитъ и хранитъ истину и справедливость, что болѣе претоваться нельзя. Ни покровительство, ни значность, ни остроуміе, — ничто не можетъ его обольстить или обмануть. Однимъ словомъ: этого человекъ принадлежитъ къ числу первыхъ людей нашего времени. Онъ готовъ служить и благодѣлать цѣлому свѣту, а особливо своимъ друзьямъ. Знаете ли вы, Государь мой, что сверхъ того почтенія, которое онъ чувствуетъ къ вамъ, сердечно желаетъ быть въ числѣ вашихъ друзей, дабы впредь при случаѣ и обстоятельстве могъ служить вамъ, и что въ противность всѣмъ вашимъ недоброжелателямъ, примѣшилъ, что сердце ваше наполнено добротою.

Посылая къ вамъ свою книгу, онъ дѣлаетъ это на счетъ вашего ума, и проситъ поправить то, что вамъ покажется несправедливымъ. Онъ намѣренъ напечатать это сочиненіе въ другой разъ вмѣстѣ съ прочими своими трудами. Особенно замѣтите: ваши поправки (если книга стоитъ того) одолжатъ его болѣе, нежели ваши похвалы; я вамъ отвѣчаю за то. Рѣдкость въ сочинителѣ!! Если вы не согласитесь принять друга, котораго я вамъ доставляю, и книги, которую онъ посылаетъ

вамъ, по буду чрезвычайно недоволенъ; но вы вѣрно эшаго не сдѣлаете: вы умѣете цѣнить достоинства и дружбу, которая особенно привязываетъ къ вамъ сердце вашего преданнѣйшаго.

и проч.

231.

О средствахъ къ образованію вкуса.

Любезный другъ!

Люди мало стараются образовать свой умъ; отсюда происходитъ, что они не имѣютъ очищеннаго вкуса. — Многіе опредѣляютъ дѣшьямъ своимъ учителей, чтобъ они учили ихъ пѣть, танцовать, приятно кланяться и ходить прямо; но рѣдкіе стараются образовать ихъ душевныя способности. Объ этомъ и не думаютъ.

По сей причинѣ молодые люди всегда поступаютъ болѣе своенравно и упрямо, не зная правилъ ума просвѣщеннаго и сердца образованнаго. Прибавимъ еще, что весьма немногіе стараются побѣждать свои страсти, а всякой почти силится оправдать и защищать ихъ; или, видя себя совершенно обличеннымъ въ своихъ заблужденіяхъ, говорятъ, что иначе поступить нельзя было. Не довольно узнать должности своего состоянія: надобно имѣть швердоссть исполнять оныя. Часто мы думаемъ, что свѣтъ не можетъ ни въ чемъ упре-

кнушь насъ, между шѣмъ какъ наши грубыя ошибки по справедливости заслуживаютъ нареканіе. Суетность и гордосць мѣшаютъ намъ узнать, каковы мы, и препятствуютъ судить о самихъ себѣ. Опъ того — по мы не имѣемъ вкуса, не можемъ опличить добраго опъ худаго, прекраснаго опъ опврапительнаго; наше самолюбіе внушаетъ намъ пысячи ложныхъ мыслей, за которыми не можемъ видѣть своихъ недостатковъ.

Безъ сомнѣнія было бы не только умное, но и весьма смѣлое и трудное предпріятіе, преобразовать вкусъ большей части людей. Для сего нужно бы было дать другой ходъ ихъ душѣ и мыслямъ. Такое предпріятіе сполько же трудно исполнить, какъ перемѣнить черты лица ихъ. Но какъ можно цвѣшь въ лицѣ сдѣлать нѣжнѣе, живѣе и лучше, можно уничтожить на лицѣ пятна: по равнымъ образомъ можно исправить и душу, спараясь разсвѣять предразсудки и предлагая ей хорошіе образцы, на которые она могла бы надежно положиться. Познаніе свѣша много способствуетъ къ образованію ума. Большая часть изъ придворныхъ разсуждаютъ обо всемъ здраво, говорятъ справедливо и умно о всякой вещи. Это происходитъ опъ того, что они имѣютъ передъ глазами все превосходное. Человѣкъ съ посредственными дарованіями, но знающій хорошо свѣшь, блистаетъ тамъ, гдѣ другой съ большими дарованіями и познаніями, но незнакомый со свѣшомъ, находится въ великомъ за-

мѣшательствѣ. Кто не образованъ подобно придворнымъ, тотъ часто со всѣмъ своимъ знаніемъ не знаетъ, что отвѣчать на самый легкій вопросъ. Голова ученыхъ наполнена Греческими и Латинскими писателями, формами силлогизмовъ, доводами и доказапельствами; они знаютъ всю точность глубокой Математики и тысячу вещей, ненужныхъ въ свѣтъ; но не имѣютъ никакого вкуса въ помъ, что относится къ пріятностямъ и услажденію жизни. Такъ я думаю. — Справедливо ли, объ этомъ можешь судить ты и тебѣ подобные. Остаюсь твоей усерднѣйшей.....

 232.

Предложеніе услугъ.

Государь мой!

Не сходя съ лошади, не вынимая даже ногъ своихъ изъ стремянъ, спѣшу предложить вамъ свои услуги. Это положеніе, кажется мнѣ, можетъ вамъ показать, что я какъ ни спараюсь успѣвать во всемъ — все оставляю, дабы доказать вамъ свою преданность. — Что вы скажете? Неужели не должно принять привѣтствія отъ такого человѣка, который уже цѣлые два часа называетъ себя кавалеристомъ? Болѣе не прошло еще, какъ я ѣзжу верхомъ — и честью моею увѣряю васъ — въ пять или шесть мѣсяцовъ буду ѣздить не хуже моего двоюроднаго брата, который почитается

первымъ ученикомъ въ нашемъ манежѣ. —
 Прошу васъ, не удивляйтесь пожалуйне, когда
 въ слѣдующій разъ увѣдомлю уже васъ, что я
 сшибъ кольцо въ карусели, и когда черезъ 3
 мѣсяца услышите, что я получилъ уже награж-
 деніе. Такъ-то я стараюсь усовершенствовать
 себя; однакожъ не меньше имѣю честолюбія и
 непереносимости успѣвать болѣе и болѣе, какъ
 и бытъ всегда вашимъ.

233.

О т в ѣ т ѣ .

Государь мой!

Ваше письмо принадлежитъ къ числу са-
 мыхъ лучшихъ, самыхъ пріятныхъ въ свѣтѣ.
 Ваше предложеніе услугъ въ настоящихъ мо-
 ихъ обстоятельствѣхъ столь для меня чув-
 ствительно, что не знаю, какъ благодарить
 васъ за него. Сердечно желаю вамъ въ первый
 мѣсяцъ ѣздить лучше самаго учителя; желаю
 вамъ всего, чего вы себѣ желаете. Постараюсь
 употребить всѣ силы, чтобы чѣмъ нибудь су-
 щественнымъ отблагодарить васъ. Между
 нѣмъ пребываю

Вашъ.

Изображеніе тщеславнаго теловѣка.

Государь мой!

Если скромность есть добродѣтель, нужная для шѣхъ, коимъ Небо даровало великіе паланшы: по что можно сказать о шѣхъ живописныхъ, которыя смѣло выспавляютъ гордость, могущую обезславить и самыхъ великихъ мужей? Я вижу вездѣ людей, безпрестанно говорящихъ о самихъ себѣ; обращеніе ихъ есть зеркало наглости и безчинства. Они спанутъ говорить о всякихъ бездѣлицахъ, которыя только съ ними случились, почитая ихъ для себя важными, и желая, чпобъ такія бездѣлки пронули и васъ не меньше. Они все сами дѣлали, все видѣли, обо всемъ говорили, все передумали; они служатъ образцомъ для всѣхъ; у нихъ всегда обильная матерія сравненій, неизчерпаемый источникъ примѣровъ. — О! какъ недостачно эта похвала въ сравненіи съ ихъ достоинствами!

За нѣсколько дней предъ симъ случилось мнѣ видѣться съ человекомъ, который имѣлъ точно такой характеръ. Цѣлые два часа рассказывалъ онъ о себѣ, о своихъ достоинствахъ и дарованіяхъ; но какъ еще нѣшъ на свѣтѣ *непрестаннаго движенія*, по и эптошъ господинъ наконецъ замолчалъ; однакожъ мы опять завели разговоръ, и старались поддерживать его.

Тутъ одинъ человекъ, казавшійся довольно важнымъ, началъ жаловаться на скуку компании. — Какъ! вы жалуешесь всегда на глупцовъ, которые безпрестанно сами себя хвалятъ, и все хорошее принимаютъ на свой счетъ? — Ваша правда, поронливо отвѣчалъ говорунъ: лучше всего поступать по моему. Я никогда себя не хвалю. Имѣю достапокъ, доволенъ своимъ родомъ, издерживаю сколько хочу. Друзья мои говорятъ, что я имѣю дарованія; но не мое дѣло объ этомъ говорить. Если подлинно имѣю какія хорошія свойства, то вѣрно первое изъ нихъ есть — скромность. Я люблю ее во всякомъ.

Я удивлялся этому нахалу, и между тѣмъ, какъ онъ говорилъ очень громко, я сказалъ весьма тихо: „Счастливы тѣ, кто столько щеславенъ, что не хочетъ никогда говорить о себѣ съ похвалою, кто боится тѣхъ, которые слушаютъ его, и не сравниваетъ своихъ достоинствъ съ гордостію другихъ.“ — Таково-то на свѣш! Прощайте! Я щеславлюсь только тѣмъ, чтобъ быть вашимъ покорнѣйшимъ. . . .

О древнихъ и новыхъ Писателяхъ.

Государь мой!

За нѣсколько дней предъ симъ случилось мнѣ быть въ одной компании, довольно боль-

шой, гдѣ говорили о древнихъ Писателяхъ, говорили много, и очень различно. Нѣкоторые удивлялись, даже почти поклонялись имъ. Напроставъ того другіе говорили, что одно предубѣжденіе заставляеть находить и видѣть въ нихъ мнимыя красоты. Любители древности говорили, что должно непременно знать по Гречески, чтобы чувствовать красоты въ Гомерѣ, Пиндарѣ и другихъ Греческихъ сочинителяхъ. Новѣйшіе утверждали, что, касательно до красоты сего языка, это можетъ быть справедливо; но что касается до того, что называютъ изящностію, разсужденіями, здравымъ смысломъ, благоприспособностію сочиненія — это не должно перемѣняться ни въ какое время, ни въ какомъ языкѣ; что всѣ, чрезмѣрно удивляющіеся древнимъ, не могли никогда извинить Гомера за то, что онъ Ахиллеса, героя въ такомъ швореніи, какова *Иліада*, представилъ съ характеромъ какого нибудь дрягеля, и заставилъ говорить такимъ же языкомъ. Это мнѣніе столь справедливо, что Расинъ въ своей Трагедіи, названной *Ифигенія*, весьма щцательно старался не подражать Гомеру въ такомъ характерѣ. У него Ахиллесъ говоритъ, какъ гордый Царь, и не унижается до того, чтобы произносить грубую брань, которую Гомеръ влагаетъ ему въ уста. Если бы Расинъ послѣдовалъ ему, то піеса его вѣрно не получила бы того одобренія, съ которымъ достойно принята вездѣ. Я примѣшилъ въ семъ спорѣ, что защитники

древнихъ больше бранились, нежели доказывали. Если вѣришь имъ, то никто еще до сихъ поръ не понялъ хорошо удивительныхъ сихъ Авшоровъ; всѣ переводы, надъ копорыми шрудились самые умные люди, весьма невѣрны. А когда принуждали ихъ сказать намъ на Латинскомъ или другомъ языкѣ, что именно на Греческомъ значашъ нѣкопорые стихи: то они, послѣ довольно злобнаго упорства и коварныхъ шутокъ на счетъ прошивной спороны, признавались, что переводъ былъ вѣренъ, даже буквальный, и между шѣмъ говорили, что удивительно и прекрасно въ Греческомъ то самое, что жалости достойно въ переводѣ, т. е. что это красоты неизъясняемая, копорыхъ никто не видитъ и не понимаетъ, кромѣ немногихъ рѣдкихъ умовъ. Признайся вамъ откровенно: я думаю, что воображеніе шуть сильно дѣйствуетъ. Испинно, много у людей предубѣжденія; и когда кто нибудь можетъ привести въ примѣръ, что новый заимствовалъ у древнихъ: то скажу по крайней мѣрѣ, что такіе примѣры очень рѣдки, и что очень часто копія дѣлаетъ честь подлиннику — особливо, когда пользуется оною человекъ свѣдущій.

Мнѣ случилось недавно читать небольшую Расинову комедію: *Челобитгики*. Я любовался ею. Авторъ признается, что онъ взялъ ее изъ Аристофана, Греческаго Комика. Когда вы будете имѣть время, то возьмите перѣніе прочешъ всю эту піесу, и вамъ легко будетъ примѣнить, что подлинникъ очень много

уступаетъ подражанію; вы найдете, что первый столько холоденъ и бѣденъ, сколько другое блистательно, живо и остроумно. Вопреки самому Расину, который принадлежитъ къ числу ревностнѣйшихъ почитателей древнихъ, предпочитаю его піесу Аристофановой. Безпристрастные Читатели вѣрно согласятся со мною.

Любители всего древняго согласились съ нѣкотораго времени объявить, что всѣ Латинскіе переводы Греческихъ книгъ очень не хороши. Не смотря на то, имъ нельзя не согласиться въ томъ, что переводчики были люди весьма способные къ сему дѣлу, какъ-то: Казаубонъ. Еразмъ и многіе другіе, копорые въ свое время почитались великими знаатоками въ Латинскомъ и Греческихъ языкахъ. Сіи господа не прогнѣваются, когда мы, ожидая лучшихъ переводовъ отъ нихъ, станемъ почитатьъ прежнихъ мужей искусными. Впрочемъ швердо надобно помнить, что какъ бы ни былъ хорошъ живописецъ, однако не можеть написать масперскаго портрета, не соображаясь съ оригиналомъ; онъ долженъ вѣрно замѣчать и красоты и неправильности. Безъ этого шрудно ему сыскать для своей работы благосклонный пріемъ у любителей истины. — Остаюсь вамъ преданный
и прог.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

П И С Ъ М А
В Е Л И К И Х Ъ О С О Б Ъ ,
П Р О С Л А В И В Ш И Х С Я В Ъ С В Ъ Т Ъ .

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я .

ПРИМЪРНЫЯ ПИСЬМА

РАЗНЫХЪ ВЕЛИКИХЪ ОСОБЪ,
ПРОСЛАВИВШИХСЯ ВЪ СВѢТЪ.

ПИСЬМО

І.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Генералиссимусу Князю Италійскому, Графу Суворову - Рылиникскому, бывшему Генераль-Маіору во время Польской кампаніи.

Нашему Генераль-Маіору Суворову.

Храбрость и мужественные подвиги, оказанные вами прошедшаго 770 и сего 771 года во время командированія вашего со ввѣреннымъ вамъ депашеменпомъ прошиву Польскихъ возмутителей, когда вы благоразумными распоряженіями вашими въ случившихся сраженіяхъ, поражая и разсыпая вездѣ ихъ партіи, одерживали надъ ними побѣды, учиняють васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и Нашей Монаршей милости по узаконенному опть Насъ Спашупу военного Ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія; а пошому Мы васъ въ претій классъ сего Ордена Всемилоспивѣйше жалуемъ, и знакъ

онаго здѣсь включая, повелѣваемъ вамъ на себя возложишь и носить на шеѣ по установленію Нашему. Сія ваша заслуга увѣряетъ Насъ, что вы симъ Монаршимъ поощреніемъ наипаче пощипишь и впрядь равнымъ образомъ усугубляишь ваши военныя достоинства.

ЕКАТЕРИНА.

2.

Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, къ Генералиссимущу Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому, по взятіи имъ Кинбурна.

Александръ Васильевичъ!

По открытіи сей войны впервые за дарованную Намъ въ 1 день Октября паки побѣду и одолѣніе надъ врагомъ имени Христіанскаго, досподолжная хвала Богу сего дня приносима была при пушечной пальбѣ въ присутствіи Нашемъ. Тутъ чипаны были въ церкви всенародно дѣянія ревности и усердія, дѣянія неупомленнаго попеченія, дѣянія и примѣры храбрости, употребленные при защищеніи Кинбурна вами и подъ начальствомъ вашимъ находящихся вышнихъ, среднихъ и нижнихъ чиновъ войскъ нашихъ. Реляціи прежнія и нынѣшняя Нашего Генераль-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго сими свидѣтельствами похвальными наполнены. Мы въ семъ случаѣ принимаемъ сами перо, дабы вамъ и всѣмъ вашимъ среднимъ и нижнимъ чинамъ, въ семъ подвигѣ участіе имѣющимъ, объявишь Наше

справедливое удовольствіе и признапельную благодарность. Чувствительны Намъ раны ваши. Бога молимъ, да излѣчишь наискорѣе сіи уязвленія, претерпѣнныя при защитѣ вѣры православной и предѣловъ Имперіи, и возстановишь шѣмъ болящихъ къ обрѣшенію вашихъ успѣховъ. Пребываемъ съ отличнымъ благоволеніемъ къ вамъ доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

3.

*Отъ Генералиссимуса, Князя Италійскаго
Графа Суворова Рымникскаго, къ Ея Императорскому Величеству ЕКАТЕРИНѢ II.*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИЗЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО УКАЗА ОНѢ 18 Октября, всего восхитительнѣе мнѣ знаменіе старой моей службы. Неограниченными, неожиданными и незаслуженными мною милосердіями Монаршими Вашими, Великая Императрица! я нынѣ паки новобербованный рекрутъ. Жертвую ей жизнью, когда предѣломъ Божиимъ случится мнѣ расшаться съ нею и моею матерью, Материю Опечесства! У меня, кромѣ Бога и Великія ЕКАТЕРИНЫ, нѣтъ! и просите Ваше Величество, посредникъ соближенія моего къ нижнимъ степенямъ Высочайшаго престола Вашего. Да процвѣтешъ славнѣйшій вѣкъ царствованія Вашего въ наипозднѣйшія времена! Мышца Твоя да водворяетъ благоденствіе Европы и

вселенной! Я же послѣднѣйшій дерзаю упасть къ освященнымъ спонамъ Вашего Императорскаго Величества, и буду съ наинепорочнѣйшею ревностію и рвеніемъ

Всемилолюбивѣйшая Государыня!
 Вашего Императорскаго Величества
 всеподданнѣйшій и всенижайшій
 Г. А. С. Р.

4.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Графу
 Петру Александровичу Румянцову.*

Довольно не безъизвѣстно, думаю, вамъ самимъ, сколь странное сдѣлалось происшествіе съ войскомъ Моимъ въ Варшавѣ. и сколь ослабленіе, допущенное къ тому, должно чувствительнѣе быть для Меня. Ничто такъ не прискорбно Мнѣ, какъ то, что Поляки имѣли всегда лучшій и удобнѣйшій случай предпринять то, что могли предпринять теперь, когда среди самага войска Моего находятся. Но Я оставляю говорить вамъ о семъ; скажу здѣсь только то, что Я слышала о лучшемъ состояніи здоровья вашего, обрадовалась, и желаю, чтобъ оно дало вамъ новыя силы раздѣлится со Мною тягости Мои: ибо вы сами довольно знаете, сколь отечество помнитъ васъ, содержитъ незабвенно всегда заслуги ваши въ сердцѣ своемъ: знаете также и то, сколь много и все войско самое любитъ васъ, и сколь оно порадуетъ, услыша только, что обожае-

мый Велизарій опять ихъ приѣмлетъ, какъ дѣшей своихъ въ свое попеченіе. Я, увѣрена будучи не менѣе о вашемъ благорасположеніи къ нимъ, остаюся несомнѣнною въ ожиданіи теперъ о принятіи вами всей арміи въ полное распоряженіе ваше. Пребывая впрочемъ навсегда вамъ усердная и доброжелательная

ЕКАТЕРИНА.

5.

Отъ Графа Румянцева-Задунайскаго къ Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II.

Всемилоspивѣйшая Государыня!

Въ сію минуту удостоился я принять Всемилоspивѣйшее Вашего Императорскаго Величества своеручное писаніе отъ 8 Сентября, коего содержаніе, или лучше скажу, образъ Вашего милосердія и довѣренности ко мнѣ, оживилъ меня, во гробъ уже гонимаго жестокиѣмъ недугомъ. Всемилоspивѣйшая Государыня! Ваши слова и Богомъ вліянные въ душу Вашу мысли ободряютъ меня до поликой безопасности, что я не боюсь ни зависти, ни клеветы, и пойду тѣѣмъ смелѣе по той же стезѣ, что всегда и теперъ предполагаютъ вѣрность и рабское усердіе. Не умедлю выполнитъ во всѣхъ пунктахъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, всеподданнѣйшимъ донесеніемъ моимъ, въ разсужденіи будущей кампаніи предположенія; однакожъ сіе много еще зависитъ отъ воспослѣдованій,

копорыя конецъ дадушъ нынѣшней кампаніи; а и того больше въ состояніи бы я былъ соображать удобность и пользу предопредѣляемыхъ дѣйствій, если бы благоудно было Вашему Императорскому Величеству удостоить меня знанъ положеніе дѣлъ союзныхъ и сосѣднихъ Державъ, и каковы дѣйствія назначены будутъ другимъ частямъ войскъ Вашихъ сухопутныхъ и морскихъ: ибо безъ того я больше не могу понимать состоянія военнаго, какъ только что вижу въ одной моей части; а дѣйствія здѣшнія должны безъ сомнѣнія сливаться съ другими, слѣдственно удобно ихъ только согласить, зная сію общую связь. Послѣ перваго донесенія моего еще я претрпѣлъ два жестокіе припадка, отъ которыхъ нахожусь въ тягчайшей слабости: но доколѣ не былъ удостоенъ Высочайшею резолюціею, не осмѣлился я выѣхать изъ лагеря, сколько ни убѣждали къ тому меня совѣты доктора, зная и въ болѣзненномъ состояніи непременно мои обстоятельствова, чѣмъ ради службы не щадить ни себя, ни жизни. Теперь же, пользуясь милосердымъ Вашего Императорскаго Величества дозволеніемъ, и послѣдуя убѣжденію Медиковъ, поищу какой нибудь кровли для защищенія отъ наставшей уже суровости воздушной, неудобностей въ шеперешнемъ моемъ ослабленіи, въ таковой однакожь близости отъ войскъ, чѣмъ ни отъ дѣла, ни отъ службы, ежели обстоятельствова воспребуютъ, не удалисья. Въ заключеніи осмѣ-

ливаюсь упомянуть единственно со стороны усердія къ пользѣ службы, что подвижность начальника въ моемъ мѣстѣ одушевляетъ подчиненныхъ, и возбуждаетъ въ нихъ надобное уваженіе къ его особѣ, и что сіе упадаетъ въ положеніи его болѣзненнымъ: по же во мнѣ дѣйствуетъ воображеніе, ежели не опъ другихъ причинъ, по опъ припадковъ, самой болѣзни. Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Румянцовъ.

6.

*Отъ Графа Петра Александровича Румянцова
Задунайскаго къ ЕКАТЕРИНѢ II (*).*

Августѣйшая Монархиня!

Всемиловѣйшая Государыня!

Подъ бременемъ нестерпимой старости, когда уже жизнь ближе къ концу, нежели къ началу, удостоился я принять драгоцѣнный мечъ, не по заслугамъ, но яко даръ Монархини, благодѣшествовавшей во множествѣ. Сколь ни оживляюсь и ни чувствую цѣны благъ Монаршихъ, но, Всемиловѣйшая Государыня! совокупно смягчаюсь скорбію, что буря въ жизни и слабость въ душѣ привели въ несостояніе достойно обнажить сего сверкающаго острія во

(*) Написанное въ отвѣтъ на призываніе Графа къ войску, по смерти Князя Потемкина.

славу и хвалу Государыни, въ страхъ непріятеля. Въ нѣдрахъ владычества Вашего, Всемиловѣйшая Государыня! естѣ люди отличія достойнѣйшіе во изобиліи; и рои сіи, въ дѣйствіяхъ неупомимые, въ исполненіи помысленій совершенные, воззрѣвъ гордымъ окомъ и несыпымъ сердцемъ, и удивяшся, что и сидѣвшій въ Молдавской хижинѣ, подъ кровлею опъ зноя и ненастья времени. безъ дара предвидѣнія и духа, сравненъ съ ними въ щедропахъ Монаршихъ. Но я бы, Всемиловѣйшая Государыня, осмѣлился сказать, что оные опъ единого Монаршаго воззрѣнія достигнули въ храмъ великолѣпной славы; мои же малыя дѣла недоспойны оправдать сего шруднаго пущи, соближаясь съ тѣмъ временемъ, въ которое полезень гробъ паче другихъ украшеній. — Но да будущъ, Всемиловѣйшая Государыня! торжествуемые здѣсь лавры неувядаемы спокоествіемъ непрерывно; долгоша же дней вашихъ да продолжипся навѣки, и грядущія времена да свидѣтельспвуютъ великоспъ дѣлъ Монаршихъ, а можешъ бытъ и приведущъ нѣкогда на память, что одинъ изъ слабыхъ браноносцевъ имѣлъ удачу, бытъ Государынѣ полезень вмаѣ, награжденъ же по велицѣй Ея милоспи.

7.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Принцу
де Линь.*

Принцъ!

Не бойшесь: Я не приравняю никогда писемъ вашихъ къ письмамъ нѣкоторыхъ Моихъ сосѣдовъ. Ваши дѣлаютъ мнѣ всегда удовольствіе, а другіе не рѣдко скучаютъ. Для того отдаю ихъ, какъ можно скорѣе, на глубоко-мысленное разсмотрѣніе Моего совѣта, съ которымъ Я всегда согласна, когда онъ одного мнѣнія со Мною, а вамъ Сама отвѣчаю.

Пекинскія Газеты говорятъ, что сосѣдъ Мой, Кипаецъ, съ маленькими глазами, о которомъ вы споль почтительно упоминаете, слѣдуетъ безчисленнымъ обрядамъ земли своей съ удивительною точностію. Что касается до Моихъ Персидскихъ сосѣдовъ, то они регулярно всякой мѣсяцъ рѣжутъ другъ друга. Ихъ можно уподобить ледянымъ глыбамъ Ледовитшаго моря, которыя разбиваются однѣ объ другія во время бури. Поляки, для увѣнчанія вольности, готовы подвергнуться самому неограниченному военному деспотизму, выборомъ конечно свободнымъ: ибо всякой воленъ взять или не взять золота, которое дадутъ имъ. Селимъ и Диванъ его разсудили за благо идти въ опеку и поручить дѣла свои опекунамъ: это безъ сомнѣнія очень покойно. Между пѣмъ Мы ихъ бьемъ и будемъ всегда бить, по старой привычкѣ, на сухомъ пуши и на морѣ. Вы....

заключаете миръ. Два Барона ушвердятъ его взаимнымъ посольствомъ. Англія вооружается безъ войны, а Гишпанія шрактуешъ. Король Прусскій хочешъ Дикшаторства, котораго дядя его не имѣлъ въ 1762 году. Франція имѣешъ 1200 законодашелей, которыми ничто, кромѣ Короля, не повинуется. Голландія, думаю, желала бы лучше выигрывать деньги шорговлею, нежели шрапипть ихъ на бесполезныя вооруженія. Но Я забываюсь: Мнѣ надлежало бы говорить только о сосѣдахъ; а Я сшраншвую глазами по всей Европѣ и Азіи.

Графъ Шшарембергъ, который привезъ Мнѣ ваше письмо, избавилъ Меня отъ лишняго расхода и плашежа вѣсовыхъ денегъ на почтѣ: чѣмъ вы сдѣлали великое добро казнѣ Моей, которая (по словамъ шѣхъ людей, которые знаютъ дѣло лучше моего) находится въ дурномъ состояніи: ибо Я вела вдругъ двѣ войны, не прибѣгнувъ ни къ малѣйшему новому налогу, безъ сомнѣнія отъ невозможности или по невѣжеству. Вы счастливы роднею: Графъ Шшарембергъ кажешся Мнѣ любезнымъ. Желая, чтобы онъ былъ доволенъ Пешербургомъ, и по возвращеніи своемъ нашелъ васъ здоровѣе. Просшите, Князь. Будьте увѣрены въ нешремѣнности Моихъ объ васъ мыслей.

Пешербургъ, 6 Ноября, 1790.

ЕКАТЕРИНА.

8.

Отъ Принца де Линя къ ЕКАТЕРИНЪ II.

ВАШЕ Величество!

Нѣшъ уже шого Государя, кошорый дѣлалъ собою честь челоуѣку, ни шого челоуѣка, кошорый возвышалъ собою санъ Государей. Пламенный Геній угасъ, какъ солнце съ небеснаго горизонта, и перспъ его заключена уже во мрачномъ гробѣ. Я былъ въ числѣ сопровождавшихъ драгоцѣнный прахъ его. Вчера я не въ силахъ былъ увѣдомить о семъ печальномъ извѣстїи В. И. В. Иосифъ II скончался съ такою же швердостїю духа, съ какою жилъ; съ одинакою дѣяшельностїю началъ и кончилъ онъ дни свои. Самъ расположилъ церемонїю, съ коею надлежало принести къ нему Св. Тайны. Онъ вспалъ съ поспели смершной, чшобъ узнать, все ли выполнено по его приказанїю. Когдажъ роковый ударъ свершилъ его бѣдствїя (*), то онъ спросилъ: *гдѣжѣ положите тѣло сей Принцессы?* — Ему отвѣчали: въ придворной церкви. — *Совсѣмѣ не тцтѣ надобно*, сказалъ Иосифъ: *это мое мѣсто; тцтѣ ей бцдетѣ безпокойно; выберите другое, болѣ спокойное.*

Такїя подробности придають мнѣ нѣкошорую силу; я не надѣялся имѣть споль ко духу, чшобы продолжашъ сіе повѣстшванїе. — Иосифъ избралъ и расположилъ часы для чшенїя ему молишвъ. Онъ самъ чшалъ нѣкошорыя, сколько

(*) Кончина Виртембергской Эрц-Герцогини.

могъ, и исполнивъ долгъ Христіанскій, казался споль же хорошо устроившимъ свою душу, какъ и всѣ дѣла государственныя. Своего врача сдѣлалъ Барономъ за то, что онъ сказалъ ему правду; просилъ его объявить день, и даже часть своей кончины. Врачъ слишкомъ справедливо предсказалъ его. Императоръ не за-долго до смерти, по привѣздѣ моемъ изъ Венгерской арміи, которую я опвелъ въ Силезію, сказалъ мнѣ: „Вчера я не въ соспоянніи былъ „приняшь васъ: ваша спрана убила меня. Вз- „шіе Ганди приближило меня къ смерти, а по- „кинутый Брюксель опнимаешъ у меня жизнь. „Какая жестокая для меня обида! я умираю „опъ нее. Чтобъ перенести ее, надобно быть „неодушевленнымъ. Благодарю васъ за все, сдѣ- „ланное вами для меня. Лаудонъ говорилъ мнѣ „о васъ много хорошаго. Спупайте въ Нидер- „ланды, и заспавъше памошнихъ жипелей „возвращитесь къ своему Монарху. Еслижъ „не успѣете, то останьтесъ тамъ. Не жер- „спвуйте мнѣ своими выгодами: у васъ есть „дѣши.“

Сіи слова живо пронули меня, и глубоко впечашлѣлись въ памяши моей. Поспупки мои послужашъ ему опвѣтомъ. Безполезно было бы пересказывать слова, прерываемыя рыданіемъ. „Во время причащенія моего плакалъ ли кто нибудь?“ спросилъ Императоръ у Г-жи Шанкло, которую онъ вскорѣ послѣ того увидѣлъ. — Я видѣла Принца де Линя утопающимъ въ слезахъ, опвѣчала она. — „Я не ожи-

далъ себѣ такой цѣны," сказалъ Императоръ улыбувшись.

Впрочемъ, В. В., скажете ли Вамъ, къ стыду человѣчества? Я видѣлъ кончину четырехъ великихъ Монарховъ; о нихъ жалѣли только одинъ годъ по смерти ихъ. Это случилось, когда скончалась Марія Терезія. Всегда очень худо чувствуютъ цѣну потери. Любопытные, равнодушные, неблагодарные, коварные люди заботятся уже о новыхъ владѣнiяхъ. Не прежде, какъ черезъ годъ воинъ скажетъ: „Иосифъ II много выдержалъ пушечныхъ и оружейныхъ выспрѣловъ; онъ изобрѣлъ медали за храбрость.“ — Пупешественникъ скажетъ: „какія прекрасныя заведенiя для училищъ, больницъ, шемницъ и воспитанiя!“ Мастеровой: „какое ободренiе!“ Земледѣлецъ: „онъ самъ пахалъ.“ Ерепикъ: „онъ защищалъ насъ.“ Президенты всѣхъ округовъ, начальники всѣхъ Канцелярій скажутъ: „онъ былъ первый нашъ поварищъ и вмѣстѣ начальникъ.“ Министры скажутъ: „онъ умеръ за государство, коего самъ былъ первымъ подданнымъ.“ Больной скажетъ: „онъ всегда посѣщалъ насъ.“ Мѣщанинъ: „онъ украшалъ наши города рядами и гульбищами.“ Крестыанинъ и слуга также скажутъ: „мы съ нимъ говаривали, сколько хопѣли.“ Опцы семейства: „онъ подавалъ намъ совѣты.“ Общество его скажетъ: „онъ былъ безопасенъ, любезенъ, шупливъ и остръ въ разговорахъ; ему всегда можно было говорить истину.“ Думая говорить съ Вашимъ Величе-

ствомъ о смерти Императора, я говорилъ о его жизни. Десять лѣтъ тому назадъ, В. И. Величество, ѡхавши въ Царское село, изволили мнѣ сказать въ каретѣ: „Вашъ Государь обращаетъ свой умъ всегда въ полезную сторону, и ничего не имѣетъ въ немъ суешнаго; онъ, подобно ПЕТРУ, позволяетъ себя оспаривать, не оскорбляется сопрошивленіемъ мнѣніямъ своимъ, и прежде хочетъ увѣрить, нежели приказать.“

Съверная звѣзда, истинная звѣзда Царей, ведущая ко храму безсмертія, да устремитъ на себя взоры всего міра!

Де Линь.

9.

Отъ Барона (послѣ Графа) Штакельберга, бывшаго тогда Россійскимъ Министромъ въ Варшавѣ, къ ЕКАТЕРИНѢ Великой.

Всемиловѣйшая Государыня!

Тогда, какъ другой Баронъ въ синемъ кафтанѣ (*) присоединяетъ голосъ свой къ торжественнымъ восклицаніямъ, окружающимъ тронъ Вашего Величества въ славнѣйшее для Россіи время, мнѣ должно изъяснить Вамъ радость мою заочно — мнѣ, носящему на синемъ кафтанѣ своемъ воропникъ изъ маперіи Вашего плащя, а въ сердцѣ глубокое чувство Вашей славы! Какъ весело называться Вашимъ

(*) Баронъ Ч. . . Они вмѣстѣ были Камергерами.

подданнымъ, и какъ смѣшно быть Французомъ! Вошь миръ съ Турками! Вашему Величеству предоспавлено было въ самый день Прусскаго мира заключить другой, копорый дѣлаешъ безсмертнымъ имя Россіи вмѣспѣ съ Вашимъ. Для дѣлъ ЕКАТЕРИНЫ нѣшъ Испорика. Бѣднѣй старикъ Вольшеръ, наградившій славу двумя новыми шрубами, опкажешъ ей въ завѣщаніи по крайней мѣрѣ еще шестѣ, соразмѣрно съ великимъ распояніемъ между набожнымъ рыцаремъ Генрихомъ и бессмертною ЕКАТЕРИНОЮ. Какой примѣръ для Вашего Сына! Я говорю несвязно: но шаково сердце! Въ душѣ моей шакой же радостный безпорядокъ, какой мы видѣли однажды въ Эрмишажѣ Царскаго Села, гдѣ всѣ вокругъ спола плясали. Но не должно сучашъ Вашему Величеству. Для шого не буду говорить о нашихъ сумазбродныхъ Полякахъ. Многіе изъ нихъ нахмурились. Но я накажу ихъ по Вашему: шо еспѣ, дамъ праздникъ на шомъ самомъ мѣспѣ, гдѣ Вы надѣли на Короля вѣнецъ, нынѣ уцвержденный Вами. Будешъ маскарадъ, освѣщеніе, фейерверкъ, ужинъ — и я заспаваю ихъ плясашъ шаже, какъ Ваше Величество заспавили плясашъ всю Европу по волѣ Своей.

10.

Отвѣтъ Императрицы.

Господинъ Баронъ Штакельбергъ!

Письмо ваше отъ 22 Іюля доказываешъ Мнѣ, что вы, какъ добрый и ревностный па-

пріюсть, берете участіе въ удовольствіи Мо-
емъ и *синяго* Барона (*), вашего стариннаго
друга и поварища, копорый, не смотря на его
пѣсную связь и сходство съ вами, можетъ
умереть только отъ несваренія желудка; а вы,
какъ извѣстно, опираетесь въ другой свѣтъ
отъ желчи, которая разольется въ васъ безъ
сомнѣнія не отъ славы нашихъ сосѣдовъ, но
отъ бѣды, грозившей вамъ однажды всеною въ
Царскомъ Селѣ, когда вы были между Люпе-
ранскою кафедрою (**), и любезною, прогашель-
ною Героинею полу-Гишпанскаго романа(***).
Вашъ собратъ, не смотря на его охоту спо-
рить, не говоритъ ни слова о мирѣ; ему вѣрно
очень досадно, что онъ не можетъ ничего осу-
дить въ немъ. Это увѣряетъ насъ, догадли-
выхъ людей, что миръ хорошъ. Правда, что
онъ зажимаетъ ротъ многимъ людямъ, кото-
рые надрывались, доказывая мнимую истину
небылицъ. Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ
молодаго Графа Румянцова съ симъ извѣстіемъ
я видѣла въ Ораніенбаумѣ весь дипломатическій
корпусъ, и замѣтила искреннюю радость въ
одномъ Англійскомъ и Датскомъ Министрѣ;
въ Австрійскомъ и Прусскомъ менѣе. Вашъ
другъ Браницкій смотрѣлъ Сентябремъ. Гишпа-
нія ужасалась. Франція, печальная, безмолвная,

(*) На Французскомъ языкѣ игра словъ: Gros bleu
значитъ: темносиній и полстосиній.

(**) Госпожа Остервальдъ.

(***) Другая знапная Дама.

ходила одна, сложивъ руки. Швеція не можетъ ни снасть, ни ѳспь. Впрочемъ мы были скромны въ разсужденіи ихъ, и не сказали имъ почини ни слова о мирѣ; да и какая нужда говоришь объ немъ? онъ самъ за себя говоритъ.

Дай Богъ вамъ всего добраго, господинъ Баронъ, вамъ и племени супруги вашей. Сердечно желаю, чшобы у нее было сполько же любезныхъ малюпокъ, сколько ихъ у Моего Тома, кошорый самъ - чешырнадцать гуляетъ въ садахъ Царскосельскихъ. . . . Къ слову пришлося сказасть, что вы не узнаете садовъ нашихъ: сполько Я въ нихъ перемѣнила и сполько украсила! Просшите, Баронъ! Будьте здоровы и служите Мнѣ всегда шакъ, какъ донынѣ служили!

ЕКАТЕРИНА.

II.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой къ
Г. Вольтеру.*

Получивши письмо ваше, Я сдѣлала непростишельный грѣхъ: оставила кучу прошеній, остановила счасіе многихъ людей — шакъ хотѣла Я прочиташъ его — и даже не раскаялась въ шомъ. Но увидѣвъ необходимость возвратиться къ Своей должности, Я не нашла лучшаго средства, кромѣ шого, чшобы уступитъ вихрю, Меня влекущему, и взявши перо, проситъ не шутя Г. Вольтера, чшобы онъ не дѣлалъ Мнѣ похвалъ прежде, нежели Я

заслужу ихъ. Эшаго пребуешь его и Моя польза. Онъ скажешъ, что опъ Меня одной зависить сдѣлашься ихъ достойною; однако въ самомъ дѣлѣ по неизмѣримости Россіи цѣлый годъ не больше одного дня, такъ какъ тысяча лѣтъ предъ Господомъ. Эшимъ могу Я извинить Себя, что не сдѣлала еще сполько добра, сколько должна была сдѣлать.

На пророчество *Жанъ-Жака Руссо* буду отвѣчать пѣмъ, что во всю жизнь Мою, какъ Я думаю, очень неучливо спану обличать его въ несправедливости. Вопъ Мое намѣреніе, — оспаешся видѣшь слѣдствія его. Послѣ эшаго мнѣ хочешся сказать вамъ: *молитесь за меня Богу.*

Съ великою благодарностію Я получила также вшорую часть Испоріи ПЕТРА Великаго. Если бы погда, какъ вы начали эшо швореніе, Я была по, что шеперь, по доставила бы вамъ много и другихъ записокъ. По справедливости нельзя довольно надивишься разуму эшаго Великаго человѣка. Я хочу выдашь подлинныя письма его, и для того приказала вездѣ собирать ихъ: тамъ изображешся онъ совершенно. Въ характерѣ его лучше всего по, что какъ ни вспльчивъ онъ былъ, но истина не премѣнно всегда побѣждала его — и однимъ эшимъ, кажешся мнѣ, онъ бы достоинъ былъ, чшобъ ему воздвигнуть спашую. Сего дня въ первой разъ въ жизни Моей сожалѣю, что не умѣю писать спиховъ; не могу отвѣчать на

ваши иначе, какъ только прозою; но могу увѣришь васъ, что съ 1746 года, съ пѣхъ поръ, какъ располагаю своимъ временемъ, Я чрезвы-чайно одолжена вамъ. Прежде сего Я чинала романы; но по случаю увидѣла ваши сочиненія — съ пѣхъ поръ не переславала чинать ихъ, и не хотѣла никакихъ другихъ книгъ, копорыя не такъ хорошо писаны и не сполько полезны. Но гдѣ найти ихъ? и пошому Я всегда возвращалась къ первому виновнику моего вкуса и пріятнаго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, если Я имѣю какія нибудь знанія — то эшимъ одолжена одному ему. — Но какъ онъ изъ почипенія не позволяетъ себѣ сказать, что цѣлуешъ письмо Мое, то Мнѣ не надобно говоришь изъ благоприспойности, что Я восхищаюсь его швореніями. Теперь Я читаю *Опытѣ Всеобщей Исторіи*, и каждую спраницу хотѣла бы знать наизуспъ, между тѣмъ какъ получу сочиненія Великаго *Корнелля*, за копорыя, думаю, посланъ уже и вексель.

ЕКАТЕРИНА.

12.

Отѣ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемиловивъйшая Государыня!

Говоряшь, что Спарецъ *Симеонѣ*, увидѣвъ младенца, вскричалъ въ сердечной радости: „мнѣ оспаешся только умереть, потому что я видѣлъ моего Спасителя.“ Эшотъ *Симеонѣ*

былъ Пророкъ: онъ предвидѣлъ все, что сей Младенецъ долженъ былъ сдѣлать. А я не Иудей, ни Пророкъ, хотя также спаръ, какъ и *Симеонъ*; — я въ 1700 году не могъ бы отгадать, что разумъ, сколько же неизвѣстный Патріарху *Никонъ*, сколько и святой Коллегіи, и ненавидимый Папами и Архимандритами Доминиканцами, придетъ нѣкогда въ Москву на гласъ Принцессы, рожденной въ Германіи, и что она соберетъ въ великой залѣ своей идолопоклонниковъ, Музульмановъ, Грековъ, Лапшицовъ, Люперовъ, которые всѣ сдѣлаются Ея сынами!

Такое торжество разума есть *Спаситель мой*, и будучи въ числѣ одаренныхъ разсудкомъ, я умру преданнымъ въ сердце моему Вашему Императорскому Величеству, благошворительницѣ челоуковъ.— Я поселился подлѣ небольшого города Женевы, гдѣ нѣтъ и двадцати тысячъ жителей; но несогласіе царствуетъ черезъ цѣлые чепыре года въ семь маленькомъ мѣстѣ въ то самое время, какъ **ЕКАТЕРИНА** В. порая, или лучше сказать, *Первая*, соединяетъ всѣ сердца въ такой Имперіи, которая гораздо обширнѣе Римскаго Государства. Удостоите Ваше Императорское Величество принять глубочайшее почтеніе, удивленіе и ненарушимую преданность стараго пущынника, отчасти Француза, отчасти Швейцара, двоюроднаго брата племяннику Аббата *Базеля*.

*Отъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великой
къ Г. Больтеру.*

Читая Энциклопедическіе вопросы ваши, Я повторяла то, что сказала уже тысячу разъ: прежде васъ никто не писалъ такъ, какъ вы, и очень сомнительно, чтобы и послѣ васъ могъ кто нибудь сравниться съ вами. Въ такихъ мысляхъ заспали меня послѣднія два письма ваши. Вы легко представите себѣ, Государь мой, какое удовольствіе они принесли Мнѣ. Никто никогда не превзойдетъ васъ ни въ стихахъ, ни въ прозѣ: Я почитаю ихъ послѣдними предѣлами Французской Литтературы, и утверждаю это. Прочитавши ваши сочиненія, хочется читать еще, и между тѣмъ получаешь отвращеніе читать сочиненія другихъ.

Когда праздникъ, данный Мною для Принца Генриха, заслужилъ ваше одобреніе, то Я почитаю его прекраснымъ. Предъ эшимъ сдѣлала Я для него другой за городомъ, гдѣ не щадили ни свѣчь, ни ракетъ. Никто не былъ раненъ, потому что всѣ предосторожности были приняты. Ужасное несчастіе, случившееся въ Парижѣ прошлаго года, сдѣлало насъ осторожными. Притомъ Я давно не помню такой веселой масленицы: съ Октября до самаго Февраля беспрестанно продолжались праздники, панцы, спектакли и проч. Не знаю, отъ прошедшей ли кампаніи показалась она

Мнѣ такою, или радость въ самомъ дѣлѣ царствовала между нами. Я слышу, что въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ иначе, хотя тамъ наслаждаются непрерывнымъ миромъ цѣлые восемь лѣтъ. Мнѣ кажется, что причиною эшаго не по Христіанское учасніе, которое принимающъ въ несчастіяхъ невѣрныхъ; такое чувство было бы недостойно попомства первыхъ Крестовыхъ Рыцарей. У васъ во Франціи недавно случилось, что новый С. Бернадъ проповѣдывалъ крестовый походъ прошивъ насъ и, кажется, самъ не зналъ за что. Но эшошъ С. Бернадъ обманулся въ своихъ пророчествахъ, какъ и первый. Предсказанія его не сбылись совершенно: онъ поселилъ только вражду въ сердцахъ. Если эшо была цѣль его, то надобно признаться, что онъ успѣлъ; однако эша цѣль кажется недостойна только великаго Святаго. Вы, Государь мой, будучи истиннымъ Каполикомъ, увѣрите всѣхъ своихъ годовѣрцовъ, что Греческая церковь подъ правленіемъ ЕКАТЕРИНЫ II, желаетъ добра Лапинской и всякой другой церкви, и только защищаетъ себя.

Признайшесь, Государь мой, что эша война прославила нашихъ воиновъ. Графъ *Алексѣй Орловъ* не перестаетъ производить славные подвиги; онъ послалъ восемьдесятъ шесть плѣнниковъ Алжирскихъ и Салейскихъ къ Гроссмейстеру Мальшійскому, прося его обмѣнять ихъ въ Алжиръ на Христіанскихъ не-

вольниковъ. Давно уже ни одинъ Кавалеръ Св. Иоанна Иерусалимскаго не освобождалъ столько Христіанъ изъ рукъ иновѣрныхъ.

Читали ли вы, Государь мой, письмо Графа къ Европейскимъ Консуламъ въ Смирнѣ, которые просили его пощадить эшотъ городъ послѣ пораженія флота Турецкаго? Вы говорите Мнѣ о томъ, что онъ отослалъ Турецкой корабль, на которомъ находилось имѣніе, слуги и проч. одного Паши. Вотъ какъ это было: черезъ нѣсколько дней послѣ мирнаго сраженія Чесменскаго, одинъ Казначей Порты возвращался изъ Каира на корабль съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ своимъ имѣніемъ, и вѣхалъ въ Константинополь; на дорогѣ услышалъ онъ ложное извѣстіе, будто Турки разбили флотъ нашъ; онъ тотчасъ вышелъ на берегъ, чтобы прежде всѣхъ увѣдомить объ эшотѣ Султана. Между тѣмъ, какъ онъ бѣжалъ изо всей силы въ Спамбулъ, одинъ изъ нашихъ кораблей привелъ судно его къ Графу Орлову, который строго запретилъ, чтобы никто не входилъ въ комнапу къ женщинамъ и не трогалъ грузъ корабля. Онъ приказалъ привести къ себѣ самую меньшую изъ дочерей Турки, которой было шесть лѣтъ, подарилъ ей бриліантовый перстень и нѣсколько мѣховъ, и отослалъ ее со всею ея фамиліею и имѣніемъ въ Константинополь. Скоро послѣ того это самое происшествіе напечатано было въ газетахъ. Но до сихъ поръ еще не сказано въ нихъ, что одинъ Офицеръ, котораго послалъ

Графъ Румянцовъ въ лагерь Визирской, приведенъ былъ сперва къ Кіагъ Визирю. Кіага сказалъ ему послѣ первыхъ учтивостей: *Есть ли кто нибудь изъ Графовъ Орловыхъ въ арміи?* Офицеръ отвѣчалъ ему, что нѣтъ. Турокъ спросилъ его съ шоропливостію: *гдѣ же они?* Офицеръ объявилъ ему, что двое служатъ на флотѣ, а прочіе три въ Петербургѣ. *И такъ знайте, сказалъ Турокъ, я почитаю имя ихъ, и мы всѣ удивляемся тому, что видимъ. Мы особенно оказали они свое великодушіе. Я самоіи потѣ Турокъ, который одолженъ Графу Орлову моими женами, дѣтьми, имѣніемъ; я никогда не могу отблагодарить имъ; но если во время жизни своей могу сдѣлать имъ услугу, то пусть это за счастье.* Онъ много говорилъ еще, и сказалъ между прочимъ, что Визирь знаетъ его благодарность и одобряетъ ее. Говоря сіи слова, онъ проливалъ слезы. — И такъ Турки пронуты до слезъ великодушіемъ Россіянъ, исповѣдующихъ Греческую вѣру. Карпина сего поступка Графа Орлова можетъ нѣкогда составлять въ моей галлерей пару съ карпиною Сципіона.

Какъ скоро сосѣдъ Мой, Государь Китайскій, оставилъ нѣкоторыя свои несправедливости, то подданные его вступили въ торговлю съ Моими. Въ первые четыре мѣсяца по открытіи сей коммерціи они промѣняли товаровъ на три милліона рублей. Императорскія фабрики Моего сосѣда дѣлаютъ обои

для Меня, между тѣмъ какъ онъ проситъ хлѣба и овецъ.

Вы часто говорите Мнѣ о своей старости, Государь мой; но какъ бы стары вы ни были, творенія ваши всегда одинаковы; свидѣлемъ эшаго ваша Энциклопедія, наполненная новостями. Споить только чашать ее, чтобы видѣть, какъ Геній вашъ дѣйствуетъ во всей силѣ своей. Судя по васъ можно сказать, что уменьшеніе дарованій, приписываемое старости, есть одинъ предрасудокъ.

Мнѣ очень хочется видѣть работу вашихъ часовщиковъ. Если бы вы основали колонію въ Астрахани, то Я нашла бы предлогъ ѣхать посѣтить васъ. Кстати скажу вамъ объ Астрахани, что климатъ Таганрогской несравненно лучше и здоровѣе климата Астраханскаго. Всѣ, которые опшуда приѣзжаютъ, говорятъ, что нельзя довольно выхвалить сего мѣста. Я расскажу вамъ объ немъ одинъ анекдотъ, подражая старухѣ, о которой говорится въ Кандидѣ. Когда *Петръ Великій* въ первый разъ взялъ Азовъ, то захопѣлъ имѣть пристань на эшомъ морѣ, и выбралъ *Таганрогъ*. Эша пристань была кончена. Долго потомъ сомнѣвался онъ, построить ли *Пепербургъ* на Бальтійскомъ морѣ, или городъ въ Таганрогѣ; наконецъ обстоятельства заставили его выбрать Бальтійское море. По этому мы не выиграли въ разсужденіи климата; тамъ нѣтъ почти зимы, а здѣсь она продолжается очень долго.

Вельхи, выхваляющіе умъ *Мустафы*, выхваляющъ ли также и его геройскіе подвиги? Во время этой войны Я не знаю другихъ, кромѣ того, что онъ велѣлъ отрубить голову нѣсколькимъ Визирямъ, и не могъ удержашъ черни Константинопольской, которая при его глазахъ была безъ всякой жалости Посланниковъ главныхъ Державъ Европейскихъ, между шѣмъ какъ Мой заключенъ былъ въ замкъ Семибашенномъ. Имперунцій Вѣнской умеръ отъ ранъ своихъ. Если это черты ума, то Я молю Небо, чтобъ оно лишило меня навсегда его, и оставило весь для *Мустафы* и Кавалера *Тотта*, его защитника. Сей послѣдній давленъ будетъ въ свою очередь: *Визирь Магометъ* былъ давленъ, хотя спасъ жизнь Султана и былъ зячь ему. — Миръ не такъ близокъ, какъ говорили газеты. Третья кампанія неизбежна, и господинъ *Али-Бей* будетъ еще имѣть время укрѣпиться. Впрочемъ если онъ не успѣетъ, то *проведетъ масленицу въ Венеціи* вмѣстѣ съ вашими изгнанниками.

Прощайте, Государь мой! будьте здоровы и продолжайте ко мнѣ свою дружбу; никто не можешь сполько цѣнить ее, какъ

ЕКАТЕРИНА.

14.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Когда перунъ Царицы грозной
Надъ Мустафою возблисталъ,

Тогда сей мѣхъ прекрасной, черной
 Окъ въ робкомъ бѣгствѣ потерялъ;
 А здѣсь намъ кисть изобразила
 Богиню крошоспи, добра,
 Что милліоны просвѣшила,
 Ихъ счастьемъ мирнымъ подаря.

Такъ сказалъ я, получивши отъ Вашего
 Императорскаго Величества шубу, которую
 изволили Вы прислать мнѣ съ Княземъ Коз-
 ловскимъ, Капиджи Пашею Вашихъ Ннычаръ;
 а особливо табакерку, выпоченную прекрас-
 ными и священными руками Вашими, и укра-
 шенную Вашимъ поршрепомъ.

Кто зрѣтъ его, кто осязаетъ,
 Не можешъ зрѣніемъ себя однимъ питатьъ;
 Въ восторгѣ чувствъ его дерзаетъ ло-
 бызатъ,
 И сердце и уста ошнынѣ посвящаетъ,
 Чтобы Великую хвалишь и обожать.

Но когда бывшіе у меня въ комнатѣ узнали,
 что табакерка сдѣлана собственными руками
 Вашими, то всѣ сказали вмѣстѣ со мною:

Рука, которую судьба образовала
 Любви крошкими спрѣлами управлятъ,
 Тѣ спрѣлы пламенны, смертельныя ско-
 вала,
 Тѣ громы мѣдныя, которыми разятъ
 Враговъ — ужасныя полки сыновъ Рос-
 сійскихъ,
 Къ Царю Сармашскому склоняя вѣрныи
 щипъ;

Се славы шрубный гласъ днесъ съ башни
Византійской

Къ народамъ радостнымъ, подвластнымъ
вамъ, гремишь:

Да побѣдишь ЕКАТЕРИНА,

И да погибнешь Магомешъ!

Что сдѣлалось бы въ то время, когда бы Императоръ Германской послалъ войска свои къ Бельграду, а Венеціанская республика покрыла бы Пелопонезскія моря своими кораблями? Но Вы, Ваше Величество, Вы одни поржествовать будете. Покажись только Вашей арміи близъ Кіева, или далѣе, и я увѣрю, что всякой Вашъ воинъ будетъ героемъ непобѣдимымъ. Пусть Мустафа покажись передъ своими; но онъ сдѣлаешь ихъ такими же, какъ и самъ.

Какая безразсудная гордость въ эпой головѣ, украшенной чалмою съ перомъ брилліантовымъ! Не должны ли всѣ Европейскіе Государи отпмстить Оттоманской Портѣ за то, что она всегда нарушаетъ право народное съ такимъ грубымъ высокоуміемъ? Не довольно того, чтобы вести войну съ сими варварами и кончить ее какимъ нибудь миромъ; не довольно того, чтобы смирить ихъ, должно навсегда изгнать ихъ въ Азію. . . .

15.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемиловивѣйшая Государыня!

Не обманываюсь ли я шеперь? Весь флотъ Турокъ, любезныхъ друзей моихъ, превращень

въ пепель въ гавани Лемносской! Графъ *Александръ Орловъ* владѣеть эшимъ островомъ. Вошь чпо слышу я изъ Венеціи. Эхо извѣстій сихъ гремишь по горамъ Альпійскимъ, и мы повторяемъ имя Вашего Императорскаго Величества и Графа *Орлова*. Мнѣ кажесть, въ по же почти время другой флотъ Турецкой былъ сожженъ на семь морѣ прошлаго года; вошь прекрасный годовой праздникъ. Теперь видимъ мы, чпо *Лемносъ* въ самомъ дѣлѣ былъ островъ *Вулкановъ*; эпошь богъ пожигаетъ Вашихъ неприятелей.

Ахъ, Мустафа! Мустафа! будете ли Ваше Высочество шупить, еще съ моею Императрицею? Прикажете ли вы Ей оставишь потчасъ Подолію? Спанете ли сердиться за то, чпо Она не повиновалась повелѣніямъ вашей блистательной Поршы? Будете ли заключать еще въ темницу Ея Министровъ!— Теперь Августѣйшая моя Самодержица владѣеть вашею Крымскою Татаріею, — теперь повелѣваетъ Она вашими обласьями за Дунаемъ — повелѣваетъ всѣмъ Чернымъ моремъ вашимъ. Вы неучивы, Мустафа: вы бы должны были приѣхать на поклонъ къ Императрицѣ— и цѣловать прекрасныя Ея руки, вмѣсто того, чптобы вести съ Нею войну. Повѣрьте мнѣ, просите покорнѣйше у Нее прощенія: эпо всего лучше. Знаете ли вы, Г. Мустафа, чпто моя Героиня, безпрестанно занимающаяся вашимъ пораженіемъ, имѣетъ еще время удостоивать меня письмами, — испол-

ненными ума и пріятности. Можешъ бышь вы не знаете, что такое *умъ* и *пріятность*? Она удостоила меня увѣдомишь отъ 22 Іюля и 2 Августа, что Ей будущъ обязаны Географическою картою Крыма, между пѣмъ какъ до сихъ поръ у насъ не было и посредственныхъ; — вы Турки не Географы; вы владѣете прекрасною спраною — однако она неизвѣстна вамъ. Моя Императрица заставитъ узнать ее.

Знаете ли вы по крайней мѣрѣ, гдѣ рай земный? — а я знаю. Онъ тамъ, гдѣ ЕКАТЕРИНА II; повергнитесь же со мною къ ногамъ Ея.

16.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Болѣе двадцати чешырехъ часовъ должны бы имѣшь сущки Петербургскія для того только, чтобы Ваше Императорское Величество имѣли время прочесть все, что къ вамъ пишутъ изъ Европы и Азии. Но сколько времени надобно опѣвчать на все это — я не понимаю.

Я бѣдный, умирающій спарикъ; я хотѣлъ было осмѣлишься писать къ Вамъ о ложныхъ извѣстіяхъ, которыя носятся у насъ въ разсужденіи возобновленной войны Вашей съ *Мустарою*, — хотѣлъ было говорить съ Вами о супружествѣ Его Высочества, Вашего сына, о путешествіи Ея Свѣтлости Принцессы *Дармшпадской*, совершеніе которой

послѣ Васъ не видала никогда Германія; — хотѣлъ даже сказать, что *Дидеротъ*, который не есть Вельхъ, счастливѣе всѣхъ Французовъ, потому что ѣдетъ ко Двору Вашему; хотѣлъ говорить о завѣщаніи Гельвеція, котораго послѣднія шворенія посвящаютъ Вашему Величеству. Я доходилъ до такой нескромности, что намѣренъ былъ сказать, что я совсѣмъ пропивнаго мнѣнія о главномъ предметѣ книги его. Онъ говоритъ, что всѣ люди рождаются съ равнымъ умомъ; что можешь быть смѣшнѣе эшаго? Какое различіе между извѣстною Самодержицею и эпимъ *Мустафою*, который спрашивалъ у *Г. Сент - Приеста*: оспровъ ли Англія?

Я хотѣлъ было осмѣлишься говорить подробно о переходѣ чрезъ Дунай, — хотѣлъ спросить, гдѣ *Фальконетъ Фидій* поставилъ спашую ЕКАТЕРИНЫ II, единой, испинно Великой ЕКАТЕРИНЫ — въ Дарданеллахъ ли, или въ Апмейданѣ Стамбульскомъ; но подумавши, что у нее нѣтъ ни одной свободной минуты и опасаясь обезпокоить ее, ничего не пишу теперь.

Проспираю только руки свои къ Звѣздѣ Сѣверной, я слѣдую закону Сабинянъ: они бо-готворили звѣзды.

Больной старикъ Фернейской.

Отъ Императрицы къ Г. Вольтеру.

Философъ *Дидеротъ*, котораго здоровье еще слабо, оспанется съ нами до Февраля, и тогда возвратится въ свое отечество. *Гриммъ* также хочетъ ѣхать къ этому времени. Я часто вижу ихъ — и мы не можемъ наговориться. Они скажутъ вамъ, какъ уважаю Я *Генриха IV*, Автора *Генриады* и многихъ другихъ сочиненій, сдѣлавшихъ честь нашему вѣку. Не знаю, весело ли имъ въ *Петербургъ*; но Я никогда не переспала бы говорить съ ними. Нахожу въ *Дидеротѣ* неиспощимое воображеніе — и почишаю его однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ людей въ свѣтѣ. Хотя онъ не любитъ *Мустафы*, какъ вы говорите, но Я увѣрена по крайней мѣрѣ, что онъ не желаетъ ему зла: эшаго не позволяеть добротѣ его сердца, не смотря на превосходный разумъ его и на ту склонность, которую Я примѣчаю въ немъ въ мою пользу.

Какъ бытъ, Государь мой! надобно утѣшиться, что крестовый походъ вашъ рушился, и думашъ, что вы имѣли дѣло съ добрыми людьми, которымъ однако нельзя приписать разума *Дидеротова*.

Какъ глава *Греческой церкви*, Я должна вывести васъ изъ заблужденія. Вы желали бы, чтобъ Великая Княгиня была перекрещена въ церкви святой Софіи? — Что вы говорите? нѣтъ, церковь *Греческая* не перекрещиваетъ:

всякое крещеніе, совершенное прочими Христіанскими исповѣданіями, почитаетъ она истиннымъ. Великая Княгиня, произнеся на Россійскомъ языкѣ символъ Православной вѣры, была принята въ нѣдро посредствомъ нѣсколькихъ крестныхъ знаменій и благовоннаго мира, что совершено надъ нею съ великою церемоніею; такой обрядъ, такъ какъ и у васъ, называется миропомазаніемъ, — тогда же даютъ имя. Но въ этомъ случаѣ мы гораздо скупѣе васъ: вы даете по двенадцати, а мы получаемъ одно — и для насъ довольно.

Послѣ извѣстія о такихъ важныхъ дѣлахъ, Я продолжаю отвѣчать на письмо ваше отъ 1 Ноября; теперъ узнаете вы, что отрядъ нашей арміи, перешедъ Дунай въ Октябрѣ мѣсяцѣ, разбилъ многочисленный Турецкій корпусъ, и взялъ въ плѣнъ прехбунчужнаго Пашу, который имъ предводилъ. Это происшествіе могло бы имѣть слѣдствія (чѣмъ вы, можете спастись, не будете довольны), но не имѣло ихъ. Такимъ образомъ мы съ *Мустафой* находимся въ такомъ же почти состояніи, какъ были за шесть мѣсяцовъ передъ этимъ — съ пою разностию, что онъ мучится одышкою, а Я здорова. Пусть этотъ Султанъ очень уменъ, но шѣмъ не менѣе побѣждали его пять лѣтъ сряду.

Прощайте, Государь мой, будьте здоровы, и вѣрьте, что никто не уважаетъ столько дружбы вашей, какъ

ЕКАТЕРИНА.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всемилоствѣйшая Государыня!

За нѣсколько дней передъ эшимъ Вашъ подданный, частію Швейцаръ, частію Галлъ, Вольтеръ едва не умеръ. Духовникъ мой, Ка-толическо-Апостолько-Римской, ш. е. всеобщій скороходъ Рима, пришелъ приготовить меня къ эпому пупешествію. Больной сказалъ ему: „Преподобный опецъ! Богъ вѣрно осудишь меня.“ — „За что же, доброй старичокъ?“ спросилъ у меня священникъ.—„Ахъ! отвѣчалъ я ему: меня обвинили передъ Нимъ въ неблаго-дарности. Я былъ осыпанъ милостями Само-держицы, Которая въ семь свѣтъ есть самый лучшій Его образъ, и болѣе года не писалъ къ Ней.“—„Что это такое за Самодержица? ска-заль мнѣ мой негодай.“—„Ахъ, невѣжа! отвѣчалъ я ему: это Императрица, и эта Императрица благошворитъ опъ Камчатки до Африки.“—„О! если это такъ, прервалъ священникъ, то ты хорошо сдѣлалъ: Она не имѣла ни минуты свободнаго времени. Не должно беспокоить самодержавной, благошпельной Императрицы, Которая съ упра до вечера занимается по поражениемъ Турокъ, по дарованіемъ имъ мира; Которая покрываетъ кораблями Черное море, и увеселяется, приведя въ цвѣтущее состояніе 18 тысячъ квадратныхъ миль своего Государ-ства. Спупай, спупай! я тебя разрѣшаю.“

Отъ Императрицы къ Г. Вольтеру.

Въ эту зиму читала Я два новые перевода: одинъ *Тасса*, а другой *Гомера*. Всѣ очень хваляшъ тошъ и другой, но признаюсь, что ваше письмо отъ 24 Января принесло мнѣ больше удовольствія, нежели *Тассѣ* и *Гомерѣ*. Веселость и живость, копорыя видны въ немъ, заставляющъ меня надѣяться, что ваша болѣзнь не будетъ имѣть никакого дурнаго слѣдствія, и что вы легко проживете болѣе ста лѣтъ. Напоминаніе ваше обо мнѣ всегда для меня лестно и пріятно; чувствованія же мои къ вамъ пребудутъ навсегда непремѣнны.

ЕКАТЕРИНА.

Отъ Г. Вольтера къ Императрицѣ.

Всѣмилостивѣйшая Государыня!

Вчера вечеру получилъ я одинъ изъ залоговъ Вашего безсмертія: Уложеніе Вашихъ законовъ на Нѣмецкомъ языкѣ, копорымъ Ваше Императорское Величество изволили наградишъ меня. Съ нынѣшняго упра началъ я переводишъ его на языкъ *Вельхской*;— оно будетъ переведено на *Китайскій*, на всѣ языки, — оно будетъ Евангеліемъ цѣлаго свѣта. Я правду сказалъ за тридцать лѣтъ передъ симъ, что все придетъ къ намъ отъ *Звѣзды Сѣверной*.

Двѣ недѣли назадъ шому, какъ я отпра- вилъ на имя Вашего Величества, на Нѣмецкой почтѣ, награду справедливости и геловѣко- любія — тихой ударъ колокола, возвѣщающаго Ваши благодѣянiя роду человѣческому. Двое насъ изъ Членовъ Берлинскаго Общества пред- ложили каждой пятьдесятъ луидоровъ въ на- граду шому, кто напишетъ уложенiе о уголов- ныхъ дѣлахъ, самое близкое къ Вашимъ за- конамъ и самое приличное той странѣ, гдѣ мы живемъ.

Мнѣ хотѣлось чшобы предложили на- граду и шому, кто найдетъ самый скорый и вѣрный способъ опослать Турокъ въ тѣ страны, откуда они пришли; но я всегда ду- маю, что сiя тайна предоставлена первой Особѣ рода человѣческаго, которая называется **ЕКАТЕРИНА II.**

Повергаюсь къ стопамъ Ея, и восклицаю при послѣднемъ издыханiи: Алла, Алла! **ЕКА- ТЕРИНА!** Резулъ, Алла!

21.

Отъ Императора ПАВЛА I къ Генералисси- мцу, Князю Италiйскому, Графу Суворову- Рылникскому.

Я рѣшилъ послать васъ въ Италiю на помощь Е. В. Императору и Государю — со- юзнику и брату моему. Суворову не нужны ни шриумфы, ни лавры, но Опечеству нуженъ Суворовъ, и желанiя мои согласны съ жела-

ніями Франца II, копорый, поручая вамъ верховную власъ надъ своею армією, проситъ васъ принять это достоинство. И такъ опъ Суворова зависитъ исполнишь обѣщанія Отечества и желаніе Франца II.

ПАВЕЛЬ.

22.

Отъ Императора ПАВЛА I къ Генералиссимусу, Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому.

Побѣждая повсюду враговъ Отечества, не доспавало вамъ еще одного рода славы: преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ Вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ, злобу и зависть, прошивъ васъ вооруженныя. Нынѣ награждаю васъ по мѣрѣ признашельности шой, и спавя васъ на вышній степенъ чести, геройству предоставленной, увѣренъ, что возвожу на оный знаменишѣйшаго Полководца сего и другихъ вѣковъ.

ПАВЕЛЬ.

23.

Отъ Римскаго Императора Иосифа, къ Генералиссимусу, Князю Италійскому, Графу Суворову-Рымникскому, бывшему Генераль-Аншефу.

Я получилъ, Господинъ Генераль-Аншефъ, ваше письмо съ опличнымъ удовольствіемъ, и

узналъ изъ онаго о знаменитой побѣдѣ, которую состоящія подъ вашею командою войска Ея Императорскаго Величества, соединенно съ моими подъ начальствомъ Принца Кобургскаго, одержали у Фокшанъ надъ непріятелемъ. Принцъ Кобургскій не можетъ довольно выхвалять вашего благоразумія и мужества, равно и храбрости всего вашего корпуса, за что я вамъ особенно обязанъ. Прошу васъ засвидѣтельствовать отъ имени моего благодарности и Главнокомандующему Фельдмаршалу, Князю Пошемкину-Таврическому, за порученное вамъ столь ревностное и успѣшное соединеніе вашихъ войскъ съ моими. Я желалъ бы имѣть болѣе случаевъ доказать отличную мою союзническую вѣрность и дѣятельное вспоможеніе Ея Императорскому Величеству. Впрочемъ будьте, Господинъ Генераль Аншефъ, увѣрены въ совершенномъ моемъ уваженіи, какое не однократно уже оказанные вами подвиги заслуживаютъ.

Иосифъ.

24.

Отъ Римскаго Императора Франца Вильгельма къ Генералиссимусу, Князю Италійскому Графу Суворову Рымникскому.

Любезный Господинъ Генераль!

Съ неописаннымъ удовольствіемъ получилъ я отъ васъ пріятное извѣстіе, что вы всѣ прежнія свои побѣды увѣнчали въздомъ въ

Варшаву, и шѣмъ совершенно достигли цѣли неушомимыхъ вашихъ стараній: ибо сопротивленіе остальныхъ Польскихъ войскъ конечно никакихъ новыхъ трудностей возродить не можеть, и паче еще надѣяться должно, что они, соединенными дѣйствіями войскъ Россійско Императорскихъ и моихъ, подъ командою Генераль Лейпенанпа Фарвапа состоящихъ, на послѣдокъ вовсе истреблены будутъ. И шакъ, за счастливое возстановленіе тишины и приобрѣшенную чрезъ то вами неувыдаемую славу, примите мое искреннее поздравленіе и увѣреніе во всегдашнемъ моемъ къ вамъ уваженіи. Маіору Гессену, привешшему сіе пріятное извѣстіе, пожалованъ мною Орденъ за заслуги (*pour le mérite*). Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный

Фр. Вильгельмъ.

25.

Отъ Римскаго Императора Франца II къ Генералиссимусу Князю Италійскому Графу Суворову - Рылникскому по окончаніи Италійской кампаніи.

Блнспашельныя дѣянія ваши въ продолженіе сей кампаніи, и во время начальства надъ порученною отъ меня арміею въ Италіи, приобрѣли вамъ похвалу и удивленіе цѣлой Европы. Вы оказали мнѣ и всему моему Государству важныя услуги своими побѣдами. Я навсегда запечашлю ихъ въ памяти и со-

храню къ вамъ живѣйшую признательность. Вы имѣете весьма справедливыя права на Орденъ Св. Терезіи. Вы увеличите блескъ сего Ордена, учрежденнаго въ моей арміи для ознаменованія и награжденія воинской храбрости. И такъ примите большой крестъ въ знакъ моего высокаго почтенія и дружбы. Вы получите также одинъ Командорской крестъ и 6 Кавалерскихъ: первымъ украсьте Князя Багратиона, въ уваженіе его отличныхъ паланповъ и храбрости; прочіе назначены Генераламъ и Офицерамъ Руской арміи въ Италіи, коихъ вы почтете достойнѣйшими. Вашъ выборъ увеличитъ ихъ славу. Богъ да сохранитъ васъ здоровымъ, любезный Князь, къ исполненію великихъ предпріятій для общаго блага, къ славѣ союзниковъ, къ блеску и величію Имперіи и для моего общаго удовольствія.

Францъ.

26.

*Отъ Принца Кобургскаго къ Генералиссимусу
Князю Италійскому, Графу Суворову-
Рымникскому.*

Господинъ Генераль!

Я ѣду въ слѣдующую Пятницу къ новой моей командѣ въ Венгрію, и ничто меня при семъ отъѣздѣ сполько не прогаешъ, какъ то, что я долженъ еще болѣе опдалиться отъ васъ — моего достойнаго и почтеннаго друга. Я имѣлъ случай познать цѣну великой вашей

души; важнѣйшія происшествія основали наше дружество; и при каждомъ изъ оныхъ находилъ я довольно причинъ удивляться вамъ, какъ Герою, и уважать, какъ достойнѣйшаго человѣка. Разсудите сами, несравненный мой учитель, сколь чувствительна должна быть мнѣ разлука съ такимъ человѣкомъ, котораго по столь многимъ причинамъ уважаю и люблю. Опъ васъ только ожидаю облегченія сей тяжкой участи, продолженіемъ той же самой дружбы, коею вы меня доселѣ удостоивали, и увѣряю васъ торжественнѣйшимъ образомъ, что частыя увѣренія вашего дружества къ моему счастью необходимо нужны. Я не могу рѣшишься—и сіе было бы крайне прискорбно для меня,—проспиться съ вами лично. Я ссылаюсь въ помъ на собственное ваше чувство и довольствуюсь только тѣмъ, что заклинаю васъ искреннѣйшимъ дружествомъ, продолжая ко мнѣ свою пріязнь, которая доселѣ была основаніемъ моей воинской жизни. Впрочемъ, почтеннѣйшій мой другъ, будьте увѣрены въ неограниченной моей признательности. Вы останетесь всегда дражайшимъ изъ моихъ друзей, коего Небо мнѣ даровало, и никто не будетъ имѣть большаго права на совершенное мое уваженіе, съ которымъ всегда пребуду

Вашего Высокопревосходительства

покорнѣйшій слуга

Принцъ Кобургскій.

27.

Къ нему же.

Милостивый Государь мой!

Съ неограниченнымъ удовольствіемъ получилъ я пріятное извѣстіе собственно ошъ васъ о взяшии крѣпости Измаильской; я шорплюсь принести вамъ о шомъ мои чисто-сердечнѣйшія поздравленія: да здравствуешъ Герой Суворовъ и оружіе ЕКАТЕРИНЫ! Дай Боже, чтобы вы всегда были такъ счастливы! Я всевозможное въ шомъ приму участіе, однако же не безъ соревнованія, что не могу болѣе раздѣляшъ лавры съ вами, любезнѣйшій другъ мой! Послѣ-завтра ѣду въ Вѣну. Живите счастливы и довольны, и не забывайте друга, который имѣешъ честь быть со всевозможнымъ уваженіемъ . . .

Вашего Сіашельства,
Милостиваго Государя моего,
всепокорнѣйшій слуга,
Принцъ Кобургскій.

28.

*Отъ Генералиссимуса Суворова къ Шаррету,
Генералиссимусу войскъ Французскаго Короля.*

Герой Вандейскій знаменитый! защитникъ вѣры опцовъ швоихъ и прона швоихъ Государей! Богъ войны да хранишъ тебя вѣчно; да подкрѣпляетъ мышцы швои, разящія полки враговъ безчисленныхъ! Они означены пер-

Спомъ сего Бога мстителя; падушъ разсѣян-
ные, какъ листвія древесныя, оппорженныя
въпромъ Сѣвернымъ. И вы, безсмертныя Ван-
дейцы, вѣрные блюстители чести Французовъ,
достойные ратники героя, предводимые имъ!
возставъте падшій храмъ Бога и шронъ ва-
шихъ Государей! . . . — Да погибнуть злоб-
ные. . . да исчезнетъ племя ихъ! . . . Тогда
возродится благодѣтельный миръ, возобно-
вится древнее колѣно Лилии, преклоненное бу-
рею; оно процвѣтетъ и возвеличится среди
васъ. Мужественный Шарретъ, честь Фран-
цузскихъ рыцарей! вселенная исполнена славы
пвоей. Европа съ изумленіемъ на тебя визи-
раетъ. . . и я удивляюсь и привѣтствую
тебя. Богъ избралъ тебя, какъ нѣкогда избралъ
Онъ Давыда, для наказанія Филистимлянъ.
Чпи Его предопредѣленіе: рази, и побѣда
послѣдуетъ за побою. Таковы желанія воина,
послѣдвшаго на полѣ чести. Онъ видѣлъ по-
бѣды, подшверждающія шу довѣренность, ка-
кую полагалъ онъ въ Богъ, браней. Слава Ему,
какъ источнику всякой славы! Слава тебѣ,
какъ избранному Имъ!

Суворовъ.

29.

*Отъ Генералиссимуса Графа Суворова-Рым-
никскаго къ Итальянской арміи.*

Принужденъ будучи обстоятельствомъ
оставить начальство надъ храброю Итальян-

скою армією и ошдѣлишь Россійскія Императорскія силы, поставляю за долгъ проститься съ Господами Генералами и со всѣми войсками, находящимися подъ ихъ командою. Свидѣтельствую первымъ искреннюю мою благодарность за неупомимое спараніе и дѣятельность, съ какою они исполняли намѣренія Государя и споспѣшествовали благу Государства въ продолженіи всего шого времени, въ которое я имѣлъ честь предводительствовать сею могущественною армією. Будучи признашелемъ изъ ихъ благородной ошважности, коей примѣръ показали они во всѣхъ дѣйствіяхъ, и копорая давала имъ право бышь начальниками надъ своими легіонами, именемъ моимъ прошу изъяснить благодарность всѣмъ вышнимъ Чиномъ арміи Ихъ. Поведеніе, примѣръ, копорый они подавали своимъ подчиненнымъ въ присутствіи непріяшеля, хорошій порядокъ, и спрого наблюдаемая дисциплина, даюшь имъ право на мою признашельность. Благодарю солдатъ за неупомимую храбрость и швердосшь непоколебимую, копорыя въ шоль короткое время моего командованія доставили намъ безсмершныя побѣды. Прошу наконецъ увѣришь всю армію въ шомъ высокопочишаніи, копорое она поселила во мнѣ. Никакое выраженіе не можетъ изъяснишь ни шого удовольствія, копорое ощущалъ я, предводительствуя храброю и хорошо устроеною армією, ни шого сожалѣнія, съ какимъ оставляю ее. Не изгладись также въ душѣ моей впечат-

плѣніе, произведенное поспоянною неуспрашимостію Авспрійцевъ. — Пусть будущъ они увѣрены, что я никогда не забуду той любви, той чрезвычайной довѣренности, которая украсила меня лаврами побѣдителя.

А. Суворовъ-Рымникскій.

30.

Отъ Генералиссимуса Суворова, который былъ уговариваемъ Агентами Дворовъ Лондонскаго и Вѣнскаго о новомъ соглашеніи съ Эрцѣ-Герцогаго.

Я оставилъ Ипалію прежде, нежели должно было, но я согласовался съ генеральнымъ планомъ, который я принялъ болѣе по довѣренности, нежели по удостовѣренію въ немъ. Я распоряжаю походъ въ Швейцарію, посылаю объ эпомъ увѣдомленіе, переправляюсь чрезъ Сентъ-Готтардъ и опровергаю всѣ препятствія, пропящіяся моему переходу, приѣзжаю въ назначенный день къ мѣсту, гдѣ должно было соединиться со мною, и вижу себя въ семь случаевъ со всѣхъ сторонъ оставленнымъ; вмѣсто того, чтобъ найти армію въ хорошемъ порядкѣ и въ положеніи выгодномъ, я совсѣмъ не нашелъ ее. Положеніе при Цирихѣ, которое должны были защищать шестьдесятъ тысячъ Авспрійцевъ, оставлено двадцати тысячамъ Рускихъ; и у этой арміи нѣтъ съспныхъ припасовъ. Гоць измѣнилъ Корсакову; Французы разбиваютъ его, и дѣлаются властителями

Швейцаріи. Я былъ принужденъ репироваться съ арміею въ Гризоны безъ артиллеріи, безъ съѣсныхъ припасовъ и аммуниціи, дабы соединиться съ корпусами разсѣянными; и по общаніямъ ничего не было исполнено. Надъ такимъ старымъ солдатомъ, какъ я, можно посмѣяться только одинъ разъ; но онъ бы былъ слишкомъ глупъ, ежели бы позволилъ сдѣлать съ собою то же въ другой разъ. Я не могу принять планъ дѣйствій. отъ котораго не вижу никакой пользы. Я послалъ въ Петербургъ курьера; дамъ отдыхъ моей арміи, и не предприиму ничего, не получа повелѣній отъ своего Государя.

31.

Отъ Принца де Линь къ Графу Суворову-Рымникскому.

Любезный мой братъ Александръ Филипповичъ! любезный зять Карла XII, любезный племянникъ рыцаря Баярда (*), потомокъ де Блуаза и Монлюка (**)! Ты заставилъ меня проливать слезы чувствительности и удивленія. Надѣюсь съ тобою же вмѣстѣ проливать и кровь невѣрныхъ багаліономъ-каре, который никогда не остаётся пустьъ ибо всегда будетъ

(*) Знаменитый воинъ Франциска I, Короля Французскаго.

(**) Храбрые Полководцы, бывшіе при Генрихѣ III и IV, Короляхъ Французскихъ.

наполненъ твоею благоразумною храбростію. Увидишь мен. подражателемъ тебѣ, сколько возмогу, обнимая тебя отъ всего сердца — подражателемъ славѣ Императрицы нашей, нашего Князя. нашей собственной. Уповательно, скоро будешь еще чѣмъ похвалиться. Ты оправдалъ мою догадку, любезный сотоварищъ, когда слушалъ слова людей, говорившихъ о тебѣ. Кажется, что могу ожидать и отъ тебя дружбы ко мнѣ во мзду жарчайшей моей къ тебѣ приверженности.

Де Линь.

32.

Отъ Графа Суворова Принцу де Линь.

Любезный мой дядя! отпрашлѣ Юлія Кесаря, внукъ Александровъ, правнукъ Исуса Навина! никогда не прервется мое къ тебѣ уваженіе и дружество. Явлюся подражателемъ твоихъ ироическихъ доблестей. Съ радостію, со свойственнымъ намъ хладнокровіемъ, при содѣйствіи силы, оросимъ плодоносныя поля кровію невѣрныхъ, которою такъ она покроется, что послѣ ничего уже на ней расти не будетъ. Плотный баталіонъ каре, развернутый фалангою, рѣшитъ судьбу. Счастіе поможетъ намъ. Поженемъ колонну огромную и колыхающуюся, подобно какъ бы ударяло въ нее великое спѣнобойное орудіе. Во врапахъ, въ которыхъ душа оставила шѣло послѣдняго изъ Палеологовъ

(*), будешь нашъ верхъ. Тамъ заключу тебя въ объятія и прижму къ сердцу, воскликнувъ: „Я говорилъ, что ты увидишь меня мертвымъ или побѣдоноснымъ.“ Слава обоихъ нашихъ Юлиперовъ, Сѣвернаго и Западнаго, слава Антуанешпы (**), подобной Юнонѣ, слава обоихъ Князей нашихъ (***) и собственная наша, какъ нѣкій громъ, наполнишь насъ мудростию и мужествомъ. Клеверъ знаменитый, имѣющій чистое сердце, чистый умъ! Ты Сюлли великаго Юсифа! Марсъ опецъ швой; Минерва родила тебя; Нимфы Циперскія тебя обожаютъ. Внутренніе изгибы сердца швоего усроены шолько для вмѣщенія чести и славы, прочныя владычицы вселенной. Ты, какъ оспорожный Улиссъ, преданный великому Юсифу, какъ великодушный левъ, укрошишь невѣрныхъ. Справа Бельгская усердствуетъ къ тебѣ. Ты опора ея; ты будешь для нее соединителемъ между ею и пресполомъ. Имя швое сопровождаешь будешь опъ спользія къ спольпію; самыя судьбы въ шомъ спанушъ участвовашъ. Провиденіе попечешся о продолженіи лѣшъ швоихъ.

1789.

Гр. Александръ С. — Р.

(*) Констаншинъ Палеологъ, послѣдній Греческій Кесарь, убитъ въ городскихъ воротахъ, при взяшъ Констаншинополя Магомешомъ II, Турецкимъ Султаномъ, въ лѣшо 1453.

(**) Бывшая несчастная Французская Королева.

(***) Князь Пошемкинъ и Принцъ Кобургскій.

*Отъ Князя Меньщикова къ Рейнольдъ Паткулю,
бывшему Россійскииъ Полководцеиъ и Послан-
никомъ.*

Любезный Паткуль!

Царь читалъ письмо ваше; онъ не меньше удивленъ, какъ и доволенъ благородною гордостью души вашей, копорую вы сохраняете и въ величайшихъ несчастіяхъ. Но я не скрою отъ васъ, что Августъ, Король Польскій, предупредилъ Царя. Государи вѣрятъ Государямъ; васъ изобразили ему невѣрнымъ Министромъ, копорый обманываетъ ихъ обоихъ. Царь повѣрилъ. — Вы ужасаетесь, Паткуль! Дѣло важно; надобно, чпобъ онъ самъ узналъ истину. Онъ скоро будетъ писать къ вамъ. Теперь сердце его разперзано: онъ лишился ужаснымъ образомъ храбрѣйшаго изъ своихъ Полководцевъ, лучшаго изъ вашихъ друзей — Князя Александра Бековича.

Повѣрьте мнѣ, если вы невинны, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то будете опомщены. Впрочемъ я сдѣлаю для васъ все то, чего бы и самъ ожидалъ отъ васъ въ подобномъ случаѣ. Я самъ имѣю много непріятелей. Въ чемъ не подозрѣваюшъ меня! скокъко разъ былъ я жертвою неблагодарныхъ, копорыхъ устроилъ счастье! Я на одинъ только шагъ стою отъ пропасти. Къ счастью, Царь никому не вѣритъ; онъ самъ все хочетъ знать, видѣть, слышать и судить обо всемъ. Сынъ его презираетъ

меня; спрѣльцы гнушаются мною; Папріархъ почиаетъ меня единспвеннымъ виновникомъ своего паденія; Духовенство опасается и проклиняетъ меня; Бояре ненавидящъ, не смотря на то, что по видимому за всѣ благодѣянія мои оказываютъ мнѣ привязанность свою. Во всемъ винящъ меня: если мы проиграемъ сраженіе, если у Царя не доспаетъ ни войскъ, ни денегъ, то всѣ говорятъ, что я внушилъ ему упошребить солдатъ на другое, а деньги истрапилъ на себя. Они даже осмѣливаются обвинящъ меня и въ построеніи Петербурга, какъ бы основаніе города въ такомъ Государствѣ, которое извѣстно только невѣжествомъ своимъ, было пресупленіе. Такъ, другъ мой! я окруженъ завистниками, врагами, и для меня самага будетъ чудно, если я избѣгну ссылки.

И такъ успокойтесь, любезный Паткуль! Царь не изъ пѣхъ обыкновенныхъ Государей, которыхъ можно легко обмануть. Онъ вступился какъ за свои права, такъ и за вашу невинность; вы воспоржествуете надъ своими врагами, и чѣмъ больше вы испытали несчастій, тѣмъ блистательнѣе будетъ ваша слава.

Вильна.

Александръ Меншиковъ.

18 Апрѣля, 1706.

Отъ Рейнольда Паткуля къ ПЕТРУ Великому,

Всемилоствѣйшій Государь!

Меня оклеветали предъ Тобою. Могъ ли я измѣнить Тебѣ? Мнѣ всегда казалось, что довольно заслужишь Твое уваженіе, чшобъ не бышь подозрѣваему Тобою. Какъ! я хопѣлъ заключишь союзъ между Данією и Швецією для того, чшобы вооружишь ихъ прошивъ Тебя? я хопѣлъ примиришь Тебя съ Карломъ XII для того, чшобъ шайными пронырствами ускоришь паденіе Августа? И шакъ зощь мое преступленіе!

Можно ли выдумать чшо нибудь лживѣе и гнуснѣе? Мнѣ спарашься о перемиріи съ Карломъ, чшобъ погубишь Августа? Неужели, Государь, Ты шочно эшому повѣрилъ? Могъ ли я подумашь вспуишь съ нимъ въ переговоры, хопя бы шчо было для Твоей славы и его выгодъ? Чшо мнѣ сдѣлалъ Августъ? за чшо погубишь его? Бывало ли когда, чшобы Посланникъ спарался о сверженіи съ престола союзника своего Государя? Есть конечно, есть самыя подлыя, порочныя Министры; но шакія чудовища не были никогда ни Твоими, ни моими друзьями.

Вспомни, Государь! какимъ пушемъ дошелъ я до Твоего сердца, чѣмъ заслужилъ Твое уваженіе и милость. Не спану выхваляшь себя; но если Паткуль былъ достоинъ Тебя, если Ты почшилъ его своею довѣренностію, и лю-

билъ его какъ друга, по сего уже и довольно. Вспомни, Государь! пошъ день, въ который Ты при всей арміи своей удоспоилъ меня разговоромъ; когда уговаривалъ меня оспавить Польскій Дворъ, гдѣ враги окружали меня; когда Ты просилъ меня, чшобъ я предводительствовалъ Твоими войсками, и назвалъ меня своимъ Полководцемъ.

Тебѣ извѣстно, на какихъ условіяхъ я предложилъ Тебѣ свои услуги. „Государь! сказалъ я: буду зависѣть отъ одного Тебя; во время войны и мира спану послушать по Твоимъ приказаніямъ, а Ты будешь слушаться моихъ совѣщовъ. Не хочу ни чиновъ, ни богатства; мнѣ довольно одного Твоего дружества.“ — Объщая мнѣ все это, какимъ Ты тогда почиталъ меня? Съ того самаго дня сдѣлалъ ли я что нибудь шакое, чшобы навлечь на себя Твое подозрѣніе? Двѣ полныя побѣды, испытанное посшоянство, непоколебимая вѣрность: вошъ на чемъ основалъ я Твою довѣренность и пошленіе отъ моихъ гонителей!

Все подвержено переменѣ, — скажешь Ты, Государь! — часто и испытанный человекъ дѣлается безчестнымъ и подлымъ; бывающъ обстоятельство. . . — Но ихъ нѣшъ для честнаго человека. Кто можетъ когда нибудь позабыть свои обязанности, пошъ давно уже переспалъ уважать ихъ. Честнаго человека ничто не можетъ соврашить съ пущи: ни блескъ величія, ни богатство, ни верховная власть, ни самая любовь его Монарха. Скорѣ

солнце переменишь свое печеніе, нежели онъ позабудешь долгъ свой. Воишь прямо чеспный человекъ! шаковъ и Пашкуль. Для чего мнѣ не отдашь себѣ справедливости, когда никто изъ смерпныхъ, никто изъ прежнихъ друзей моихъ не хочетъ шого сдѣлать? Пусть придутъ сюда подлые доносители, осмѣлившіеся очернить меня; и если присуствіе мое не заставитъ ихъ устыдиться, если они не воспрепятствуютъ: то пусть опрубятъ мнѣ шогда голову — и попомство, не смотря на невинность мою, пусть обвиняетъ меня въ измѣнѣ, въ подлости и прешупленіи; я на все согласенъ.

Разсмотри, Великій Государь! всю жизнь мою, и не найдешь ни одного поступка, который бы не относился къ моей славі. Едва я вышелъ изъ колыбели, какъ отецъ мой далъ мнѣ въ руки мечъ и училъ управлять имъ. Съ двенадцати лѣтъ я вездѣ за нимъ слѣдовалъ, и самъ Карлъ XI не рѣдко завидовалъ ему, что имѣетъ шакого сына. Скоро я лишился его: смерть, оставая злыхъ, всегда рано похищаетъ добрыхъ. Мнѣ кажется, что я теперь вижу его умирающаго на рукахъ моихъ, покрытаго ранами на полѣ сраженія, плавающаго въ крови своей. — „Я умираю, другъ мой! сказалъ онъ: оставая себя одного сражашься съ бѣдствіями жизни. Люби своего Государя, служи опечеству, почитай законы, берегись ласкашелей, будь вѣренъ. . .“ Онъ скончался; я былъ въ опчаяніи; но, ахъ! я больше былъ шогда достоинъ сожалѣнія: я

пережилъ свободу моего опечества. Смерть его была первымъ знакомъ моихъ несчастій. Съ самаго того плачевнаго дня Литва, Швеція, весь свѣтъ упрекаетъ меня въ помъ только, что я свято хранилъ долгъ свой, и жертвовалъ своими удовольствіями, спокойствіемъ и самыми лучшими днями моей жизни для славы своего опечества. Чтожь было за то мою наградою? смертоносный приговоръ и вѣчное изгнаніе. Опверженный Швеціею восемь лѣтъ скипался я по горамъ Швейцарскимъ, и сіи восемь лѣтъ были потеряны для славы!

Наконецъ на Рижскихъ границахъ раздался звукъ трубы военной: я полетѣлъ туда подъ Августовыми знаменами. Не спану, Государь, описывать Тебѣ поведеніе мое при Дворѣ его: оно Тебѣ извѣстно. Лучшая моя похвала состоишь въ томъ, что Ты удостоилъ меня своимъ дружествомъ. Ты не изъ числа тѣхъ Государей, которые избираютъ въ Министры свои подлыхъ льстецовъ, орудіе спрасей и опголосокъ ихъ слабостей. Тебѣ нужны истинные граждане; когда не находишь ихъ въ Опечествѣ своемъ, то самъ идешь опыскивать ихъ въ странахъ дальнихъ, и тѣмъ подаешь полезный урокъ равнымъ Тебѣ.

Пріятно мнѣ прославлять Тебя, Государь! Не страшись похвалъ моихъ, я не изъ числа придворныхъ. Съ той минутой, какъ Ты удостоилъ меня довѣренностью своею, назвалъ меня другомъ своимъ, и раздѣлилъ со мною тягость трудовъ своихъ — Пашкуль почи-

паешъ себя достойнымъ всеобщаго уваженія. Но я забылъ, что Паткуль теперь заключенъ въ шемницѣ; мнѣ вообразилось, будто въ Кремль съ Тобою разговариваю.

Мнѣ не нужно прощенье. Пусть разсмотримъ поступки мои и скорѣе рѣшатъ мою участь. Не знаю, какое-то тайное, ужасное предчувствіе приводитъ меня въ шепель. Гдѣ честолюбіе, зависть и злоба торжествуютъ, тамъ гибнетъ невинность, спраждаетъ добродѣшель. Чувствую, что безъ суда осужденъ буду, и не надѣюсь больше на права свои. Но Ты Царь, — Ты долженъ вступиться за Твои права; не откажи мнѣ въ томъ. Это будетъ первою милостью, которую у Тебя прошу

несчастный Паткуль.

Зоненштейнская крѣпость.

Сентября 1706.

35.

Отъ Г. Вольтера къ Графу Шувалову.

Ваше Сіятельство!

Я послалъ къ вамъ начертаніе Истории о Россійской Имперіи въ царствованіе Петра Великаго, со времени Михаила Романова до сраженія при Нарвѣ. Въ немъ находятся погрѣшности, кои вы легко замѣшите. Имя шепельяго Посла, который находился при Императорѣ въ его путешествіяхъ, есть неправильное. Онъ не былъ Канцлеромъ, какъ по объявляющъ ле-Форшovy записки, кои въ семъ

мѣспѣ неисправны. Къ вамъ, Государь мой, послалъ я сіе легкое начертаніе единственно для того, чѣнобъ получить опъ васъ наставленія, въ разсужденіи погрѣшностей, кои могъ я учинить. Трудъ сей принять вы конечно не будете имѣть времени, но вамъ будетъ весьма легко доставить мнѣ нужныя поправленія.

Я снабдилъ себя, Государь мой, всѣмъ пѣмъ, чѣно было писано о Петрѣ Великомъ, и признаюсь, чѣно я ничего не нашелъ, чѣно могло бы подать мнѣ свѣденія, копорыя желалъ бы имѣть. Ни одного слова нѣтъ о заведеніи рукодѣлій и художествъ, о сообщеніяхъ рѣкъ, о народныхъ упражненіяхъ, о монетныхъ дворахъ, о законовѣдніи, о сухопутныхъ и морскихъ войскахъ. Это ничто иное есть, какъ весьма недоспапочныя собранія нѣкопорыхъ манифесповъ и публичныхъ сочиненій, кои не имѣютъ никакой связи съ пѣмъ, чѣно Петръ I учинилъ важнаго, новаго и полезнаго; однимъ словомъ, чѣно заслуживаетъ бытъ извѣстнымъ всѣмъ народамъ, по въ самомъ дѣлѣ никому не извѣстно. И такъ осмѣливаюсь повпорить вамъ: ничто не сдѣлаетъ вамъ болѣе чести, ничто не будетъ доспойнѣе царствованія Императрицы, какъ сооруженіе великолѣпнаго памяшника во славу Ея родителя. Ничего болѣе не буду дѣлать, какъ шокмо распоряжатъ камни сего важнаго зданія. Справедливо, чѣно Исторія о семъ великомъ Мужѣ должна бытъ необыкновеннымъ образомъ написана. На сіе упопроблю всѣ мои спаранія.

Впрочемъ соблюдать буду съ величайшею исправностію все то, чего истина и благопристойность пребуютъ. Спану посылашь къ вамъ каждую рукопись, коль скоро будетъ она окончана, и ласкаюсь, что мое поведеніе и моя ревность не будутъ противны вашей Августѣйшей Самодержицѣ, подѣ покровительствомъ копорой буду шрудиться безпрешанно, какъ скоро нужныя записки будутъ мнѣ доставлены.

11 Августа 1757.

Вольтеръ.

Ферней.

36.

*Отъ него же къ Князю Голицыну, бывшему
Россійскимъ Посломъ въ Парижѣ.*

Господинъ Князь!

Благополучно испытанное Императрицею прививаніе оспы, и Ея ко врачу своему великодушіе по всей Европѣ возгремѣли. Давно уже удивляюсь мужеству Ея и презрѣнію предразсудковъ. Я не думаю, чтообъ Мустафа былъ духъ, могущій Ей пропировоборствовать: ни одинъ Философъ не назывался Мустафою. Можетъ бышь, скажутъ мнѣ, что прежде сего вѣка не было Философа, именуемаго Екатериною; но я желаю пакже, чтообъ именовалась Она Томирою, и чтообъ дала изрядную пощечину нынѣ владѣющему частію Кировыхъ областей. Я имѣлъ честь объявить Ей, что если Она возьметъ Константинополь, то я, съ Ея

дозволенія, поѣду поселиться близь Пропон-
пиды (*); поелику не возможно мнѣ, семидесяти
пяши-лѣшнему спарику, бороться съ морозами
Бальшійскаго моря.

Я думаю, что есть Князь вашего имени,
который будетъ повелѣвать войскомъ про-
тиву Музульмановъ. Имя Голицына есть доброе
предзнаменованіе для славы Россійской. — Не
вѣрю чипанному мною въ Вѣдомостяхъ, будто
бы Французскіе пушкари пошли служить въ
Опшоманскомъ войскѣ. Французы въ послѣд-
нюю войну напрасно теряли пруды свои; какъ
же они осмѣлятся дѣйствовать противу Ека-
терины - Томиры?

Имѣю честь быть и прог.

25 Января

Вольтеръ.

1769.

37.

Отъ него же къ Г-ну Сумарокову, извѣстному
Россійскому Стихотворцу.

Государь мой!

Ваше письмо и ваши сочиненія служатъ
неоспоримымъ доказательствомъ, что дарова-
ніе и вкусъ во всякой странѣ бываютъ. Утвер-
ждавшіе, что Стихотворство и Музыка были
ограничены въ умѣренныхъ странахъ, весьма
обманулись. Если бы страна имѣла шолико

(*) Въ древнія времена такъ называлось Мраморное
море.

могущества, по Греція производила бы еще Платоновъ и Анакреоновъ пакъ, какъ она производитъ тѣ же плоды и цвѣты; Италія имѣла бы Гораціевъ, Виргиліевъ, Аріосповъ и Тассовъ; но въ Римѣ нынѣ видимъ только красные ходы, а въ Греціи одни палочные удары. И пакъ необходимо надобно, чтобъ Государи любили и ободряли науки, и сами были бы свѣдущи въ оныхъ. Они перемѣняютъ климатъ, и посреди снѣга произрастаютъ розы.

Сіе самое дѣлаетъ ваша безподобная Самодержица. Я буду почиать, что письма, коихъ Она удостоиваетъ меня, приходятъ ко мнѣ изъ Версаліи, и что ваше получено отъ одного изъ моихъ соговарицъ, Членовъ Французской Академіи. — Князь Козловскій, вручившій мнѣ Ея письмо и ваше, изъясняется пакъ какъ вы — и этому я удивлялся во всѣхъ Россійскихъ Господахъ, приѣзжавшихъ посѣтить меня въ моемъ уединеніи. Вы имѣете предомною удивительное преимущество: я ни одного слова на вашемъ языкѣ не знаю, а вы мой совершенно разумѣете.

Стану отвѣчать на всѣ ваши вопросы, въ коихъ, подъ видомъ сомнѣній, довольно видно ваше знаніе. Поставляю себѣ за честь бытъ одного съ вами мнѣнія. Такъ, Государь мой! почиаю Расина непрекословно лучшимъ изъ нашихъ трагическихъ Спихотворцевъ, который одинъ говорилъ сердцу и здравому разуму, который одинъ былъ испинно вы-

сокъ безъ всякой надменности, и произвелъ въ словѣ неизвѣстную до него прелесть. Онъ одинъ изобразилъ любовь прагическую; ибо прежде его Корнель хорошо изъяснялъ сію страсть въ одномъ только Сидѣ, а Сидъ не его произведение; во всѣхъ же почти другихъ сочиненіяхъ любовь предъставлена смѣшною или скучною.

Согласно также съ вами думаю о Кинольпѣ: это великій человекъ въ своемъ родѣ. — Со времени Реньярда, родившагося съ дарованіемъ дѣйствительно комическимъ, и который одинъ весьма походилъ на Мольера, мы имѣли только нѣкоторый родъ чудовищъ. Сочинители, неспособные выдумать даже порядочную шутку, хопѣли сочинять комедіи, единственно для полученія денегъ. Они, не имѣя довольно силы въ разумъ, чпобъ сочинять трагедіи, не имѣя довольно веселаго духа писать комедіи, не умѣя даже изобразить слугу, написали прагическія приключенія подъ мѣщанскими названіями. Сказываютъ, что въ сихъ сочиненіяхъ есть нѣкоторая привлекательность, когда ихъ хорошо играютъ; это можетъ быть; но я никогда не могъ читать ихъ. Сіи уродливыя произведенія не суть ни трагедіи, ни комедіи. Когда нѣтъ лошадей, то и шѣмъ очень счастливы, что лошаки возятъ.

Лѣтъ съ двадцать я не видалъ Парижа. Меня увѣдомляли, что тамъ уже не играютъ Мольеровыхъ сочиненій. Причина, по моему мнѣнію, та, что всякъ знаетъ ихъ наизусть;

почти всѣ хорошія изреченія сдѣлались тамъ пословицами; впрочемъ есть продолжительно-сти, завязки иногда слабыя, а развязки рѣдко остроумныя. Онъ хопѣлъ только изображать природу, и былъ безъ сомнѣнія величайшій ея живописецъ.

Вошъ, Государь мой, по чистосердечное признаніе, коего вы опъ меня требуете. Мнѣ прискорбно, что вы приходите на меня слабымъ вашимъ здоровьемъ; по счастью, вы моложе, и долѣ будете дѣлать честь вашему Опечесству. Чшожь касается до меня, по я уже мершвъ для моей опчизны.

Имѣю честь быть, и прог.

26 Февраля 1769.

Вольперъ.

38.

Отъ него же къ Графу Воронцову.

Государь мой!

Письмо ваше было мнѣ доставлено Княземъ Козловскимъ. Оно послужило не малымъ облегченіемъ моихъ болѣзней, дѣлающихъ меня слѣпымъ. Всѣ милости, коими ваша неподражаемая Императрица почтила меня, и по, что шворипшъ Она для истинной славы, производяшъ во мнѣ желаніе жить. Счастливы шъ, кои долгое время будушъ зрѣшъ Ея прекрасное царшваніе! Но нынѣ Она, подобно Петру Великому, на нѣкоторое время въ законоположе-

ніи своемъ оспановлена Турками, врагами законовъ и художествъ.

Ничто, по мнѣнію моему, не было такъ удивительнымъ, какъ то, что Она учинила въ Польшѣ. По избраніи Короля, и припомъ очень добраго, учредила тамъ шерпѣніе ино-вѣрія; возвратила людямъ естественныя ихъ права — и вопъ мерзкіе Турки, не знаю кѣмъ поощренныя (вѣрояпно своимъ Алкораномъ), распроили всѣ мои надежды видѣшь Польшу освобожденною отъ судилища Папскаго Нунція!

И такъ, Государь мой, если бы вы были Министромъ въ Константинополь, вмѣсто того, чшобъ бышь онымъ въ Гагъ, то Каиджи-Паши спрятали бы и васъ въ Семибашенный замокъ. Очень желалъ бы я знашь, какое удовольствіе имѣють Христіанскія Державы отъ того, что въ Спамбульскомъ Диванѣ ежедневно Посламъ ихъ дають по носу щелчки. Неужели никогда не прогоняшь сихъ варваровъ по ту сторону Босфора? Я не люблю рабства: оно дорого стоить. Но для меня не было бы прошивно видѣшь нѣсколько окованныхъ Турецкихъ рукъ, занимающихся обработываніемъ вашихъ проспранныхъ равнинъ Казанскихъ и исправляющихъ корабельную работу на Ладожскомъ озерѣ.

Всѣ Государя, безъ сомнѣнія, суть подобія божества; сполько говоряшь имъ о томъ въ посвященіяхъ книгъ и въ сказываемыхъ предъ ними проповѣдяхъ, что непременно надобно, чшобъ сіе сколько нибудь было спра-

ведливо; но мнѣ кажется, что Мустафа сколько на божество походитъ, сколько быкъ Аписъ походитъ на Юпитера. Турки достойны того, чтобы ими управлялъ хоть глупый человекъ; но сей человекъ, при всей глупости своей, прольетъ кровавыя рѣки. Пусть онъ въ нихъ утонетъ!

Вотъ прекрасное время — если не обманываюсь — для славы вашей Имперіи. Ваши войска побѣдили Прусаковъ, коими побѣждены Австрійцы, побѣдившіе Турковъ. Вы имѣете искусныхъ Генераловъ; а слабоумный Мустафа жалуется великимъ Визиремъ перваго просняка своего серая. Сей великій Визирь препоручаетъ войска въ управленіе своимъ разсыльщикамъ. Если сіи люди станутъ вамъ прошивуборствовать, то я весьма удивленъ буду.

Не менѣе того удивляюсь, что Христіанскіе Государи хоть худо разумѣютъ свои выгоды. Симъ прекраснымъ случаемъ должно бы воспользоваться Нѣмецкому Императору. И для чего Венеціане не пользуются успѣхомъ вашего оружія, чтобы возвратить Грецію, которую я во время молодости моей видѣлъ у нихъ во владѣніи? Но для таковыхъ предпріятій потребны деньги, флотъ, искусство, распорочность; а всего эшаго иногда не достаешь. Наконецъ я надѣюсь, что вы безъ помощи другихъ будете хорошо защищаться.

Съ удовольствіемъ и удивленіемъ вижу, что сіе нападеніе ни мало не смущаетъ души той великой Особы, которую называютъ

Екатериною: Она изволишь писать ко мнѣ прекрасныя письма, какъ будто бы у Нее не было другаго дѣла; Она упражняется въ изящныхъ художествахъ, о коихъ Опшоманы даже не слышали, и опправляешъ войска свои въ походъ съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ вельѣла привить себѣ оспу. Если Она не будетъ совершенно побѣдоносною, то Провиденіе будетъ въ томъ неправо. Желаю, чѣтобъ вы, по прошествіи двухъ лѣтъ, были въ Спамбулѣ Великимъ Эфендіемъ.

Примите, Государь мой, искреннія увѣренія въ нѣжномъ почитаніи, копорое вамъ на всю свою жизнь посвятилъ

26 Февраля 1769.

Вольтерѣ.

Ферней.

39.

*Отъ Иосифа II, Римскаго Императора,
къ Фельдмаршалу Лассію.*

Любезный мой Маршалъ Лассій!

Одна невозможность, препяпствующая мнѣ начерпашъ сіи спроки слабою моею рукою, принуждаешъ писать ихъ чужою. Смершь быспрыми шагами спѣшишь разлучишь насъ. Я почель бы себя слишкомъ неблагодарнымъ, еслибъ оставилъ здѣшній міръ, не повторивъ вамъ шеперь, любезный другъ, всѣхъ чувствъ благодарности, коими обязанъ вамъ по столькимъ причинамъ, и копорыя имѣлъ я удоволь-

спвіе изъявиль предъ цѣлымъ свѣпомъ. Такъ, если я и успѣлъ что нибудь, то симъ обязанъ вашему усердію: вы образовали, просвѣтили, научили меня познавать людей, да и вся армія обязана вамъ же искусствомъ и силою. Надежность вашихъ совѣсовъ во всѣхъ обстоятельствахъ, личная приверженность ко мнѣ, неизмѣнявшаяся ни въ какомъ случаѣ, важномъ или маловажномъ, — все сіе, любезный мой Маршалъ, лишаетъ меня возможности достойно возблагодарить васъ. Я видѣлъ ваши слезы обо мнѣ проливаемыя: слезы великаго и мудраго человѣка служатъ величайшею похвалою. Прощайте, любезный другъ! обнимаю васъ со всею нѣжностію искреннаго друга. Если я жалѣю о чемъ, оставляя здѣшній міръ, то единственно о маломъ числѣ друзей, между которыми вы занимаете первое мѣсто. Не забывайте меня, вашего нѣжнаго, вѣрнаго друга

Вѣна, 19 Февраля 1790.

Иосифа.

40.

*Отъ Фридриха II къ Римскому Императору
Иосифу II.*

Доказательства дружбы, которую Ваше Императорское Величество мнѣ оказываете, для меня неоцѣненны: ибо по истинѣ никто Васъ столь высоко не почитаетъ, и ежели смѣю сказать, никто столь много не любитъ, какъ я. Ежели непредвиди-

моя причины дѣлають разность во мнѣніяхъ политическихъ предметахъ, но не перемѣняють однакожь чувствованій, запечатленныхъ къ Вамъ въ моемъ сердцѣ. И какъ Вашему Императорскому Величеству угодно, чтобы говорилъ я Вамъ съ обыкновенною моею откровенностію о трудныхъ предметахъ, составляющихъ нынѣ главную цѣль нашихъ упражненій: то и готовъ исполнить желаніе Вашего Величества, съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы вы приняли мое чистосердечіе съ такою же благосклонностію, какъ и прежде. Прошу Васъ напередъ не думать, чтобы я, ослѣпленъ будучи глупымъ честолюбіемъ, возмнилъ сдѣлаться судіею Государей. Пламенные спраси погасли уже въ моихъ лѣтахъ, и не принадлежатъ болѣе къ сему времени; равнымъ образомъ и разумъ мой положилъ предѣлы просиранству моей дѣятельности. И такъ, когда принимаю участіе въ новѣйшихъ происшествіяхъ Баварскихъ, то происходитъ сіе отъ того, что оное дѣло сопряжено съ интересомъ всѣхъ Нѣмецкихъ Имперскихъ Князей, къ числу которыхъ и я принадлежу. Что же я сдѣлалъ? Я разсмапривалъ законы, государственное Нѣмецкое уснановленіе, спашью Веспфальскаго мира о Баваріи; все сіе сравнивалъ со случившимся происшествіемъ, дабы увидѣть, можно ли сіи законы и союзы согласить съ завладѣніемъ Баваріею; но долженъ признаться, что вмѣсто искомаго и желаннаго мною согласованія, нашелъ совсѣмъ проливное.

Впрочемъ будьте удостовѣрены Ваше Императорское Величество, что я никогда не смѣшиваю дѣлъ съ Вашею Особою. Вамъ угодно только со мною шутить. Нѣтъ, Государь, вамъ не надобно учить: каждое званіе, какое бы Вы на себя ни приняли, исправите съ успѣхомъ; Небо одарило Васъ самыми рѣдкими способностями. Вы изволили помнить, что Лукуллъ не предводительствовалъ еще никогда до того войскомъ, какъ Римскій Сенатъ послалъ его въ Понтъ. Едва лишь онъ туда прибылъ, тотчасъ явилъ опытъ своего искусства разбитіемъ Мидридаша. Если Ваше Императорское Величество выиграете побѣды, то буду я первый возвѣститель Вашей славы; но присовокупляю къ сему, что побѣды сіи не будутъ надо мною! Есмь и пребуду съ величайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію

Г о с у д а р ь !

Вашего Императорскаго Величества

вѣрный братъ

Ф р и д р и х ъ.

41.

*Отъ Римскаго Императора, Иосифа II
къ Фридриху II.*

Дружеское письмо, которое Ваше Величество ко мнѣ пишеть изволили, внутренно меня прогаешъ, и ежели бы по высокое по-

чпеніе, и истинное, смѣю сказать, дружесиво, копорыя всегда имѣлъ я къ Особѣ Вашей, могли еще болѣе усугубиться, по сіе письмо весьма къ сему было бы удобно. Я сообщу Ея Императорско-Королевскому Величеству заключающіяся въ ономъ мысли, достойныя поль великаго Мужа, какъ Ваше Величество. Могу васъ напередъ обнадежить, что Ея Величество дала уже Кобенцелю нужныя наставленія, чтобъ выслушать всѣ примирительныя договоры и на оныя согласиться, ежели они только будутъ приличны и возможны, какъ въ разсужденіи того, чѣмъ Ея Величество должна сама себѣ, такъ и въ разсужденіи того, чѣмъ она обязана своимъ владѣніямъ; дабы не только для настоящаго времени, но и для будущихъ временъ опдалить опъ обоюдныхъ нашихъ владѣній все, что можеть служишь поводомъ къ бѣдствіямъ войны. Сколь бы трудно дѣло сіе ни казалось, однакожь можно будетъ, если только прямо захотятъ произвести его въ дѣйство; и оба мы приобрѣтемъ гораздо справедливѣйшую славу, нежели какую можемъ намъ доставить всѣ наши побѣды. Моленія всѣхъ нашихъ подданныхъ, сохраненіе столь многихъ людей, будутъ для насъ прекраснѣйшими побѣдоносными знаками, какіе только приобрѣсти можно, и копорыхъ цѣну тѣ только чувствовашь могутъ, кои, подобно Вамъ, знаютъ прямо, что значить способствовашь счастью человѣческому!

Между тѣмъ, какъ Ваше Величество говорите со мною о средствахъ къ приобрѣтенію мира, кажется мнѣ, что ополчаесть Вы противу моего разума: ибо чрезъ мѣру лестныя похвалы, копорыя мнѣ приписываете, могли бы вскружить мнѣ голову, ежели бы не зналъ я довольно хорошо, чего еще не достаесть мнѣ въ разсужденіи опыта и способностей. Но сколь я по свойству моему ни отдаленъ отъ всякаго щеславія и похвалъ, долженъ однакожъ Вамъ признасться, что не могу равнодушень быть къ уваженію и похвалъ спрь добраго судіи, какъ Ваше Величество. Прошу Васъ быть удословреннѣмъ въ величайшихъ и совершеннѣйшихъ чувствованіяхъ высокопочитанія и искреннѣйшаго дружества, копорыя посвятилъ я Вамъ на всю мою жизнь, и съ которыми есмь

Вашего Величества
вѣрный братъ Іосифъ.

42.

Отъ Людовика XV Короля Французскаго, къ Фридриху II Королю Прусскому, о смерти Кардинала Флери.

Любезный братъ! лишившись Кардинала Флери, на котораго въ отпращеніи дѣлъ моихъ возлагалъ я всю довѣренность, и о мудрости и познаніяхъ коего никогда жалѣть не престану, — спѣшу самъ возобновить Вашему

Величеству увѣренія, какія онъ давалъ моимъ именемъ, и какія часто я преноручалъ ему повпорячь въ изъявленіе совершенной дружбы, коею я исполненъ къ Особѣ Вашего Величества, и въ доказательство искренняго и непремѣннаго моего желанія совѣтоваться съ Вами обо всемъ, что можетъ касаться до общей нашей пользы. Я не могу сомнѣваться, чтобъ Ваше Величество не соопвѣщивовали съ своей стороны моему желанію. Вы можете быть увѣрены, что во всѣхъ случаяхъ найдете во мнѣ равныя расположенія къ споспѣшествованію Вашей славы и Вашей пользы, и къ показанію, что я есмь, и проч.

Людовикъ.

43.

Отъ Фридриха II къ Маркизу д'Аржансу.

Мнѣніе швое, любезный мой Маркизь, о слогахъ Писателей гораздо основательнѣе, нежели разсужденія о Полистикъ; однако есть еще много, на что можно опвѣщивовать. 1) Я думаю, что слоги мой скорѣе можно узнать по нѣкопрымъ грамматическимъ погрѣшностямъ, нежели по обороту выражений. 2) Есть довольно людей, кои думаютъ и пишутъ свободно; для чегожъ не хочешь ты, чтобы подозрѣвали Женевскаго Руссо и поль многихъ другихъ неизвѣстныхъ мнѣ писателей, что шворенія ихъ столь же неосновательны, какъ и сіи? 3) Не можно ли думать, что важныя

дѣла, копорыми я слишкомъ занимаюсь, не позволяють мнѣ терять времени на писаніе бездѣлицъ? 4) Письма Кипайскія не заключають въ себѣ ничего дерзостнѣйшаго, какъ и Персидскія. Письмо Г-жи Пампадуръ походитъ болѣе на сочиненіе празднои Парижанки, нежели на сочиненіе Нѣмца, управляющаго арміею. Наконецъ, любезный мой Маркизь, если бы нужно было пиягаться по дѣлу моему въ судѣ, то я еще довольно имѣлъ бы причинъ къ оправданію своему передъ моими судіями. Не письмо Г-жи Помпадуръ виною продолженія войны: она совсѣмъ не знаетъ, что я тому причиною, и въ Парижѣ никто меня въ эпомъ не подозрѣваетъ; есть еще и другія причины, коихъ подробное исчисленіе было бы слишкомъ длинно и проспранно. И пакъ ты согласишься, что можно напередъ узнавать слѣдствія причинъ случайныхъ; а изъ сего можешь ли заключать, что всякая гадательная наука есть неблагодарная и обманчивая? И въ семь-то ремеслѣ принуждаю себя упражняться. Я бы лучше хотѣлъ плавать по проспранному Океану безъ мачтъ и компаса. Малая швоя опытность въ устройеніи Европейской полишки могла тебя въ семь удостовѣришь. Спо разъ въ день проклиною себя; но сіе мнѣ ни мало не помогаетъ. Поздравляю тебя, любезный мой Маркизь, что ты вступаешь въ число спихопворцевъ, а у меня походъ опнялъ совсѣмъ къ спихамъ охопу: она пропала, и я не могу написать ни одной строчки, до-

когда обстоятельство наши не будутъ благопріятнѣе нынѣшнихъ.

Тучи сходящіяся и предвѣщаютъ походъ: гроза еще въ облакахъ кроется; но избави Боже того мгновенія, въ которое она грянетъ! Прощай, любезный мой Маркизь. Желаю тебѣ всего того, чего не досаждаетъ мнѣ къ счастью, спокойствію, тишинѣ, довольствію и здравію. Болѣе пишешь мнѣ ничего. Крѣпость силъ моихъ изнемогаетъ; счастье, здоровье, веселость и юность меня ославляютъ; я уже ни къ чему болѣе не гоюсь, какъ для населенія царства Прозерпины. Если тебѣ надобно чтонибудь труда отправитъ, то мнѣ препоручи это дѣло.

Разсуждай о чувствованіяхъ моихъ, любезный мой Маркизь, какъ тебѣ угодно. Я вижу, что мы не согласны въ своихъ мнѣніяхъ, и что начала наши весьма различны между собою. Ты прилѣпленъ къ жизни подобно Сибаритѣ; а я взираю на смерть какъ Споикъ. Никогда не увижу того мгновенія, которое принудитъ меня заключить миръ невыгодный; никакія убѣжденія, никакое краснорѣчіе не возмогутъ преклонить меня къ подписанію моего безчестія. Или погребу себя подъ развалинами моего опечесства, или, если утѣшеніе сіе кажется еще весьма сладко судьбѣ, меня гонящей, окончу самъ свои несчастія, когда уже не досаждаетъ у меня болѣе силъ сносить оныя. Я послушалъ, да и продолжаю поступать слѣдуя внутреннему внушенію разума и тому чество-

любію, кои управляютьъ споами моими; поведеніе мое пребудетьъ всегда сообразно симъ началамъ.

Посвятивъ юныя лѣта моему ошцу, а зрѣлый возрастъ моему отечеству, кажется мнѣ, я приобрѣлъ довольное право располагать своею старостію. Я тебѣ о семъ уже говорилъ и еще поже повпоряю: никогда рука моя не подпишетъ поноснаго мира. Я рѣшилъ въ семъ походѣ на все опваживашься и предпринимашь самыя опчаянныя мѣры, чшобы имѣшь успѣхъ, или конецъ славный.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя примѣчанія о воинственныхъ дарованіяхъ Карла XII; но не изслѣдывалъ, должно ли ему было умерщвить себя, или нѣтъ. Мнѣ кажется, что, по взятіи Спральзунда, онъ бы поступилъ благоразумно, когда бы себя на шестъ свѣтъ опправилъ; но хопя бы онъ сіе сдѣлалъ, или нѣтъ, примѣръ его не соспавляетъ для меня правила. Генрихъ IV произошелъ отъ знатнаго дома, кошорый назидалъ его счастье; ему умерщвлять себя было не для чего. Лудовикъ XIV былъ великой Государь, онъ имѣлъ великія пособія и сохранялъ себя отъ опасности; я же хопя и не имѣю равныхъ ему силъ, но честь мнѣ любезнѣе, нежели ему; и я, какъ уже сказалъ тебѣ, никому не послѣдую. Отъ сошворенія міра считаемъ мы, кажется, пять тысячъ лѣтъ; думаю, что число сіе слишкомъ мало опноительно къ лѣтамъ вселенныя. — Бранденбургъ стоялъ еще гораздо прежде, нежели я произо-

шелъ на свѣтъ; онъ также будетъ спояшь и послѣ моей смерти. Государства поддерживаются размноженіемъ рода человѣческаго, и доколѣ будутъ трудиться о умноженіи существъ, дополѣ чернь будетъ управляема Министрами или Государями. Это почти все одно: нѣсколько болѣе глупости и нѣсколько болѣе благоразумія — различіе сіе споль мало, что цѣлостъ народа едва примѣпиль можно. И такъ не предспавляй мнѣ, любезный мой Маркизь, сего древняго обычая придворныхъ, и не воображай себѣ, чтобы предразсудки самолюбія и шщеславія могли обольспиль меня, или сколько нибудь перемѣнили мои мысли о свѣтѣ. Имѣя пятьдесятъ лѣтъ, сколько можно сыскашь причинъ къ презрѣнію жизни?

Мнѣ ничего болѣе не оспается, какъ шокмо спарость немощная и болѣзненная, печали, безпокойствіе, оскорбленія и шруды. Но истинѣ, если бы ты хорошенько вникнулъ въ мое состояніе, то бы менѣ спаль порицашь мои предпріятія. Я лишился всѣхъ друзей и любезнѣйшихъ моихъ сродниковъ; преперпѣваю всевозможныя несчастія; не оспается мнѣ никакой надежды; вижу непріятели надо мною ругающихся, и гордость ихъ уже приготавливается попрашь меня своими ногами. Ахъ, Маркизь!

Когда погибло все, надежды больше нѣтъ,
Поносна жизнь шогда, — и должно умереть.

Отъ Фридриха II къ Г. Кондорсетцу.

Чувствительнѣйше благодарю васъ за спараніе ваше о доставленіи мнѣ учителей, въ коихъ наша Академія великую перпишъ нужду. Я знаю, что пребудешь время, какъ для выбора людей, такъ и для того, чтообъ уговорить ихъ заспустить мѣста, имъ предлагаемыя; однако надѣюсь, что вы мнѣ доставите людей искусныхъ, за что я вамъ весьма буду благодаренъ.

Теперь приступаю къ опредѣленію о законахъ, кои Г. Беккарій споль хорошо изъяснилъ, и о коихъ вы писали съ нимъ согласно. Я совершенно одного съ вами мнѣнія, что судьи не должны бытъ шоропливы въ подписываніи своихъ приговоровъ, и что лучше спасти виноватаго, нежели погубить безвиннаго. Впрочемъ, дознавъ самымъ опытомъ, думаю, что не должно пренебрегать пѣхъ побужденій, коими люди управляются, то есть, наказаній и награжденій. Бываютъ такіе случаи, гдѣ лютость злодѣя заслуживаетъ лютое наказаніе. Убийцы и зажигатели, на примѣръ, заслуживаютъ смертную казнь, потому что они присвоили себѣ тиранскую власть въ человеческой жизни и ихъ собспвенности. Признаюсь, что вѣчное започеніе есть наказаніе жесточайшее смерти; но оно не споль поразительно, какъ то, которое совершается предъ глазами народа: ибо такія зрѣлища производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели напоминаніе о му-

Ченіи шѣхъ, кои въ шюрмахъ спрадають. Я въ своемъ Государствѣ сдѣлалъ все, что шолько могъ, для исправленія правосудія и для изпребленія злоупогребленій въ судилищахъ. Ангелы могли бы въ эшомъ совершенно успѣть, если бы захотѣли принять на себя шрудъ сей; но не имѣя никакого сношенія съ духами, мы принуждены упошреблять для услугъ своихъ людей, намъ подобныхъ, кои навсегда пребудуть весьма далеки опъ ихъ совершенства.

Фридрихъ.

45.

Отъ Фридриха II къ Г. Вольтеру.

Государь мой! вы меня одолжаете чувспвишельнѣйшимъ образомъ: я получаю пакеть на мое имя, узнаю надпись и печать; распечашываю, нахожу Меропу; чишаю, восхищаюсь, удивляюсь, и чувспвую шакую къ вамъ обязанность, какой на свѣтѣ болѣе бытъ невозможно. Меропа есть наилучшая изъ всѣхъ прагедій, какія шолько по сіе время находятся. Порядокъ въ ней соблюденъ со всею мудростію; ужась умножается при каждомъ явленіи, и маперняя горячность, соравненная съ любовію холодною, меня плѣнила совершенно. Признаюсь вамъ, что гласъ природы для меня кажешся безконечно убѣдительнѣе всѣхъ выраженій подлой спрасши. Въ стихахъ всюду блисшаетъ благородство, чувспвованія изобра-

жены съ достоинствомъ; словомъ: расположе-
 ніе сего сочиненія , изображеніе нравовъ, въ-
 рояпность, развязка — все сдѣлано споль сча-
 сливо и превосходно, что лучше желать не
 оспаешся. — Вы одни сполько въ свѣтѣ мо-
 жете сочинять такія шворенія, каково еспь
 Мерона. Она меня плѣвила, она меня восхи-
 тила, и я не переспалъ бы говорить о ней,
 если бы ваша скромность опть сего меня не
 удерживала. Хотя и не могу опплашить вамъ
 равнымъ, но не могу не изъявить вамъ моей
 благодарности. Пожалуйте примите сей пер-
 спень, копорый къ вамъ препровождаю въ
 знакъ воспоминанія шого удовольствія, копо-
 рое мнѣ сія неподобная штрагедія доставила.
 Если бы вы и ничего не сдѣлали, кромѣ Ме-
 ропы, шю и сего одного сочиненія довольно бы
 для преданія имени вашего вѣкамъ позднѣй-
 шимъ; шворенія ваши содѣлали бы двадцать
 великихъ Мужей достпойными безмерпныхъ
 славы. Чувспвительнѣйше благодарю васъ за
 ваше вниманіе, копорое вы мнѣ при всякомъ
 случаѣ показываеше. Оспаюсь все позади васъ,
 и сожалѣю, что не могу изобразить вамъ про-
 странства шѣхъ почшительныхъ чувспвован-
 ній, съ коими пребываю

Вашъ усерднѣйшій и преданнѣйшій другъ.

Отъ Фридриха II къ Маркизъ де Шаплетъ.

Огорченія добраго Вольпера чувствительного меня пронули, Государыня моя! Я почишаю друзей моихъ, и все, что касается до нихъ, пророгаешь меня сполько, какъ будто бы касалось до самого меня; но не люблю такихъ друзей, которые поступаютъ подобно спокойнымъ Эвменидамъ въ оперъ, когда друзья ихъ пребуютъ помощи. Я хочу вступишься за достойнаго Вольпера, хотя онъ и не просилъ меня о томъ; для сей причины буду писать съ слѣдующею почпою къ Маркизу Шешарди, и упопроблю всѣ мои силы, чтобы возвратилъ спокойствіе такому человѣку, который сполько прудился для удовольствія моего.

Вольперъ долженъ наслаждаться удовольствіемъ, презирая непріятелей своихъ; вопъ дѣйствительно все то, что онъ для себя можетъ сдѣлать. Онъ весьма унижилъ бы себя, если бы вступилъ съ ними въ споръ; и егоZERO слишкомъ благородно, чтобы сражаться прошивъ такого оружія, которое доволъ сполько имѣетъ силу, пока злость и безуміе подкрѣпляютъ его; почему мнѣ весьма пріятно, что онъ молчалъ вознамѣрился.

Вы, Государыня моя, наступаете на меня со стороны Физики, и я ни чѣмъ не могу спасшися, кромѣ бѣгства. Въ познаніи Натуры я сдѣлалъ споль малые успѣхи, что буду весьма осперегаться вступать въ споръ съ

вами. Впрочемъ съ охотою уступаю, что въ напурѣ есть много такихъ вещей, которыя опъ насъ сокрыты, и которыя, вѣроятно, навсегда пребудутъ таинственными.

Безъ дальняго пруда я нашель бы упѣшеніе, что не знаю скорой силы воздуха, сцѣпленія частей и проч., еслибъ имѣль счастье узнать васъ лично. И такъ повѣрьте: для меня шѣмъ болѣзненнѣе слышать, что вы будете на предѣлахъ земель родителя моего, что не могу воспользоваться сею близостию. Не знаю, что за отражающая сила устремляетъ меня противъ воли въ Пруссію; но чувствую при томъ, что есть во мнѣ и такая сила, которая направила бы меня совсѣмъ инымъ путемъ. Будьте въ семъ увѣрены, Государыня моя, какъ и въ чувствованіяхъ, съ которыми есмь

Вашъ преданнѣйшій слуга.

47.

Отъ Фридриха II къ Г. д'Аламберту.

Небольшое путешествіе, которое составляло при спа Французскихъ миль, не позволяло мнѣ, любезный мой Анаксагоръ, вскорѣ написать швое опвѣтствованіе. Я весьма радъ, что вы доволенъ изображеніемъ Вольперовымъ. Всякой по возможности силъ своихъ спарается предать безсмертію имя его. Хотя фарфоръ самъ по себѣ и не довольно долговѣченъ для шого челоука, котораго онъ изо-

бражаетъ ; но художники наши, воспламененные усердіемъ къ достоинствамъ подлинника, употребили все свое искусство и силы для содѣланія памяти его безсмертною; и я поспавляю себѣ за честь, что въ Берлинѣ спдали справедливость превосходнѣйшимъ дарованіямъ. Если ты думаешь, любезный мой, что я мечтаю управлять Европою, то весьма ошибаешься. Я живу какъ пустынный миролюбивѣйшій изъ смертныхъ. Воспожъ успокоенъ; Сѣверъ послѣ жестокой войны отдыхаешъ, и Галлы, сколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ никакой причины опасаться возмущеній. Я удивлялся поведенію младшаго вашего Короля, котораго безпокойства, проницательствомъ злыхъ людей возженныя, не поколебали, и который не уступилъ зловреднымъ покушеніямъ нѣкоторыхъ хулишелей правленія. Сей опытъ его великодушія содѣлаешъ впредь его царствованіе благополучнымъ. Люди, склонные къ переменамъ, его испытали; онъ прошиву ихъ успоялъ, поддержалъ своихъ Министровъ, и съ сихъ поръ никто уже не опважится на шаковыя предпріятія.

Я завожу теперь сто восемьдесятъ училищъ какъ Протестантскихъ, такъ и Каплическихъ, и почиаю себя Лякургомъ или Солономъ въ разсужденіи сего непросвѣщеннаго народа. Вообрази себѣ, каково это: въ сей несчастной странѣ права собственности неизвѣстны; вмѣсто всѣхъ законовъ, сильнѣй-

шій, не опасаясь наказанія, утѣсняетъ слабаго; но это уже кончилось, и впредь все приедено будетъ въ лучшей порядокъ. Прощай, любезный мой Анаксагоръ! ты сдѣлаешь весьма спасительное дѣло, если вздумаешь когданибудь посѣпить опшельника безпечнаго; однако я тебя не принуждаю. Ты живешь въ такомъ Государствѣ, гдѣ сполько дѣлъ и заботъ, что непремѣнный Секретарь Академіи не все по можешь дѣлать, чтобы ему хотѣлось.

Фридрихъ.

48.

Отъ Фридриха II къ Г. д'Аламберту.

Послѣ письма, предъ симъ мною къ тебѣ писаннаго, я еще дважды болень былъ подагрою. Это нѣсколько жестоко; однако теперь я разбранился съ сею негодною болѣзнію, которая по видимому совсѣмъ меня оставила. Я съ прискорбіемъ извѣстился, что тебя беспокоитъ простуда; но брэнная наша машина вмѣстѣ съ льшми ослабѣваетъ, и испощеваясь нечувствительно, готовится ко всецѣлому своему разрушенію. Впрочемъ моя подагра кланяется швоей простудѣ. Я желаю и надѣюсь, что ты скоро опть ее избавишься.

Прошедшая зима была у насъ жестока. Барометръ въ шѣ дни, въ кои была величайшая спужа, восходилъ до 18 градусовъ, двумя болѣе, нежели 1740 года; но такая спужа про-

должалась только три дня. Какъ хлѣбъ, такъ и плодоносныя деревья отъ сего ни мало не повредились, и въ самую опшпель, воспослѣдовавшую 20 Февраля, плошины на Рейнѣ, Эльбѣ, Одерѣ и Вислѣ оспались невредимы. Впрочемъ болѣзни своей не приписываю неумѣренности погоды: когда человекъ молодъ, то ни спужа холоднаго, ни зной жаркаго пояса не производить переменъ въ шлѣбъ крыкомъ и здоровомъ. Мнѣ хотѣлось знать, сколько времени желѣзные часы, употребляемые на колокольняхъ, простоятъ могутъ. Знапки меня увѣрили, что это уже много, когда они двадцать лѣтъ прослужатъ. И такъ не достойно ли удивленія, что нашъ родъ, коего органы и шлѣло соспавлены изъ брениа, сопротивляется долговременнѣе, и живетъ впрое и болѣе сихъ часовъ, соспавленныхъ изъ вещества столь пвердаго? Сверхъ того мы спрадаемъ, а часы не ощущають никакого болѣзненнаго чувствованія при своемъ поврежденіи; напрошивъ того мы наслаждались удовольствіями въ нашей юности, и при самой старости разумные люди все еще находятъ, чѣмъ увеселять себя.

49.

К ъ н е м у ж е .

Есть у насъ пословица, любезный мой д' Аламбертъ: *одно несгастіе влетѣть за со-*

бою другое, и сіе весьма справедливо. Не умѣлъ бы я, можетъ быть, сказать сему доспапочной причины; однакожь при всемъ помѣ доказываетъ опытъ, что часто сіе случается. Госпожа Жофрень впала въ разслабленіе, и какъ видно изъ примѣтъ, она будетъ чахнущъ до самой зимы, а тогда сдѣлается съ нею ужасной параличъ, который опъ насъ ее на всегда похишишь. Я соболѣзную объ ней опносительно къ себѣ и учености, копорую она почитала; но ты знаешь, любезный мой д'Аламбернъ, что она не безсмертна. Если въ точности разобратъ дѣло, мертвыхъ оплакивать не слѣдуетъ, а развѣ только друзей, которые ихъ лишаются. Жизнь человѣческая споль . ногимъ подвержена злоключеніямъ, что сей роковой минути, оканчивающей ихъ спраданія, болѣе должно радоваться, нежели дню рожденія; но обращать въ семъ случаѣ къ самому себѣ прискорбно по истинѣ. Сердце должно раздирашь опъ горести, когда придетъ время расставаться на всегда съ тѣми, кои заслуживали наше почтеніе своею добродѣтелию, довѣренность нашу своею честностию и привязанность не знаю какимъ-то сродствомъ, встрѣчающимся въ нашихъ нравахъ и образѣ мыслей. Я совершенно одного съ тобою въ помѣ мнѣнія, что въ наши лѣта не можно уже заводитъ новую дружбу: надобно ее снискивать въ юности, утверждать привычкою и сохранять взаимнымъ добродушіемъ. Но прошло наше время вступаешь въ

такіе союзы. Молодые люди не могутъ поступать согласно съ образомъ нашихъ мыслей. Всякое порожденіе имѣетъ свое собственное воспитаніе, и потому надобно держаться своихъ равесниковъ; а когда сіи насъ оспариваютъ, то заблаговременно должно приготовить за ними послѣдовать. Знаю, что чувствительныя души могутъ быть приведены въ крайнее сокрушеніе попереку друзей своихъ; но сколь также сладкими наслаждаются они при жизни удовольствіями, какія навсегда неизвѣстны пребудутъ жестокимъ сердцамъ и душамъ неоживотвореннымъ (хотя сомнѣваюсь, чпобъ таковыя существовали)! Но всѣ сіи размышленія, любезный мой д' Аламбертъ, ни сколько не утѣшаютъ. Должно намъ довольствоваться тѣмъ, что опъ насъ зависитъ. Когда приходишь на меня скука, я читаю претью книгу Лукреція, и это облегчаетъ меня. Правда, сіе средство на время только боль унимаетъ; но мы, для уврачеванія душевныхъ скорбей, другихъ пособій не имѣемъ.

50.

К ѵ н е л и ц ю ж е .

Я возвратился съ границъ Сарматскихъ, и весьма доволенъ, что добрался до своей хижины. Предоставлю Принцу Сальму и красавцамъ съ красными каблучками разпространять въ свѣтъ шумъ с своихъ именахъ и шалостяхъ. Старость моя отдаляетъ меня

опть ихъ сообщества. Она велишь мнѣ провождашь оспашки дней моихъ съ старыми своими друзьями: съ новыми не споить и пруда запѣвать знакомство. Чистая шакой приспуть, не подумай пожалуй, что у меня новыя какія нибудь печали: право нѣтъ ничего шакого. Но я вижу, что Парки допрядають нить дней моихъ. Ежедневная опытность научить примѣчать постепенное разрушеніе существа нашего. Частицы, вылетающія посредствомъ нечувствительнаго испаренія, различные ущербы нашего шѣла, какъ то: кровопусканія и проч., приучають насъ умирашь ежечасно; привыкши же перяшь части самихъ себя, можно равнодушно взирашь на все цѣлое разрушеніе состава нашего; но когда воображеніе угасаетъ, память измѣняетъ, глаза шупьютъ или вовсе закрываются: тогда большая часть людей, подстрекаемыхъ самолюбіемъ, вопіють прошиву времени, похищающаго у нихъ сіи собствнности, кои почитали они неподверженными поврежденію. Удивленіе, съ коимъ они взирали всегда на мнимыя совершенства свои, раждаетъ въ нихъ посмѣянія досшойное прискорбіе о потерѣ нѣкоторыхъ кратковременныхъ существу ихъ принадлежностей; но не помнятъ шого, что они были!

К ѡ немѹ же.

Печаль швоя, которую я примѣчаю изъ послѣдняго письма швоего, меня чувспвипельно шрогаешъ. Кажешся, что ты также рощешъ шрошиву сложенія швоего и шчасшя. Мы оба стары и оба близки къ концу пуши нашего. Надобно старашся кончить его весело. Если бы мы были безшмершны, то позволительно было бы намъ сокрушашся о несчасшяхъ; но нишъ жизни нашей корощка, и мы никакъ не должны прилѣпляшся къ предметамъ, которые вскорѣ навсегда исчезнушъ изъ глазъ нашихъ. Ты говоришъ, любезный мой Анаксагоръ, что не имѣешъ шой крѣпосши и шѣхъ силъ, какія имѣлъ на 17-мъ году; и я шакже. Эшо учашъ спариковъ. Я забываю даже имена друзей своихъ: силы ума моего ослабѣли, ноги едва бродяшъ, глаза худо видяшъ, и я имѣю шакже свои заботы, какъ всѣ прочіе; однакожь весь эшотъ соборъ слабосней и печалей не преияшспвуешъ мнѣ веселиться, и я, кажешся, сохраняю веселый свой видъ и шогда, когда погребашъ меня шанушъ. И шакъ старайся и ты удалишъ отъ себя все шю, что нарушашетъ спокойствіе жизни. Помни, что жизнь наша не иное что ешъ, какъ сонъ, который, какъ скоро проходитъ, ничего по себѣ не оставляешъ. Предвижу съ прискорбіемъ, что мнѣ должно опречся удовольствія еще съ шобою видѣшся, и что бесѣда наша будетъ состояшъ

только въ помъ, что чернымъ станемъ песпришь бѣлое. Но это лучше, нежели ничего. И такъ ты будешь писать, а я буду пѣмъ пользоваться.

52.

Отъ Фридриха II къ Гоардану.

Любезный Гоарданъ! мы пупешествуемъ около шрехъ недѣль. Здѣсь такъ жарко, какъ будто бы сидимъ на солнцѣ, и шакая пыль, что облака дѣлають насъ невидимыми для всѣхъ въпереди идущихъ. При всемъ помъ мы продолжаемъ путь какъ Ангелы, то есть: безъ сна и почти безъ вды. Если сіе продолжится, то мы всѣ загрузѣемъ, и способности наши припуниятся, и силы ума испощанся. Но я шеперь въ сравненіяхъ, и весьма не кшапи пеку себя на Гиперборейскихъ лучахъ.

Парочку новостей. Мы всѣ находимся въ добромъ здоровѣ. Король подарилъ мнѣ конской заводъ, кошорый нынѣ приноситъ отъ десяти до двенадцати тысячъ доходу, а чрезъ нѣсколько лѣшъ можетъ приноситъ отъ шестнадцати до осьмнадцати. Я увѣренъ, что сей подарокъ и для тебя пріятенъ, пошому что и ты получишь часточку; и погда я увижу прекраснѣйшихъ моихъ Прусскихъ лошадей въ библиотекѣ швоей въ книги превращенными.

Прости, любезный Гоарданъ. Не забывай шѣхъ, кошорымъ коловрашная и нешостоянная судьба опредѣлила блуждашь по спранамъ

съ Гиперборейскими сосѣдными народами, и въздыхашь о пишинѣ и спокойствіи. Почтеніе мое мыслящимъ, дѣйствишельно мыслящимъ Берлинскимъ существамъ.

53.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Іоарданъ! шы премилой человекъ въ свѣпѣ. Каждый день получаю отъ тебя новыя піесы, — шы присылаешь мнѣ Вольтеровы письма, да и самъ пишешь прекрасныя. Я ничего не могу послать тебѣ за споль хорошія вещи: ибо сія споль въ лошадяхъ изобильная и споль хорошо въздѣлываемая и населенная земля не производитъ ни одинаго мыслящаго существа. Увѣряю тебя, что ежели пробуду здѣсь долго, то поперяю и послѣдній человѣческой смыслъ, копораго имѣю нѣсколько. Но, благодаря Бога, зло сіе предупреждено! Въ Субботу опѣвзаю до восхожденія дневной планеты, и думаю бытъ во Впорникъ въ Берлинѣ прежде, нежели земля во вседневномъ своемъ печеніи поперяетъ всемірное око изъ виду.

Это въ самомъ дѣлѣ прекрасно, и я поспорю съ Госпожею Скудери, какъ и съ Господами Сарразиномъ, Бальзакомъ и Вуашюромъ, что они въ жизни своей не наслаждались прекраснѣйшимъ Фебомъ. Теперь шружусь надъ предисловіемъ къ Генриадѣ, и надѣюсь, что шы будешь имъ доволенъ. Здѣсь

нашелъ я пространныя поле для сплешенія похвалъ; но я пишу только правду и такія испины, которыя принесуть сочинителю удовольствіе и не оскорбятъ нѣжности публики.

Тебѣ съ Цезаріономъ въ Берлинѣ въ тысячу разъ лучше, нежели мнѣ здѣсь. Я лучше согласился бы умереть, нежели бытъ въ сихъ мѣстахъ. Не знаю, что такое преступило мою спихотворческую силу, и не нахожу, согласна ли сія земля съ здравомысліемъ, или взиралъ ли когда на нее богъ спихотворства благосклоннымъ окомъ; но что вещество дѣйствуетъ здѣсь сильно надъ духомъ, сіе чувствую довольно. Въ Субботу полечу отсюда подобно камню, изъ праща брошенному. Прости, любезный Іоарданъ. Я швой слуга, и повергаюсь въ пѣнь швоей учености, подобно горлицѣ, скрывающейся въ дуплѣ дерева для избѣжанія сильной бури и смертоносныхъ когтей хищнаго ястреба.

54.

Къ немцу же.

Пишу къ тебѣ изъ лагеря, гдѣ окружающая опасность приводитъ въ искушеніе мужество наше. Куда тысячи пигмеевъ Марсовой службы, иначе гусарами именуемыхъ, подъвзжаютъ по двадцати разъ въ день для пожеланія намъ доброй ночи, откуда морширы и бойни производятъ адское пламя на Бригъ,

въ семь лагерѣ страха, гдѣ все угрожаетъ смертію, живемъ мы въ мирѣ и спокойствіи. Не все, что блещетъ, есть золото.

Ты видишь, Государь мой, изъ всего хорошаго, о чемъ имѣю честь писать къ тебѣ, сколь много можешь дѣйствовать робость. Я ласкался доселѣ, но безъ причины, что ты оживишь меня нѣкопорымъ явленіемъ; но мы сполько опспоимъ опъ опасностей, что я сомнѣваюсь, получу ли тебя пакъ скоро. Сказываютъ, будто твоя послѣдняя поѣздка причинила тебѣ споль великіе прицадки, что Бреславскіе врачи принуждены были употребить всевозможныя крѣпительныя для прекращенія тѣхъ дѣйствій, какія великая оспорожность твоя произвела надъ сложеніемъ твоимъ.

Ты знаешь уже, что Бригъ сдался; мы нашли его кругомъ обоего рода окопами обнесеннымъ. — Радуйся, что ты счастливо избѣгъ глазнаго шшурма; иначе тыбъ уѣхалъ, можешь быть, въ рай на бомбѣ. Ахъ. бѣдный Іоарданъ! что сказала бы тогда библіотека твоя, прекрасный Горацій, Маргошь де ла Блоншь, и проч.?

Чтобъ не отвлечь тебя опъ прилѣжнаго ученія, я кончу сіе письмо, которое, можешь быть, кажешся тебѣ длиннымъ, и увѣряю, что впредь буду по болѣе вычернивать. Будь увѣренъ, что, не смотря на сіи малые упреки, какіе теперь тебѣ сдѣлалъ, я почитаю тебя въ моемъ лагерѣ сполько, сколько возможно

въ Порпикѣ и Лицеѣ, и моя милость при
достоинствахъ друга не думаетъ о недоспап-
кахъ шруса. Прощай.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Иоарданъ! ты думаешь, что мы
уже въ сраженіи, о которомъ не благоволишь
твое мужество? Ты думаешь, что наше хра-
брое войско, будучи разпалено чрезмѣрною
яростію, разсѣиваетъ всюду по симъ полямъ
всадниковъ и гусаровъ? Такъ! шакъ, господинъ
Философъ! Удобнѣе сдѣлашь сто догадокъ,
прежде нежели получишь малое преимущество
надъ однимъ бдительнымъ непріателемъ. По-
дожди, когда солнце возведетъ для насъ пре-
красную зарю, и когда луна будетъ благо-
склонна. Кормчій ожидаетъ всегда благопріят-
ной минушы для снятія якоря, и безопасную
приспашь оставляетъ тогда, когда Эоль на-
дуваетъ паруса.

Такой благопріятной минушы ожидаемъ
и мы для счастливаго совершенія своего дѣла.
Наши пригошвленія не сдѣлаютъ больше про-
маха, и думаю, что мнѣ не меньшею будущъ
обязаны благодарностію, хопя пуцусь и на
вѣрную игру.

Мы имѣемъ здѣсь прекрасный видъ. Си-
лезія представляетъ плѣнительнѣйшій ланд-
шафтъ; мужественное и многочисленное вой-

ско, копорое споишь въ ней, служишь ей не малымъ украшеніемъ.

Прости, другъ мой, Іоарданъ! Поклонись отъ меня Философіи, и скажи ей, что увижусь съ нею на зимней квартирѣ. Увѣрь и изящныя науки, что я имъ назначаю шамъ мѣсто свиданія. Ежели я пресѣкъ обращеніе мое съ ними на нѣкоторое время, то пресѣкъ не навсегда, а только для того, члпобъ по окончаніи похода возобновить оное съ большимъ вкусомъ и удовольствіемъ.

Вашего правосудія, вашей учености, Философіи, а особливо похвальнаго обхожденія, есмь и буду

великой другъ и обожатель.

56.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Любезный Іоарданъ! что мнѣ описать къ тебѣ отсюда? Новостей нѣтъ. Мы въ дорогѣ, идемъ блокировать Бриннъ; въ Гедингенъ взяли при спа человекъ въ плѣнъ, а возьмемъ и больше, и будемъ продолжашъ войну съ большимъ прежняго жаромъ. Суди теперь самъ, буду ли я въ Берлинъ и близокъ ли миръ? Сей годъ, думается мнѣ, окажетъ большія происшествія, нежели прошедшій. Дѣла запусываются часъ отъ часу болѣе. Думаю, что человѣческая мудрость совершенно не въ состояніи судить о нихъ основательно при столь кришическомъ положеніи. Время сни-

мешъ завѣсу, копорюю покрышы пенерь про-
исшестія, и тогда откроются новыя явленія.
Въ Вѣнѣ видѣли комешу, и всѣ говорятъ шамъ,
что она предзнаменуетъ счастье. Я же съ
моей стороны не вѣрю тому, и думаю, что
гороскопы надобно устремлять не на небо, но
на землю. О предпріятіяхъ и успѣхахъ судить
не иначе можно, какъ только по хорошимъ и
счастливымъ мѣрамъ, изъ здраваго рассу-
жденія почерпнушимъ, и по скорой и прилич-
ной рѣшимости.

Будь здоровъ, любезный Іоарданъ. Кажется,
я замучилъ тебя болшовспвомъ моимъ, но не
дружествомъ и почтеніемъ. Прощай.

57.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Фридрихъ Іоардану здравія желаетъ. Наши
проклятые Французы порпяютъ все, что я
привожу въ порядокъ. Императоръ и Король
Французскій избрали добрыхъ воронъ для
войны въ Баваріи. Они даютъ Кевенгуллеру
переходить чрезъ Дунай при своихъ глазахъ.
Не можно перечестъ всѣхъ погрѣшностей,
какія они сдѣлали. Чтожь выдешъ изъ сего?
То, что все бремя войны упадетъ на меня.
Изрядное утѣшеніе дѣлають завоеванія для дру-
гихъ! Принцъ Карлъ пошелъ къ Молдавіи для
нападенія на Фельдмаршала фонъ Броглю, ко-
порый стоить при Фрауенбергѣ. Бель-Иль въ
Дрезденѣ, а Саксонцы на своихъ границахъ.

Какая пупанница! Вопшь крипическое время сего года! Чрезъ двѣ недѣли явленіе сіе объяснился.

Увѣдомь меня, что говоряшь о послѣднемъ сраженіи. Гремилъ ли оно, принимаешь ли народъ участіе въ немъ, вѣряшь ли, что армія моя въ состояніи побивать непріятелей, и приписывають ли мнѣ знанія въ военномъ искусствѣ? словомъ, увѣдомь меня обо всемъ, что касается до сего предмета.

Богъ знаетъ, когда мнѣ можно будетъ бесѣдовать съ нобою въ очаровательномъ уединеніи, и говоришь разумно, удалясь вихрей и суешности большаго свѣта. Опасаюсь, чтобъ сіе желанное время не далѣе отспояло, нежели какъ думаю; а между тѣмъ я чишаю и думаю много. Можешь бышь пы найдешь меня умнѣе прежняго; но лучше ли? и самъ не знаю.

Поклонись опъ меня другу моему, копорый боленъ и сердцемъ и шѣломъ. Скажи Польницу, что не опвѣчаю ему для того, что дѣлъ много; но письма его пріятны, и онъ не худо сдѣлаешь, ежели будетъ писать ко мнѣ чаще.

Прости, любезный Іоарданъ. О почтеніи, дружествѣ и о всѣхъ чувствованіяхъ преданнѣйшаго слуги швоего не говорю ничего.

Отъ Фридриха II къ нему же.

Фридрихъ Іоардану здравія желаетъ. Наконецъ настала минуша нашего опъзда въ

Богемію, въ которой наши Офицеры комплексовали команды свои и кошельки, въ которой мы били Австрійцевъ, и изъ которой выгнали бы ихъ, еслибъ сохраненіе Прусской крови не предпочиталъ тщешной славы низпровергнувъ несчастную госложу и разоренную землю. Съ сими благополучными предзнаменованіями возвращусь въ мое опечество, гдѣ ничто бодьше не прерветъ продолженія народнаго мира и спокойствія, кромѣ наглости и насилія моихъ сосѣдовъ. Я чувствившенъ къ одобренію, какое ты приписываешь моему поведенію, и надѣюсь, что вътренняя, легкомысленная и безразсудная чернь начнетъ имѣть по крайней мѣрѣ хотя нѣкоторую довѣренность ко мнѣ, и не будетъ почитать такъ глупымъ, какъ почитала сначала.

Изъ осьмидневнаго пруда не можно судить о способности человека, а особливо въ дѣлахъ. Публика не знаетъ пружинъ ихъ; она обо всемъ имѣетъ грубыя понятія и ослѣпляется предразсудками. Она вѣритъ неосновательнымъ городскимъ слухамъ, и на сихъ споль бездѣльныхъ понятіяхъ созидаетъ систему, и думаетъ, что правленіе дѣлаетъ весьма худо, когда не слѣдуетъ ей. Но ежели сравнишь ложные поступки, какіе учинилъ бы полищикъ, слѣдуя слѣпо совѣтамъ ея, съ разными оборотами управляющихъ дѣлами; то увидѣли бы, что первой дѣлаетъ преглупныя ошибки, а вторые слѣдуютъ разумной и

связной системою. Но какъ большая частьъ людей неразумны, по и невозможно, чтобъ они судили хорошо о поведеніи шѣхъ, копорыхъ ни намѣренія, ни средства имъ не извѣсны.

Жалко, что дѣйствія спашскихъ людей подвержены суду великаго множества такихъ цѣнителей, копорые си оль же мало могутъ судить, сколь оныя рѣшительные люди, копорыхъ праздноствъ и злословіе дѣлаютъ полишниками. Но сіи досады весьма маловажны для человека, посвятившаго себя Государственной службѣ. Ты жалуешься на заботы, имѣя подъ своимъ смотрѣніемъ около двадцати нищихъ; а я предводительствую и кормлю милліоны, но не жалуясь. Ты лѣнивъ, и теперь только примѣнилъ, что удобнѣе управляешь Парнасскими дѣлами, нежели общественными.

Прошивъ сего нравоученія я не могу сказать ничего. Однако прими увѣренія мои въ искреннемъ почтеніи и во всѣхъ шѣхъ чувствованіяхъ, съ копорыми есмь и буду

Фридрихъ.

59.

Отъ Принцессы Гонзагъ къ ея пріятельницѣ.

Твое письмо несказанно меня пронуло: въ немъ видна вся душа швоя; она сама перомъ швоимъ водила. Такъ, милая! она одна умѣетъ такъ испинно выражать чувства; умъ можетъ украшать ихъ словами, но слова всегда холодны. Изъявленіе швоей радости о моемъ

бракъ такъ живо представляешъ мнѣ движенія своего сердца, что я, читая, мысленно на себя смотрѣла, мысленно тебя слушала. Сія пріятная мечта дружбы сближаетъ насъ вопреки распоянію. Сколько разъ брала я перо прежде моего отъѣзда! какъ много хотѣла тебѣ сказать! Но приближеніе той минуты, которая должна была рѣшить мою судьбу, такъ волновало душу мою, что я ничего не могла дѣлать — только чувствовала. Живыя впечатлѣнія радости восхищаютъ душу за предѣлы счастья.

Обрядъ нашего бракосочетанія совершился съ прогашельною важностію. Авиньонскій Архіепископъ далъ намъ брачное благословеніе въ церкви своей, украшенной цвѣтами, подобно храму Гименея. Но въ эту самую минуту залилась я слезами, живо почувствовалъ поперю нѣжнѣйшаго отца, лучшаго изъ людей. Всѣ раны души моей раскрылись; казалось, что я снова перяла его. Сердце мое просило, искало его; я смѣшивала его имя съ именемъ моего супруга. Какое положеніе! Не было ли оно печальнымъ предчувствіемъ? Въ самомъ счастіи одна горестъ занимала мою душу.

Черезъ часъ послѣ церемоніи мы поѣхали; свадебнымъ нашимъ пиршествомъ былъ сельской обѣдъ, дорогою, въ чистомъ полѣ, на пріятномъ лугу, гдѣ пріятные ручейки извивались. Пшеницы, цвѣпы, зефиры, прелестной

видъ природы — все, казалось, праздновало нашъ бракъ. Наше путешествованіе было довольно счастливо до самыхъ Альпійскихъ горъ; но шупъ овладѣлъ нами ужасъ. Попробны очень живыя краски, чшобъ изобразить сіи дикія мѣста, гдѣ необразованная природа едва выходитъ изъ хаоса.

Мы шли по слѣдамъ Аннибала. Если тогда Альпійскія горы не были приспуннѣ, то жаль мнѣ Карфагенскаго полководца, его арміи и слоновъ. Чшо дѣлать шупъ величайшему изъ Героевъ, и самому Аннибалу? Подобныя трудности не шакъ легко побѣдишь, какъ людей и государшва. Лукавство и хитрость должны осшашься здѣсь безъ всякаго дѣйсшвія.

Вообрази, другъ мой, цѣпь горъ, проспершихся подлѣ моря на 160 миль; вершина ихъ въ облакахъ перьяется. Однѣ бесплодны, голы и усѣяны скалами; другія, увѣнчанныя густымъ лѣсомъ, пересѣкаются глубокими долинами. Смотри, какъ мы въ носилкахъ взбираемся на сіи страшныя горы пропинами излучистыми. Съ одной стороны пропасть, съ другой грозная стихія, яростнымъ ревомъ зовущая къ себѣ ужасную смерть. Иногда были мы на верху горъ посреди облаковъ, иногда въ безднахъ; вездѣ пропасти, стремнины; только бури не доставало въ нашемъ странствіи. На другой день небо стало сумрачно; черныя облака предвѣщали грозу. На вершинѣ горы было еще свѣтло; мы видѣли, какъ буря соспавля-

лась подъ нашими ногами. Солнце еще свѣсило, но казалось блѣдно и печальнѣе мглы, — попомъ совсѣмъ зашмилось. Облака распворились, вѣпры завыли, и дождь въ попомъ превращился; градъ сыпался, молнія блиспала надъ головами нашими; громъ глухо раздавался по долинамъ. Мы почти не знали, куда шли при сверканіи молніи, на краю пропастей, всходя и спускаясь по огромнымъ скаламъ. Наши носильщнки, изъ которыхъ каждого поддержи- вали двое другихъ, иногда прыгали съ камня на камень, иногда съ прудомъ передвигали ноги, — и носилки наши, казалось, висѣли на воздухъ между спрашными пропастями и моремъ, кипѣвшимъ въ безднахъ. Я шрепешала на каждомъ шагу; не смерти боялась — нѣшъ! никогда я шакъ живо не чувспвовала, что въ опасности присущствіе милыхъ людей отдѣ- ляетъ насъ отъ самихъ себя: одинъ супругъ мой былъ у меня передъ глазами.

Дикая природа видна шамъ во всей суро- вости своей; шамъ нѣшъ слѣда человѣческаго, хопя подъ ногами города и деревни. Съ прудомъ можно найти убѣжище отъ грозы или во время ночи. Первые двѣ провели мы въ па- спушьей хижинѣ; на шретій день увидѣли маленькой домикъ у подошвы горъ, и сошли къ нему. Можно ли было ожидать привѣшли- вости въ пооль дикихъ мѣспахъ? Лишь полько мы расположились отдыхашъ, добрые люди изъ сосѣдняго города явились предложитъ намъ всѣ услуги спраннопріимства, съ такою учши-

воспїю, которая происходишь ошь чловѣколюбїя, ошь добраго сердца, и пошому всегда душѣ прїятна. И шакъ мы провели два дни въ Онеглии, городкѣ, принадлежащемъ Генуезской республикѣ, гдѣ, какъ нельзя лучше, угощили насъ.

Прїяпность и плодородїе, видимыя у подошвы сихъ горъ, сосшавляють прекрасную и удивительную пропивоположность съ суровоспїю и безплодїемъ ихъ вершинъ. Померанцевыя лѣса; холмики, увѣнчанные оливковыми деревьями; долины, покрышыя благовонными травами и кустарниками; блистательныя цвѣшны, которыми украшена земля и благоухаешъ воздухъ; города и деревни, поселенныя или въ долинахъ, или на холмахъ, или на равнинѣ по берегу моря; красота, великолѣпїе сей картины, которая продолжается ошь Нисы до Генуи, досшойны самой природы споль милой и щедрой въ мѣстахъ, гдѣ вѣчная весна царсшвуетъ.

По крупымъ шропинкамъ добрались мы до Савоны, гдѣ ненаспливое время задержало насъ. Въ ожиданїи ясной погоды обходила я церкви. Въ одной замѣшила картину, дающую понятїе о вкусѣ новѣйшихъ Италїянцевъ. На ней изображены Адамъ и Евва въ шомъ райскомъ саду, гдѣ Богъ сотворилъ ихъ; шупъ дерево съ плодомъ, искусившимъ Евву своею красотою, и змїй, уговаривающїй ее съ весьма ласковымъ видомъ. Они безъ сомнѣнїя еще невинны, пошому что на нихъ нѣшъ плашья, грѣхомъ вы-

мысленнаго. Невинность вездѣ хороша, особливо во храмѣ. Но на сей разъ лучше бы изобразишь ихъ виновными; по крайней мѣрѣ это было бы приспойнѣе. Сладостірастіе и суевѣріе — вотъ девизъ Ипаліянцева!

Гроза утихла, облака разнеслись, ивилось солнце: намъ можно было оппавишься въ пущь. Наконецъ въ Сеспри сѣли мы въ карешу, оставивъ носилки, эпошъ несносный экипажъ, кошорый упомляешъ, а не покоишъ человекъ. Я согласилась бы лучше идши пѣшкомъ, нежели пряснись по дорогѣ, окруженной спремнинами. Идучи, я шолько успала бы, а не имѣла въ глазахъ горесшной картины людей, служащихъ вмѣсто скоповъ.

Проспи. Обнимаю тебя опъ всего сердца.

Гонзагб.

60.

*Отъ Ангелійской Королевы Елисаветы къ
Адмиралу Геварду.*

Господинъ Адмиралъ!

Извѣстіе, полученное нами опъ Генераловъ нашихъ о происшедшемъ въ предпріятой противъ Гишпанскихъ береговъ экспедиціи, имѣвшей шоль благополучные успѣхи, произвело еъ насъ радость для многихъ причинъ; особливо потому, что намъ донесено, что нарочитая часпъ сей преславной побѣды, одержанной нами надъ Гишпанцами, принадлежишъ

вашей храбрости, благоразумнымъ поступкамъ, искусству и трудолюбію вашему, такъ какъ и прилѣжности прочихъ вашихъ добродѣтелей, сражавшихся подъ вашимъ руководствомъ; и вы изъявили въ семъ случаѣ поликую мудрость, что приобрѣли себѣ почтеніе отъ всего нашего народа и великую славу во всемъ свѣтѣ. Все сіе преисполнило сердце наше веселіемъ; и мы за благо разсудили засвидѣтельствовать вамъ свою благодарность, ощущаемую нами за поль великія оказанныя вами услуги. Не имѣя къ сему теперь инаго случая, посредствомъ котораго можно бы оную изъявить, кромѣ письма нашего, приступаемъ къ сему охотно: ибо вы изъ него увидите, въ какомъ почтеніи вы у насъ обрѣщаетесь, въ ожиданіи того, какъ мы можемъ сіе доказать на самомъ дѣлѣ. Но мы не знаемъ, съ чего начать, дабы изъяснить чувство сердца нашего, ощущающаго великія ваши достоинства. Не токмо мы, но даже и чужестранные народы знаютъ, что ревность и поспѣшность, съ которыми Шпаны засвидѣтельствовали оное участіе въ предпріятіи, имѣющемъ по себѣ поль важныя для насъ слѣдствія, не позволяющъ намъ сомнѣваться, что добродѣтельство, изъявленное нами Соединеннымъ Провинціямъ, и услуги, полученные ими отъ насъ, употреблены не вошще. Впрочемъ мужество ваше, великодушіе, искусство, оказанныя вами въ сей экспедиціи, и рѣдкое благоразуміе въ поступкахъ, ясно изъ-

являются, что вы и весь народъ вашъ до-
стойны почтенія и мужества всѣхъ Государей,
которые охотно помогли бы вамъ пропить
неприятелей, желающихъ утѣснить васъ. Но
благодѣяніе и дружба, засвидѣтельствованныя
вами къ сроднику нашему Графу Эссексу, въж-
ливости и ласки, употребленныя къ нему отъ
васъ съ самаго его въ сію землю возвращенія,
и помощь, данная ему вами тогда, когда буря
опхватила корабль его отъ флота, въ ночную
пору и во время очевидной гибели, когда вы
спасли его благоразумнымъ вашимъ распоря-
женіемъ, и препроводили благополучно даже
до самаго порша въ Плимупъ — довольно до-
казываютъ великодушіе ваше и твердость
въ величайшихъ опасностяхъ, такъ какъ
и совершенную проницательность, всегда
предупреждавшую несчастія, въ которыхъ сей
Графъ безъ васъ неминуемо впалъ бы, и ко-
торые лишили бы насъ славы столь великія
побѣды. Благодарность, которую мы чув-
ствуемъ за всѣ сіи услуги, весьма увеличи-
ваетъ обязанность нашу къ вамъ, и столь
сильно объемлетъ душу нашу, что мы не
могли уже больше медлить, чтобъ не засви-
дѣтельствованы вамъ того чрезъ сіе письмо,
которое просимъ васъ сообщить всѣмъ на-
шимъ доброжелателямъ, служившимъ подъ ру-
ководствомъ вашимъ, и обнадежить ихъ име-
немъ нашимъ, что когда мы изъявили уже
дружество къ вашему отечеству въ крайнѣй-
шихъ его нуждахъ, то нынѣ мы склонны болѣе

прежняго къ изъявленію нашего почтенія вашему народу, шолікимъ мужествомъ и храбростію ознаменованному, и наконецъ мы ощущаемъ въ себѣ къ Соединеннымъ Провинціямъ такую чувствительность, какую шолько Государыня имѣшь можеть; съ чѣмъ навсегда и пребываю вамъ доброжелательствующая

Елисавета.

61.

Отъ Французскаго Императора - Наполеона Бонапарте, бывшаго первылѣ Консуломъ Французской Республики, къ Англійскому Королю Георгу III.

Призванный желаніемъ Французской націи занять первое мѣсто въ Республикѣ Французской, я почишаю нужнымъ, всшупивъ въ исполненіе должности моей, обратишься прямо къ Вашему Величеству. Война, опустошающая уже болѣе чешырехъ лѣтъ всѣ части свѣта, неужели должна быть вѣчною? Какъ могутъ двѣ самыя просвѣщеннѣйшія націи въ Европѣ, имѣющія болѣе могущества и силы, нежели сколько пребуешъ ихъ безопасность и независимость, приносить въ жертву мнѣнію суетнаго величія благо, соединяющее въ себѣ внутреннее благоденствіе и счастье семействъ! Неужели не чувствуюшъ онѣ, что миръ равно славенъ, какъ и нуженъ? Сіи ощущенія не могутъ быть чужды сердцу Вашего Величества, владѣющаго вольною націею съ шѣмъ шолько,

чтобъ содѣлать ее счастливою. Ваше Величество усмотрите изъ сего признанія, что истинное мое желаніе состоить въ томъ, чтобъ споспѣшествовать всѣми силами къ возстановленію общей тишины, и чрезъ то избѣгнуть пѣхъ обрядовъ, которые нужны, можетъ быть, для сокрытія зависимости слабыхъ Государствъ, но въ сильныхъ не иное что показываютъ, какъ взаимное желаніе обманывать другъ друга. Франція и Англія, обманываясь въ своихъ силахъ, могутъ долго еще къ несчастію всѣхъ націй, удерживать минушу своего совершеннаго истощенія: однакожь, смѣю сказать, участь всѣхъ просвященныхъ націй соединена съ окончаніемъ войны, запустывающей цѣлый свѣтъ.

Наполеонъ Бонапартъ.

62.

Отъ Г. Вольтера къ Польскому Королю Станиславу.

Я всегда долженъ только благодарить Ваше Величество. Я узналъ Васъ по однѣмъ благошвореніямъ, которыми пріобрѣли Вы прекрасное свое шило. Вы просвѣщаете, украшаете и облегчаете свѣтъ, подаете правила и примѣры. Я старался пользоваться издали тѣми и другими, сколько могъ. Надобно, чтобы каждый въ хижинѣ своей дѣлалъ соразмѣрно столько добра, сколько Ваше Величество дѣлаете въ обласпяхъ своихъ: Вы воздвигли

прекрасныя Королевскія церкви; я спрою деревенскія. *Диогенъ* капалъ бочку свою, когда Аѳиняне строили флоты. Если Вы помогаете многимъ несчастнымъ, то мы, малые люди, должны помогать хотя немногимъ. Обязанность Государей и частныхъ людей состоятъ въ томъ, чтобы каждый въ своемъ состояніи дѣлалъ добро, какое только можетъ. Последняя книга Вашего Величества, присланная мнѣ отъ Васъ чрезъ любезнаго брата *Менца*, есть новая услуга, которую Ваше Величество дѣлаете роду человѣческому. Если когда нибудь будетъ какой безбожникъ въ свѣтъ (чего я не думаю), то Ваша книга постыдитъ ужасное невѣжество этого человѣка. Философы нашего вѣка къ счастью предупредили старанія Вашего Величества: Вы благословяете Бога — безъ сомнѣнія за то, что послѣ *Декарта* и *Невтона* нѣтъ ни одного безбожника въ Европѣ. Ваше Величество удивительнымъ образомъ опровергаете мнѣніе тѣхъ, которые нѣкогда думали, что одинъ случай могъ способствовать образованію сего міра. Безъ сомнѣнія Вы чувствуете чрезвычайное удовольствіе отъ увѣренности, что нѣтъ ни одного философа нашихъ временъ, который бы не почивалъ случай словомъ безсмысленнымъ. Чѣмъ болѣе дѣлаютъ успѣховъ въ Физикѣ, тѣмъ болѣе признаемъ повсюду десницу Всемогущаго. Продолжайте, Всемилостивѣйшій Государь, помогать своею властію и краснорѣчіемъ; продолжайте показывать свѣту, что

люди могутъ быть счастливы только тогда, когда философы будутъ ихъ Государями, а Государи будутъ имѣть многихъ философовъ въ своихъ подданныхъ. Ободряйте Вашимъ могущественнымъ гласомъ тѣхъ гражданъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ и разговорахъ участь только любви къ Богу, Монарху, отечеству; поспыдите сихъ безразсудныхъ людей, преданныхъ мяшежу — тѣхъ, которые начинаютъ обвинять въ безбожіи всякаго, кто только не ихъ мнѣнія о нѣкоторыхъ вещахъ.

Съ нѣжнѣйшею и почтительнѣйшею признательностію буду всегда помнить, Всемилостивѣйшій Государь, о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, которые провелъ я въ чертогахъ Вашихъ; буду помнить, что Вы были удовольствіемъ общества, между тѣмъ какъ дѣлали счастливыми своихъ подданныхъ, и что если почиають за счастье только зависѣть отъ Васъ, то всякой почтетъ величайшимъ счастьемъ къ Вамъ приближаться.

Желаю, чтобы жизнь Вашего Величества, полезная свѣшу, простерлась за предѣлы обыкновенные. *Оренѣ-Зебѣ* и *Мулей Измаилѣ* жили болѣе сна пияни лѣтъ. Если Богъ даруетъ только продолжительную жизнь Государямъ невѣрнымъ, то чего не сдѣлаетъ Онъ для *Станислава* благодѣтельного?

Отъ Принца де Линя къ Маркизѣ К. . . .

Любезная Маркиза!

Я въ Москвѣ. Этошь городъ, дающій понятіе по нѣкоторымъ отношеніямъ о Испани, похожъ на чепыре или пять сотъ замковъ знасныхъ господъ, стѣзжающихся въ нихъ изъ деревень для общежитія. Загляните въ географическія карты, словари и пупешеспвія обо всемъ, касающемся до Москвы, и скажите, правду ли я вамъ сказалъ; однакожь вы нигдѣ не найдете того, что знатнѣйшія Особы въ Государствѣ, наскучивъ Дворомъ, приѣзжаютъ сюда за тѣмъ, чшобы свободно жить и говорить. Императрица почти не знаетъ, да и не хочеть знать объ нихъ; она не любитъ блюстителей наружнаго благоуспройсва, исполненныхъ внушренняго коварства. „Что вы думаете объ эшихъ господахъ?“ спросила она у меня. Я отвѣчалъ Ей, глядя на трехъ или чепырехъ пресстарѣлыхъ Камергеровъ. Генераль - Аншефовъ и прочихъ: о! Ваше Величество! это самыя почтенныя рѹины. — „Они не очень любялть меня, сказала Императрица: я не нравлюсь имъ, бышь можеть, и пошому, что я виновата передъ нѣкоторыми изъ нихъ, или что они не правы передо мною.“

Императрица перемѣнилась въ образѣ своего обращенія; къ шому же и Цесарь оставилъ насъ. Пріятная мечта исчезла, и наступилъ

пила печальная существенность. А. Орловъ осмѣлился донести Ея Императорскому Величеству, что въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ началъ появляться голодъ. Немедленно всё пиршества прекращаются; обозы съ хлѣбомъ закупаются мѣсто барокъ, нагруженныхъ апельсинами. Легкое облако внезапно помрачило ясность и спокойствіе, блиставшее на челѣ Великой Екатерины. Она удалилась въ кабинетъ съ двумя своими Министрами, и прежняя улыбка блеснула на устахъ Ея тогда уже, какъ спала опять садиться въ карету.

Если бы вы узнали здѣшняго Архіепископа, то чрезвычайно бы его полюбили, а онъ васъ. Его зовутъ *Платономъ*, но гораздо превосходнѣйшимъ того, котораго нѣкогда называли *божественнымъ*. Доказательствомъ, что онъ Платонъ земной, послужило мнѣ то, что когда онъ выходилъ изъ своего сада, а Княжна Голицына подошла къ нему просить благословенія, то сорвалъ розу, и съ нею благословилъ ее.

Когда бы я былъ Рошфуко или Альбанъ, то спалъ бы трактовать съ вами о земледѣліи и государственныхъ доходахъ; но не имѣя чести быть ни пѣмъ, ни другимъ, не нахожу себя къ тому способнымъ. Правда, я довольно трудился надъ государственными доходами, потому что вѣрно сдѣлалъ страшный убытокъ казнѣ въ разсужденіи сперлядей богатой Волги, Астраханскихъ плодовъ, Кіевскихъ винъ и вареньевъ.

Мнѣ кажется, что я или завтра, или послѣ завтра увижу васъ. Проѣхавъ болѣе 1800 верстъ, оспалось не болѣе 1200 до того мѣста, гдѣ могу найши васъ. Теперь скоро надѣюсь увидѣть любезную Маркизу, или писать къ ней изъ Константинополя, если обстоятельство не переменится. Но я ничего не говорю вамъ о сердцѣ своемъ. Ваше служить ему лоперею; билетъ взять, по чему знать? Но хотя бы и не былъ взять, по развѣ случай не можетъ доставить мнѣ выигрышнаго? Не правда ли, что я начинаю уже бредить излишнія нѣжності? Однако это не прилично ни мнѣ, ни вамъ; это уже похоже на романтическую спрану, въ которой мы оба легко заблудимся. Она была бы прелестна, еслибъ мы были въ ней вмѣстѣ. Лучше быть Татариномъ, нежели варваромъ, коимъ вы часто бываете для толпы, васъ окружающей. Я вездѣ люблю странническое препровожденіе времени, обожая прелестную Маркизу, однакожъ съ тѣмъ, чтобъ вездѣ быть свободнымъ: быть Австрійцемъ во Франціи, Французомъ въ Австріи, пѣмъ и другимъ въ Россіи — единственное средство вездѣ нравиться, и быть нигдѣ независимымъ.

Наступаетъ минута, въ которую мы должны расстаться съ очарованіемъ для истины и съ Воспокомъ для Сѣвера. Но сердце мое всегда будетъ для васъ находиться на Югѣ. Каково вамъ кажется это острое выра-

женіе? Не согласишесь ли вы по крайней мѣрѣ, что оно имѣетъ много простоты и натуральности?

Москва. 1787.

де Линь.

64.

Отъ Лорда Нельсона къ супругѣ его.

Дражайшая Фанни!

Происшедшаго съ кораблемъ Вангвардомъ не могу я назвать простымъ словомъ: *слугай*. Въмѣсто того твердо я вѣрю, что благость Всемогущаго симъ способомъ хотѣла предпоставить предѣлъ моей высоконапряженной суешности, и съ покорностію лобызаю жезлъ сей. Уповаю, что чрезъ то сдѣлаюсь лучшимъ Офицеромъ, подобно какъ ощущаю, что спалъ я чрезъ то лучшимъ человѣкомъ. Представъ себѣ, что въ Воскресенье ввечеру при захожденіи солнечномъ, суешной человѣкъ ходилъ въ своей каютѣ взадъ и впередъ; онъ имѣлъ вокругъ себя всю эскадру, копорая обращала вниманіе на своего предводителя, копорымъ желала ко славу направляема бытъ, и къ копорому имѣла твердую довѣренность. Гордая Французская эскадра, въ равномъ числѣ судовъ состоящая, опустила бы предъ нимъ паруса, и доставила бы изъ себя богатую добычу. — Подумай далѣе! въ Понедѣльникъ поутру, при солнечномъ восхожденіи, у сего гордаго, надменнаго человѣка корабль лишился

мачтѣ, весь флотъ его былъ разсѣянъ, и самъ онъ пришелъ въ таковое состояніе, что и малый Французской корабль былъ бы для него явленіе непріятное. — Но Всемогущему благоугодно было привести насъ въ безопасную пристань, откуда — хотя и отказали намъ во всемъ помѣ, на что человекъ имѣетъ право — Вангардъ чрезъ три дни вышелъ въ море опять военнымъ Англійскимъ кораблемъ.

Нельсонъ и Бронтъ.

65.

Отъ Лорда Нельсона къ своимъ Адмираламъ, Капитанамъ, Офицерамъ и солдатамъ.

Лордъ Нельсонъ по причинѣ дѣйствительно худаго состоянія своего здоровья принужденъ, оставя флотъ, возвратиться въ Англію. Не можешь однако сего сдѣлать, не сказавъ предварительно Адмираламъ, Капитанамъ, Офицерамъ и солдатамъ, сколь искренне признаетъ онъ всю ту любовь, кою они имѣли къ нему, и сколько онъ глубоко ею проникнутъ. Не можешь онъ обойтись, чтобы громогласно не восхвалять того, сколь славно и исполненно честно они его въ часъ сраженія подкрѣпляли, и честь своего Короля и отечества ушвердили. Даже Лордъ Нельсонъ твердо увѣренъ, что они сдѣлали бы еще больше, и отечеству своему приобрѣли бы величайшую славу, когда бы больше представилось къ тому случаевъ. — Вице-Адмиралъ обнадеживаетъ ихъ, что онъ

возвѣспитъ всему Адмиралтейству о ихъ образцовомъ и достойномъ похвалы поведеніи. Если по волѣ Божіей Адмиралъ опять получитъ возстановленіе своего здоровья: по будетъ гордиться тѣмъ, что вшорично вступитъ съ ними на путь чести и славы, и можеть имъ способствовать въ томъ, чтобъ имя нашего Короля содѣлать у всего свѣта любезнымъ и уважаемымъ.

Нельсонъ и Бронтъ.

66.

Отъ Вольтера къ Г-ну Даліону, находившемуся въ С. Петербургѣ, въ качествѣ Министра отъ Французскаго Двора.

Милостивый Государь!

Покорнѣйше прошу васъ поднести Ея Императорскому Величеству, Россійской Монархинь, мою Генріаду, и обратитъ Ея вниманіе на приписку, которая находится при книгѣ на первой страницѣ.

Это еще не все, Милостивый Государь! надобно, чтобы здѣсь имя Господина Маркиза Даржансона опять за меня ходатайствовало. Посылаю къ вамъ книгу о Невтоновой Философіи. Вы чувствительнѣйше меня одолжите, если соизволите вручить оную Господину Секретарю Академіи. Имѣя честь быть Членомъ Академій: Лондонской, Эдинбургской, Берлинской и Булоньской, желаю удостоеніемъ той же чести отъ С. Петербургской Академіи

бышь одолженнымъ вашему покровишельству. Это, можеть бышь, подало бы мнѣ случай въ хорошую лѣпную пору приѣхать ко Двору вашего пребыванія, и хвалиться тѣмъ, что видѣлъ славную Елисавету. Я пѣлъ Елисавету Англійскую; чегожъ не могъ бы сказать о той Елисаветѣ, которая, превосходя ее въ щедрости, не уступаетъ ей въ прочихъ добродѣтеляхъ!

Не могу ли еще бышь одолженнымъ вами? За нѣсколько лѣтъ предъ симъ я сочинилъ Исторію Карла XII, основываясь на запискахъ, что до главныхъ происшествій надлежитъ, весьма хорошихъ, но въ которыхъ были погрѣшности въ разсужденіи подробнаго описанія дѣяній сего Монарха; нынѣ имѣю исправнѣйшія записки, и даже лучшія тѣхъ, коими пользовался Г. Норбергъ. Мнѣ хотѣлось бы помѣстить оныя въ Исторіи Петра Великаго. Образъ мыслей моихъ влечетъ меня къ великому Императору, Законодателю, Основателю городовъ и — дерзаю сказать — своей Имперіи.

Если бы достойная Дщерь Императора Петра Великаго, которая вмѣщаетъ въ себя всѣ добродѣтели Родителя своего съ добродѣтелями своего пола, соизволила одобритъ мое намѣреніе, и указала бы сообщить мнѣ подробныя извѣстія о славныхъ и любопытныхъ дѣяніяхъ покойнаго Императора; то тѣмъ она доставила бы мнѣ средства воздвигнуть памятникъ славы Его на такомъ языкѣ, на ко-

шоромъ нынѣ говорятъ почти при всѣхъ Дворахъ Европейскихъ.

16-го Декабря,

Вольтеръ.

1745 года.

67.

Отъ Вольтера къ Лорду Гервею.

Милордъ!

Не сердись на меня, что я прошедшій вѣкъ называю вѣкомъ Лудовика XIV. Очень знаю, что Лудовикъ XIV не имѣлъ чести быть Государемъ - благодѣтелемъ Беля, Невшона, Галлея, Адиссона, Драйдена; но въ вѣкъ Леона X одинъ ли сей Папа все сдѣлалъ? Не старались ли и другіе Государи образовашь и просвѣпшть родъ человѣческой? Однакожь имя Леона X взяло верхъ, попому что онъ болѣе другихъ ободрялъ искусства. Какой же Монархъ въ семь болѣе оказалъ услугъ человѣчеству? Какой Монархъ болѣе распочалъ благодѣній, болѣе опличался изящностію вкуса, болѣе основалъ прекрасныхъ заведеній? Конечно, онъ не сдѣлалъ всего, что могъ сдѣлать: ибо онъ былъ человѣкъ; но сдѣлалъ болѣе, нежели кто-либо другой: ибо онъ былъ человѣкъ великій. Сильная причина, заставляющая меня оплично починать Лудовика, состоитъ въ томъ, что всѣмъ извѣстные пороки его не помѣшали ему прославиться болѣе всѣхъ своихъ современниковъ, и что — не смотря на вопли миліона людей, изгнанныхъ имъ изъ Франціи, и

попому очернявшихъ имя его — вся Европа уважаетъ Лудовика и спавинтъ его на ряду съ величайшими и добрѣйшими Государями.

Назовите мнѣ, Милордъ, Монарха, который болѣе привлекъ къ себѣ искусныхъ чужеземцевъ, и который болѣе ободрялъ заслуги своихъ подданныхъ! Шестьдесятъ человекъ иностранныхъ ученыхъ, въ одно время получившихъ отъ него награды, безъ сомнѣнія крайне удивились, что Лудовикъ о нихъ знаетъ.

„Король, не будучи вашимъ Государемъ — такъ писалъ къ нимъ Министръ Кольберъ — хочеть быть вашимъ благодѣтелемъ; онъ поручилъ мнѣ послать къ вамъ приложенный вексель, въ залогъ своего почтенія.“ Богемець и Дашчанинъ получили письма изъ Версалии. Гильемини отъ щедротъ Лудовика XIV построилъ домъ во Флоренціи; онъ изобразилъ имя Короля на передней сторонѣ зданія, а вы не хошите, чтобъ оно сіяло надъ семнадцатымъ столѣтіемъ!

Его дѣянія должны служить вѣчнымъ примѣромъ для Монарховъ. Онъ поручилъ воспитывать сына своего и внука краснорѣчивѣйшимъ и ученѣйшимъ Мужамъ въ Европѣ; далъ мѣста сыновьямъ Петра Корнеля: двумъ въ военной службѣ, одному въ духовной; возбудилъ рождающійся талантъ въ Расинѣ подаркомъ, весьма важнымъ для человека неизвѣснаго и недоспапочнога. Когда Геній Расиновъ созрѣлъ и достигъ совершенствъ, въ то время дарованія, которыя часто заграждаютъ

пушь къ Форшунѣ, открыли ему доступъ къ сей богинѣ. Онъ получилъ еще болѣе: пользовался благосклонностію, даже пріязнію такого Монарха, котораго каждый взглядъ былъ благодѣяніе. Расинъ участвовалъ въ пупешестіяхъ, предпринимаемыхъ въ Марли (1688 и 1689), чего многіе изъ придворныхъ тщетно добивались; онъ спалъ въ одной комнатѣ съ Королемъ, которому во время болѣзни читалъ образцовыя свои произведенія Витійства и Поэзіи — произведенія, украшавшія славное царствованіе Лудовика.

Такая благосклонность, оказываемая съ разборчивостію, воспламеняетъ великіе умы, и раждаетъ соревнованіе. Похвально основывать заведенія и подкрѣплять ихъ; но, занимаясь одними заведеніями иногда значить по же, что готовить пристанище для человѣка безполезнаго и для человѣка великаго, принимаешь въ одинъ улей и пчелу и шмеля.

Лудовикъ XVI обо всемъ заботился. Онъ покровительствовалъ Академіи; оплечалъ тѣхъ, которые старались оплечаться; не испощалъ всѣхъ благодѣяній своихъ для награжденія одной какой-нибудь науки, одного искусства, подобно многимъ Государямъ, которые одобряютъ не по, что достойно одобренія, но по, что имъ нравится; обращалъ вниманіе свое и на Физику и на древности. Войны, которыя онъ велъ съ Европою, не упомняли его; строилъ крѣпости, управляя четырьмя спами тысячь солдатъ, занимался сооруже-

целью обсерваторіи, приказывалъ провести меридіанъ отъ одного края Королевства до другаго — подвигъ единственнй въ свѣтѣ! Онъ повелѣвалъ печатать въ своихъ черпгахъ переводы хорошихъ Авторовъ, Греческихъ и Латинскихъ; посылалъ Геометровъ и Физиковъ во глубину Африки и Америки для приобрѣтенія новыхъ познаній.

Вспомните, Милордъ, что безъ путешествія и опытовъ, сдѣланныхъ по его повелѣнію Учеными, посланными въ 1672 году въ Кайенну, и безъ Пикаровыхъ измѣреній, Невтонъ не прославился бы своими открытіями о притяженіи. Вообразите, что Кассиній и Гугеній, оставя отечество, притекли во Францію подъ покровъ благодѣтельнаго Лудовика XVI. Не думаете ли, что самые Англичане не обязаны ему? Скажите же, при какомъ Дворѣ Карль II приобрѣлъ столько вкуса, научился такой вѣжливости? Хорошіе писатели Лудовика XIV не были ль вашими образцами? Не изъ нихъ ли мудрый Адиссонъ, который отличался самымъ почнымъ вкусомъ, — не изъ нихъ ли часто извлекалъ превосходныя крипики? Епископъ Бюрие признается, что изящный вкусъ, заняшый во Франціи придворными Карла II, произвелъ у насъ великую перемену даже въ проповѣдяхъ, не смотря на различіе исповѣданій: такую власть имѣетъ здравый разумъ! Скажите, не по книгамъ ли, въ вѣкъ Лудовика сочиненнымъ, учились всѣ Нѣмецкіе Принцы? При какомъ Дворѣ въ Германіи не

было Французскаго псапра? Какой Государь не спарался подражать Лудовику XIV? Какой народъ не соображался съ Французскими модами?

Вы ссылаешесь на примѣръ Петра Великаго, который насадилъ искусствва въ Своемъ Государствѣ, и былъ шворцемъ новаго народа; говорите, что вѣкъ Его не названъ вѣкомъ Пешровымъ, и пѣмъ хопите доказашь, что он я не долженъ минувшій вѣкъ называть именемъ Лудовика XIV. Разница очевидна (*). Петръ I, научась между народами чуждыми искусствамъ, перенесъ ихъ въ Свое Отечество; Лудовикъ XIV просвѣпилъ чужеземцовъ; все, даже погрѣшности его были полезны людямъ. Протестанты, оставившіе владѣнія его, принесли къ вамъ ту самую промышленность, которая обогащала Францію. Неужели вы счисляете ни за что фабрики шелковыя и хрустальныя? Наши бѣглецы усовершенствововали оныя въ Англіи; вы приобрѣли то, чего мы лишились.

(*) Лудовикъ XIV не помрачитъ славы Петра Великаго. Вольперъ, желая превознести своего Героя, напрасно дѣлаешъ сравненія. Выхваляя луну, не надобно бы говорить о солнцѣ. Сказавши, что Петръ насадилъ искусствва въ своемъ Государствѣ и былъ шворцемъ новаго народа, онъ сказалъ все. Гоненія Лудовика XIV на Протестантовъ до сихъ поръ почитаются черными пятнами въ Исторіи сего Монарха, который конечно не для блага народовъ припѣснялъ своихъ подданныхъ и выгонялъ ихъ изъ отечества. — И. В. Е.

Историческій, Милордъ, Французской языкъ
былъ почти общимъ. Кто сему причиною?
При Генрихъ IV былъ ли онъ въ помъ упроще-
нн? Нѣтъ конечно; тогда по большой
части говорили по Италіянски и по Испански.
Наши знаменитые Писатели произвели сію
перемѣну. Но кто покровительствовалъ сихъ
Писателей? кто ободрялъ и занималъ ихъ ра-
ботою? Кольберъ, вы скажете. Соглашаюсь
съ вами и утверждаю, что Министръ раздѣ-
ляетъ славу съ своимъ Государемъ. Но что
бы сдѣлалъ Кольберъ при другомъ Государѣ,
при вашемъ на примѣръ Вильгельмъ, который
ничего не любилъ, при Карлъ II, Король Испан-
скомъ, и при многихъ другихъ?

Повѣрите ли, Милордъ, что Лудовикъ XIV
преобразилъ вкусъ при Дворѣ во многихъ ху-
дожествахъ? Онъ выбралъ Люлли въ свои му-
зыканты, и отнялъ привилегію у Ламбера,
потому что Ламберъ былъ человекъ посред-
ственный, а Люлли съ превосходнымъ талан-
томъ. Онъ умѣлъ отличать умъ отъ генія;
задавалъ стихотворцу Кино матерію для оперъ;
назначалъ предметы для живописца Лебрена;
защищалъ Воало, Расина и Мольера отъ ихъ
непріятелей; одобрялъ искусства изящныя и
полезныя, и всегда съ намѣреніемъ; ссужалъ
суммами Ван-робе для пользы мануфактуръ;
выдавалъ милліоны денегъ Индійской Компаніи,
имъ образованной; опредѣлялъ всегдашній жа-
лованья ученымъ людямъ и храбрымъ Офице-
рамъ. Въ его царствованіе совершились вели-

кія дѣла; но сего не довольно: онъ самъ былъ виновникомъ оныхъ. И такъ, Милордъ, позволѣше мнѣ воздвигнуть во славу его памятникъ, копорый посвящу пользѣ человѣческаго рода.

Я почиталъ Лудовика XIV не только потому, что онъ дѣлалъ добро Французамъ, но болѣе потому, что былъ благодѣтелемъ людей. Пишу не въ качествѣ подданнаго, но какъ человѣкъ; хочу изобразить минувшее спольше, не одного Короля. Не люблю такихъ исторій, въ копорыхъ повѣспвуетъ только о приключеніяхъ Государя, какъ будто ничего другаго не было на свѣтѣ; однимъ словомъ — мнѣ болѣе хочется писать исторію великаго вѣка, нежели исторію великаго Монарха.

Пелиссонъ могъ бы написать краснорѣчивѣе, нежели я; но Пелиссонъ получилъ за то деньги, и былъ придворный. Я не придворный и не бралъ денегъ, слѣдственно оспаетъ говорить правду.

1740 года.

Вольтеръ.

68.

Отъ Жан-Жака Руссо къ Мальзербу.

Государь мой!

Я давно бы изъявилъ вамъ благодарность за ваше послѣднее письмо, если бы скорость моего опвѣща была соразмѣрна съ шѣмъ удовольствіемъ, копорое оно мнѣ сдѣлало. Но

сверхъ того, что мнѣ очень трудно писать, я хотѣлъ оставить васъ въ покоѣ на первые шумные дни Новаго года. Хотя не могу не оскорбляться тѣмъ, что случилось (*); однакожь искренно радуюсь тому, что вы, зная все, не переменили вашего добраго мнѣнія о моемъ характерѣ. Оно будетъ для меня надежнѣе, когда увидите, каковъ я подлинно.

Причины, которыми вы изъясняете всѣ мои поступки съ того времени, какъ я имѣю въ свѣтѣ нѣкоторое имя, дѣлающъ мнѣ, можетъ быть, излишнюю честь, но безъ сомнѣнія гораздо ближе къ истинѣ, нежели догадки господъ Авшоровъ, обожающихъ славу и судящихъ по своему характеру о моемъ. Я сполько привязанъ ко многому, что не могу быть очень привязанъ ко мнѣнію публики; сполько люблю свое удовольствіе и независимость, что не могу быть рабомъ щещеславія, какъ они думаютъ. Кпо форшунъ и надеждъ быть счастливымъ въ свѣтѣ никогда не жертвовалъ пріятнымъ свиданіемъ или ужиномъ, чтобъ конечно не пожертвуетъ своимъ благополучіемъ желанію удивить людей; и человекъ, который имѣя нѣкоторый талантъ, могъ скрывать его до сорока лѣтъ, не сойдетъ съ ума и не заключится на всю жизнь въ пустынь, единственно для того, чтобы прослыть мизантропомъ.

(*) Это относится къ погдашнимъ ссорамъ Жан-Жака съ Дидеротомъ и прочими.

Хотя я всею душою ненавижу злобу и несправедливость, однакожь эта спрасть не принудила бы меня бѣжать опъ людей, если бы мнѣ дорого споило разспашься съ свѣтомъ. Нѣшъ, причины мои не такъ благородны, и ближе ко мнѣ. Я родился съ любовію къ уединенію; и чѣмъ болѣе узнавалъ людей, тѣмъ болѣе она возрастала. Мнѣ пріятнѣе бытъ съ мысленными существами, нежели съ дѣйстви-тельными; и общество, которое воображаю себѣ въ шихомъ уединеніи, еще болѣе отвращаетъ меня опъ всѣхъ Парижскихъ обществъ, мною оставленныхъ. Вы почитаете меня жертвою меланхолии и несчастія; ахъ! какъ ошибаетесь! Въ Парижѣ былъ я шаковъ; въ Парижѣ черная желчь ѣла мое сердце, и горечь ея излилась въ книгахъ, мною шамъ сочиненныхъ. Сравните же ихъ съ новыми плодами моего уединенія, и скажете, не ясно ли изображается въ послѣднихъ какое-то свѣпное, непришворное спокойствіе души, по которому необманчиво можно судить о внутреннемъ состояніи Автора? Вы могли заключить про-тивное изъ того мучительнаго волненія, въ которомъ я былъ не давно (*); но не перешняя жизнь моя, а разспрсенное воображе-ніе — гошовое всего пугашься, все увеличи-вать до крайности — произвело эту ужасную

(*) Руссо думалъ, что злые люди умышляютъ выдать, по смерти его, безбожныя книги подъ его именемъ; мучился, и сходилъ почти съ ума.

поску. Всегдашніе уснѣхи сдѣлали меня чувствительнымъ ко славѣ; и найдется ли человекъ, копорый, имѣя сколько нибудь благородную душу, могъ бы безъ ужаснаго опчаянія думать, что послѣ его смерти выдадутъ, подъ его именемъ, вмѣсто хорошей и нужной книги, сочиненіе вредное, безславное для его памяти? Думаю, что такой припадокъ сумасшествія еще болѣе разстроитъ мое слабое здоровье; но если бы это случилось со мною въ Парижѣ, то не отвѣчаю за слѣдствіе, и собсвенная моя воля могла бы освободить нашуру отъ оспальнаго дѣла.

Долго самъ я не зналъ истинной причины моего всегдашняго опшраченія отъ свѣта, и думалъ, что оно происходитъ отъ досады на *лѣдленность цма* моего, которая мѣшала мнѣ показывать въ разговорахъ, что я сколько нибудь его имѣю, и что мѣсто мое въ обществѣ должно быть не послѣднее. Но когда, измаравъ довольно бумаги, я былъ увѣренъ, что меня не назовутъ уже глупцемъ ни за какую глупость, когда всѣ искали моего знакомства, когда общее уваженіе превзошло самую дерзкую надежду моего самолюбія: я и тогда не могъ перпѣть свѣта; не могъ никакъ находить въ немъ удовольствія, и заключилъ, что опшраченіе мое происходитъ отъ другой причины, и что мнѣ надобны совсѣмъ иныя наслажденія.

Какая же, наконецъ, эша причина? Духъ независимости, котораго ничто преодолѣть не

могло, и передъ которымъ почести, богатство и самая слава для меня ничто. Впрочемъ онъ происходитъ не столько отъ гордости, сколько отъ лѣни, удивительной, невѣроятной; все пугаетъ ее; малѣйшія должности общезжитія ей несносны; сказать слово, написать письмо, побывать у когонибудь, есть для меня мука, какъ скоро необходимость того пребудетъ. Вотъ для чего обыкновенныя связи съ людьми мнѣ прошивны, а искренняя дружба мила: ибо она не знаетъ должностей, слѣдуетъ сердцу, и только. Вотъ для чего боюсь всегда благодѣній: ибо всякое благодѣніе пребудетъ признашельности, а я чувствую сердце свое неблагодарнымъ единственно отъ того, что благодарность есть долгъ. Коротко сказать, для особеннаго моего счастья нужно мнѣ не столько исполнять волю свою, сколько ни въ чемъ не принуждать ее. Дѣшельная жизнь ни мало не прельщаетъ меня; соглашусь лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать чтонибудь принужденно; и не рѣдко казалось мнѣ, что я могъ бы въ Басилии жить довольно счастливо, не имѣя никакой обязанности.

Въ молодости я заботился иногда о своемъ благосостояніи, имѣя въ предметѣ у себя ничто иное, какъ уединеніе и покой для спарости. Но лѣнивые люди прудятся только *порывали*, и слѣдственно безъ успѣха: такъ и со мною случилось. Когда же здоровье мое разспроилось, я нашелъ въ болѣзняхъ оправданіе для главной моей спрости; сказалъ себѣ, что

безумно прудисься для такихъ лѣтъ, до которыхъ вѣрно не доживу; все оставилъ, и снѣшилъ только наслаждаться. Вотъ истинная причина моего уединенія, которое нашимъ Авторамъ кажется дѣйствиємъ щеславія. Но щеславіе пребуесть постоянства, или, лучше сказать, упрямаго терпѣнія, совершенно пропивнаго моему природному характеру.

Вы скажете, Государь мой, что такая лѣность не очень согласна со многими книгами, сочиненными мною въ печеніе десяти лѣтъ, и съ шѣмъ славолубіємъ, которое заставило меня издашь ихъ въ свѣтъ. Чтобъ отвѣчать на это возраженіе, надобно продолжитъ письмо мое, и слѣдственно кончить его. Я возвращусь къ своему предмету, если простая искренность моя вамъ угодна, потому что съ открытымъ сердцемъ не могу писать другимъ слогомъ. Изобразю себя безъ прикрасъ и безъ скромности; покажусь вамъ, каковъ я кажусь самому себѣ, и каковъ я подлинно, потому что живучи съ собою, всякой долженъ себя знать; а видя, какъ другіе изъясняютъ мои дѣла, вижу, что они не имѣютъ обо мнѣ понятія. Кромѣ меня, никто меня не знаетъ. Вы согласитесь, когда все скажу.

Пожалуйте не возвращайте мнѣ писемъ моихъ; сожгите ихъ, не для меня, а для того, что онѣ не спюютъ сбереженія. Не безпокойтесь также и объ шѣхъ, которыя въ рукахъ у Дюшена. Если бы надлежало испребитъ слѣды

всѣхъ моихъ дурачествъ, по мнѣ пришлось бы выручать много писемъ; а я не пронусь и пальцемъ для этого. Съ хорошей и дурной стороны не боюсь показаться въ почномъ своемъ видѣ. Знаю свои большіе недостатки, и живо чувствую всѣ мои пороки; но умру съ полною надеждою на вышнюю Благость и въ совершенномъ увѣреніи, что изъ всѣхъ людей, мнѣ извѣстныхъ, никто не былъ лучше меня.

Руссо.

69.

Отъ Беля къ Шэфтсбури.

Милордъ!

Здоровье мое все еще въ худомъ состояніи. Съ нѣкопорога времени мучусь я сухимъ кашлемъ, копорой можно назвать почти наслѣдственнымъ въ нашей фамилии. Грудь моя болитъ; и я, лежа на постелѣ, спрадаю отъ слабости, боли и бессонницы, а болѣе всего отъ праздности, къ копорой я не очень привыченъ.

Ни мало не беспокоитъ меня приближеніе конца моего. Будучи не въ состояніи работать, не могу быть очень привязанъ къ одному существованію. Другое горе лежитъ у меня на сердцѣ, и только вамъ могу открыть его. Теперь уже на вѣрное предвижу, что я оставлю сей свѣтъ, не нашедши того, чего во всю свою жизнь искалъ я съ такою ревностію. Вы конечно давно уже знаете, Милордъ,

что я хопѣлъ испины, — испины, которой дальнѣйшее изысканіе должно мнѣ теперь оставитьъ.

Когда есть Богъ, то отъ чего происходитъ зло въ мірѣ? — Какая есть невидимая и непонятная связь между шѣломъ и душою? — Какіе суть всеобщіе законы шѣлеснаго міра, и какое сношеніе имѣютъ они съ происшествіями? — Вотъ какіе важные вопросы остаются у меня еще безъ отвѣта при концѣ жизни?

Простите, Милордъ, жалобамъ умирающаго, который все еще почиталъ себя счастливымъ, пока онъ могъ надѣяться. Теперь нахожусь я въ той сценѣ жизни моей, въ которой могу обозрѣть все ея печеніе. Развязка меня обманула; я ожидалъ совсѣмъ иной — и сіе ожиданіе упѣшало меня въ моихъ горестяхъ и печаляхъ. И такъ мнѣ можно думать, что весь планъ жизни моей былъ не хорошъ. Можешь быть, надлежало бы мнѣ знать съ самаго начала, что истина есть вымышленная богиня, которая ни мало не чувствуетъ приносимыхъ ей жертвъ; которая не награждаетъ и не заслуживаетъ ихъ. Тогда бы не побоялся я душевнаго рабства, и охотно бы наложилъ на умъ свой цѣпи принятой системы; тогда для совершенной свободы разума моего, которая казалась мнѣ столь драгоценною и къ изслѣдованію истины столь необходимою, не оставилъ бы я перваго своего опечесва;

не лишился бы удовольствія житьъ посреди моихъ ближнихъ родственниковъ и друзей, не пожертвовалъ бы всѣмъ домашнимъ благополучіемъ, и могши житьъ безнужно, покойно, безопасно и въ пріятномъ обществѣ, не избралъ бы трудной, зависимой, уединенной и заботливой жизни; во Франціи былъ бы я Каполикомъ, въ Голландіи Предеспианписномъ, и вездѣ бы соглашался со мнѣніемъ сильныхъ и великихъ; я былъ бы другомъ всякому, и во всякомъ нашелъ бы себѣ друга.

Но можетъ бытьъ я отъ собственной своей вины не приобрѣлъ того увѣренія, которое теперь могло бы меня успокоить. Можетъ бытьъ спалъ я не въ надлежащемъ мѣстѣ для того, чтобы свѣтъ увидѣть, — свѣтъ, видимый (какъ говорятъ) многими другими людьми. Можетъ бытьъ, я умышленно ослѣпился. . . . Умышленно? Нѣтъ, Милордъ! вы конечно не сомнѣваетесь въ моей честности. Вы меня знаете, и припомъ имѣете такое сердце, которое можетъ почувствовать запруденія испытавшаго, не находящаго никакого твердаго основанія для своего успокоенія. Благо немыслящему человѣку, который безпрерывственно наслаждается счастьемъ своего увѣренія! Какъ часто приходилъ я въ искушеніе завидовать его самодовольствію, когда мнѣ вспрѣчалось какое-нибудь сомнѣніе, которое ночью не давало мнѣ засыпать, будило меня рано по утру, терзало въ уедине-

іи, 'а въ обществѣ придавало мнѣ видъ мечшателя или глупца!

Когда сомнѣніе было слѣдствіемъ особливаго рода моихъ упражненій, по я не знаю, какимъ образомъ можно было мнѣ избѣжать онаго. И шеперь еще увѣренъ я въ томъ, что искашель истины долженъ выслушать всѣ споры; что ему не надобно смотрѣть на родъ и санъ учителей; что онъ со всѣхъ сторонъ долженъ разсмапривать предметъ оной, дабы узнать его совершенно и пріобрѣсти разумное увѣреніе. Сія мепода можешъ конечно поколебать старыя системы, въ которыхъ мы жили шакъ спокойно; можешъ запусать разумъ въ разныхъ мнѣніяхъ, и шакимъ образомъ удалишь опъ насъ по увѣреніе, котораго мы искали. Но если другой путь для испышателя? Не должно ли ему учиться и сравнивать? Я учился и сравнивалъ; упошребилъ на то всю жизнь свою — и въ чемъ же успѣлъ? — О Милордъ! примирите меня, если можете, съ самимъ собою! Сообщите мнѣ хопя искру опъ свѣша вашего счастливаго увѣренія, которое прежде (ахъ! можешъ бышь, не совсѣмъ справедливо) называлъ я именемъ пріятной мечшы.

Бель.

Отъ Шафтсбури къ Белю.

Любезный другъ!

Какъ бы хотѣлось мнѣ прежде возвратить вамъ здоровье, а попомъ уже, по старому нашему обыкновенію, философствовать съ вами! Но будемъ дѣлать, что можемъ, если не можемъ всего, чего хотимъ.

Какъ! ужели жизнь, проведенная въ изысканіи истины, однимъ словомъ, *ваша* жизнь не есть лучшее приготовленіе къ спокойной смерти? Ужели должно вамъ при смерти раскаяваться въ томъ, что вся жизнь ваша была посвящена сему благородному предмету?

Какихъ вопросовъ еще не могли вы рѣшить? Зависитъ ли отъ ихъ рѣшенія расположеніе жизни нашей? Развѣ еще не знаете вы, что Богъ всемогущъ, мудръ и благъ? не знаете, что въ добродѣтели состоитъ высочайшее благо? — Если бы вы еще въ семъ не были увѣрены, то не удивило бы меня ваше безпокойство. Но ужели должно вамъ проникнуть во всѣ политическія таинства Божественнаго правленія для того, чтобы почувствовать въ душѣ своей сіе счастливое увѣреніе? Ужели мы не повѣримъ, что Богъ есть хорошій Правитель, пока слѣдствіе или конецъ не оправдаетъ всѣхъ мѣръ Его? Я съ своей стороны, полагаясь на Его свойство, вѣрю, что все въ царствѣ Его должно быть благо,

и почитаю все злое за одинъ призракъ, который исчезнетъ, когда обозримъ весь планъ Его правленія. Вы, любезный другъ, также хорошо думали о Богѣ; зло, примѣченное вами въ мірѣ, признавали вы за чуждое, вредное расливіе, которое посяно врагомъ добраго, и которое Богъ спарается испреблять. Видите, что мы оба рѣшили шѣ сомнѣнія, которые беспокоили насъ въ семъ важномъ розысканіи— и хотя различнымъ способомъ, однакожь истина, въ которой мы для своего спокойствія имѣли нужду, и мнѣ и вамъ въ удѣль допалась. Нашедши сію истину, оставимъ въ нерѣшеніи многіе замѣшенные феномены въ царствѣ натурь и Благадаши. Весь міръ можемъ мы почиташъ книгою мудраго, писанною пайными буквами, къ которымъ намъ должно угадать ключъ. Одинъ, читая книгу Натурь, и доходя до явленій въ нашей солнечной системѣ, принимаетъ за ключъ движеніе земли, а другой движеніе солнца: оба они, читая книгу по своему, находятъ въ ней доказательство премудрости ея Творца.

Вообще знаемъ мы, какое есть намѣреніе божественнаго плана; но какимъ образомъ исполненіе соглашается съ цѣлю? Сіе часто бываешъ для насъ шайнспвомъ. Первое читаемъ мы въ мысленномъ мірѣ, который къ намъ ближе: ибо мы находимъ его въ своей внушренности; а второе въ чувственномъ мірѣ, въ которомъ видимъ шолько наружную

скорлупу. Испыташель спарается соединить объ нити своего познанія, и переходить изъ одного міра въ другой. Если находишь онъ затрудненія, копорыя кажутся непреодолимыми: по не лучше ли будетъ еще остаться при томъ, что онъ признаеть вѣрнымъ, и въ разсужденіи прочаго не беспокоишься?

Знаю, что не всѣ тѣ, копорыя занимаються философствованіемъ, думаютъ такъ скромно; напрошивъ того многіе почли бы за великой сшудъ, не рѣшивъ въ минушу самага шруднѣйшаго вопроса. Люди сего рода бояшся узнавать мысли другихъ людей, если не знаютъ напередъ, что они съ ними одно думаютъ. Слава и временное счастье имъ дороже свяшой истины. Наука, подобно добродѣтели, есть для нихъ то, что горькое лѣкарство для дѣшей, копорыя не понимаютъ, какъ можно принять его безъ лозы или безъ сахара. Но кто любитъ истину только для истины, тотъ радостно обниметь все то, что обѣщаетъ приблизить его къ оной, хотя бы для сего и надлежало ему навѣки просшиться съ какимъ нибудь мнѣніемъ, копорое было для него пріятно.

Но не ушрашимся, если сіе зашавитъ насъ сомнѣваться во многихъ вещахъ, о копорыхъ другіе говорятъ рѣшительно. Будучи увѣрены въ главномъ, то есть: во всѣхъ тѣхъ истинахъ, опъ копорыхъ зависитъ расположеніе жизни нашей, можемъ мы спокойно

смотримъ, какъ мнѣнія Догмашиковъ (относительно къ предметамъ любопытства) одно другое опровергають; можемъ спокойно ожидать, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, и прислаивать по къ той, по къ другой партіи, слѣдуя собственному своему разсудку. Я думаю, что сіе состояніе духа есть для насъ лучшее. Хотя по, что приобрѣли мы чрезъ важныя свои розысканія, составляетъ весьма немного; но сіе немного есть самое нужнѣйшее, и ничто не можетъ насъ лишитъ онаго. Во всемъ прочемъ пойдёмъ мы по широкому, гладкому пути, на которомъ, смотря по нуждѣ, можемъ и въ право и въ лѣво уклоняться.

И такъ, любезный другъ мой, перестаньте жаловаться на самого себя, и повѣрьте, что Философъ долженъ быть въ разсужденіи истины почто въ такомъ расположеніи, въ какомъ вы теперь. Горе ему, если голова его такъ наполнена правилами и мнѣніями, что въ ней уже никакого мѣста для сомнѣнія не остается! Или вы думаете, что попъ въ самомъ дѣлѣ совершенно увѣренъ, кто боится самаго мѣшала? Нѣтъ, любезный другъ! многіе прищворяются увѣренными. Они спрещаются утѣнуть, предавшись спремительной рѣкѣ разсудка, и лучше хотять хвататься за всякую вѣшь слабыхъ гипотезъ, нежели собственною своею силою держаться на поверхности воды. Такъ думаютъ и самые ревностные евѣтры, и самые дерзостные изъ вольнодумцевъ. И тѣ

и другіе бояшся самомалѣйшимъ сомнѣніемъ поколебашъ свою систему, чшобы наконецъ, къ спыду ихъ, она совсѣмъ не разрушилась. И шакъ одинъ вѣришъ всякимъ нелѣпостямъ, а другой ничему не вѣришъ.—Если вы о сихъ людяхъ можете сказать, что они нашли истину, то я не жалѣю о васъ, что вы не нашли ее.

Но вы нашли сію истину, — истину, которую человекъ постигнуть можетъ—не ту, которая со Всевѣдущимъ обитаетъ: ибо смершныя очи не могутъ объять ея сіянія. Слабой, блѣдной лучъ ея, который изъ неизмѣримаго отдаленія едва, едва освѣщаетъ шествіе наше по полямъ ночи, есть все то, что мы опъ свѣта ея снести можемъ, — все то, что намъ дано опъ сей истины. Удивляшся ли, сокрушашся ли намъ, когда при шакомъ неясномъ свѣтѣ мы иногда заблуждаемся, или не бываемъ увѣрены въ пути правомъ?

Истина не есть такая близкая цѣль, до которой бы человекъ достигалъ единожды навсегда. Она есть для него ничто иное, какъ совершеннѣйшее познаніе. Какъ скоро душа наша почувствуетъ нужду въ знаніи, какъ скоро ошумимъ въ себѣ желаніе рѣшить нѣкоторыя изъ безчисленныхъ проблемъ, предлагаемыхъ намъ натурою при каждомъ взорѣ—рѣшить шѣ, которыя болѣе другихъ до насъ касаются: то безпокойный духъ нашъ всячески старается преодолѣть трудности из-

слѣдованія, въ надеждѣ найпти полный свѣтъ и непрерывное спокойствіе по ту сторону сихъ мрачностей. Суешная надежда! новыя сомнѣнія приводятъ насъ въ замѣшательство; новыя проблѣмы возбуждаютъ наше любопытство. И такимъ образомъ манишь насъ одна цѣль за другою; мы идемъ всегда съ новыми желаніями, копорыя никогда не бывають совершенно щепсны, но никогда же и не исполняются совершенно; идемъ, и вдругъ видимъ себя при концѣ жизни, но не при концѣ нашего изысканія. Вошъ общая судьба всѣхъ искашелей истины, и ваша, любезный другъ! Неужели будете жаловаться на Всевышняго, что Онъ далъ вамъ сіе стремленіе къ истинѣ? Ужели скажете, что оно дѣлаетъ васъ несчастнымъ для того, что оно безконечно? Вы будете лучше думать о Богѣ, думая лучше о себѣ. Развѣ другъ мой Бель не выше мапроста, копорый на корабль своемъ плыветъ по Океану, никогда не беспокоясь о шдмѣ, какимъ образомъ сей корабль по волнамъ кашится, какъ великіе часы міра въ безпредѣльномъ пространствѣ водъ показываютъ ему время, и какъ зрительная труба открываетъ на небѣ шопъ пупъ, копорымъ корабль его по морямъ земли плыть долженъ? — Вошъ вся загадка! Радостные виды спокойствія, копорымъ надѣемся насладиться при свѣшъ истины, ведутъ насъ отъ одного шруднаго изслѣдованія къ другому. Смерть заспигаетъ насъ прежде, нежели мы находимъ сіе спокойствіе; но довольно,

что существо наше становится возвышеннѣе и благороднѣе отъ распространения силъ и познаній нашихъ.

Не отвергните сего утѣшенія, на которое вы имѣете такое неоспоримое право! Вы конечно помиритеесь съ собою, когда осмѣлитесь справедливо оцѣнить свои достоинства. Примите наконецъ искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ сердечномъ къ вамъ почтеніи; и если сіе увѣреніе будетъ послѣднее, которое вы въ здѣшней жизни можете принять отъ меня; если по сию сторону гроба вамъ уже не можно будетъ доказывать мнѣ свою дружбу: то да исполнится хотя послѣднее мое земное желаніе, чтобы вы еще въ семъ мірѣ вкусили въ совершенствѣ то спокойствіе, которое въ оной жизни васъ ожидаетъ!

Шафстбурги.

71.

Отъ Фонтенеля къ Доктору Юнгу.

Любезный Докторъ!

Письма мои нечувствительно превращаются въ правила нравственности. Правда, изящность вкуса отъ того шершавѣетъ, но любознательность выигрываетъ, и этого довольно, чтобы оправдать въ моихъ глазахъ всю сію кучу спойческихъ бредней. — Такъ, любезный Докторъ! я ни мало не жалѣю, для чего не родился чувствительнымъ. Движенія сердца чѣмъ меньше имѣютъ вліянія на разумъ, тѣмъ

онъ удобнѣе разсматриваетъ людей, кои, между нами сказать, не заслуживая сожалѣнія, ни къ чему другому не годятся.

Зенонъ сказалъ, что безспасный чело-
вѣкъ есть образцовое произведеніе Природы. Зенонъ былъ великій Философъ, и еслибъ онъ не имѣлъ спраси учредишь секшу, то былъ бы моимъ героемъ, не смотря на то, что жилъ за двѣ тысячи лѣтъ. На вѣсахъ природы тяжестъ зла столь несоразмѣрна съ тяжестію добра, что по справедливости, чтобъ быть человекомъ, надобно желать быть нечувствительнымъ.

Какъ ни велико впрочемъ мое философское безспасіе, однакожъ не простирается до того, чтобы пошущишь во мнѣ чувствованіе усердія и почтенія, коими преисполненъ, и проч.

Парижъ. 11 Янв. 1741.

Фонтенель.

72.

Отъ Доктора Юнга къ Фонтенелю.

Другъ мой!

Супруга моя и дѣши находящяся на краю гроба; изнеможенная скорбію душа моя находитъ одно дружество доспащочнымъ наполнишь пустоту природы. Чувствительное сердце есть гибельный даръ Божества.

Чувствительное сердце. . . . Но нѣтъ! я могу нести бремя несчастій, могу чшишь союзъ

дружбы, не бывъ дерскимъ хулишелемъ. О Фоншенель! для чего ты утверждаешь, что нечувствительность ведетъ къ верховному благу? Самое сердце твое не провибоборствуетъ ли холодной Философіи, которая имѣетъ въ виду уничтоженіе твоихъ чувствованій? Нѣтъ! скорѣе соглашусь вѣришь природѣ, нежели пустымъ софизмамъ. Мой другъ! ты чувствительнѣе: ибо любишь добродѣтель.

Мудрый Зенонъ надѣялся ли найти благополучіе въ совершенномъ равнодушіи? Какія удовольствія для него остаются, когда гордый умъ его разрушаетъ всѣ связи, соединяющія его съ чувствительными существами? когда уединенная мысль его при самомъ зарожденіи исчезаетъ безъ сообщенія; когда стѣсненная его душа ежеминутно умираетъ въ пустынь, самою же ею содѣланною? Нѣтъ, нѣтъ! человекъ не можетъ быть счастливъ, ежели помнитъ все, его окружающее; это часть, колеблющаяся вмѣстѣ съ цѣлымъ составомъ. Счастіе не создается въ особливости: его только раздѣлять можно съ другими.

Да и гдѣ человекъ безъ спрассей? Тотъ, кто щеславится опшудженіемъ опъ нихъ, имѣетъ по крайней мѣрѣ спрассь любомудрія. Разумъ Споика враждуетъ съ сердцемъ, но чувствованія въ немъ не испреблены; вся душа его находится въ одномъ разумѣ.

Другъ мой! время убѣлило власы наши; драма жизни нашей касается развязки, и гроб-

ница подъ ногами нашими открыта. На что лжеумспвованіями ускоряшь минушу разрушенія? Нечувствительность изсушаетъ наши органы гораздо сильнѣе, нежели разрушающее время; желать хладнаго равнодушія, значить желать участи бездушнаго трупа.

Здѣсь не могу не удивляться странности судебъ нашихъ! Ты, Фоншенель, коего геній воспарялъ во святилище природы, — ты, который цѣлую половину сполѣтія употребилъ на просвѣщеніе людей, — ты, который самую зависть въ первый еще разъ заставилъ чинить твои подвиги, ты желаешь смерти; но я, который во все продолженіе жизни своей изъ оправляющей чаши пилъ горести — я, пережившій свои сочиненія, по однѣмъ только несчастіямъ и твоей дружбѣ извѣстный моимъ согражданамъ, я хочу жить! Ты вырываешься изъ объятій счастья, бѣгущаго по слѣдамъ твоимъ; а я силюсь продолжать поминельное чувствованіе бытія моего!

Спроси сушь душа нравственнаго міра; человекъ можетъ уничтожить оныя не болѣе, какъ и разрушить вѣчные законы движенія, которое, производя пягопѣніе планетъ однѣхъ на другія, препяшствуетъ вселенной пастъ во владычество безмолвнаго, мрачнаго ничтожества.

Не противоборствуй, другъ мой, побужденію Природы; не придавай ободреніемъ твоимъ важности древнимъ парадоксамъ. Какая нужда

тебѣ представляешь изъ себя Зенона? Развѣ ты не Фонсенель?

Страсти для меня всегда гибельны; но между ими есть одна надежда, претягивающая мнѣ проклинаешь ихъ. Въ юности былъ я пристрастенъ къ славѣ; — о! еслибъ я могъ бытъ столь же пристрастнымъ и къ добродѣтели! Теперь ощущаю по крайней мѣрѣ стремленіе къ дружбѣ. Сердце никогда не обманываетъ меня, возбуждая пламенные чувствованія, — и проч.

Лондонъ, 23 Января, 1741.

Юнгъ.

73.

Отъ Госпожи Франквилъ къ Жан-Жаку Руссо.
Любезный другъ!

Письмо мое не должно разсердить васъ: оно есть дѣйствіе не власти, а свободы. Вы пишете ко мнѣ, когда хотите; для чего же не пишете и мнѣ, когда хочу? Сравненіемъ особенныхъ выгодъ своихъ рѣшимъ, могу ли безъ пресупленія желать равенства въ дружеской связи нашей. Выгоды, которыя общество даетъ моему полу, служатъ замѣною тѣхъ, которыя Натура даетъ вашему: и такъ оставимъ ихъ. У васъ — гений, рѣдкій, удивительный; у меня — сердце простое и доброе. Вы видите истину разумомъ: я нахожу ее чувствомъ. Ваша благодѣтельность, не-испошима въ способахъ, можете все, чего

хочешъ: моя же, неиспощима въ желаніяхъ, хочешъ всего, что можешъ. Вы наслаждаетесь справедливо славою: мое достоинство состоишь въ томъ, чтобы не имѣть славы, и я никакой не имѣю. Вы достойны монумена: я достойна соорудить его вамъ. Вы могли бы править вселенною, утвердивъ навѣки законы разума: я могла бы сдѣлать счастливымъ хорошаго человѣка. Вашъ умъ обнимаетъ все важное: я умѣю цѣнить васъ. Фортуна въ слѣпошъ своей дала вамъ не такой жребій, на которъ вы имѣли бы право: я безъ ослѣпленія наслаждалась ея дарами, и лишилась ихъ безъ сожалѣнія. Вы чувствительнѣе всѣхъ мужчинъ: я не превосходя, можешъ быть, чувствительностію всѣхъ другихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ васъ нѣжнѣе. Вы не презрѣли жертвы моей: я не принесла ее безъ гордоспи. Вы любите во мнѣ себя: я люблю въ васъ только васъ, и мы оба справедливы. Правда, что вы меня старѣе; но какъ вѣкъ нашъ есть время красоты, то мужчина въ 50 лѣтъ равенъ съ женщиною тридцатилѣтнею. Мнѣ кажется, славный другъ мой, что каждый изъ насъ въ своихъ отношеніяхъ имѣетъ равное право на уваженіе честныхъ людей.... И такъ пишу къ вамъ, когда мнѣ хочется, не определяя времени для вашего отвѣта.

Франквиль.

31 Марта, 1764.

Отъ ней же къ нему же.

Любезный Жан - Жакъ!

Сердечно благодарю васъ за то, что вы, не смотря на ваши огорченія, вздумали увѣрить меня въ непремѣнной дружбѣ своей. Но что для васъ зло, то не можетъ быть для меня удовольствіемъ; и я не хотѣла бы, чтобы вы такимъ образомъ заслуживали мою благодарность. Давно уже молчаніе стоитъ мнѣ дорого; и когда вы наконецъ считаете меня другомъ своимъ, то буду говорить искренно.... Уважаю слабость вашу, любезный Жан-Жакъ, но внутренно удивляюсь ей. Не надлежало ли вамъ готовить душу свою къ перпѣнію, когда вы посвятили перо свое истинѣ? Зная, кажется, такъ хорошо людей, какъ могли думать, чтобы они не возненавидѣли человека, осуждающаго ихъ нравы своею жизнію, и разящаго предразудки своими твореніями? Пусть, вами избранный, ведетъ не къ спокойствію, а къ славѣ; вы это знали, — и рѣшительно, смѣло спушивъ на ея высочайшую степень, ужели не находите въ себѣ нужной твердости, чтобы великодушно сносить ея бѣдствія? Когда Авторъ Эмиля чиситъ совѣстію передъ Богомъ, то можетъ ли онъ робѣть своихъ непріятелей? Не вамъ, а только любящимъ васъ, только мнѣ позволено жаловаться на злобу вашихъ гонителей: моя чувствительность не имѣетъ защиты, а ваша должна быть тверда

и невредима подъ эгидою великихъ истинъ, опкрытыхъ вамъ Небомъ и Геніемъ. Мнѣ не спыдно признаюсь, что судьба моего друга раздражаетъ меня прошивъ его ревности и любви къ истинѣ; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы имѣли болѣе спокойствія въ жизни и менѣе славы въ свѣтѣ. Знайте, что я люблю васъ и плѣняюсь вашими шаланшами; однакожь, не смотря на то, нахожу, что вы сами причиною зла, которое терпите отъ жестокости людей. Новыя творенія ваши сколько ли благодѣтельны для счастія другихъ, сколько онѣ пагубны для вашего? Эмиль перемѣнилъ не свѣтъ, а только судьбу Авшора. Ясность, которою вы озаряете понятія, до нынѣ темныя, болѣе ослѣпляетъ, нежели просвѣщаетъ людей обыкновенныхъ. Правда, что нѣкоторые добрыя сердца воспользуются съменами добродѣтели, щедрою рукою разсыпанными въ семъ важномъ твореніи; но можно ли сравнить эту пользу съ угнетеніемъ чловѣка великодушнаго, и съ правомъ, даннымъ шеперь всякому, быть клеветникомъ его?... Сохрани меня Богъ, чтобы я такими мыслями хотѣла опнять у васъ внупреннее ушѣшеніе, единственное и великое! Вы сдѣлались бы истинно несчастнымъ, ежели бы могли усомниться въ справедливости и силѣ причинъ, заставившихъ васъ объявить войну обыкновеннымъ мнѣніямъ и предразсудкамъ; шеперь вамъ останется только или совершенно пожертвовать само-

любіемъ, или продолжашъ сію войну. Одно спраданіе моего сердца, къ вамъ привязаннаго, заспавляешъ меня осуждашъ авпорскую опкровенность моего друга. Жалѣю, что опечесство ваше споль неблагодарно прошивъ своего знаменишаго гражданина; а еще болѣе жалѣю, что вы принуждены были опкрышь всей Европѣ пиранство его чиновниковъ, хваливъ прежде ихъ добродѣшель, и сказавъ, что надбно молчашъ и гнушашъся Хамовымъ пресупленіемъ. Простпше, любезный Жан-Жакъ! Не думаю, чтообы вы могли огорчиться моею искренностію; а если можеше, то хорошо, по крайней мѣрѣ, узнашь эшо во время.

25 Февраля, 1765.

Франквиль.

75.

Отвѣтъ Жан - Жака Руссо.

Милоспивая Гусударыня!

Я чпшалъ ваше письмо съ великимъ вниманіемъ, соображалъ всѣ обспояшельспва, всѣ идеи; эшо было важнымъ дѣломъ для моего сердца. — Вы льспили мнѣ во время моего благополучія, и сдѣлались искреннею во время бѣдспвій моихъ: несчастіе для чего нибудь полезно. — Я безъ сомнѣнія люблю испину; но если бы, къ несчастію, случилось мнѣ видѣшь друга въ соспояніи, подобномъ моему, и если бы нельзя было сказашь ему ни какой

ушѣшительной истины, по я солгалъ бы съ радостію. — Всегда можно осуждать друга, когда онъ кажется виноватымъ; но если избираешь для сей искренности минушу его несчастія, по надобно прежде совершенно увѣришься въ винѣ его. Говоря, что надобно молчать и гнушаться преступленіемъ Хамовымъ, я былъ гражданиномъ Женевскимъ: шеперь могу сказать истину тѣмъ, которые лишили меня сего достоинства. Я молчалъ, когда дѣло единственно до меня касалось; но бывають случаи, въ которыхъ должно говорить. Загляните въ предисловіе книги моей. . . . Прости, Маріанна.

Мопье. 10 Марта, 1765.

Руссо.

76.

*Отъ Фенелона къ Герцогу Бургундскому, отцу
Короля Людовика XV.*

Чадо Людовика! подражайте родителю своему; будьте, по примѣру его, крошки, чело-
вѣколюбивы, доступны, привѣпливы, со-
срадательны и щедры. Величіе ваше не пре-
пятствуетъ вамъ благосклонно снисходитьъ
къ малымъ и бытъ на мѣспѣ ихъ. Сіе благо-
снисхожденіе да не ослабляетъ ни власи ва-
шей, ни уваженія ихъ къ вамъ. Выслушивайте
все, что хощя нѣсколько заслуживаетъ вни-
маніе. Узнавайте людей непрестанно, и не
ввѣряя имъ себя, учитесь ими пользоваться.
Ищите истиннаго достоинства всюду до са-

мыхъ предѣловъ земли; оно обыкновенно живешъ уединенно и скромно. Добродѣшель никогда не толпится въ народѣ, не имѣешъ ни зависти, ни жадности, и оставляетъ себя въ забытіи. Не попускайте окружать себя ласкательнымъ и пронирыливымъ людямъ; дайте имъ чувствовать, что вы не любите ни похвалъ, ни униженія. Являйте довѣренность только тѣмъ, кои въ случаѣ надобности отваживаются почтительно вамъ преко-словить, и кои любящъ вашу славу болѣе, нежели благосклонность.

Сила и мудрость прославленнаго Лудовика ниспошлюся вамъ, ежели будете просить оныхъ во смиренномъ признаніи слабости и безсилія вашего. Время уже вамъ показать міру зрѣлость ума и бодрость духа, настоящей нуждѣ соразмѣрныя. Благочестивый Лудовикъ въ ваши лѣта былъ уже утѣшеніемъ добрымъ людямъ и ужасомъ для злыхъ. И такъ оставьте всѣ забавы прошедшихъ лѣтъ; покажите, что вы обо всемъ мыслите и все чувствуете, о чемъ только должны мыслить и чувствовать. Надобно, чтобы добрые люди васъ любили, злые спрашились, и всѣ уважали. Спѣшите предвременно исправить себя, дабы потомъ съ пользою и другихъ исправить можно было.

Благочестіе не имѣетъ ничего ни слабаго, ни мрачнаго, ни принужденнаго; оно расширяетъ сердце; будучи просто и любезно, дѣлается всѣмъ все, дабы всѣхъ пріобрѣсть.

Царство Божіе состоишь не въ заботливомъ наблюденіи мѣлочныхъ обрядовъ, но въ добродѣтеляхъ, каждому званію приличныхъ. Великій Государь не такъ долженъ служить Богу, какъ пустынникъ, или частной простой чело-вѣкъ. Благочестивый Лудовикъ освятилъ себя въ великомъ Королѣ: въ войнѣ былъ неуспрашимъ, въ совѣсахъ рѣшительнъ, и благородствомъ своихъ чувствованій превышалъ прочихъ чело-вѣковъ; однакожь не имѣлъ ни гордости, ни жестокости. Онъ во всемъ искалъ одной истинной пользы своего народа, коему былъ и Государь и отецъ. Важнѣйшія дѣла разсматривалъ собственными очами; былъ рачительнъ, прозорливъ, умѣренъ, справедливъ и твердъ въ дѣлахъ съ сосѣдами, такъ что ино-странныя сполько же, какъ и собственные его подданные, на него полагались. Никогда не было Государя мудрѣйшаго въ управленіи народовъ и въ содѣланіи ихъ добрыми и счастливыми. Нѣжно и постоянно любилъ онъ всѣхъ, кого долженъ былъ любить; а при томъ съ твердостью исправлялъ своихъ любимцевъ, когда они дѣлали прощупки. По обычаю своего времени былъ онъ пышенъ и благороденъ, однако безъ высокомерія и распочительности; большія издержки его съ такимъ порядкомъ были располагаемы, что не препятствовали ему освободить отъ долговъ свое Государство. Послѣ кончины его долго съ сожалѣніемъ воспоминали о его царствованіи, какъ такимъ, которое долженствовало всякому другому слу-

жить образцемъ на всѣ будущія времена. Предметъ всѣхъ разговоровъ сосставляли вѣсы, мѣры, монеты, обычаи, законы и благоустройство царствованія мудраго Короля, благочестиваго Лудовика. Думали, что нельзя ничего лучше сдѣлать, какъ подвести все подъ его правила.

И такъ, прежде нежели вы наследуете корону его, будьте наследникомъ его добродѣтелей. Призывайте его надежно въ нуждахъ вашихъ; воспоминайте, что кровь его печетъ въ вашихъ жилахъ, и что духъ Вѣры, освящавшій его, долженъ быть жизнію и вашего сердца. Онъ взираетъ на васъ съ высоты небесной, гдѣ молился за васъ, и желаетъ, чтобы нѣкогда и вы царствовали съ нимъ въ Богѣ. Соедините сердце ваше съ его сердцемъ: сыне! храни законы отца своего.

77.

Отъ Ганганелли, бывшаго послѣ Папою, къ Г-жѣ Базарди.

Пожалуйте не спрашивайте у меня совѣта о вступленіи вашего сына въ монашеское сословіе. Если я скажу, что онъ ничего лучше сдѣлать не можетъ, — вы подумаете, что я говорю по пристрастію къ своему сану; если же буду оповѣстывать, что для него полезнѣе перестать о томъ думать, вы сочтете меня за монаха, чувствующаго отвраще-

кѣ своему сословію, и увѣреннаго, что
химическая жизнь исполнена бѣдствій.

И такъ. Государыня моя, я вамъ ничего
не скажу рѣшительно. Все имѣетъ двѣ спо-
роны: и дѣло въ помѣ состоитъ, чѣмъ уз-
нать, которая изъ нихъ лучшая, и послѣ при-
лѣпиться къ оной. — Если бы я могъ пред-
видѣть, что желающій принять монашество
будетъ великъ въ ученіи и смиреніи, то упо-
требилъ бы всѣ свои силы, чтобы склонить
его къ тому; но какъ не знаю, что изъ него
быть можетъ, то и не могу подать рѣши-
тельнаго совѣта.

Ганганелли.

78.

Отъ него же къ Г-ну К. . . .

Уединеніе, которое вы избрали во глубинѣ
своего сердца, разрѣшаетъ васъ искать дру-
гаго. Монастыри шѣмъ только и славятся,
что можно въ нихъ имѣть духъ сокрушен-
ный; но не спѣны монашескихъ обителей со-
ставляють ихъ достоинство. Почто остав-
лять свѣтъ тому, кто можетъ въ немъ по-
давать примѣры добродѣтели? Миръ будетъ
развращенъ, если всѣ честные люди станутъ
покидать его. Мальшійскій орденъ, въ коемъ
вы находитесь, не есть ли родъ монашескаго
ордена? и не можетъ ли также содѣлать васъ
святымъ, если исполните всѣ должности, воз-
лагаемыя онымъ? Жестокъ пущь, ошвлекаю-

щій насть опть общественной жизни; вступающій въ монашеское состояніе долженъ строго разсмотрѣть оное. Я почишаю пустынниковъ, но желалъ бы, чпобъ ихъ было немного; кромѣ того, прудно найши истинныхъ монаховъ. Надобно помнишь, что мы раждаемся для общежитія. Свѣпу нужны жители, споспѣшествоующіе благоустройству его своими дарованіями и благонравіемъ. Пустыни, въ копорыхъ человѣкъ не являеть никакихъ знаковъ жизни, подобны гробницамъ.

Пусть въ уединеніи спанете вы молишься денно и ноцно; но не можете ли воспарять къ Богу духомъ, живучи и посреди свѣпа? Не многогласныя молишвы сославляють достоинство моленія. Всеблагій Творецъ благоволилъ возвѣснить, что множествомъ словъ не приобръщается благодать небесная, и всякой чувствуетъ, что истинное благоговѣніе нимало не зависить опть онаго, и что нельзя долго молишься съ умиленіемъ. И такъ дѣятельность и прудолубіе, имѣющія предметомъ благосостояніе общества, полезнѣе и спасительнѣе безпрестаннаго воздыханія. Больше сдѣлаете добра, помогая бѣднымъ, нежели когда сокроешь въ пустыню.

Ганганелли.

79.

Отъ него же къ Госпождъ Н. . .

Истинная набожность, Государыня моя, не состоить ни въ смиренномъ видѣ, ни въ тем-

номъ плащѣ. Большая часть богомольщицъ воображаютъ, не знаю, для чего, будто темной цвѣтъ угоднѣе Небесамъ, нежели свѣтлой. Намъ изображаютъ Ангеловъ всегда въ бѣломъ. Мнѣ прошивно наружное смиреніе. Кропосъ не отъ цвѣту зависитъ. Довольно соблюдать благоприсойность въ одеждѣ, а благо нравіе въ носпукахъ, чшобъ бытъ пѣмъ, чѣмъ должно.

Замѣште, сударыня, что женщина, которая злословишь и бѣсится, обыкновенно бываетъ въ темномъ плащѣ, и что самымъ добродѣшельнымъ людямъ Евангеліе предписываетъ умываешь лице свое въ день поста, дабы кропосъ духа доказываешь не внѣшностію, но благими чувствованиями и дѣлами. — Твердую спою въ помъ, что для васъ не нужно перемѣняешь ни вида, ни цвѣта своего плаща. Да будетъ ваше сердце съ Богомъ, и да относяешь къ Нему всѣ дѣйствія ваши. Свѣтъ столько не шупилъ бы надъ набожностію, если бы сами богомольщики не подавали причины къ пому, бывъ исполнены ложною ревностію и желанія поработишь всѣхъ оной.

Испинно набожный человекъ шерпѣливъ, кропокъ, и скрываетъ слабости ближняго, когда не можешь извинишь оныхъ; онъ смѣешся съ шѣми, которые смѣются, плачешъ съ плачущими, согласно съ поученіемъ Апостола Павла, и мудрспвуетъ не съ жаромъ, но равнодушно, зная, что умѣренность во всемъ полезна. Наконецъ, истинное благочестіе состоишь въ милосердіи, безъ коего никакое

дѣло не можетъ быть совершеннымъ. Пустосвяты всегда готовы воспламениться прошивъ всего, что не согласно съ ихъ мнѣніемъ и нравомъ. Самъ Спаситель не щадишь ихъ во Евангеліи, научая насъ недоувѣрять имъ.

Если вы почувствуете, сударыня, что нѣтъ ни смиривости, ни гордыни въ сердцѣ вашемъ, ни странности въ вашихъ дѣйствіяхъ, и что соблюдаете законъ Божій безъ притворства и безъ приспрасія къ мѣлочамъ; то можете быть увѣрены, что вы дѣйствительно на пути, ведущемъ ко спасенію. Паче всего старайтесь, чтобы домочадцы ваши были довольны своимъ состояніемъ. Содержите родственницъ своихъ по ихъ состоянію, и не пребудьте, чтобы онѣ дѣлали поже самое, что вы дѣлаете: ибо вы имѣете особливую склонность къ изнуренію себя. Часто отвращаютъ молодыхъ людей отъ набожности единственно шѣмъ, что требуютъ отъ нихъ чрезвычайнаго. Мы сами упоминаемъ отъ поста и молитвы, не умѣя умѣрять себя. Жизнь общественная надежнѣе, хотя имѣетъ многіе недостатки. Незвинительно воспрещать себя принимая посѣщенія отъ друзей, и опречаясь отъ всякихъ забавъ. Берегитесь, чтобы вашъ духовный отецъ не былъ слишкомъ таинственъ, и чтобы онъ наставленіями своими не содѣлалъ васъ вмѣсто Христіанки пустосвяткою.

Надобно ли намъ себя мучить, дабы прилѣпиться къ Богу? Законъ ясно учить насъ

тому, чему должно вѣришь и что исполняшь. *Никогда не будетъ наставника лучше Евангелія.* Соединяйте уединеніе съ бесѣдами, дѣлайте знакомства, копорыя не ввергали бы васъ ни въ задумчивость, ни въ разсѣяніе. Переменяйте чтеніе; есъ книги забавныя, копорыя можно читашь послѣ важныхъ. Свяшый Павелъ не возбраняешъ намъ мыслишь и говоришь о пріятныхъ вещахъ. Любите бѣдныхъ пѣмъ паче, что вы въ соспоянніи помогашь имъ. Законъ имѣешъ основаніемъ человеклюбіе; немилосердый и Хрисціаниномъ назвашься не можешъ. Не совѣшую вамъ награждать монастыри: ибо сверхъ того, что они и пакъ довольны, весьма несправедливо приводишь въ бѣдность наслѣдниковъ, обогащая оныя. Свѣтъ безпрестанно рощещеть на жадность, посвятившихъ себя монастырской жизни; и пакъ не надобно людямъ подавашь причины возобновлять жалобы свои на по. Наше богатство должно соспоять въ славѣ, основанной на безкорыстїи, и на исполненїи всѣхъ добродѣтелей.

Хотя я и люблю свое соспоянїе, но никого не хочу преклонять бышь къ намъ щедрымъ, ниже содѣлашься монахомъ. Боюсь бышь виновникомъ укоризнъ и раскаянїя; равно опасуюсь и вамъ наскучишь, продолжая свое письмо и лишая васъ удовольствїя влачишь дни свои въ мрачности и воздыхашь непрестанно.

Ганганелли.

Отъ Графа Честерфильда къ сыну своему.

Всякая добродѣтель и всякое совершенство, сынъ мой, смежны со слабостию или порокомъ: щедрость часто превращается въ расточительность, бережливость въ скупость, храбрость въ безразсудство, а оспорожность въ боязливость. И такъ, дабы непрешкновенно шествовать по стезѣ добродѣтели, должно имѣть больше разсудка, нежели сколько по-требно для уклоненія отъ пороковъ, кои по существу своему весьма отвратительны, и не могли бы обольстить насъ, если бы не прикрывались благовидною наружностію какой нибудь добродѣтели, копорая сама собою столь прекрасна, что плевннеть каждаго, кто познаеть ее; производить отъ часу большую къ себѣ привязанность, и восхищаетъ иногда духъ столь спремннтельно, что и самый призракъ кажется намъ часто ея сущностію. И такъ ты, сынъ мой! всегда долженъ опасаться крайности и быть осмотрительнымъ. Есть люди, кои гордятся своимъ просвѣщеніемъ, и чрезъ то подвергаютъ себя порицанію и смѣху; но ты чѣмъ больше будешь знать, тѣмъ болѣе соблюдай скромность. Представляй всегда видъ сомнѣвающейся и размышляющей; ничего упорно не утверждай, и если убѣдишь кого хочешь, кажись сперва самъ убѣжденнымъ; не представляй себя умнѣе тѣхъ, кои находятся съ тобою. Храни знаніе свое, какъ часы въ попаен-

номъ карманѣ; не вынимай ихъ для показу, но дожидайся, пока спросятъ, кошорой часть — и тогда отвѣчай. — Прощай!

Честерфильдъ.

81.

Отъ него же къ полку же.

Сверстники свои, сынъ мой, всегда поспунають неоспорочно въ избраніи себѣ друзей, и часто бывають добычею злыхъ, подлыхъ и лукавыхъ людей, почиая искреннимъ другомъ перваго подлеца, кошорый назовешся ихъ пріятелемъ, и за сію ложную и обманчивую дружбу бозразсудно плащятъ безпредѣльною довѣренностію. Опасайся встрѣчи такихъ легкомысленныхъ; принимай всѣхъ учливо, но соединяй учливость свою съ недоувѣрчивостію; не открывай никому скоро мыслей своихъ, и никогда не полагайся на внушенія самолюбія своего: оно почти всегда обманываетъ. Истинное дружество весьма рѣдко, и возрастаетъ медленно, основываясь на взаимныхъ и довольно испытанныхъ услугахъ и на обоюдной сообразности чувствованій. У молодыхъ людей дружество весьма живо въ своихъ дѣйствіяхъ, но неосновательно и ненадежно. Сперва они служатъ другъ другу съ ревностію, при всякомъ случаѣ защищають своихъ единомышленниковъ, и рассказываютъ не только все, что знаютъ, но и больше; при малѣйшемъ же приключеніи, пропивномъ чьей нибудь изъ

нихъ пользѣ или нравственности, вдругъ разлучаются, и вздумаютъ другъ о другѣ только тогда, когда надобно пересказать или осмѣять свои тайности.

И такъ щастливо надлежитъ опличить друзей отъ поварищей, сынъ мой! Пріятный и забавный собесѣдникъ не рѣдко бываетъ вреднымъ другомъ. Всякаго равно опасайся; но никому не обнаруживай своего опасенія. Чрезмѣрная скромность несносна, но и нескромность опасна. Держись середины, и умѣй наблюдать оную. Есть люди, которые смѣшнымъ образомъ скрываютъ бездѣлицы, какъ величайшія тайны, а важнѣйшія дѣла сообщаютъ всѣмъ безъ разбору, и чрезъ то доказываютъ, что они могутъ владѣть только тѣмъ, что легко и не обременяетъ ихъ сердца и головы.

Старайся быть всегда въ хорошихъ общесвахъ. Ихъ два рода: однѣ состоятъ изъ опмѣнныхъ по своимъ способностямъ и добродушію гражданъ, а другія изъ придворныхъ особъ и людей, опличившихъ себя важными услугами опечесству. Бывъ у Г. Аддисона и Попе, сихъ славныхъ Писателей, я почиталъ общество ихъ превосходнымъ, и дружество ихъ было для меня несравненно лестнѣе, нежели обращеніе съ самыми вѣнценосными Особами. — Надѣюсь, что ты не забудешь моихъ наставленій.

Честерфильдъ.

Отъ Боало къ Расиню.

Пока вы были въ Парижѣ, я видѣлъ только васъ; а съ того времени, какъ васъ не видно здѣсь, кажется, я никого уже не вижу. И такъ не ожидайте, чтобъ я заплашилъ вамъ за новости ваши также новостями: я никакихъ не знаю. Здѣсь же нынѣ и не говорятъ ни о чемъ иномъ, какъ только объ осадѣ Монса, о которой вы не имѣете нужды опъ меня слышать. Мнѣ весьма пріятно было обстоятельное извѣстіе, которое вы мнѣ о ней сообщили. Но признаюсь вамъ, что не могу спокойно сносить того, что Король подвергаетъ себя подобнымъ опасностямъ. Привычка его, не спрашиваясь того, что угрожаетъ опасностію, не соопвѣспивуетъ великому благоразумію, какое онъ во всѣхъ прочихъ поступкахъ своихъ оказываетъ. Возможно ли, чтобы Государь, поступающій съ такою оснороженностію при осадѣ Монса, столь мало берегъ жизнь свою? Знаю, что онъ можетъ привести въ извиненіе себѣ Александра Великаго и Цесаря, которые также подвергали себя явнымъ опасностямъ; но хорошо ли и они дѣлали? Не думаю, чтобъ онъ читалъ Гораціевъ стихъ: *desipit exemplar vitiis imitabile*.

Радуюсь, узнавши, что вы живете въ одномъ монастырѣ и даже въ одной кельѣ съ Г-мъ Лавуаромъ. Хотя это жилище и пѣсновапо, однакожъ я надѣюсь, что правило на-

блудается шамъ не слишкомъ спрого, и за обѣдомъ ничего не читають, развѣ только пакія письма, какъ мои. Не говорилъ ли я вамъ, что я не имѣлъ причины жалѣть объ васъ, когда вы оширавились въ пущь съ такимъ чело-
 вѣкомъ, каковъ онъ, съ которымъ, находясь вмѣстѣ, можно найши всѣ возможныя удоб-
 ства, и позабыть всѣ возможныя безпокой-
 ства? Сверхъ того вижу, что вы спали уже опышнымъ солдапомъ, и привыкли ко всѣмъ
 сягоспямъ, познакомились со всѣми опасно-
 стями; вижу, что вы при Монсѣ возвра-
 щаете себѣ свою славу, и что всѣ колкія на-
 смѣшки, касающіяся до опъзда изъ Гама,
 на меня одного обращаются. Г. Кавуаръ и на-
 чаль уже изрядно приготавливаетъ меня къ тому.
 Дай только Богъ, чшобъ я могъ слышать ихъ,
 хошя и подвергаюсь опасности худо на нихъ
 опвѣчать. Не пошаю опъ васъ, что болѣзнь
 моя не только усиливается, но и сомнѣваюсь,
 чшобъ я могъ опъ нее вылѣчиться; но за по
 совсѣмъ вылѣчился я опъ честолюбія и пше-
 славія. И въ самомъ дѣлѣ не знаю, не лучше
 ли избавишься опъ эпой болѣзни, нежели опъ
 какой нибудь другой: ибо чѣмъ далѣе вижу себя
 опъ почестей и богатствъ, шѣмъ болѣе, ка-
 жется, приближаюсь къ удовольствію. Послѣ
 вашего опъзда только одинъ разъ былъ я въ
 нашемъ собраніи. Г. Дела Шапель, какъ вы
 легко можете угадать, не позабылъ предло-
 жить выбить медаль на осаду Монса, и проч.

Боало.

Отъ Расина къ сыну своему, которому надлежало отправиться ко Двору.

Извѣстно уже, что мы поѣдемъ отсюда въ Пикардю. И такъ я не увижусь съ побою еще около двухъ недѣль. Но какъ ты никогда не выходишь у меня изъ памяти, то долженъ я дать тебѣ еще нѣкоторыя наставленія, какъ вести себя надобно, — наставленія, которыя почишаю необходимо для тебя нужными.

Во первыхъ ты долженъ наблюдать крайнюю осторожность въ разговорахъ, дабы не сочли тебя болтуномъ. Въ помѣ мѣстѣ, куда ты отправляешься, это самой дурной порокъ въ молодомъ чловѣкѣ. Во вторыхъ, охотно принимай совѣты Г-на Вигана и его супруги: они любятъ тебя, какъ роднаго своего сына. Не забывай всего ученья, и непрестанно старайся изоцрять свою память. Возвратившись, попребую отъ тебя отчетъ во всемъ, что ты читалъ. Особенно ты долженъ будешь показать мнѣ извлеченія свои изъ опечествленной исторіи.

Ты помнишь, что я говорилъ тебѣ о комедіяхъ и операхъ. Онѣ будутъ играны въ Марли. И для тебя и для меня весьма нужно, что тебѣ никогда тамъ не видали тебя, особливо по той причинѣ, что ты приѣхалъ въ Версалию упражняться въ экзерциціяхъ, а не для сихъ веселостей. Король и всѣ придворные знаютъ,

что я почишаю за непристойное ходить въ комедию; и ты подаль бы невыгодное мнѣніе о себѣ, если бы показалъ споль мало уваженія ко мнѣ и къ моимъ правиламъ.

Паче всего совѣшую тебѣ пещись о своемъ блаженствѣ, и никогда не перяшь любви къ Вѣрѣ, которую я въ тебѣ примѣпилъ. Ничѣмъ въ свѣтѣ не могу сполько быть огорченъ, какъ узнавъ, что ты мало думаешь о Богѣ. Прошу тебя принять сіи наставленія съ такою же дружбою, съ какою даю ихъ тебѣ. Прости, любезный сынъ! Увѣдомляй меня чаще о томъ, какъ ты обрѣпаешься.

Расинъ.

84.

Отъ Г-на Дю-Патти къ своему другу.

Любезный другъ! я приѣхалъ вчера ввечеру очень поздно въ Римъ, и не могъ во всю ночь сомкнуть глазъ. Мысль: ты въ Римѣ, занимала мою душу. Вѣки, Императоры, народы, все, что обширное слово Римъ содержитъ въ себѣ величественнаго, привлекательнаго, пропагандельнаго, ужаснаго, одно за другимъ или вмѣстѣ выходило изъ него и окружало мою душу. Я неперпѣливо ожидалъ, когда первые дневные лучи покажутъ взорамъ моимъ сію древнюю столицу вселенныя.

Наконецъ вижу Римъ; вижу сей театръ, на которомъ человѣческая природа была все то, чѣмъ она когда-либо можетъ быть; сдѣ-

лала все, что можешь сдѣлать; раскрыла всѣ добродѣтели, выславила всѣ пороки, произвела величайшихъ героевъ и ненавистнѣйшихъ чудовищъ, возвысилась до Брута, унизилась до Нерона, и опять возвысилась до Марка Аврелія. Воздухъ, которымъ я теперь дышу, есть шопъ, который Цицеронъ поражалъ краснорѣчивыми рѣчами, Цесарь сильными и страшными словами. И такъ на сей то землѣ шекло сполько крови! въ сихъ-то стѣнахъ пролило сполько слезъ! здѣсь-то Горацій и Виргилій читали прекрасные стихи свои!

Пойдемъ. Но куда идти? Среди Рима я такъ, какъ среди океана; при Рима, какъ при часни свѣща, въ одно время представляюща моимъ взорамъ: Римъ Августовъ, Римъ Льва X и Римъ нынѣшняго Папы. Въ который изъ нихъ прежде сходишь? они всѣ вмѣстѣ зовутъ меня къ себѣ. Гдѣ Капитолія? гдѣ музеумъ Клименша XIV? Поведите меня къ Типовымъ пріумфальнымъ ворошамъ; возьмите меня въ Пантеонъ; покажите мнѣ Свяшую Дѣву Марію. Я хочу посмодрѣть Рафаелеву картину Преображенія Господня. Я не вижу Бельведерскаго Аполлона. Какъ можно избрать чтонибудь въ Римѣ? можно ли шупъ остансвить на чемъ свои взоры? . . . Мнѣ надобно начать бродить по въ шу, по въ другую сторону, чшобъ пришунить сію первую нешерпѣливостъ видѣшь, копорая всегда бы мѣшала мнѣ смодрѣшь.

И такъ я въ Римѣ! я въ шомъ городѣ, на копорый взираетъ вся вселенная! Здѣсь нѣтъ

ни одного камня, который бы не скрывалъ въ себѣ драгоценнаго познанія, который бы не могъ служить къ сооруже́нiю исторiи о Римѣ и художествѣхъ: умѣйте ихъ спрашивать, — они говорятъ.

Прощай. Черезъ нѣсколько дней узнаешь болѣе.

Дю-Патти.

85.

Отъ Г-на Добервалля къ Графинѣ Моанъ.

Какою благодарностию я вамъ обязанъ! Бывъ всегда осыпанъ, преисполненъ и даже обремененъ вашими благоцворенiями, вновь испытываю нынѣ непримѣрную вашу ко мнѣ милость. Я погруженъ былъ въ ужасную бездну злосчастiя, находился въ неопластныхъ долгахъ чрезъ распочипельность, свойственную молодости, и нѣкопорымъ образомъ извинительную въ разсужденiи моего соспоянiя, также чрезъ роскошь, въ копорую я вовлеченъ былъ знакомствомъ съ знашными людьми, и чрезъ игру, содѣлавшуюся неизбежною. Все это не давало мнѣ ни малѣйшаго права надѣяться на снисхожденiе ваше — и я, терзаемый своими заимодавцами, и вовсе не находя средства къ ихъ удовлетворенiю, принялъ было намѣренiе оспавить опечество и удалиться въ Россiю, куда былъ призываемъ, и гдѣ надѣялся провести остальныя дни мои не въ такой горести, которая здѣсь пожирала меня.

Но вы, Милоспивая Государыня, внезапно испоргли меня изъ пучины бѣдспвій, и заспа-вили цѣлый Дворъ и всѣхъ знатныхъ Особъ споспѣшеспвовашь возспановленію моего благополучія, — и ушверждая, что какъ всѣ они восхищались мною, по всѣ и обязаны споспѣшеспвовашь къ сохраненію меня, произвели подписку, и успѣли въ своемъ желаніи осчастливить меня. — Прежде сего Маркиза Помнадуръ, всегда ободрявшая дарованія и науки, учредила въ пользу Желіюша лоперею, для Гранвила балы, а для Моле позорища; нынѣ же предоспавлено вамъ ознаменовашъ себя величіемъ благошворенія въ пользу того, коего погибель казалась неминуемою. Живописное, рѣзное и ваяшѣльное Художества споряшъ уже между собою въ славу при изображеніи паразительныхъ прелестей вашихъ для взоровъ удивленной Европы. Музы увѣнчали уже васъ вѣнками своими, и Фернейскій спарець принесть вамъ дары опъ Парнасса. Да преидешъ съ ваши руки скипепръ, упадшій изъ рукъ обожаемой Маркизы, и да приобрѣшущъ дарованія въ васъ вшорую Минерву! А я, обрѣшя въ васъ благодушіе, соотвѣшсшвующее славу имени вашего, пребуду во всю жизнь съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностію, и проч.

Доберваль.

*Отъ Лорда Гервея къ Госпождѣ * * **

Недавно приглашенъ я былъ въ деревню къ одному изъ моихъ пріятелей, и имѣлъ пущь споль веселой, что для изображенія онаго недоспапочно и искусство славнѣйшаго живописца. Погода была самая прекрасная: не было погда ни ошягчительнаго жару, ослабляющаго силы, ни пронзительнаго жладу, коего пщательнo убѣгаете вы для сохраненія нѣжности ланищъ своихъ. Зефиръ разносилъ повсюду аромашы благовоныхъ распѣній; небо покрыпо было не густыми молніеносными, но легкими и сребровидными облаками, кои временно заспилали солнце, и сѣнію своею умѣряли силу теплошворныхъ лучей его. Сопутникъ мой одаренъ былъ швердымъ и здравымъ разсудкомъ, и довольно просвѣщенъ чпеніемъ и опышами; онъ долго разсмапривалъ свѣшъ, и видѣлъ его, какъ человекъ, коего никакой блескъ не могъ опвращашъ онъ проницанія въ самую сущность дѣлъ; разговоры его плѣняли слухъ мой и сердце, и все усугубляло во мнѣ чувствпо удовольствія.

Проѣхавъ долины, покрышыя богатыми жашвами и возвѣщавшія шрудолубіе сельскихъ жипелей, чудился я промыслу Всевышняго, ежегодно оживошворящему предъ очами нашими Природу, и сѣшовалъ, объ ослѣпленіи людей, въ семъ преобразованіи непознающихъ безсмертія своего и шого высокаго назначенія,

о коемъ и внутренній гласъ возвѣщаетъ всякому, имѣющему способность размышлять.

(Спустя нѣсколько времени послѣ того).

Уже наступала осень. Дни текутъ скорѣе, ночи увеличиваются и влачатся тихими спорами; пасмурныя облака надуваются, и объемля весь горизонтъ, скрываютъ опъ взоровъ нашихъ лучезарное свѣтило, наполняютъ воздухъ хладною влагою, и умаляютъ жизненный огонь во всѣхъ существахъ, чувствами одаренныхъ. Воззрите на древа: онѣ совлекаются нѣжной своей одежды, красота ихъ вянетъ, и листья летятъ съ нихъ во всѣ стороны; иныя уподобляясь дряхлому и трепещущему старцу, поддерживаются токмо слабою своею подпорою до пѣхъ поръ, пока дуновеніе въпра не преломитъ оной и не повергнетъ долу.

Вопъ, Милосшивая Государыня, предназначение, поражающее гибельною участію красоту нашу! Сколь крапко и ненадежно благоденствіе пѣхъ женъ, коимъ легкомысліе и развратъ воздвигаютъ кумиры токмо во дни цвѣтущихъ ихъ прелестей; а какъ скоро увянутъ онѣ, всеобщее презрѣніе и скорбь опягаютъ сердце и душу ихъ, и онѣ уподобляются древамъ, лишеннымъ свѣжести и красоты своей, и при паденіи своемъ не возбуждающимъ ни въ комъ жалости! Наружная красота не составляетъ нашего совершенства, и означаетъ небесное благословеніе только тогда, когда добродѣтель и разумъ бываютъ неразлучны съ нею; если же служатъ единымъ

шкмо покровомъ внушреннихъ слабостей и порочныхъ навыковъ, шо изображаетъ не иное что, какъ даръ Небесъ разгнѣванныхъ.

Гервей.

87.

Отъ Г-на Попе къ Епископу Ротестерскому, который долженъ былъ, по волѣ Правительства, отправиться въ заточеніе.

Исполняя обѣщаніе мое, еще пишу къ вамъ, и, можешъ бышь, какъ я уже опакоюсь, пишу въ послѣдній разъ. Скоро уже опустится завѣса между другомъ моимъ и мною, и не оспанешся мнѣ ничего болѣе, какъ проститься съ вами навѣки. О! когда бы вы могли и въ сей еще жизни наслаждаться шѣмъ спокойнымъ соспояніемъ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, по окончаніи ея воспослѣдуетъ, и въ коемъ совершенно забудемъ о шомъ мірѣ, опкуда вышли, и пригошовимся къ шому, куда намъ войти должно. Если же останетса еще въ васъ нѣкоторое воспоминаніе прошедшаго, шо воображайте себѣ шолько шо, что вамъ болѣе всего приносило удовольствія. Иногда во сновидѣнни предспавыте себѣ опсутспвующаго друга, или вспомните какой нибудь пріятный разговоръ. Вообще надѣюсь я, будете думать о прошедшемъ времени менѣе, нежели о будущемъ: ибо первое не шолько для васъ было пріятно, сколько будетъ послѣднес. Не лишайте

свѣшъ трудовъ вашихъ: они послужашъ въ пользу шѣхъ людей, на копорыхъ не имѣете ни малѣйшей причины жаловаться, по есть: въ пользу попомковъ; а кромѣ ихъ, ничто уже въ ваши лѣша не заслуживаетъ попеченія. Каждый годъ въ жизни мудраго челоуѣка есть крипика на прошедшій годъ. Чья жизнь была короче всѣхъ, и пошъ жилъ уже споль долго, что можешъ смѣяться надъ половиною своей жизни. Нынѣ, можешъ бытъ, начнете вы находить въ мужескихъ лѣшахъ своихъ много дѣискаго; и не возможно, чтобы вы попустили спарости своей бытъ впорымъ младенчесствомъ. Игрушки и куклы, приличныя дѣпскому возрасту, нынѣ будущъ казашъ вамъ едва ли ниже игрушекъ зрѣлыхъ и къ спарости склоняющихся лѣшъ: барабанчиковъ и грешекъ честолоубія, грязи и водяныхъ пузырей сребролюбія. Теперь, опдѣлившись опъ малаго общесства и спавши гражданиномъ всего міра вообще, вы должны посвящать дарованія свои не одной какой нибудь парши, или немногимъ людямъ, но всему челоуѣческому роду. Духъ ващъ долженъ вознеспись выше той мглы, копорою долго былъ окружень, по близости своей къ землѣ, и по участию, принимаемому имъ во всемъ временномъ. Въ нынѣшнемъ вашемъ соспояннн спараніе и слава ваша должны соспояшъ въ томъ, чтобы сіяшъ въ высотѣ небесной. Вспомните, что величайшія свѣпила древноспи наипаче блиспали въ уединеннн, въ ссылкѣ, или на одрѣ смерпномъ. Но

что я говорю о блиспаніи? Въ сіе-то время творили они благодѣянія, распросстраняли просвѣщеніе и были руководителями земнородныхъ.

Такія только намѣренія достойны истинно великаго духа; а попому надѣюсь я, что и вы примете оныя. Хотя негодованіе можетъ оспаваться и въ самыхъ благороднѣйшихъ душахъ, и можетъ бытъ, нельзя совершенно изпребить его; но мщеніе — сія постыдная спрасъ — никогда обипать въ нихъ не можетъ. Правила, превосходнѣйшія правилъ, внушаемыхъ негодованіемъ, и лучшія внушаемыхъ мщеніемъ, безъ сомнѣнія будутъ одушевлять шакого челоуѣка, котораго мысли и чувспвованія не заключаются въ пѣсныхъ предѣлахъ, и заспавяютъ его предпочипать весь родъ челоуѣческой части онаго, особливо только малой части, каковъ есть одинъ челоуѣкъ.

Повѣрьте мнѣ, Милордъ, что я почитаю васъ уже духомъ, вспупившимъ въ другую жизнь, споящимъ пеперь при врапахъ безсмертія, гдѣ спраспи и желанія должны бытъ гораздо возвышеннѣе, и гдѣ должно вамъ презирать всѣ низкіе и малые виды. Ничто уже не достойно заспавитъ васъ обратишь взоръ свой назадъ. И такъ устремляйте мысленныя очи свои вдаль, и заспавьте свѣтъ — какъ только вы можете — спомпрѣтъ въ слѣдъ за вами; но спарайтесь, чтообъ онъ взиралъ на васъ не съ сожалѣніемъ, но съ удивленіемъ и почпеніемъ.

Со всею искренностію и съ ревностнѣйшимъ желаніемъ вамъ славы и благополучія пребываю, и проч.

Попе.

88

Отъ Христины, Шведской Королевы, къ Г-нцѣ Бурделотцѣ.

Благоразумно вы поступили съ книгою, прошивъ меня изданною. Благодарю за ваше ревностное усердіе ко мнѣ. Я готова прощать и забывать всѣ обиды, наносимыя мнѣ коварствомъ; онѣ пагубны только гнуснымъ виновникамъ ихъ. Впрочемъ, должно сколько нибудь защищать свою славу. Въ здѣшнемъ мірѣ нѣтъ никому пощады. Недремлющая и все перзающая злоба всегда уязвляетъ злорѣчивымъ своимъ языкомъ не глупыхъ и злыхъ, но умныхъ и добрыхъ. Я привыкла къ неблагодарности людской, и клевета, изрыгаемая завистію и злословіемъ, меня уже не оскорбляетъ. Мой щипъ—спокойная совѣсть. Швеція, Испалія и прочія спраны будутъ по крайней мѣрѣ по смерти моей свидѣтели правоты моего сердца. Слава моя утверждена на прочномъ основаніи — и мнѣ нѣчего страшиться. Ссылаюсь на пришедшихъ въ чувство многихъ клеветниковъ моихъ; и увѣрена, что они, внявъ внушенному своему гласу, будутъ перзаться и ошъ одного воображенія ядовитыхъ своихъ вымысловъ. Помянушая книга не вра-

вишся мнѣ болѣе пошому, что въ ней выставлено имя посланника Шанупа. Я увѣрена, что не онъ издалъ ее, и удивляюсь дерзости, съ копорою номрачаютъ память сего честнаго челоуѣка. Впрочемъ чувствованія, которыя Швеція при первомъ моемъ съ нею разлученіи явно оказала и до сихъ поръ сохраняетъ, столь славны для меня, что совершенно оправдаютъ вѣкъ мой. Надѣюсь шакже, что прошедшая, настоящая и будущая жизнь моя изобличитъ во всей гнусности ложь, копорую зависть разсѣваетъ обо мнѣ. Въ заключеніе сего напому вамъ слова, въ подобномъ случаѣ произнесенныя нѣкопорымъ Ишаліянскимъ Писателемъ порицателю Папы: *Знай, что Папа останется всегда Папою, а ты — подлецомъ!*

Христина.

89.

Отъ нее же къ Графинѣ Свирѣ.

Сколь счастлива была бы я, если бы могла видѣть васъ, прекрасная Графиня! но судьбѣ угодно, чшобъ я любила и почитала васъ, вездѣ искала и нигдѣ не обрѣтала. Навѣки сокрылось отъ меня спокойствіе: безъ васъ не могу наслаждаться онымъ, — а вы удалены отъ меня безмѣрнымъ пространствомъ! Приверженность моя къ вамъ повсюду однако же васъ ищетъ. Возможно ли, чшобъ вы, Графиня, по нынѣ помнили меня? Я увѣрена, что вы искренно любите меня; но если обманываюсь

по крайней мѣрѣ не выводите меня изъ сего пріятнаго заблужденія, и позвольте наслаждаться восторгомъ, коимъ всегда объемлется мое сердце при воспоминаніи, что прекраснѣйшая особа въ свѣтѣ любитъ меня. Сохраните для' меня сіе благо, и не допустите восторжесшвовашь надъ нами все ослабляющему и разрушающему времени. Пусть охлаждающая сила разлуки явился слаба хотя предъ нашею шолько дружбою. Не думайте, чтобъ страна, въ которой я нахожусь теперь и гдѣ нѣкогда обитали великіе люди, оставившіе на всѣ времена слѣды знаменитыхъ дѣлъ своихъ, была и поднѣсь жилищемъ мудрыхъ и Героевъ, или убѣжищемъ паланшовъ и добродѣтели. О Кесарь, Капонъ и Цицеронъ! вашими подвигами прославленное отечество досталось въ удѣлъ — къ стыду человѣчества — грубому невѣжеству и суевѣрію! Здѣсь не столько истинныхъ людей, любезная Графиня, сколько обелисковъ, спашуй и огромныхъ зданій.

И вездѣ воспоминаю васъ, и время не имѣетъ власпи надъ нашею дружбою. Обозрѣвъ въ прекраснѣйшей странѣ всѣ прелести и красоты нашего пола, смѣло могу сказать, что никто не можетъ равняться съ вами. Въ дружесствѣ, испытанномъ долговременнымъ опшущствіемъ, никакое подозрѣніе не должно имѣть мѣста, и я, доколѣ буду жить, не прешпану любить васъ.

Христина.

Отъ нее же къ Г-ну Терлону.

Вы желаете знать мнѣніе мое о гоненіи иновѣрцевъ во Франціи. Я готова открыть вамъ все, и не имѣя причины кого либо страшиться или кому нибудь льститьъ, неприспрасно скажу, что сіе ужасное предпріятіе, прошивное благочестію, можетъ сопровождаться полько самыми вредными для Государства слѣдствіями. За всѣ Державы свѣта не согласилась бы я бытъ участницею тѣхъ неистовствъ и жестокостей, какія нынѣ шутъ совершаются. Оруженосцы суть опасныя проповѣдники вѣры: они производяшъ надъ кропками собратіями своими неслыханныя злодѣйства, на какія никогда не пускаются даже среди самаго кровопролитнаго бою на Марсовомъ полѣ. Плакиваю судьбу многихъ тысячъ несчастныхъ семействъ, и не могу открыть глазъ, чтобъ они не наполнились горькими слезами.

Франція подобна больному младенцу, у коего опнимаютъ многіе члены, врачуя легкую рану, для изцѣленія своего не пребующую ничего, кромѣ времени или смягчительнаго пластыря. Гордые обрашпители, не сообразуясь примѣру Спасителя, имѣютъ въ виду не общественное, но собственное благо. Содрогаюсь ошъ высокой ихъ полишки, прошивной челоувѣчеству и священнымъ законамъ. Польза

церкви столь же важна для меня, какъ и собственная моя жизнь. Ясно вижу, что не она, но единое неистовство, облеченное въ броню ея, потрясаетъ нынѣ основаніе Франціи; и если благоразуміе не прекратитъ вскорѣ его дѣйствія, то вездѣ будетъ свирѣпствовать опустошеніе, опчаяніе дойдетъ до высочайшей степени, и несчастные будутъ искать убѣжища у иностранцевъ. Вообразите зажженный вдругъ со всѣхъ сторонъ городъ, изъ коего испуганные и опчаянные жители бѣгутъ толпами, попираютъ другъ друга, и въ ужасномъ безпорядкѣ супруги не узнаютъ себя, младенцы и шаррики обращаютъ къ небесамъ томные свои взоры, и усремляются туда, гдѣ только не видятъ пламени: тогда будете имѣть существенное изображеніе состоянія людей, гонимыхъ суевѣріемъ, ищущихъ себѣ спасенія у чуждыхъ народовъ, внемлющихъ болѣе гласу человечества, нежели проповѣдниковъ. Многіе мирные вѣки не могутъ вознаградить бѣдствій, претерпѣнныхъ въ одинъ день торжества буйственныхъ головъ.— Прости, любезный Терлонъ! перо выпадаетъ изъ руки моей: оно не можетъ болѣе описывать злодѣяній, спыдомъ покрывающихъ вѣкъ нашъ.

Отъ Маркизы Полпадуръ къ ея дочери.

Я получила касательно себя такое письмо, которое меня огорчаетъ. Ко мнѣ пишутъ,

что ты поступаешь высокомерно и повели-
тельно съ подругами своими, и что оказы-
ваешься весьма непослушною. Почто оскор-
бляешь сердце своей матери? для чего приво-
дишь ее въ печальную необходимость жало-
ваться на тебя? Я столько разъ давала тебѣ
наставленія быть кроткою, скромною и ла-
сковою: ибо сіе есть единственное средство
угодить Богу и людямъ. Неужели ты такъ
скоро забыла мои наставленія? неужели хо-
чешь мать свою привести въ необходимость
краснѣть отъ тебя? Надѣюсь, что ты пере-
мѣнишь свои поступки изъ уваженія ко мнѣ
и къ себѣ самой. Оставь высокомеріе: оно не
прилично никому, а еще менѣе всѣхъ тебѣ.
Если я воспала тебѣ, какъ Принцессу: по
помни, что ты весьма далека отъ того,
чтобъ быть дѣйствительно такою. То са-
мое счастье, которое возвысило меня, можетъ
перемѣниться, и сдѣлать меня несчастнѣйшею
въ свѣтѣ женщиною. Въ такомъ случаѣ ты
будешь по же, что и я, то есть, ничто. Про-
щай, любезная дочь! ты знаешь, что я дышу
единственно для тебя. Если общаешься ис-
правись, то я прощаю и обнимаю тебя.

Полпадурѣ.

Отъ Маркизы Полпадурѣ къ Г-ну Монтескье.

Я получила вашу книгу *О существѣ зако-
новъ*, и весьма благодарю васъ за оную: она

чрезвычайно хороша, и первое мѣсто занимаетъ въ моей малой книгохранилищѣ, состоящей только изъ швореній пѣхъ Особъ, которыя, подобно вамъ, приносятъ честь Франціи, и возбуждаютъ ревность въ иностранцахъ. Вы заслуживаете имя законодателя Европы, и я не сомнѣваюсь, чтобы въ скорости всѣ единодушно на сіе не согласились. Какъ я теперь имѣю нѣсколько свободного времени, то хочу посвящать оное себе съ вами.

Вы сказываете: не возможно, чтобы законъ Христіанскій еще болѣе пяти сотъ лѣтъ могъ существовать въ Европѣ. Правда, что большая часть нашего дружества употребляетъ всевозможное стараніе, дабы честолюбіемъ и неперимосію иновѣрія испребитъ оный. Но злоупотребленія никогда не помрачаютъ чистоты вѣры, составляющей единственное основаніе человѣческаго счастья. — Законъ Христіанскій упѣшилеленъ и душеполезенъ: надобно только изпровергнуть злоупотребленія, опсѣчь безполезныя сучья, но соблюсти древо. Я иногда слышала, какъ говорили объ Англійскихъ Квакерахъ: они почитаютъ себя внушенными Св. Духомъ, чтобы въ собраніяхъ своихъ говорить безумства; но ревность ихъ въ уничтоженіи честолюбиваго духовенства, забывшаго истинныя свои обязанности, ни мало не предосудительна. Законъ хорошъ; одни лжеумствующіе пропо-

вѣдники онаго часто бываютъ вредны. Вижу, что Римская вѣра ежедневно дѣлаетъ худыми подданныхъ, признающихъ чужую власть надъ собою въ своей землѣ. Епископы наши не суть Французы, но подданные Папы.

Благодарю васъ, Государь мой, за ваши учтивости, и хощя не заслуживаю ихъ, но онѣ возбуждаютъ во мнѣ нѣкоторое тщеславіе, увѣряя меня, что вы имѣете ко мнѣ уваженіе. Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Г-жѣ Дюшессѣ Дегильйонъ. Она весьма благополучна, видя васъ всякой день и разговаривая съ вами; но я не имѣю равнаго удовольствія бесѣдовать съ благоразумными людьми: ибо такихъ здѣсь нѣтъ. Однихъ только испукановъ мы имѣемъ, и ни единого человѣка, исключая Короля. Приѣзжайте иногда посѣщать, научать и упѣшать меня.

Полтадуръ.

93.

*Отъ Г-жи Фукетъ къ Королю Людовику XV
о мужѣ ея, осужденномъ на вѣчное заключеніе.*

Всемилоствѣйшій Государь!

Сего дня величайшее торжество въ свѣтѣ, торжество Вашего Величества, торжество великаго Святаго и Великаго Государя, причисляющаго долгоперпѣніе и милосердіе къ божественнымъ и геройскимъ своимъ добродѣтелямъ. Но сколь ни славенъ сей день, однако

былъ бы еще несравненно достопамятнѣе потомству, если бы Ваше Величество прославили его прощеніемъ несчастнѣйшаго изъ подданныхъ Вашихъ, который болѣе всего мучится тѣмъ, что Васъ прогнѣвалъ. Всѣ цвѣтны, копорые Ваше Величество получилие въ сей день, завтра увянутъ; но если бы мы получили опъ Васъ то, что только Ваше долготерпѣніе и великодушіе надѣяшся намъ позволяющъ, то Вы, Всемилоспивѣйшій Государь, увѣнчали бы себя цвѣтами неувядаемыми, копорые со всякимъ днемъ, со всякимъ годомъ, со всякимъ спользіемъ воспринимали бы новый блескъ. Дерзаю заклиная Васъ, Всемилоспивѣйшій Государь, тѣмъ, что Вашему Величеству всего любезнѣе: собственною Вашею честію, чтообъ Вы въ сей радостный день облегчили мою горестъ, — и молю Бога, да содѣлаешъ Ваше Величество навѣки столь же благополучнымъ, сколько я несчастна.

Фукетъ.

94.

Отъ Г-жи дю - Монтье къ ея дочери.

Собери всю твою преданность къ волѣ Провидѣнія, любезная дочь! Отца твоего нѣтъ уже на свѣтѣ. Приближается та минута, которая соединитъ меня съ моимъ супругомъ. Можешъ быть, это письмо мое къ тебѣ послѣднее. Желала бы я написать его своею рукою; но слабость моя лишаешъ меня сего удо-

вольствія. Родитель швой скончался, какъ праведникъ; и мнѣ не остається ничего болѣе, какъ благодарить за шо Бога. Желала бы я скрыть опъ себя образъ смерти его, но пы рано или поздно узнала бы о томъ, и пакъ я только продлила бы время швоей горести.

Одинъ дворянинъ, нашъ сосѣдъ, копорый хопя и могъ хвалиться своимъ родомъ, но нравомъ принадлежалъ къ черни, часто приходилъ въ наше помѣстье на охоту. Несчастный отецъ швой заспалъ его при самомъ дѣлѣ, и сдѣлалъ ему выговоръ, можеть быть, и слишкомъ сстрогой. Онъ былъ безоруженъ; а злодѣй имѣлъ заряженное ружье, и проспрълилъ его двумя пулями. Умирающаго опца швоего принесли домой; и почти въ то же самое время шрое крестьянъ, поймавши убійцу, привели къ намъ. Первое спараніе моего супруга было приказать сперечь сего несчастнаго и послать за опцомъ его, хопя мы съ нимъ уже нѣскодько лѣтъ были въ несогласіи. Онъ возвратилъ ему сына его и далъ крестьянамъ денегъ, чшобъ они никому не сказывали объ немъ. Сбравши дѣшей нашихъ, онъ взялъ съ нихъ кляшву въ томъ, что они никогда не будутъ спарашься мспить за смерть его. Помомъ онъ ни о чемъ уже болѣе не думалъ, какъ только приготовиться предстать предъ Бога. Онъ былъ живъ еще 5 дней, и во все это время не переспавалъ призывать милосердіе Божіе, и весьма часто повшорялъ сіи

слова: „ Боже мой! прости мнѣ, пакъ же, какъ „я прощаю тому, кто былъ виною моей смерти.“ Онъ не согласился объявить о убійцѣ Правительству, и Богъ еще въ сей жизни наградилъ его за сію принесенную Ему жертву обращеніемъ убійцы его, о чемъ онъ ревностно молился. Въ послѣдній вечеръ передъ кончиною его, приѣхалъ отецъ того Дворянина, просилъ его именемъ прощенія, и привезъ отъ него письмо, писанное изъ ла-Транскаго монастыря, куда онъ скрылся. Въ семъ письмѣ просилъ онъ несчастнаго отца своего молиться Господу объ утвржденіи его во благъ. Сіе счастливое происшествіе облегчило нѣсколько горестъ нашу. Я приняла съ Христіанскою твердосію послѣднее воздыханіе своего родителя. Однакожь сколько я ни старалась сохранить сію твердость, но силъ моихъ къ тому не доспало; въ то самое время, какъ сердце мое покорялось опредѣленію Божію, было оно споль ужасно пронупо, что силы мои совершенно изпощились. Снѣдающая лихорадка и неспособность къ удержанію пищи, предвѣщаютъ приближеніе кончины моей. Врачи думаютъ, что я не проживу и семи дней; однакожь я не чувствую никакого страданія, и только совсѣмъ ослабѣла.

Прискорбно мнѣ болѣе всего то, что, разлучаясь съ жизнію, я лишена удовольствія обнять меня въ послѣдній разъ. Но о чемъ мнѣ печалились? Мы скоро увидимся, любез-

ная дочь! И самая должайшая жизнь, въ сравненіи съ вѣчностію, одно полько мгновеніе. Теперь чувствую, моя любезная, что я жила одинъ полько день, да и пошь провела по большей часпи вшуне. Остаеися мнѣ полько по, что я дѣлала для моего Бога; а такихъ дѣлъ весьма мало. Какъ бы по ни было, уповаю на Его милосердіе.—Добросердечіе супруга швоего не оставляетъ мнѣ ничего болѣе желашъ дѣшямъ моимъ въ разсужденіи ихъ счастья. Поручаю ихъ тебѣ, моя любезная! будь имъ машерью, а паче всего постарайся утвердишь ихъ въ страхѣ Божиемъ. Послѣднія минушы мои были бы исполнены горести, еслибъ я должна была опасаться, что ты при семъ случаѣ забудешь швердость свою и покорность волѣ Всевышняго. Оплакивай насъ какъ Христіанка, ожидающая времени, въ которое мы опять увидимся; но не ускоряй сего времени, предавшись безмѣрной горести. Прости, любезная дочь! я должна теперь помышляшь полько о Богѣ; но чувствую, что сердце мое слишкомъ пронупо. Маркизь опдастъ тебѣ это письмо. Я надѣюсь, что вы съ нимъ будете наслаждаться спокойшвіемъ, которое будетъ предвкушеніемъ того блаженства, какого себѣ желаю и ожидаю опъ милосердія Божія.

Дю-Монтье.

Отъ Рускаго путешественника къ друзьямъ его.

Тверь, 18 Маія, 1789.

Разспался я съ вами, милые, разспался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжными своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться.

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгъ ли сказалъ я самому себѣ: *наконецъ ты побѣдешь?* Не въ радости ли просыпался всякое утро, не съ удовольствіемъ ли засыпалъ думая: *ты побѣдешь?* Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничемъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я спалъ груспить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разспаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: — на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, у котораго сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заспавало меня восходящее солнце; на гошическую домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные; однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоценнымъ памятни-

комъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размятенъ, разстроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ, и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надеяло: распаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорю забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такая, что тысячи приятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплачуть.

Милой Ппр. провожалъ меня до заспавы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — шамъ сълъ я въ кибитку и взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня сполько любезнаго; взглянулъ и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мѣрѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

✠ Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? — Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ

думалъ назваться себя счастливейшимъ изъ смертныхъ!...

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а послѣдней станціи въ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ прачкѣ сѣлъ передъ карриатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, радъ бы былъ, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ прогашельномъ видѣ... Но полно, полно! мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ множествъ утѣшеній. — Воспоминайте друга, но безъ всякаго прискорбнаго чувства! — Простите!

*

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины, — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь шукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — приѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріянно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, — и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можешь назваться царемъ земнаго шворенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны

къ нѣкоторымъ климапамъ, не могутъ выдти изъ предѣловъ, надрпанныхъ имъ натурою, и умирають, гдѣ родятся; но человекъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ, ищетъ вездѣ наслажденій, — и находить ихъ; вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ природы, повсюду опровергающей для него новые источники удовольствія; вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое челоѳчество.

А мудрая связь общеспвенности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможные удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ. . . .

† Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе пишательное для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить челоѳчество! Путешествуй, кто только можетъ!

Базель, Августа 9.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое, и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Опѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, уналъ на цѣпущій

берегъ зеленаго Рейна, и въ восторгъ цѣловалъ землю. Счастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое счастье? при всякомъ ли біеніи пульса благословляете вы свою долю, живучи въ объятіяхъ прелестной напуры, подъ благодѣшными законами брагскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно мирное, пріятное сновидѣніе; и самая роковая стрѣла должна кропкѣ влестись въ грудь вашу, не возмущаемую ширанскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего развращенія, или уклоненія отъ путей Природы; думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы пеперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастью; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее! И всегда, милые друзья мои! всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту напуры человѣческой — когда сердце мое опверзается впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благодѣтельница не была бы высочайшею Благодѣтельницею, если бы Она съ которой нибудь спороны не усладила для насъ всѣхъ необходи-

моспей, — и съ сей-то услажденной спороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими. — Проспи мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропшалъ на жребій чело-вѣка. Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ спремящагося между шихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тупъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; памъ спокойный селянинъ, насвиспывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увидя гибкимъ винограднымъ сшеблемъ, — смотришь на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури опдаленія. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, опбрасывающій синюю пѣнь на долины. — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, опвлекаютъ глаза мои опъ бумаги.

*

Гора Юра, 8 Ноября.

Тавернье, копорый объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ шакого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скашѣ высо-

кой Юрь, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы. И такъ, взявъ въ руки Диогенской посохъ, отправился я въ путь, чшобъ собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрь, выше городка Обоня, — смотрю, и взоръ мой перяется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣшное озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ; по сию сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсокъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкають, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди, какъ дѣятельные муравьи; а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *бѣлая гора* въ снѣжной своей мантїи, въ алоцевшней коронѣ, красивой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ, вознося къ небсамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчанїемъ.

Насыщайся, мое зрѣнїе! Я долженъ оставить сїю землю. . . . Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрь, и жизнь моя протечетъ какъ восхи-

шительный сонъ! . . Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный рельефъ природы! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но если огнедышущіе Вулканы не превращаютъ въ пепель красокъ твоихъ, если земля не разступится подъ шобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его, — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ онѣ, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!

Солнце закапилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь; еще сіяютъ при холма *бѣлой горы*. Шумитъ вѣтеръ; облака показывающа на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

*

Женева, 25 Ноября.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приниматься, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза.

Наконецъ благодѣтельная Природа сжалялась надъ бѣднымъ спрдадальцемъ, и сняла съ

головой моей свинцовую пягосишь. Вчера я въ первой разъ вздохнулъ свободно, и въ первой разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось: что вся природа радовалась со мною; я плакалъ, какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца: оно не разучилось наслаждаться; чувствуешь такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяешь въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минушу исчезло раздѣляющее насъ пространство, — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Нашурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ прошивъ матери моей природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ!

*

Д е к а б р я 1.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать четыре года. Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію, — довѣренность къ той невидимой рукѣ, которая движетъ и міры и атомы, которая бережетъ и червя и человѣка, --- должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами; но какъ бышь! — спану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните своего друга.

*

Парижѣ, Мая 1790.

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ такъ долго? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они не заставили бы его мучиться. Извините, если это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а если бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ спало шамъ скучно! Спросите, для чего же я пошчасъ не выѣхалъ отсюда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествие съ покойнымъ сердцемъ, — чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можешь бышь, нельзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человека, умѣющаго цѣнить искусства; нигдѣ столько раз-

Еянiя и забавъ. Но гдѣ же и столько опасно-стей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи съшей распавлены для всякой его слабости. . . . Шумный Океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сирень множество; и пѣніе ихъ какъ сладостно, усыпительно. . . . Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себя воображать, что Чарижская прiятная жизнь очень дорога для всякаго; напрошивъ пого здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ коронко знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ ихъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вопль какъ можно весело проводить время и прашить немного денегъ.

Имѣешь хорошую комнату въ лучшей отели; по утру читаешь разные публичные листы, журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пьешь кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; попомъ

кликнуть парикмахера, говоруна, враля, ко-
 рой наскажешь множество забавнаго вздору о
 Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаешъ; намажешь
 вашу голову Прованскими духами, и напудришь
 самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ
 чистой, простой фракъ, бродить по городу,
 зайши въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисей-
 скія поля, къ извѣстному Писапелю, къ худож-
 нику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и
 картины; къ Дидоту, любоваться его пре-
 красными изданіями класическихъ Авторовъ;
 оѣдашь у респорашера, гдѣ подадутъ вамъ
 за рубль 5 или 6 хорошо пригошвленныхъ
 блюдъ съ десертомъ; посмотришь на часы, и
 расположишь время свое до шести, чтобы ос-
 мотреть какую нибудь церковь, украшенную
 монументами, или галерею картинную, или
 библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, — явиться,
 съ первымъ движеніемъ смычка, въ оперѣ, въ
 комедіи, въ трагедіи, плѣняться гармонією,
 балетомъ, смѣяться, плакать — и съ пом-
 ною, но пріятныхъ чувствъ исполненною ду-
 шею опдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de
 Valois, de Caveau, за чашкою баваруаза (арома-
 тического сиропа съ чаемъ), взглядывать на
 великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, алей
 въ саду, вслушиваться иногда въ то, что го-
 ворятъ шамошніе глубокіе полишки; након-
 ецъ возвратишься въ тихую свою комнату,
 соберешься съ идеями, написать нѣсколько
 спрокъ въ своемъ журналѣ, бросишься на
 мягкую постелю, и — чѣмъ обыкновенно кон-

чипся и день и жизнь — заснушь глубокимъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

*

Го-Бюисонъ, Іюня.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы, въ Пикардіи зелены, въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣшеть и благоухаетъ. Переменная климаша чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу я подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющее вдали море и на городъ Кале, окруженный болошами и песками.

Спранное чувство! Мнѣ кажется, будто я приѣхалъ на край свѣта; тамъ необозримое море, — конецъ земли; Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями. — Все тихо, все печально; почтовой дворъ споитъ уединенно: вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на правѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; поспильйоны впрягаютъ лошадей; вѣперъ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головою моею.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ. . . . одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ

вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? кто упѣшилъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на опдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію! . . . Дикой, переселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы на сцену всѣхъ блестящихъ искусствъ, видишь богатство и пышность — видишь, и пльняешься; — но чрезъ минуточку очарованіе исчезаетъ, — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету, — черезъ часъ будемъ въ Кале.

*

Виндзорскій Паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго Парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣшвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи; — не спалъ, но видѣлъ сны восхищительные и печальные.

Темныя, лесныя, милыя надежды сердца! исполнишь ли ты когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть счастливымъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: *я не жилъ!*

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть! Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего. Сердце, въ полношъ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и слава, два идола чувствительныхъ сердецъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и поднимающъ руку, чтобы осыпанъ насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхищительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборъ счастья, и наслаждается возможнымъ еще больше, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ прудности счастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилась съ горизонта — и чтожъ осталось въ сердцѣ? Нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска, — чувство, подобное тому, которое имѣешь по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ! — А слава? . . . Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію разтерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будущъ шипѣтъ за вами

до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліюшъ еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человекъ смотритъ все впередъ, съ мыслию: „пamъ, пamъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!“ Пошері мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣшною казною, пригошвленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволь научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрять: тогда, съ досадою оставляя будущее, нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнитъ пошерянное счастье лешныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и насювщимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей прашѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки, извлекающъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой пшички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видишь, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: „доброе утро, господинъ!“ Что со

мною было далѣе, не помню; но вдругъ вывелѣ меня изъ задумчивости привѣтствіе: „доброй вечеръ!“ Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говоряшь объ чловѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажешь объ немъ: „какъ онъ старъ!“

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ Паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая шѣ, кошорыя *со временемъ будутъ моими!*

М о р е.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англию — и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно расставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало. — И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое опечесство, къ своимъ любезнымъ — скорѣе, нежели думалъ. Опъ чего же? скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно испощался; спановилса легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ шолько двѣ гинеи Мнѣ оставалось бѣжашъ на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Виліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его, и снявъ шляпу, учпиво опкланяшъ съ палубы Лондону.

*

К р о н ш т а т ъ.

Берегъ! опечесство! благословляю васъ! я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! . . . Всѣхъ оставляю,

спрашиваю единственно для того, чтобы говорить по Руски и слышать Рускихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштапта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній пракширъ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счефы, книги, камешки, сухія правки и вѣпви, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ кошорою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласись, что всѣ на свѣшѣ Крезы бѣдны передо мною!

Пересчитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вошъ зеркало души моей въ печеніе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если сполько проживу на свѣшѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку — между нами будь сказано — занимательнѣе самаго себя? . . . По чему знашь? можешъ бышь и другіе найдущъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можешъ бышь и другіе . . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрѣтную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими*

тѣнями моего воображенія, грустнись съ моимъ сердцемъ и утѣшайся съ друзьями!

Карамзинъ.

96.

Отъ Г-на Сумарокова къ его другу.

Ты спрашиваешь меня, мой другъ, и задаешь мнѣ чешыре вопроса: 1. что бы я дѣлалъ, ежели бы я былъ малой человѣкъ и малой господинъ? 2. ежели бы я былъ великой человѣкъ и малой господинъ? 3. ежели бы я былъ великой человѣкъ и великой господинъ? 4. ежели бы я былъ малой человѣкъ и великой господинъ? — На первой вопросъ отвѣчаю: Всѣ бы мѣры употребилъ я ознакомиться въ домахъ знатныхъ господъ, и сильныхъ властїю людей; не пропустилъ бы ни одного праздника, чпобъ не объѣзжать города, разнося поздравленіе; ходилъ бы по переднимъ комнатамъ знатныхъ господъ на цыпочкахъ, и подчивалъ бы камердинеровъ ихъ табакомъ; научался бы въ каршы играть во всѣ игры: ибо играя въ каршы, можно съ первымъ господиномъ сѣсть плечо о плечо, и вмѣсто чпобъ говорить, весьма низко нагибаясь: доношу Вашему Высокопревосходительству о шакомъ и о шакомъ дѣлѣ, — сказать ему прибодрившись: у васъ шринадцать, а у меня чешырнадцать. Не спорилъ бы я ни о чемъ, и говорилъ бы только: такъ, конечно такъ, всеконечно такъ, превсеконечно такъ, превсеконечнѣйше такъ. Сказывалъ бы всему

свѣшу, что шопъ и шопъ знатной господинъ со мною милоспиво поговорилъ; а ежели бы когда не доспало испины, такъ бы я дополнялъ ложью; да и ничпо не украшаетъ шакъ рѣчи, какъ ложь. Спихопворцы шому свидѣшели. А наконецъ покорспвомъ и леспю испросилъ бы я себѣ нажипочное мѣспо, а лучше всего повжалъ бы я на воеводспиво: ибо сія должностъ нажипочна, почшенна и легка; нажипочна — всѣ даряшъ; почшенна — всѣ кланяющся; легка — очень мало дѣла, да и шо обыкновенно исправляетъ Секретарь или съ приписью подъячій, а они шакъ же люди присяжные, и положишъся на нихъ безовсякаго сомнѣнія можно. И подъячій опъ шого же созданъ Вога, опъ копорого человекъ; шакъ суетудренно сіе мнѣніе, что подъяческая душа не можешъ имѣшъ добродѣшели. Я думаю, что между человекомъ и между подъячимъ разности мало, и гораздо меньше, нежели между подъячимъ и между другой какой шварію. — Второе: Ежели бы я былъ великой человекъ и малой господинъ, я бы по многомъ моемъ спараніи спалъ показывашъ моему опечеспву и свѣшу услуги, никого бы, никакою докукою не опягощаль, и полагаль бы надежду на достоинспво свое и на заслуги опечеспву; а когда бы въ шомъ обманулся, шакъ бы я по многомъ своемъ шерпѣніи сошелъ съ ума, и былъ бы такой человекъ, какіе не шолько ничего не дѣлаюшъ, но и ни очемъ не думаютъ. — Третье: Ежели бы я былъ великой человекъ и великой госпо-

динь, я бы неусыпно спарался о благополучіи моего опечесства, о возбужденіи добродѣтели и достоинства, о награжденіи заслугъ, о уполеніи пороковъ и о испребленіи беззаконія, о приращеніи наукъ, о умаленіи цѣны необходимыхъ въ жизни человѣческой вещей, о наблюденіи правосудія, о наказаніи за взяжки, за грабительство, разбойничество и воровство, о уменьшеніи лжи, лести, лицемѣрія и пьянства, о изгнаніи суевѣрія, о уменьшеніи ненадобнаго обществу великолѣпія, о уменьшеніи каршежной игры, чшобъ она не опнимала у людей полезнаго времени, о воспитаніи, о учрежденіи и порядкѣ училищъ, о содержаніи исправнаго войска, о презрѣніи буянства, пепишества, и объ искорененіи пунеядства. — *Четвертое*: А ежели бы я былъ малой человекъ и великой господинъ, пакъ бы жилъ великолѣпно: ибо пакое великолѣпіе рѣдко великой душѣ свойственено бываетъ; а что бы я дѣлалъ, эшаго я не скажу.

А. Сумароковъ.

97.

*Отъ него же къ Петру Богдановицу Тютчеву,
Полковнику артиллеріи.*

Милоспивый Государь!

Съ великимъ видѣвъ удовольствіемъ, въ какое соспояніе нынѣ приведена Россійская артиллерія, и съ какою исправностію и поспѣшностію въ оной дѣйствуется, умножилъ

я свое удивленіе, что сосѣдствующіе подѣ вашимъ управленіемъ люди съ такимъ же искусствомъ и въ инфантерійской экзерциціи упражняются. Кѣгда они мѣлко имѣли оружіе, тогда казалось мнѣ, что они весь вѣкъ свой только поному одному обучались, и достигли до совершенства; а когда они за большее принялись оружіе, и бросанъ начали громъ и молніи: тогда Невскіе брега зашряслися, воды востревожились, воздухъ восколебался и земля вострепещала, а я, вознесенный духомъ на Парнассъ, увидѣлъ ошполѣ въ испуленіи моемъ на облакахъ Петра Великаго, украшеннаго вѣнцемъ славы, и за добродѣтели и милоспи къ Отечесиву озареннаго божесивеннымъ свѣтомъ, и слышалъ Его вѣщающаго шако:

Я думалъ по всегда, и швердо зналъ о
томъ,

Что силы Мной швои, Россія, совершатся,
И всѣ швои враги шбою ушрашатся.

Бросаютъ молніи, бросаютъ Россы громъ,
До нынѣ смершные какого не мешали.

О Россы! шаковы на свѣшѣ Мной вы шали!

Д. Сумароковъ.

Отъ Г-на Майкова Александру Андреевичу Беклешову, о смерти его брата, убитаго на сраженіи.

Велика, Беклешовъ, сія упраша:

Лишился своего любезнаго ты брата,
 Лишился купно въ немъ ты друга своего.
 Оплачь, мой другъ, оплачь умѣренно его!
 Пролей о немъ изъ глазъ испочники ты слезны;
 Скажи въ послѣдній разъ: проспи, мой братъ
 любезный!

И болѣе сего ты слезъ своихъ не лей;
 Ты сердце мужеско въ напасши сей имѣй,
 Давай съ разсудкомъ ты сію природъ плашу,
 И буди мужесствомъ своимъ подобенъ брату.
 Хотя его судьба жизнь крапку опняла,
 Но прежде показавъ въ немъ храбрыя дѣла;
 Пускай бы онъ еще на свѣшѣ семъ оспался,
 Пускай бы въ спароспи глубокой онъ скончался;
 На что желати намъ, на что должайшій вѣкъ?
 Не лѣшами великъ, дѣлами челоуѣкъ.

Коль бѣдствія шѣснятъ, волнуяють духъ нашъ
 спрасши,

И всякой часъ грозятъ намъ разныя напасши,
 И коль неборимъ на свѣшѣ рокъ ничемъ,
 Не лучшель кончишь жизнь, какъ кончилъ онъ —
 съ мечемъ?

Представь передъ собой ты брата и героя,
 Сражавшагось среди ужаснѣйшаго боя,
 Представь, какъ онъ враговъ смертельно по-
 ражалъ,

Предсавъ, какъ врагъ предъ нимъ въ смяше-
ніи бѣжалъ.

Имѣючи въ себѣ онъ душу шоль геройску,
Оспавиль славу шѣмъ и честь Россійску войску,
Оспавиль память онъ безсмерпну по себѣ,
Оспавиль купно честь и роду и шебѣ.

Сентября, 1769.

Василій Майковѣ.

99.

Кѣ И. И. Дмитріеву.

Ты правъ, мой милый другъ! всѣ наши спи-
ходѣмъ

Слезливой лирою прославишься хошяшъ;
Все голубки у нихъ къ красавицамъ лепяшъ,
Все вьются ласпочки, и все однѣ зашѣи;
Всѣ хнычущъ и ревушъ, и мысль у всѣхъ
одна:

То вдругъ представится луна
Во блѣднопалевой порфирѣ;
То онъ одинѣ остался въ мирѣ;

Нѣшъ милой! нѣшъ драгой!... она погребена
Подъ камнемъ сѣрымъ, мшистымъ!
То вдругъ — подъ дубомъ памъ въшви-
стымъ

Сова уныло закричешъ,
Завоешъ сильной въпръ, любовникъ побѣжешъ,
И слезка на спрунахъ родится;
Тупъ восклицаній шѣма и почекъ появится!
Нѣшъ нужды до того. Онъ мыслишъ, что умень,
И что Пипшомъ бышъ на свѣшъ произведенъ;

Что онъ съ Державинымъ, съ побой равняшься
можешь;

Что съ зависти къ нему и Спернъ нашъ
пальцы гложешъ.

О плаксы бѣдные! жалка мнѣ участь ихъ!

Они совсѣмъ того не знаютъ,

Что гдѣ паряшъ орлы, тамъ жуки не лепаютъ.

Не крючковаша мысль шворить прекраснымъ
стихъ,

Но плавность, чиспота, души и сердца чув-
ство:

Вотъ стихотворцевъ въ чемъ прямое есть
искусство!

Намъ можно подражать, не портя слогъ дру-
гихъ.

Такъ Геснеръ подражалъ Бйону:

Такъ ты, любезный нашъ пѣвецъ,

Въ слѣдъ шествуя Анакреону,

Отъ Грацій получилъ вѣнецъ!

Такъ хвальну пѣснь поетъ нашъ Бардъ Фелицъ,
Богу!

Такъ милый, нѣжный Карамзинъ

Въ храмъ вкуса проложилъ дорогу;

И пакъ Опечества усердный, вѣрный сынъ,

На звучной лирѣ намъ бряцая,

Херасковъ брань воспѣлъ, Омиру подражая.

О! еслибъ Бардовъ сихъ я славной даръ имѣлъ,

И всѣхъ плѣняшъ сердца, подобно имъ, умѣлъ,

Тогдабъ прославился своей вездѣ я лирой!

Но я молчу — и имъ не смѣю подражать;

Живу я съ дружбой и съ Темирой;

Для нихъ единственно желаю я писать.

Коль милая моя чистая улыбнется,
 Коль нѣжной другъ души похвалишь пѣснь мою,
 Когда я пламень мой и дружбу воспую:

То сердце съ радости забьется!

То я доволенъ и блаженъ!

Коль милъ Темиръ я — по щедро награжденъ!

Пушкинъ.

100.

Отъ М. Н. Муравьева къ И. П. Тургеневу.

Не потъ еще, мой другъ, свободный человекъ,
 Кпо, преданъ самъ себѣ, ведешь безпечный вѣкъ
 Безъ пользы для другихъ, безъ плана и безъ
 дѣла,

Какъ мысль умомъ его внезапно овладѣла.

Я разныхъ зрю его невольникомъ страстей,
 Подъ игомъ праздности стеснящаго своей.

Напрасно въ свѣшѣ онъ разсѣянна желаетъ:

Свѣшъ, зримый всякой день, его не забавляетъ;

И между пѣмъ, какъ все въ движеніи вокругъ
 его,

Онъ только осужденъ не дѣлать ничего.

Напрасно бы жезломъ какой всесильной Феи

Онъ видѣлъ всѣ свои исполнены зашѣи,

Онъ пысящи бы вновь желаній соплеталъ,

И посреди воды былъ жаженъ какъ Таншаль.

Того лишъ, кпо владышь умѣешь самъ
 собою,

Зову свободнымъ я: не спорить онъ съ судь-
 бою,

Но всюду слѣдуетъ призванію ея,

И знаешъ, живучи, всю цѣну житія;
 Безъ наслажденія минушы не проходящъ,
 Раскаянья онѣ и скуки не приводящъ;
 Любовью истины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшены мечшы.
 Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призы-
 ваешъ;

Опъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скры-
 ваешъ;

Безъ гордости великъ и важень безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
 Онъ свято чтитъ родства священные союзы,
 И, чтобъ свободнымъ быть, приемлетъ легки
 узы;

Внимательный супругъ и любящій отецъ,
 Онъ власпью облечень по выбору сердець;
 Счастливъ, что можешь бышь семейства
 благодѣтель:

Что нужды, домъ шому, иль цѣлый мѣръ сви-
 дѣтель.

Таковъ Эмилій Павль, равно достоинъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Кан-
 знахъ палъ.

Конечно жребій пѣхъ достоинъ удивленья,
 Кто поприще честей прошли безъ умедленья:
 Служитъ Ошечеству верховный душъ обѣщъ?
 Нашъ долгъ шуда спѣшитъ, куда оно зовешъ;
 Но если въ множествѣ ревнишелей ко славъ
 Мнѣ должно уступитъ, ужели буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждашь?

Мнѣ шолько что служитъ, — опчизнѣ награж-
 дашь.

Изъ трехъ сошь праздныхъ мѣстъ Спаршан-
скаго совѣта

Народъ ни на одно не избралъ Педарета:

„Хвала богамъ! сказалъ, народа не вина :

„Есть приспа человекъ доспойнѣ меня!“

Полезнымъ можно бышь, не бывши знамени-
мымъ :

Срѣшаютъ счастье и по пропинкамъ скры-
тымъ.

Сей старецъ, коего Virgilij воспѣвалъ,

Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ,

И въ поздну ночь подъ кровъ склоняся до-
машній,

Столы обременялъ не купленными брашны,

Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ,

И пышныхъ богачей душой превосходилъ.

Ахъ! можешъ ли привесшь ко счастью богат-
ство?

Желанье собирать ешь болѣе преняшство,

Чѣмъ способъ къ счастью. „Ахъ! елибъ къ
кучѣ той

„Прибавишь удалось еще мѣшокъ другой!“

Вопъ собирашеля одно воображенье:

Для роскоши его опверспая душа,

Всечасно къ новому веселію сиѣша,

Опъ коей прочъ бѣжишь, шу скуку покупаешъ,

И хладно межъ забавъ шумящихъ засыпаешъ.

Богашъ, кто, знаючи своимъ доспапкомъ
жишь,

Желаніямъ предѣлъ умѣешъ положишь;

И словомъ, счастливъ пошь и пошь одинъ
свободень,

Кпо счастья въ крайноспяхъ всегда съ собою
сходень,
Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,
Въ себѣ самомъ свое достоинство сокрылъ;
Владыка чувствъ своихъ ихъ бури умиряетъ,
И скуку житія ученьемъ украшаетъ.

Ты, юношѣ подвигамъ военнымъ посея-
шивъ,
Въ училищѣ прудовъ дни нѣжны проводивъ,
Пріясны староспн гошовишь вспоминанья;
Съ тобою почерпашъ мы прежде штились
знанья,
Счастливы отроки, въ возлюбленныхъ мѣ-
стахъ,
Гдѣ вѣючись Москва въ кичливыхъ берегахъ,
Изображаетъ Кремль въ сребрѣ своихъ кри-
сталловъ,
Гдѣ Музамъ храмъ воздвигъ любимецъ ихъ
Шуваловъ;
Гдѣ, Ломоносова преемля лирный звонъ,
Поповскій новый путь открылъ на Геликонъ;
Гдѣ Барсовъ спалъ по немъ ревнитель Росска
слова,
И Шадень истину являетъ безъ покровъ:
Тамъ дружбы сладостной услышали мы гласъ,—
Пускай и въ сѣдинахъ обрадуешь онъ насъ.

Муравьевъ.

Къ Предсѣателю Музъ.

Предсѣатель мирныхъ Музъ, любитель ти-
шины!

Вмѣнишь ли мнѣ во грѣхъ, что звуками войны
Я слухъ свой упрядишь намѣрень?

Ты любишь — я увѣренъ —

Ты любишь Отчество, и милъ тебѣ Герой,
Который жертвуетъ собой

Спокойству общества, и не прося награды,
Бьетъ Турокъ безъ пощады;

Онъ Турокъ бьетъ, а мнѣ что дѣлать, сидя
дома?

Иль ручки сжавъ дремать?

Не лучше-ль возвѣщать его удары грома,

И тѣмъ достойну честь Герою воздавать?

Суворовъ почестей онъ Музъ давно достоинъ,

Онъ собесѣдникъ имъ; онъ въ полѣ вожьдъ и
воинъ.

О! если бы мой стихъ,

Воспѣнный въ честь сему Герою,

Пріятенъ былъ тебѣ и одобренъ тобою;

Сказалъ бы я себѣ: желанія достигъ!

Е. Костровъ.

Отъ поселянина къ военачальнику.

Мой другъ! не удивись, что въ пахатной
работѣ,

Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ
чиновъ,

Пишая свой живопись въ смиреніи и въ поношѣ
 И нѣсколько минушь покоясь опъ прудовъ,
 По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
 Опважился писать я нѣсколько стиховъ.
 Не удивись, когда въ усталости надъ плугомъ,
 Не зная, какъ тебя назвашь и опличаешь,
 Въ мужицкой проспой зову тебя я другомъ,
 Чшобъ пруднымъ вымысломъ тебя не вели-
 чашь.

Мой другъ! я вѣдаю, хопъ носишь плашь
 цвѣшно,
 Хопъ золошомъ облишь опъ головы до ногъ —
 Хопъ счастье швое другимъ всегда примѣшно,
 Ты рѣдко съ лаврами покоишься возмогъ;
 И можешь быть, что я, въ ладу съ моимъ
 сосѣдомъ,

Большею частію прудясь для себя,
 Спокоенъ спать ложаешь, доволенъ за обѣдомъ,
 Почасу нахожусь счастливѣе тебя.
 Въ сей учаспи меня никто не обижаешь:
 И зависишь самая молчишь, узря мой прудъ;
 Никто меня, мой другъ! никто не унижаешь,
 По волѣ-ль данъ плачу, или съ меня берущъ;
 Всегда моя рука другаго снабдѣваешь,
 И люди обо мнѣ напраснаго не врутъ.
 Я даль оброкъ и все, и подашь Государю;
 Я даль и рекруша и къ рекрушу коня;
 И въ домъ я шеперь покойно рѣшу парю,
 Хопъ знаю, что еще попросятъ опъ меня.
 Ты знаешь, что мой сынъ въ войнѣ два года
 служить,
 И ходишь, говоряшь, съ проспрѣленной ногой;

Однако съ Турками воюешъ и не пужишъ,
Пока безногаго не пошлюшъ на покой.

Солдашки хлопоты, оброкъ и подашь вдвое

Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ.

Кони и рекрушы, — шо дѣло нажишее;

Удалые у насъ ребяща есть въ домахъ.

Готовы мы служить за правду и за вѣру,

И буде нужно, шо готовы умереть.

Ты, другъ мой, служишь самъ по нашему при-
мѣру:

Случаешся и всѣмъ грудьми рожонъ персть,

Инымъ пришло въ живопъ, инымъ доспалось
въ руку;

У Марки свашина опшибли ногу прочь;

Гараськинымъ зяпьямъ, племяннику и внуку

Спесали головы, зашедши сзади въ ночь.

И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ
Ташары,

И самъ ты жаръ шерпѣль опъ ядеръ и опъ
пуль,

И еслибъ не имѣлъ фузей запасной пары,

Подъ часъ опвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ
дуль.

Солдашамъ спраха нѣшъ, и нѣшъ о помъ пе-
чали,

Что Турковъ къ нимъ идешь великое число —
Опъ смерти не бѣжимъ, опъ драки не устали.

Такое, брашъ, у всѣхъ военно ремесло!

Да полько я скажу одно тебѣ по дружбѣ,

Коли смышлять о помъ тебѣ досуга нѣшъ:

Мой умъ не помраченъ забопами на службѣ;

Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣшъ:

Смышляю иногда, что много ты пошлешь ;
 Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покою никогда :
 Ты грамотѣ гораздъ, и дѣло разумѣешь ;
 Почтожъ о мирѣ ты не пишешь никуда ?
 Не все-то дракою, не все творишься боемъ ;
 Имѣешь разумъ ты, и слово, и языкъ —
 Не все-то города берущися крѣпкимъ спроемъ,
 Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
 Почто не пишешь ты къ Турецкому Султану,
 Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ
 пишу ?
 Подмогою тебѣ впередъ служить я спану,
 И здравія тебѣ у Господа прошу.

Ип. Богдановичъ.

103.

Къ двумъ девицамъ.

Любезныя друзья! о милыя Анюты!
 Вы, кои всякой день, всякъ часъ и всѣ минуты
 Взаимной дружбою питаете себя!
 Ахъ! будьте счастливы, другъ друга вѣкъ
 любя!
 Но можно ли одной вамъ дружбой наслаждаться?
 Нѣтъ, милыя мои! не можешь это спастись:
 Всѣмъ смертнымъ сердце съ пѣмъ Природою
 дано,
 Чтобъ и любовію пылало въ нихъ оно ;
 На цѣло естество я въ помъ могу сослаться:
 Безъ дожжика земля не можеть распворяться;
 Мы видимъ, за волной и въ морѣ валъ бѣжитъ;

Охотно бы я былъ одной изъ васъ супругомъ,
Супругомъ пламеннымъ, — другой бы нѣжнымъ
другомъ!

А если мало прехъ, чшобъ весело намъ жить,
Чешвершаго легко намъ будетъ уловить;
Богашство, почеспи, повѣрьте, счастье ложно;
Съ любовью, съ дружбою лишь счастливо жить
можно.

К. Г. Хованской.

К О Н Е Ц Ъ В Т О Р О Й Ч А С Т И .

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ

въ I-й Частѣ сей книги.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

	Стр.
Правила о сочиненіи писемъ, изъ Геллерша и Бапшѣ - - - - -	1
Наспавленіе, какъ должно образовашь себя въ письменномъ слоgѣ - - - - -	9
О слоgѣ писемъ - - - - -	10
О благоприснойности, ясности и чистотѣ писемъ - - - - -	12
О формѣ писемъ - - - - -	13
Должно ли прудиться надъ письмомъ? - - - - -	14
Письма увѣдомительныя - - - - -	16
----- совѣшь подающія - - - - -	17
----- увѣщательныя - - - - -	19
----- содержащія повелѣніе - - - - -	20
----- просительныя - - - - -	21
----- рекомендашельныя - - - - -	22
----- предлагающія услугу - - - - -	23
----- содержащія жалобу - - - - -	24
----- ----- выговоръ или упрекъ - - - - -	25
----- сатирическія - - - - -	—
----- извинительныя - - - - -	27
----- содержащія исканіе дружбы или пріязи - - - - -	28
----- ----- простую учшивость - - - - -	29
----- поздравительныя - - - - -	30

	<i>Стр.</i>
Письма ушѣшительныя - -	31
----- благодарительныя - -	33
----- шушливныя - -	34
----- похвальныя - -	—
----- о дѣлахъ - -	35
----- ходашайспвенныя - -	—
----- любовныя - -	36
----- ошпроумныя - -	37
----- къ незнакомымъ - -	38
Когда нужно пишашъ къ кому нибудь въ пер- вый разъ - -	41
Письма смѣшныя - -	42
----- ошвѣшныя - -	—
О началѣ, окончаніи писемъ и адресѣ - -	45

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Образцы писемъ.

1. Изъявленіе учшivosti при началѣ Но- ваго года - -	55
2. Поздравленіе на шощъ же случай - -	—
3. Ошвѣшь - -	56
4. Принашельность къ благодѣшелю въ пер- вый день Новаго года - -	57
5. Ошвѣшь - -	58
6. Ошъ сына къ ошцу въ Новый годъ - -	—
7. Ошвѣшь - -	59
8. Поздравленіе Князю - -	—
9. Подобное содержаніе - -	60
10. Благодарность за оказанную услугу - -	61
11. Такое же содержаніе - -	—

	<i>Стр.</i>
12. Поздравленіе новобрачному -	62
13. Ошвѣтъ - - -	—
14. Ушѣшеніе и благодарность -	63
15. О средствахъ приобрѣсти почтеніе и похвалу - - -	64
16. Изъявленіе учтивости Госпожѣ ***	65
17. Жалоба на долговременное молчаніе	66
18. Ошвѣтъ - - -	67
19. Извиненіе - - -	—
20. Такогожѣ содержанія -	68
21. Изъявленіе упрека - - -	69
22. Ушѣшеніе къ N. о смерти его покровителя - - -	—
23. Ошвѣтъ - - -	70
24. Поздравленіе съ выигрышемъ дѣла	71
25. Ошвѣтъ - - -	—
26. Подаваніе совѣта - - -	72
27. Письмо просительное - - -	—
28. Ошвѣтъ - - -	73
29. Къ больному другу - - -	74
30. Ошвѣтъ - - -	—
31. Объявленіе любви дѣвицѣ - - -	75
32. Извѣщенія пріятеля о намѣреніи жениться - - -	76
33. О ложномъ учтивствѣ - - -	—
34. Совѣтъ чашать Исторію - - -	78
35. Письмо шушливое о средствѣ сдѣлаться извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ -	80
36. Поздравленіе съ Новымъ годомъ -	84
37. ————— духовной Особѣ съ полученіемъ новаго достоинства -	—
38. Къ Графу *** въ день его рожденія -	89

39.	Ошвѣшь	-	-	86
40.	О пособіи пріятелю	-	-	87
41.	Оправданіе	-	-	—
42.	Письмо ошъ дѣвицы, просящей пріятеля окреститъ вмѣстѣ съ нею младенца			88
43.	Учпивосшь къ особѣ не коротко знако- мой, по случаю дѣла	-	-	89
44.	Ошвѣшь	-	-	—
45.	Къ молодому человѣку, которому доказы- вается, что блескъ пышности при- личень только знашнымъ	-	-	90
46.	Признашельность дружбы	-	-	91
47.	Благодарность къ другу	-	-	92
48.	Дружеская ошкровенность	-	-	93
49.	Жалоба на худыя обстоятельство	-	-	94
50.	Выговоръ пріятелю, что уѣхаль не про- спясь	-	-	95
51.	Извиненіе	-	-	—
52.	Извиненіе о неисполненіи препорученія			96
53.	О выздоровленіи друга	-	-	97
54.	Увѣдомленіе о приѣздѣ въ городъ	-	-	—
55.	Письмо просительное къ Свѣшлѣйшему Князю ошъ молодого Графа	-	-	98
56.	———— рекомендательное для одного бла- городнаго человѣка	-	-	99
57.	Благодарность за благодѣяніе	-	-	100
58.	Ушѣшеніе Г-жѣ N., лишившейся супруга			101
59.	Ошвѣшь	-	-	102
60.	О препорученіи себя Провидѣнію	-	-	—
61.	Просьба о деньгахъ къ человѣку, предла- гавшему услуги	-	-	103
62.	Сынъ увѣдомляеть о смерти престарѣ- лаго своего ошца	-	-	104

	<i>Стр.</i>
63. Приглашеніе въ деревню -	- 105
64. Къ челоѡвѣку, ищущему должности -	- 107
65. Ошѡвѣшь - - -	- 106
66. Письмо дружеское ошъ Офицера -	—
67. О вредѣ ошъ многолюдныхъ обществъ и зрѣлищъ - - -	- 108
68. Мысли о новомъ Авшорѣ -	- 109
69. Поздравленіе съ полученіемъ начальства -	—
70. ————— чина -	- 110
71. ————— съ праздникомъ -	- —
72. Къ Бригадиру ошъ оказанія милосши вдовѣ съ семейшвомъ -	- 111
73. Похвала за искусство писашъ письма -	- 112
74. Ошъ ошца къ сыну о уношребленіи вре- мени - - -	- 113
75. Рекомендація дворянину, желающему опредѣлишья къ мѣспу -	- 114
76. Благодарносшь за участіе въ опредѣленіи къ мѣспу -	- 115
77. ————— ученому обществу за при- няшіе въ Члены -	- —
78. Требования плашежа ошъ незнакомаго по векселю - - -	- 116
79. Ушѣшеніе въ печали -	- 117
80. Просьба къ Князю ошъ исходатайшсшвова- ніи милосши у Государя -	- —
81. Извиненіе въ скоромъ ошѡѡздѣ и въ не- изъявленіи благодарносши -	- 118
82. Похвала пріашелю за письмо -	- —
83. Сынъ испрашнваешъ прощенія у ошца -	- 119
84. Жалоба на долговременное неполученіе извѣсшія - - -	- 120

85.	Выговоръ молодому челоѣку за его ме- ланхолической характеръ -	-	121.
86.	Сожаленіе о невозможности проводить опъѣзжающаго пріятеля -	-	122
87.	Объявленіе любви -	-	—
88.	Дружеское письмо -	-	123
89.	Предложеніе услугъ -	-	—
90.	Ушѣшеніе пріятелю, потерявшему дѣло		124
91.	Выговоръ за неисправность -	-	—
92.	Жалоба къ другу -	-	125
93.	Письмо просительное къ Государю		126
94.	Такого же содержанія -	-	127
95.	Тоже содержаніе -	-	128
96.	----- -	-	129
97.	----- -	-	130
98.	Поздравленіе Полководца со взятіемъ го- рода -	-	132
99.	Увѣщаніе молодому челоѣку, чтобы слу- жилъ въ арміи -	-	133
100.	Поздравленіе пріятеля съ награжденіемъ за его заслуги -	-	134
101.	----- пріятелиницы съ бракосо- чешаніемъ -	-	135
102.	Опъѣтъ -	-	136
103.	Поздравленіе пріятеля съ благополучнымъ разрѣшеніемъ отъ бремени супруги его -	-	—
104.	Тоже содержаніе -	-	137
105.	Примиреніе поссорившихся пріятелей		138
106.	Извѣщеніе въ началѣ знакомства		139
107.	Увѣдомленіе -	-	—
108.	Извѣщеніе о жителяхъ города		140

	<i>Стр.</i>
109. Такое же содержаніе -	- 141
110. О новомъ знакомствѣ съ прекрасною дѣ- вицею -	- —
111. Признательность -	- 142
112. Отвѣтъ -	- 143
113. Благодарность за благосклонный пріемъ	144
114. ————— опцу за присланныя отъ него деньги -	- —
115. ————— освободившему изъ за- ключенія -	- 145
116. Отвѣтъ -	- —
117. Благодарность къ Г-жѣ N.	- 146
118. Иъясненіе любви дѣвицѣ N.	- 147
119. Отъ Г. Б. къ Г-ну Д., чтобы сыскалъ партію для его дочери -	- —
120. Отвѣтъ -	- 148
121. Укоризна -	- 149
122. Жалоба -	- —
123. Отвѣтъ -	- 150
124. Подозрѣніе въ невѣрности -	- —
125. Жалоба на молчаніе друга -	- 151
126. Отвѣтъ -	- 152
127. Учтивость -	- —
128. Изъявленіе почтенія знашной особѣ -	- 153
129. Учтивость -	- —
130. Отвѣтъ -	- 154
131. Оправданіе прошивъ клеветы -	- —
132. Отвѣтъ -	- 155
133. Извиненіе -	- —
134. Поздравленіе съ полученіемъ чина -	- 156
135. Отвѣтъ -	- 157
136. Такое же содержаніе -	- —

137.	Поздравленіе съ чиномъ пріятеля, находящагося въ арміи;	-	158
138.	————— съ Новымъ годомъ	-	—
139.	————— съ чиномъ	-	159
140.	Тоже содержаніе	-	—
141.	Ошвѣщъ	-	160
142.	Къ Г-ну N. о смерти дочери его, на которой хотѣлъ жениться писавшій	-	—
143.	Ошвѣщъ	-	161
144.	Къ Г-жѣ N. утѣшеніе по случаю смерти ея мащери	-	162
145.	Приглашеніе пріятеля на вечеринку	-	163
146.	Напомяніе отсутствующему сыну о благонавіи	-	—
147.	Отець поощряетъ сына къ ученію	-	164
148.	Совѣщъ отъ опца къ сыну о прилѣжаніи	-	—
149.	Отъ опца къ сыну о излишнемъ употребленіи вина	-	165
150.	Наставленіе отъ опца	-	166
151.	Къ брату о записаніи дѣтей въ училище	-	167
152.	Къ сестрѣ о сохраненіи ввѣренной пайны	-	—
153.	О красотѣ Гречанокъ и Римлянокъ	-	169
154.	О пользѣ уединенія	-	170
155.	Сынъ проситъ опца позволить ему жениться	-	171
156.	Отзывъ несчастнаго къ другу по долговременномъ молчаніи	-	172
157.	Просьба о деньгахъ для уплаты проигрыша	-	—
158.	О выздоровленіи пріятеля	-	173
159.	Ошвѣщъ	-	174
160.	Рекомендація	-	—

161.	Наспавленіе желающему пушешество-		
	вашь - - -		175
162.	Ошь опца къ другу о смерти сына, ко-		
	порый огорчалъ его - -		—
163.	Отвѣшь - - -		176
164.	Ушѣшеніе плѣнненному непріятелями на		
	войнѣ - - -		—
165.	Къ Г-жѣ о смерти ея супруга		177
166.	Ушѣшеніе - - -		178
167.	Благодарность - - -		179
168.	Письмо благодарственное къ Митропо-		
	лишу - - -		180
169.	Ошь сына къ отцу увѣдомленіе о Пан-		
	сіонѣ - - -		181
170.	О вкусѣ - - -		—
171.	Къ отсутствующему другу -		183
172.	Отвѣшь - - -		184
173.	О неполученіи отвѣща на нѣсколько пи-		
	семь - - -		—
174.	Къ больному пріятелю - -		185
175.	Письмо дружеское - - -		186
176.	Извиненіе - - -		—
177.	Благодарность - - -		187
178.	Отвѣшь - - -		—
179.	Поздравленіе новобрачному -		—
180.	Прощаніе - - -		188
181.	Благодарность - - -		—
182.	Тоже содержаніе - - -		189
183.	Отвѣшь - - -		—
184.	Признательность - - -		190
185.	Благодарность къ другу -		—
186.	Письмо при отправленіи покупки		191

187.	Благодарность дочери къ матери за при- сылку денегъ - - -	192
188.	Предложеніе великодушному вельможѣ о призрѣніи несчастнаго - - -	—
189.	О займѣ денегъ на строеніе - - -	193
190.	Просьба о защищеніи опѣ ябедника - - -	194
191.	Выговоръ за поношеніе - - -	195
192.	Ошвѣщъ - - - - -	196
193.	О томъ же - - - - -	197
194.	Ошвѣщъ - - - - -	—
195.	Увѣдомленіе друга, чію разлука перемѣ- нила жизнь его, и шребованіе совѣща, <i>въ стихахъ</i> - - - - -	198
196.	Ошвѣщъ пріятелю на приписанную опѣ него похвалу - - - - -	200
197.	Къ знашному Господину о неоставленіи займомъ денегъ - - - - -	201
198.	Просьба объ оказаніи милости П. К. въ несчастномъ состояніи - - - - -	203
199.	Къ человѣку, извѣстному только по слуху	204
200.	Ошвѣщъ - - - - -	—
201.	Совѣщъ о примиреніи поссорившихся пріятелей - - - - -	205
202.	О бѣдственномъ состояніи и о пособіи	206
203.	Просьба о неоставленіи одного дворянина	207
204.	Ошвѣщъ - - - - -	—
205.	Рекомендація - - - - -	208
206.	Ошвѣщъ - - - - -	209
207.	Совѣщъ о вступленіи въ бракъ - - - - -	—
208.	— — — чшобы не вступать въ бракъ - - - - -	211
209.	Благодарность за избавленіе опѣ несча- стія - - - - -	213

	Стр.
210. Опвѣшь - - -	- 213
211. Объявленіе любви - -	- 214
212. О помѣ же - - -	- 215
213. ————— - - -	- 216
214. Опъ опроверженнаго любовника	- 217
215. Опъ разлучившагося любовника, <i>въ сти-</i> <i>хахъ</i> - - -	- 219
216. Такое же содержаніе, <i>въ стихахъ</i>	- 221
217. Къ больной любовницѣ, <i>въ стихахъ</i>	- 224
218. Письмо Г-на Поле къ Г. Аллену	- 225
219. ——— Г-на Гея - - -	- —
220. ——— Графа Оксфорскаго къ Г. Поле	- 226
221. О первобытныхъ людяхъ - -	- 227
222. Совѣшь машери къ дочери - -	- 229
223. Описаніе города Вероны - -	- —
224. Желаніе счастливаго путешествія	- 231
225. Опвѣшь - - - - -	- —
226. Опъ дѣвицы Н. къ брашу, по полученіи опъ него подарка - - -	- 232
227. Описаніе гроша - - - - -	- —
228. О романическихъ чувствованіяхъ	- 234
229. Дружескіе совѣшы - - - -	- 235
230. О характерѣ одного опмѣнно хорошаго человѣка - - - - -	- 237
231. О средствахъ къ образованію вкуса	- 239
232. Предложеніе услугъ - - - -	- 241
233. Опвѣшь - - - - -	- 242
234. Изображеніе щеславнаго человѣка	- 243
235. О древнихъ и новыхъ Писателяхъ	- 244

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ

в о II-й Ч а с т и.

ПИСЬМА:

Стр.

1.	Опъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, къ Графу Суворову-Рымникскому	- 251
2.	— Ней же к нему же	- 252
3.	— Графа Суворова къ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II	- 253
4.	— Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, къ Графу Пешру Александровичу Ру- мянцову	- 254
5.	— Графа Румянцова къ Императрицѣ	255
6.	— него же къ Ней же	- 257
7.	— Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II къ Принцу де Линь	- 259
8.	— Принца де Линь къ Императрицѣ	261
9.	— Барона Шпакельберга къ ЕКАТЕ- РИНѢ Великой	- 264
10.	Отвѣшъ Ея Величества	- 265
11.	Опъ Императрицы къ Г. Вольшеру	- 267
12.	— Вольшера къ Императрицѣ	- 269
13.	— Ея Величества къ Вольшеру	- 271
14.	— Вольшера къ Ея Величеству	- 276
15.	— него же къ Ней же	- 278
16.	— него же къ Ней же	- 280
17.	— Ея Величества къ Вольшеру	- 282
18.	— Вольшера къ Императрицѣ	- 284
19.	— Императрицы къ Вольшеру	- 285
20.	— Вольшера къ Ея Величеству	- —

21.	Ошь Императора ПАВЛА I къ Графу Суворову-Рымникскому -	- 286
22.	— Него же къ нему же -	- 287
23.	— Римскаго Императора Иосифа къ Графу Суворову -	- —
24.	— Франца Вильгельма къ нему же -	288
25.	— него же къ нему же -	289
26.	— Принца Кобургскаго къ нему же -	290
27.	— него же къ нему же -	292
28.	— Графа Суворова къ Шаррету, Французскому Генералиссимусу -	—
29.	— него же къ Ишайской арміи -	293
30.	— него же -	295
31.	— Принца де Линь къ Графу Суворову	296
32.	— Графа Суворова къ Принцу де Линь	297
33.	— Князя Меншикова къ Рейнольду Пашкулю, Россійскому Полководцу и Посланнику -	- 299
34.	— Пашкуля къ ПЕТРУ Великому -	301
35.	— Вольтера къ Графу Шувалову -	305
36.	— него же къ Князю Голицыну -	307
37.	— него же къ Г-ну Сумарокову -	308
38.	— него же къ Графу Воронцову -	311
39.	— Иосифа II Римскаго Императора къ Фельдмаршалу Лассіо -	- 314
40.	— Фридриха II къ Иосифу II -	315
41.	— Иосифа II къ Фридриху II -	317
42.	— Лудовика XV Короля Французскаго, къ Фридриху II -	- 319
43.	— Фридриха II къ Маркизу д'Аржансу	320
44.	— него же къ Г-ну Кондорсерпу -	325
45.	— — — — къ Вольшеру -	326

	<i>Стр.</i>
46. Отъ Фридриха II къ Маркизъ де Шаш- леть -	- 328
47. ————— къ Г. д' Аламбершу	- 329
48. ————— него же къ нему же	- 331
49. —————	- 332
50. —————	- 334
51. ————— него же къ нему же	- 335
52. ————— къ Иоардану	- 337
53. —————	- 338
54. —————	- 339
55. —————	- 341
56. —————	- 342
57. —————	- 343
58. —————	- 344
59. ————— Принцессы Гонзагъ къ ея пріятель- ницѣ -	- 346
60. ————— Елисаветы Англійской къ Адмиралу Геварду -	- 351
61. ————— Наполеона Бонапарте къ Георгу III, Англійскому Королю -	- 354
62. ————— Вольшера къ Спаниславу Польскому Королю -	- 355
63. ————— Принца де Линь къ Маркизъ К. . .	358
64. ————— Лорда Нельсона къ супругъ его	- 361
65. ————— него же къ Адмираламъ, Капитанамъ и Офицерамъ своимъ -	- 362
66. ————— Вольшера къ Г-ну Даліону, находив- шемуся въ С. Петербургъ	- 363
67. ————— него же къ Лорду Гервею	- 365
68. ————— Жан-Жака Руссо къ Мальзербу	- 371
69. ————— Бея къ Шафтсбури -	- 377
70. ————— Шафтсбури къ Белю -	- 381

71.	Отъ Фоншенеля къ Доктору Юнгу	- 387
72.	— Юнга къ Фоншенелю	- 388
73.	— Г-жи Франквиль къ Жан-Жаку Руссо	391
74.	— ней же къ нему же	- 393
75.	Отвѣтъ Жан-Жака Руссо	- 395
76.	Отъ Фенелона къ Герцогу Бургундскому, опцу Короля Лудовика XV	- 396
77.	— Ганганелли, бывшаго послѣ Папою, къ Г-жѣ Базарди	- 399
78.	— него же къ Г-ну К....	- 400
79.	— него же къ Г-жѣ N....	- 401
80.	— Лорда Чесперфильда къ сыну его	- 405
81.	— него же къ шому же	- 406
82.	— Боало къ Расину	- 408
83.	— Расина къ сыну своему, которому надлежало отправиться ко Двору	- 410
84.	— Г. дю Паши къ его другу	- 411
85.	— Г. Доберваля къ Графинѣ Моань	- 413
86.	— Лорда Гервея къ Го. пожѣ * * *	- 415
87.	— Г. Попе къ Епископу Рочестерскому	417
88.	— Христины, Шведской Королевы, къ Г. Бурделошу	- 420
89.	— нее же къ Графинѣ Свирь	- 421
90.	— нее же къ Г-ну Терлону	- 423
91.	— Маркизы Помпадурь къ ея дочери	424
92.	— нее же къ Г-ну Моншескѣ	- 425
93.	— Г-жи Фукешь къ Лудовику XV	- 427
94.	— Г-жи дю-Моншье къ ея дочери	- 428
95.	— Рускаго путешественника къ друзь- ямъ его	- 432
96.	— Г-на Сумарокова къ его другу	- 450
97.	— него же къ Г. Полковнику Тюшчеву	452

В ъ с т и х а х ъ.

	<i>Стр.</i>
98. Опъ Г. Майкова къ А. А. Беклешову	- 454
99. — П...на къ И. И. Дмипріеву	- 455
100. — М. Н. Муравьева къ И. П. Тургеневу	457
101. — Е. Косцова въ Предшашелю Музь	461
102. — поселянина къ военачальнику, соч. И. Богдановича	- - —
103. Къ двумъ дѣвицамъ, соч. К. Хованскаго	- 464
